06
Д-14

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Т. 4

МАХАЧКАЛА. 1960

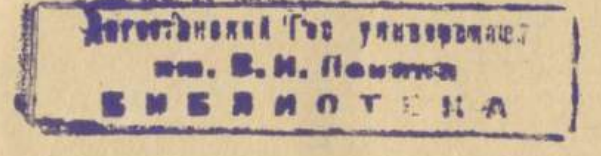
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том IV

Историко-филологический факультет

169227

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА. 1960

Печатается по решению Ученого Совета
Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абилов А. А. (отв. редактор),
Гайдаров Р. И., Журавлев И. К., Магомедов Р. М.,
Судакова Н. Я., Омаров С. М., Фарбер Б. С.,
Швачко С. С., Шершнева М. С.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

ПУТИ ПОДНЯТИЯ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА ДО УРОВНЯ ОБЩЕНАРОДНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Г. А. ДЖАВАДОВ

Поднятие колхозного производства до уровня общенародного является сложной проблемой, которая имеет огромное теоретическое и практическое значение. До последнего времени в освещении данного вопроса в советской экономической литературе встречались ошибочные взгляды. В постановлении февральского Пленума ЦК КПСС и в докладе Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», а также в докладе Н. С. Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» выдвинут ряд новых теоретических положений, которые конкретизируют пути подъема колхозного производства до уровня общенародного. В настоящей статье автор ставит целью показать в свете последних партийных документов пути поднятия колхозного производства до уровня общенародного производства.

Социалистическая собственность на средства производства в СССР утвердилась в двух основных формах — в государственной и кооперативно-колхозной. Государственная общенародная форма собственности на средства производства в СССР как по своему удельному весу, так и по своей зрелости является высшей и определяющей формой собственности социалистического общества.

Кооперативно-колхозная форма собственности на средства производства является второй основной формой социалистической собственности в СССР.

Социальная природа кооперативной формы собственности не может быть определена самостоятельно, вне зависимости от тех экономических условий, внутри которых она существует.

Природа кооперативной собственности при капитализме всецело определяется характером частно-капиталистической формы собственности на средства производства, господствующей в капиталистическом обществе. «Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением».[1]

Социальная природа кооперативно-колхозной собственности в СССР определяется характером государственной (общенародной) собственности на средства производства, господствующей в социалистическом обществе. «При нашем существующем строе предприятия кооперативные... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству...».[2] Следовательно, социалистическая природа колхозной собственности определяется не только тем, что она по своей форме является общественной (коллективной), а еще и тем, что возникла и развивается под руководящим воздействием государственной собственности.

На базе двух форм социалистической собственности на средства производства утвердились соответствующие формы обмена производственной деятельностью между людьми и распределения предметов потребления. Производственные отношения в государственном (общенародном) и колхозном производстве, будучи в корне однотипными, качественно отличаются между собой по степени своей зрелости. Производственные отношения в государственном производстве являются более развитыми, чем производственные отношения колхозного производства. Различная степень зрелости производственных отношений в государственном и колхозном производстве определяется в конечном счете различным уровнем развития производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве. Относительно низкий уровень развития производительных сил сельского хозяйства, по сравнению с промышленностью, и меньшая степень зрелости колхозных производственных отношений, по сравнению с общенародными производственными отношениями, характеризует колхозное производство как менее развитую форму социалистического производства по сравнению с общенародным производством. В период постепенного перехода от социализма к коммунизму *возникает объективная необходимость поднятия колхозного производства до уровня общенародного производства.*

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, 4 издание, стр. 433.
[2] Там же.

В экономической литературе получило широкое распространение положение, подменяющее задачу поднятия колхозного производства до уровня общенародного производства задачей поднятия колхозной собственности до уровня общенародной собственности. Между тем, это не одно и то же. Задача поднятия колхозного производства до уровня общенародного производства является более обширной и как один из важнейших моментов включает в себя поднятие колхозной формы собственности на средства производства до уровня общенародной.

Для того, чтобы поднять колхозное производство до уровня общенародного производства, необходимо решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, поднять уровень развития производительных сил сельского хозяйства до уровня производительных сил в промышленности и завершить комплексную механизацию сельского хозяйства внутри колхозной формы собственности; во-вторых, на базе развития производительных сил сельского хозяйства постепенно развить колхозные производственные отношения до уровня общенародных производственных отношений. При этом поднятие колхозных производственных отношений до уровня общенародных, в свою очередь, включает в себя:

а) поднятие кооперативно-колхозной собственности на средства производства до уровня общенародной;

б) качественные совершенствования колхозных производственных отношений по линии обмена производственной деятельностью;

в) поднятие зрелости колхозной формы распределения предметов потребления до уровня общенародной формы распределения.

На базе развития производительных сил сельского хозяйства колхозные производственные отношения, качественно совершенствуясь, постепенно приближались к общенародным производственным отношениям по линии собственности, обмена и распределения и особенно интенсивно приближаются в современных условиях.

Рассмотрим прежде всего качественные совершенствования и пути развития кооперативно-колхозной собственности на средства производства в общенародную собственность.

Замена частной собственности на землю общенародной впервые освободила сельское хозяйство от стесняющих его оков и создала возможность для бурного развития производительных сил сельского хозяйства, для применения в сельском хозяйстве тракторов, комбайнов и других сложных механизмов. Однако колхозы, основанные на кооперативной форме собственности, не были в состоянии полностью использовать механические орудия труда. Поэтому совокупность производи-

тельных сил сельского хозяйства развивалась внутри двух форм социалистической собственности: внутри государственной собственности (МТС) развивались механические орудия труда, в внутри колхозной собственности — остальные элементы производительных сил сельского хозяйства.

Сочетание колхозного производства с МТС расширяло рамки колхозной собственности и давало полный простор для механизации сельского хозяйства, внедрения достижений науки и техники. Кооперативно-колхозная форма собственности на средства производства только в сочетании с государственной формой собственности на механические орудия сельскохозяйственного производства соответствовала уровню развития производственных сил сельского хозяйства и всемерно способствовала их дальнейшему быстрому развитию.

За годы колхозного строительства, особенно за послевоенный период, в развитии производительных сил сельского хозяйства произошли качественные изменения. Они поднялись на новую ступень. Узкие рамки колхозной собственности, выражающиеся в низком уровне обобществления, даже в сочетании с государственной формой собственности на механические орудия труда, стали тормозить дальнейшее развитие производительных сил сельского хозяйства. Возникло объективное противоречие в самом способе производства, что тормозило дальнейшее внедрение механических орудий труда в колхозное производство, высокопроизводительное использование наличного машинного парка МТС, а также средств производства и рабочей силы колхозов. Наличие фактора тормоза в развитии колхозного производства свидетельствовало о том, что в колхозном производстве в 1949—1950 гг. требование закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил нарушилось.

Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая требование закона соответствия, разрешили противоречие между новым уровнем развития производительных сил и узкими рамками обобществления средств производства в мелких артелях внутри кооперативной формы собственности путем укрупнения мелких колхозов, проведенного в 1949—1951 гг. и частично в последующие годы.

Укрупнение колхозов, в результате которого уровень обобществления колхозной собственности поднялся на новую ступень, открыло широкие возможности для более рационального использования техники МТС, средств труда и рабочей силы колхозов и служило активным фактором подъема колхозного производства. Следующим шагом в поднятии уровня обобществления колхозной собственности явился крутой подъем всех

отраслей сельского хозяйства, наступивший после сентябрьского Пленума ЦК КПСС в 1953 году.

Рамки колхозной собственности значительно расширились вширь и вглубь, о чем свидетельствуют следующие данные: Число колхозов сократилось с 250 тысяч в 1949 году до 78 тысяч в 1957 году. Если в 1949 г. на каждый колхоз в среднем по СССР приходилось 557 га пашни, то в 1957 году на каждый колхоз приходится 1954 га, т. е. примерно в 4 раза больше. В основных зерновых районах страны основная масса колхозов имеет от 2000 до 5000 га пашни, а многие и более десяти тысяч га. Более чем в три раза увеличилось в среднем на колхоз число трудоспособных и в несколько раз — со специальным образованием. За последние четыре года рост денежных доходов колхозов составил столько же, сколько было достигнуто за все предшествующие годы колхозного строительства. В настоящее время денежные доходы колхозов увеличились более чем в три раза по сравнению с 1950 годом. Таким образом, уровень обобществления колхозной собственности в настоящее время в три-четыре раза выше, чем в 1949—1950 годах, что свидетельствует о значительном расширении рамок колхозной собственности. В настоящее время колхозная собственность в своем развитии достигла такого уровня обобществления, что в состоянии самостоятельно использовать совокупность производительных сил сельского хозяйства, включая и основные механические орудия сельскохозяйственного труда. Отсюда следует, что продажа машин колхозам возможна и подготовлена всем ходом предшествующего развития колхозов. Объективная *необходимость* продажи машин колхозам и новой формы производственно-технического обслуживания колхозов диктуется тем, что действовавшая форма производственно-технического обслуживания колхозов через МТС не только не удовлетворяла потребностей роста колхозного производства, но уже начинала «тормозить развитие производительных сил сельского хозяйства».[1]

Во-первых, когда механические орудия труда были сконцентрированы в МТС, то создавался разрыв между основной производительной силой сельского хозяйства — рабочей силой колхозов и главными орудиями производства — тракторами, культиваторами, сеялками, почвообрабатывающими и другими машинами, что препятствовало наиболее эффективному использованию рабочей силы и техники.

Так как на одной и той же земле хозяйничали два предприятия, то не использовалось достаточно эффективно основное средство производства в сельском хозяйстве — земля.

---

[1] «Правда» 1 марта 1958 года, стр. 2.

Во-вторых, запрещение продажи крупных машин колхозам, когда колхозы в состоянии делать большие капиталовложения в свое производство, ставило искусственные рамки внутриколхозному накоплению, что тормозило темпы расширенного колхозного воспроизводства.

Все это свидетельствует о том, что в развитии колхозного производства возникло объективное противоречие между качественно новым уровнем развития производительных сил сельского хозяйства и существующими формами социалистических производственных отношений, конкретными формами организации материально-технического обслуживания государством колхозного производства. Закон соответствия требовал замены ее новой формой материально-технического обслуживания колхозов, которая соответствовала бы качественно новому уровню развития производительных сил сельского хозяйства. Ликвидация старой и установление новой формы материально-технического обслуживания государством колхозов, обусловленной требованием закона соответствия, являются объективно неизбежными, своевременными и полностью отвечают новому этапу колхозного производства.

Реорганизация МТС и новая форма материально-технического обслуживания государством колхозного производства открывают новые пути подъема колхозного производства до уровня общенародного.

До реорганизации МТС в вопросе о поднятии колхозной собственности до уровня общенародной существовало несколько точек зрения, которые в конечном счете сводились к общему знаменателю — к огосударствлению колхозной собственности. Некоторые экономисты считали, что усиление удельного веса МТС в колхозном производстве будет сопровождаться сокращением удельного веса колхозной собственности, которая со временем перестанет играть какую-либо существенную роль.

За последние годы, в порядке обобщения практики перевода небольшого числа слаборазвитых колхозов на положение совхозов, возникла «теория» совхозизации колхозов, то есть перевода колхозов на положение совхозов.

Эта точка зрения была отвергнута на февральском (1958) Пленуме ЦК КПСС по следующим причинам: во-первых, эта теория принципиально ошибочна, так как означает национализацию колхозной собственности, во-вторых, вредна, так как вынудила бы государство взять на себя огромные капитальные вложения для поднятия экономически маломощных и средних колхозов.

Обе эти точки зрения практически вели к ликвидации колхозной формы собственности на стадии социализма и к прев-

ращению, а также поглощению ее государственной (общенародной) собственностью.

В обстановке господства точки зрения огосударствления колхозной собственности предложение ЦК КПСС о продаже техники МТС в собственность колхозам на первый взгляд многим показалось увеличением доли колхозной собственности за счет относительного уменьшения удельного веса государственной общенародной собственности в народном хозяйстве, отдалением колхозной собственности от общенародной. Подобное утверждение базировалось на ошибочной оценке природы колхозной собственности как «групповой» собственности, как собственности отдельных колхозов.

Кооперативно-колхозная собственность по своей социальной природе неоднородна. В ней содержатся качественно-различные элементы, которые отличаются друг от друга по своей природе. Из всей массы колхозной собственности прежде всего необходимо выделить неделимые фонды.

Неделимые фонды по источникам их формирования, по общественным функциям, выполняемым ими и по перспективам их дальнейшего развития, создавались, функционируют и развиваются как такая категория колхозного производства, которая имеет более широкое социально-экономическое содержание, чем групповая собственность.

Рассмотрим неделимые фонды по источникам их образования. Хотя выражение «неделимые фонды» колхозов было зафиксировано в документах гораздо позже, но такое содержание складывается на заре колхозного строительства. Так, уже по «Нормальному уставу трудовых земледельческих артелей», утвержденному Наркомземом РСФСР 19 мая 1919 г., формируется так называемый «запасный капитал», который § 19 устава закрепляется как неделимый. Запасный капитал возврату (при выходе кого-либо из колхозов) не подлежал, и возможные заимствования из него колхоз должен был обязательно возвратить к концу хозяйственного года. По примерному уставу сельхозартели, утвержденному в 1923 г., вступительные взносы целиком обращались в неделимый запасный капитал, который затем рос за счет отчислений $^1/_5$ части чистого дохода артели. Таким образом, категория неделимых фондов, прообразом которых явился запасный капитал, складывается вместе с первыми колхозами. В свою очередь процесс формирования неделимого фонда являлся процессом возникновения зачатка социалистической собственности. Обобщая опыт возникновения неделимых фондов, IV сессия Всесоюзного Совета колхозов в 1926 г. указала: «В интересах усиления социалистического накопления и придания большей устойчивости образуемым в колхозах капиталам признать необходимым создание в

колхозах *неделимых капиталов* и привлечение колхозов к участию в образовании специальных фондов для развития коллективного земледелия».

Всероссийский съезд колхозов (1928) впервые определил социальную природу неделимых фондов как собственности, принадлежащей всей кооперативной системе в целом. В постановлении съезда указывалось, что «неделимые фонды»... в случае ликвидации колхоза... передаются в общий колхозный фонд, находящийся в распоряжении Союза колхозов».

Структура неделимых фондов по источникам их образования в 1928 году состояла: из имущества, полученного от государства (ГИЗ) в виде живого и мертвого инвентаря, мелиоративных и других сооружений, подсобных предприятий и прочее—67,4%, из отчислений внутри колхоза—32,6%. Таким образом, решающим источником образования неделимых фондов явились государственные средства.

Вкладывая общенародные средства в неделимые фонды колхозов, государство не раздавало их в собственность отдельных групп колхозников, а способствовало созданию второй основной формы социалистической собственности.

Благодаря всесторонней материальной и организационной помощи советского государства, постепенно увеличивается число колхозов, имеющих неделимые фонды, а также происходит рост удельного веса неделимых фондов в общественных средствах колхозов.

Несмотря на то, что неделимые фонды еще не занимали преобладающего места в колхозных средствах производства, они являлись главным элементом колхозной собственности как по своей социально-экономической природе, так и по той поддержке, которую оказывала их развитию государственная собственность.

Всесторонне обобщая процесс формирования неделимых фондов, ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б) следующим образом определил место и роль неделимых фондов в колхозной собственности: «Развертывание массового колхозного строительства и его прочный успех неосуществимы без систематического укрепления и всемерного роста *обобществленных* фондов колхозного движения. Рост и укрепление обобществленных, а в связи с этим и неделимых фондов колхозов является базой создания необходимых средств производства в колхозах»[1].

После ноябрьского Пленума ЦК партии в процессе сплошной коллективизации сельского хозяйства централизация основных средств производства крестьянства в обобществленные

[1] КПСС в резолюциях и решениях, Госполитиздат, ч. II, стр. 649.

фонды происходит ускоренными темпами. Эта централизация осуществлялась в форме обязательных паевых взносов и взносов в неделимые фонды колхозов. До сплошной коллективизации сельского хозяйства вступительные взносы в неделимые фонды были для всех равными. Их размеры были крайне малыми. Теперь же вступающий в колхоз должен был передать все средства производства коллективизируемых отраслей хозяйства. К концу 1929 года был введен так называемый, «Минимум обобществления», который включал стоимость средств производства, которые вступающий должен был обязательно внести в колхоз. Эти средства производства распадались на две части: *паевую*, которая зачислялась паевым взносом, и *неделимую, которая* обращалась в неделимый фонд колхоза. Кроме того, для вступающих в колхоз были установлены вступительные взносы.

В результате этих мероприятий значительно выросло число колхозов, имеющих неделимые фонды, и доля неделимых фондов в средствах производства колхозов, о чем свидетельствует следующая таблица.

Неделимые фонды в колхозах СССР[1]

Годы	Процент колхозов, имеющих неделимые фонды	В среднем на 1 колхоз, имеющий неделимый фонд (в тыс. рублях)	Доля неделимых фондов в стоимости основных средств производства
1929	48,2	3.173	29,5
1930	79,0	7,7	42,3

Из таблицы видно, что за один год примерно в два раза увеличилось число колхозов, имеющих неделимые фонды, размеры их, а также удельный вес их в основных средствах производства колхозов. Все это означает качественный скачок в создании кооперативно-колхозной формы собственности.

Этот качественный скачок, определивший за неделимыми фондами ведущее место в развитии колхозной собственности, означал появление новых источников образования неделимых фондов. Основными источниками формирования и дальнейшего роста неделимых фондов в этот период служили: 1) средства производства, экспроприированные у кулаков (стоимостью 400 млн. руб.), удельный вес которых в неделимых фон-

[1] Таблица составлена на основе материалов «Колхозы в 1929 г.» и «Колхозы в 1930 г.», изданных в 1930 и 1931 гг.

дах составили 25—30%; 2) средства производства вступающих в колхозы крестьян; 3) ежегодные денежные отчисления от доходов колхозов.

Впоследствии основным источником роста неделимых фондов становится внутриколхозное накопление, размеры которого систематически растут. В 1930 году отчисления в неделимый фонд составили 10% доходов колхоза, в 1931 г. — для новых колхозов — 10%, а для старых колхозов — 15%. В 1932 году они составили по Союзу 14,1%. И в последующие годы они колебались от 15 до 20%.

История возникновения неделимых фондов и источники их образования позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. Неделимые фонды колхозов, возникнув на заре колхозного движения в виде зачатка единой и неделимой кооперативно-колхозной социалистической собственности на средства производства, в процессе развертывания колхозного строительства постепенно приобрели главенствующее положение в колхозных средствах производства и утвердились как материально-производственная база колхозного производства.

2. Основным источником образования неделимых фондов колхозов является социалистическое накопление в виде прямых вложений государством общенародных средств, в виде экспроприированных средств кулачества, которые могли обращаться только в общенародную собственность и, наконец, внутриколхозное накопление в виде отчислений от доходов колхозов. При этом основным источником образования неделимых фондов на первом этапе колхозного строительства явились прямые вложения государством общенародных средств, а на втором этапе — внутриколхозное накопление.

3. Известную роль в образовании неделимых фондов сыграли средства производства крестьянских дворов. Их стоимость к 1937 году, когда были обобществлены средства производства 93% крестьянских дворов, составили 2,3 млрд. рублей. Вместе с ростом неделимых фондов на основе расширенного колхозного воспроизводства удельный вес крестьянских средств в них относительно уменьшался и в современных условиях перестал играть существенную роль. Об этом свидетельствует следующая таблица[1]. (См. таблицу на стр. 13).

При росте неделимых фондов колхозов СССР в 43 раза доля крестьянских средств в них составила 2,3 проц.

Итак, неделимые фонды колхозов по источникам их образования и дальнейшего роста созданы в результате расширен-

[1] Таблица составлена на основе материалов Статистического сборника «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Госстатиздат, Москва, 1957.

	1937 год	1940 год	1950 год	1952 год	1952 год	1954 год	1955 год	1956 год
Рост неделимых фондов в млрд. руб.	2,3	27,7	50,6	63,1	69,8	78,1	87,6	98,9
Доля первоначально обобществленных крестьянских средств производства в них в %	100	8,3	4,5	3,6	3,2	2,9	2,6	2 3

ного социалистического воспроизводства трудом колхозников при существенной материальной помощи государства.

Источники образования неделимых фондов показывают несостоятельность характеристики их как групповой собственности. Неделимые фонды создавались как социалистическая собственность, принадлежащая всему кооперативно-колхозному сектору народного хозяйства.

В современных условиях неделимые фонды колхозов, в отличие от других элементов колхозной собственности, выполняют *общенародные функции.*

Неделимые фонды колхозов есть совокупность основных средств производства и денежных средств колхозов, предназначенных для пополнения и возмещения израсходованных в процессе производства основных средств производства, выполняющих общенародные функции и находящихся в хозяйственном пользовании отдельных колхозов. Советское государство в соответствии с колхозным законодательством и уставом сельхозартели ограничивает право колхоза по распоряжению неделимыми фондами. Неделимый фонд, как свидетельствует его название, не может делиться между колхозниками при ликвидации колхоза, а передается другим колхозам или поступает в распоряжение государства, он не может быть уменьшен, не может быть использован для распределения по трудодням, на покрытие потребностей в оборотных средствах. В случае реализации тех или иных средств производства из неделимого фонда, в которых нет небходимости у данного колхоза, вырученные денежные средства не могут быть зачислены в общий доход колхоза, а должны быть зачислены обязательно в денежную часть неделимого фонда, который, как и вся денежная часть неделимого фонда, используется для пополнения или возмещения средств производства неделимого фонда.

Неделимый фонд, за исключением случаев задолженности

государству по капитальным вложениям, не может служить предметом принудительного взыскания за долги колхоза.

Расходование денежных средств неделимого фонда находится под особым контролем государства в лице сельхозбанка, на счетах которого находятся все денежные средства неделимого фонда.

Одной из форм контроля государством за использованием неделимых фондов колхозов является целевой долгосрочный кредит, предоставляемый сельхозбанком колхозам на льготных условиях. Далее, в состав неделимых фондов входят и такие средства производства, которые органически связывают их с государственной собственностью на землю — это многолетние насаждения, хозяйственные постройки, ирригационные и дорожные сооружения и т. д. В стоимостной структуре их доля составляет одну треть неделимых фондов. Особенность этой неразрывно связанной с землей части неделимых фондов заключается в том, что она может быть использована только вместе с землей. При общенародной собственности на землю неразрывная вещественная связь этой части неделимых фондов колхозов с землей сочетается с социально-экономической связью неделимых фондов с общенародной собственностью и придает им общенародное значение.

Все эти особенности неделимых фондов, связанные с государственными ограничениями права колхозов распоряжаться неделимыми фондами, характеризуют их как особую категорию колхозной собственности, выполняющую общенародные функции, а следовательно, имеющую общенародное содержание. Общенародное содержание (назначение) неделимых фондов обусловливается еще тем, что, будучи материально-производственной основой общественного хозяйства колхозов, они определяют все процессы расширенного социалистического воспроизводства в колхозах.

Если иметь в виду, что более 80% валовой продукции сельского хозяйства СССР дают колхозы, то очевидно, что в экономической основе колхозного производства (в неделимых фондах) заинтересовано все народное хозяйство социалистического общества. Следовательно, неделимые фонды выполняют народно-хозяйственные функции, имеющие общенародное значение.

Итак, неделимые фонды как по *источникам* образования, так и по общенародным *функциям*, выполняемым ими, в отличие от других частей колхозной собственности, являются особой категорией колхозной собственности. Неделимые фонды есть разновидность общенародной собственности.

В период всенародного обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорга-

низации машинно-тракторных станций», многие колхозные собрания выносили решения о том, что «настало время неделимый фонд считать всенародной собственностью». Поэтому целесообразно на предстоящем съезде колхозников закрепить это в новом уставе сельхозартели.

Некоторые экономисты, не отрицая общенародного содержания неделимых фондов, выступают против объявления их общенародной собственностью. При этом они отождествляют признание неделимых фондов общенародной собственностью с их огосударствлением, национализацией, т. е. с превращением их в государственную собственность.

В действительности, между признанием неделимых фондов общенародной собственностью и их огосударствлением имеется коренная разница. Огосударствление колхозов в современных условиях означает не что иное, как перевод колхозов на положение совхозов. Повышение же колхозной собственности до уровня общенародной не есть превращение колхозной собственности в современную государственную (общенародную) собственность, а также перерастание колхозной собственности в будущем в государственную (общенародную) собственность. Ведь государственная (общенародная) собственность, будучи более развитой формой собственности социалистического общества, еще не является общенародной коммунистической собственностью. Между ними, как на это указывал еще Энгельс, есть существенная разница. Государственная (общенародная) собственность есть форма собственности, характерная для первой фазы коммунистической формации, которая принадлежит народу, состоящему из двух классов — рабочего и колхозного крестьянства. Она сама должна еще пройти определенный путь, чтобы превратиться в коммунистическую собственность.

Признание неделимых фондов общенародной собственностью и дальнейшее повышение всей колхозной собственности до уровня общенародной есть особый путь развития колхозной собственности к единой коммунистической (всенародной) собственности. Колхозная собственность будет существовать и развиваться наряду с государственной собственностью в течение всего переходного периода от социализма к коммунизму как вторая основная форма социалистической собственности и своеобразным путем, минуя государственную форму социалистической собственности, придет к единой коммунистической собственности путем перерастания в особую, самостоятельную, отличную от государственной формы, разновидность общенародной собственности. В этом и состоит та коренная разница между признанием неделимых фондов общенародной собственности и дальнейшим перерастанием всей колхозной собственно-

сти в разновидность общенародной собственности и огосударствлением, совхозизацией колхозной собственности.

Огосударствление колхозной собственности есть отрицание ее, поглощение колхозной собственности государственной. Поднятие колхозной собственности до уровня общенародной есть утверждение ее жизненности, дальнейшее укрепление и всемерное развитие ее в сторону общенародной собственности.

Колхозная форма общенародной собственности наряду с государственной общенародной собственностью в процессе их развития сольются друг с другом в единую общенародную коммунистическую собственность.

«Слияние колхозно-кооперативной собственности с государственной собственностью в одну общенародную собственность — это не простое организационно-хозяйственное мероприятие, а решение глубокой проблемы преодоления существенного различия между городом и деревней»[1].

Признавая общенародную сущность неделимых фондов и коренную однородность их с государственной (общенародной) собственностью, признав их двумя разновидностями общенародной собственности, нельзя отрицать, как уже намечается у некоторых экономистов, качественных различий между колхозной и государственной собственностью в современных условиях.

Колхозная собственность на средства производства в настоящее время отличается от государственной собственности по уровню обобществления как социалистическая собственность, имеющая менее высокий уровень обобществления, от социалистической собственности, имеющей более высокий уровень обобществления. Следовательно, чтобы поднять колхозную форму собственности до уровня общенародной формы собственности, необходимо постепенно повышать уровень обобществления средств производства в колхозах. В связи с реорганизацией МТС в РТС и более высокими темпами развития производительных сил сельского хозяйства, уровень обобществления колхозной собственности будет развиваться вглубь и вширь более интенсивно, чем в предшествующие годы.

Развитие уровня обобществления колхозной собственности *вширь* означает дальнейшее укрупнение мелких, экономически слабых колхозов, развитие межколхозных связей в области совместного строительства и использования электростанций, каналов, водохранилищ, дорог, кирпичных заводов и других предприятий.

---

[1] Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хоз-ва СССР 1959—1965 годы, Правда, 28 января 1959 г.

Однако, в современных условиях основная задача в повышении уровня обобществления колхозной собственности состоит в необходимости первоочередного развития обобществления колхозной собственности *вглубь*, внутри каждого колхоза.

Развитие уровня обобществления колхозной собственности вглубь будет идти по трем направлениям.

Во-первых, посредством изменения структуры неделимых фондов в сторону увеличения в них механических орудий производства — тракторов, комбайнов и других машин, что приведет к росту самих неделимых фондов. Поэтому денежные отчисления в неделимые фонды должны быть использованы, прежде всего, на покупку машин у государства. В этих целях в экономически развитых колхозах необходимо увеличить размеры денежных отчислений в неделимый фонд.

Размеры денежных отчислений, действующие в настоящее время, установлены постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от декабря 1938 года «О распределении денежных доходов в колхозах». Денежные доходы колхозов в 1939 году были незначительными и не служили основным источником расширенного колхозного воспроизводства. Поэтому постановлением было установлено отчисление на пополнение неделимых фондов в зерновых районах в размере не менее 12, но не более 15 процентов, в районах технических культур и животноводческих в размере не менее 15, но не более 20 процентов от денежных доходов артели. В практике колхозы, как правило, отчисляют в неделимый фонд 12% в зерновых районах и 15% в районах технических культур и животноводческих. А постановление ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР от марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», по которому колхозам дается право внести изменения в устав, не используется в сторону повышения размеров денежных отчислений в неделимый фонд. В настоящее время денежные доходы колхозов, по сравнению с 1939 годом, возросли в пять раз, и отчисления от них в неделимые фонды превратились в основной источник расширенного колхозного воспроизводства. Поэтому размеры денежных отчислений в неделимые фонды — «не более 15% в зерновых районах и не более — 20% в районах технических культур и животноводческих» от денежных доходов артели, предусматриваемые 12 статьей Устава сельхозартели, являются заниженными, а следовательно, устарелыми.

Необходимость изменения структуры неделимых фондов в сторону повышения в них доли механических орудий труда

403—2

1692 Дагестанский Гос университет им. В. И. Ленина БИБЛИОТЕКА

объективно требует увеличения размеров денежных отчислений в неделимый фонд.

Увеличение размеров денежных отчислений в неделимый фонд ускорит изменение структуры неделимых фондов и темпы их роста. Структура неделимых фондов должна постоянно совершенствоваться в зависимости от отраслевой структуры производства каждого колхоза.

Во-вторых, повышение уровня обобществления колхозной собственности будет идти на основе более полного *обобществления* всех отраслей колхозного производства. На основе Устава сельхозартели в каждом колхозе полностью были обобществлены основные отрасли производства: в зерновых районах производство зерна, в районах технических культур — производство технических культур и в животноводческих районах — животноводство (не полностью). Наряду с общественным хозяйством еще значительное место имело подсобное (производственное) хозяйство колхозников, где была сосредоточена значительная часть животноводства, особенно птицеводство, овощеводство, садоводство и т. д.

Так как общественное хозяйство колхозов было развито недостаточно, то возникла экономическая необходимость в существовании подсобного хозяйства колхозного двора. Наличие категории подсобного хозяйства колхозного двора является одной из особенностей колхозной собственности, отличающей ее от государственной собственности как социалистическую собственность с менее высоким уровнем обобществления.

В настоящее время все еще сохраняется экономическое значение подсобного хозяйства колхозного двора как дополнительного источника удовлетворения личных потребностей колхозников в мясе, масле, молоке, в овощах, фруктах и т. д.

На начало 1957 г. в личном подсобном хозяйстве колхозников находились 5,65 млн. га посевных площадей, что составляет 3,7 процента от всех посевных площадей колхозов.

Если посевные площади подсобных участков, занятые под зерновыми, техническими и кормовыми культурами, не превышают одного процента, то посевные площади, занятые под овоще-бахчевыми культурами и картофелем, составляют 39,7 процентов посевов колхозов. Еще большее место занимает личное подсобное хозяйство колхозников в области животноводства. На начало 1957 г. в личном подсобном хозяйстве колхозников находилось 44,4 процента крупного рогатого скота, в том числе 53 проц. коров от общего числа скота, содержащегося на землях, закрепленных за колхозами.

В подсобном хозяйстве колхозного двора применяется малопроизводительный ручной труд, который по своему экономическому содержанию является непосредственно личным

трудом и не входит в сферу непосредственно общественного труда.

Поднятие уровня обобществления колхозной собственности до уровня общенародной предполагает ликвидацию подсобного производственного хозяйства колхозного двора и включения непосредственно личного труда в непосредственно общественный труд колхоза.

За последнее время многие колхозы стали многоотраслевыми хозяйствами; они производят на общественном хозяйстве все необходимое для удовлетворения личных потребностей колхозников. В то же время параллельно с общественным хозяйством колхоза существует подсобное хозяйство колхозников, где производятся те же продукты. Колхозники отвлекаются от общественного хозяйства для работы на своем подсобном хозяйстве и нередко для реализации на рынке производственной продукции с этих хозяйств. Поэтому экономически целесообразно постепенное обобществление подсобных хозяйств в единое общеколхозное хозяйство.

Однако, такое обобществление должно происходить постепенно, исходя из возможностей каждого колхоза удовлетворить полностью потребности колхозников в продуктах земледелия и животноводства. Только при этих условиях колхозники сами убедятся в экономической нецелесообразности подсобного хозяйства.

Полное обобществление всех отраслей сельскохозяйственного производства внутри каждого колхоза означает стирание одного из существенных различий между колхозной и общенародной формой собственности.

В-третьих, путем обобществления бытового обслуживания в колхозах.

В современных колхозах, как правило, не организовано общественное питание, крайне недостаточно количество детских яслей, площадок, интернатов и других культурно-бытовых учреждений.

В сфере бытового обслуживания затрачивается малопроизводительный труд, который отвлекает колхозников от общественного производства. Задача поднятия колхозной собственности до уровня общенародной требует постепенного обобществления бытового обслуживания в колхозах. До последнего времени колхозы, как правило, не выделяли средств для строительства объектов культурно-бытового назначения, полностью возложив их на государство.

Подходя узкопотребительски к колхозному производству, некоторые руководители колхоза и колхозники считали, что основным путем повышения материального благосостояния и культурного уровня колхозников является увеличение оплаты

трудодня. Такое противопоставление групповых интересов общенародным недопустимо, тем более в условиях, когда значительное количество колхозов экономически окрепло и имеет миллионные доходы.

В современных условиях приобретает большое практическое значение вопрос об экономически-обоснованных пропорциях в распределении доходов по трудодням и на общественные нужды.

В настоящее время колхозы в несколько раз увеличивают отчисления на строительство культурно-бытовых объектов. Так, например, если за 1953 г. во всем Краснодарском крае было построено всего 11 колхозных клубов и не было построено ни одной больницы и школы, то в 1958 году построено и строится 86 больниц, 117 школ, 184 клуба. Во многих колхозах строятся общественные столовые, пекарни, детские ясли, площадки, строятся колхозные поселки по типовым проектам.

На базе мощного развития колхозного производства и роста доходов колхозов создаются все большие возможности для обобществления бытового обслуживания колхозников.

Таким образом, путем поднятия уровня обобществления колхозной собственности вширь и вглубь колхозная собственность поднимется до уровня общенародной и сольется с государственной общенародной собственностью в единую коммунистическую собственность.

На базе развития производительных сил сельского хозяйства и подъема кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной происходят качественные совершенствования в сфере *обмена*.

Известно, что обмен производственной деятельностью между людьми в процессе производства, выражающий одну из существенных сторон производственных отношений, включает в себя, во-первых, непосредственный обмен деятельностью между людьми в процессе производства и, во-вторых, обмен товаров как выражение обмена производственной деятельностью посредством рынка[1].

Непосредственный обмен производственной деятельностью между людьми реализуется в специфических формах организации труда.

Непосредственно-производственный обмен деятельностью в колхозном производстве до реорганизации МТС обусловливался наличием двух форм собственности в колхозном производстве и осуществлялся в форме содружества полеводческих и тракторных постоянных бригад.

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, стр. 211.

В первый период колхозного строительства содружество между постоянными полеводческими бригадами и тракторными бригадами носило сезонный характер и распространялось на отдельные трудовые процессы. С оснащением сельского хозяйства тракторами и другими сложными машинами содружество полеводческих и тракторных бригад становится постоянным и распространяется на все основные трудовые процессы, давая известный эффект.

Однако, концентрация техники в МТС вела к отрыву основных производителей-колхозников от главных орудий труда и значительно снижала эффективность использования техники.

Реорганизация МТС и продажа техники колхозам способствует значительному совершенствованию организации труда в колхозах и вызывает новые, более совершенные формы организации труда.

Наиболее прогрессивными формами организации труда, возникшими в связи с концентрацией техники в колхозной собственности, являются объединенные тракторно-полеводческие бригады, комплексные тракторно-полеводческие и животноводческие бригады, во главе с колхозными бригадами, внутри которых осуществляется непосредственная связь между производителями и главными орудиями сельскохозяйственного производства. Новые формы организации труда в колхозах, которые все больше приближаются к типу организации труда в совхозах, обеспечивают наиболее производительное использование рабочей силы и техники и значительно снижают себестоимость колхозной продукции.

До последнего времени много несовершенства содержал в себе обмен по линии реализации колхозной продукции. Наряду с множественностью форм и цен товарооборота имели место сильно развитые натуралистические категории в виде натуроплаты, отоваривания и т. д. Более того, натуроплата считалась категорией объективно присущей для всего периода колхозного производства, а отоваривание должно было заменить товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством.

Проведенные партией за период после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС мероприятия по совершенствованию форм колхозного товарооборота хотя и ликвидировали ряд крупных недостатков и ошибок, но не смогли радикально перестроить товарообмен. Лишь после реорганизации МТС создалась такая возможность. Постановление июньского (1958) Пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» вносит

коренные изменения в колхозный товарооборот и радикально перестраивает его.

Отмена множественности форм и цен заготовок и переход к единой форме товарообмена — к госзакупкам по единым дифференцированным ценам ставит товарооборот в колхозном секторе на экономически обоснованный фундамент.

Новые закупочные цены обеспечивают колхозам не только возмещение затрат на производимую продукцию, но и необходимые накопления для расширения производства. Совершенствование колхозного товарооборота оказывает особенно плодотворное влияние на экономически маломощные, слабые колхозы, которые до последнего времени почти не имели источника накопления. Экономически сильные колхозы, производящие большое количество товарной продукции, значительную часть ее реализовали по более высоким ценам, используя существующую систему премий и надбавок за сдачу сверхплановой продукции.

Экономически маломощные колхозы с небольшой товарной продукцией почти всю продукцию реализовали в порядке обязательных поставок по ценам, не возмещающим затраты колхозов на производимую продукцию. Тем самым маломощные колхозы были лишены важнейшего источника расширенного воспроизводства. Совершенствование форм колхозного товарооборота и установление повышенных закупочных цен на всю товарную продукцию является важным рычагом подъема экономики маломощных колхозов до уровня экономически мощных колхозов.

Итак, качественное совершенствование колхозных производственных отношений как по линии непосредственно производственного обмена, так и по линии обмена товаров, открывает широкий простор для развития производительных сил сельского хозяйства на пути к коммунизму.

Развитие колхозных производственных отношений до уровня общенародных производственных отношений предполагает существенное качественное совершенствование в сфере распределения предметов потребления в колхозах.

Распределение предметов потребления в колхозном производстве, которое осуществляется в соответствии с требованием закона распределения по труду так же, как и в государственном (общенародном) производстве, является по своей природе социалистическим. В то же время оно в колхозном производстве качественно отличается от распределения в государственном производстве, как менее зрелая форма социалистического распределения.

Во-первых, в отличие от государственного производства, где оплата труда осуществляется в форме заработной платы, день-

гами, распределение предметов потребления в колхозном производстве осуществляется в форме оплаты труда по трудодням, которые оплачиваются натурой и деньгами.

В условиях существования товарного производства, когда постоянно растущие материальные и культурные потребности колхозников удовлетворяются все больше и больше за счет товаров государственной промышленности, у колхозников потребности в деньгах значительно возрастают. В настоящее время денежная оплата по трудодням покрывает примерно 30—40% денежных расходов бюджета колхозника. Остальные денежные расходы колхозника покрываются за счет реализации им на рынке продукции, получаемой от колхоза по трудодням и от личного подсобного хозяйства.

Для реализации этой продукции на рынке колхозники вынуждены отвлекаться от производительного труда на колхозном производстве. Отсюда необходимость денежной оплаты труда в колхозах, вследствие чего трудодень как полунатуралистическая категория теряет свое значение.

Во-вторых, в отличие от государственного производства, где заработная плата заранее зафиксирована и гарантирована государством, содержание трудодня хотя ориентировочно зафиксировано, но не гарантируется колхозом. Если рабочие и служащие заранее знают свой заработок, что играет стимулирующую роль, то колхозник не знает заранее, сколько получит на выработанные за данный отрезок времени трудодни продуктов и денег.

В различные годы в одном и том же колхозе одно и то же количество трудодней может быть оплачено различно. Неустойчивость, негарантированность оплаты труда колхозников отражает меньшую степень зрелости распределения в колхозах. Отсюда задача введения гарантированной оплаты труда колхозников.

В-третьих, в отличие от оплаты труда в государственном производстве, которая производится регулярно, оплата труда в колхозах производится, как правило, в конце хозяйственного года. Следовательно, распределение в государственном производстве более совершенно и по срокам оплаты труда, что создает реально ощутимую регулярную связь между затратой труда и его оплатой, которой нет в колхозах.

Итак, задача совершенствования колхозной формы распределения в сторону общенародной заключается в том, чтобы сделать ее денежной, гарантированной и регулярной. Однако, этого нельзя добиться путем установления колхозникам зарплаты совхозных рабочих, что означало бы огосударствление колхозного распределения.

Повышение уровня колхозного распределения до уровня общенародного должно происходить на базе укрепления колхозного производства. Оно совершается уже в передовых колхозах путем перехода от распределения доходов по трудодням в конце года к ежемесячному авансированию, к твердому, гарантированному уровню оплаты трудодня в продолжение всего года с последующим распределением по трудодням части дохода в конце года.

Так, в подмосковном колхозе «Серп и молот» установлена гарантированная денежная оплата на один трудодень 25 рублей. При этом ежемесячно на 12 число на каждый начисленный за предыдущий месяц трудодень, выдается аванс 15 рублей, а остальные 10 рублей выдаются в конце года. В этих условиях трудодень теряет свое прежнее экономическое значение и создается возможность и необходимость перехода к прямой денежной оплате труда за выполнение норм выработки. Поэтому необходимо отказаться от точки зрения на трудодень как на объективную категорию, сопутствующую всему периоду колхозного производства. Таким образом, уровень зрелости колхозной формы распределения предметов потребления постепенно приближается к общенародной. Кроме того, в колхозах в настоящее время получают широкое распространение формы распределения, типичные до сих пор только для государственной формы распределения — оплата за отпуска, пенсии по старости, оплата за время болезни и т. д.

* * *

Производственные отношения колхозного производства постепенно развиваются в разновидность общенародных производственных отношений. Этот процесс будет совершаться на базе дальнейшего развития производительных сил сельского хозяйства.

Материально-техническая база будущего колхозного производства будет являться системой совершенных сельскохозяйственных машин, обеспечивающей комплексную механизацию всех отраслей сельского хозяйства.

Чтобы успешно внедрить в производство систему машин и все достижения сельскохозяйственной науки, будущий колхоз должен быть обеспечен высококвалифицированными механизаторскими, агрономическими и зоотехническими кадрами.

Чем быстрее будут развиваться производительные силы сельского хозяйства, тем быстрее наступит тот момент, когда исчезнут различия между общенародной и колхозной формой производства.

Таким образом, в результате дальнейшего бурного роста производительных сил сельского хозяйства и постепенного поднятия колхозных производственных отношений до уровня общенародных, колхозное производство поднимается до уровня общенародного производства и образуется единый коммунистический способ производства. Сельское хозяйство превратится в одну из отраслей народного хозяйства единого коммунистического способа производства.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

О ДИАЛЕКТИКЕ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

М. Т. БАТЫРМУРЗАЕВ

Категории содержания и формы являются важнейшими категориями диалектического материализма и широко используются в научной и практической деятельности людей.

Раскрытие сущности этих категорий, их диалектики представляет большой теоретический и практический интерес. Как отметил XXI съезд КПСС, в период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране особое значение приобретает раскрытие действия закона соответствия производительных сил и производственных отношений, как содержания и формы социалистического способа производства.

В настоящей статье рассматриваются некоторые стороны перечисленных вопросов.

Диалектический материализм исходит из того положения, что бесчисленные предметы, явления и процессы окружающего нас материального мира выступают как конкретные формы существования движущейся материи, имеющие множество связей, отношений, свойств, сторон. Все эти явления имеют общие закономерности движения и развития и находят свое отражение в понятиях, категориях и законах философии.

* * *

Диалектический материализм рассматривает категории как наиболее общие понятия, отражающие наиболее существенные связи явлений природы, общества и мышления. «Моменты познания... человеком природы —вот что такое категории логики»[1]. Они отражают разные стороны предметов и явлений, их сущность, отношения, отличия их и сходство между ними, харак-

1 В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 17.

теризуют их особенности. Категории диалектического материализма являются результатом многовековой абстрагирующей деятельности человеческого мышления. Они суть ступеньки в истории познания человеком объективной действительности, ступеньки в процессе отражения в сознании человека объективных закономерностей развития материи. Одну из таких глубоких ступеней познания представляют собой понятия содержания и формы.

Содержание и форма присущи всем предметам и явлениям объективной действительности и существуют независимо от нашего сознания. Так как явления имеют множество сторон, свойств, отношений, связей, то содержание и форма выражают две такие стороны, которые неразрывно существуют во всех предметах и явлениях и взаимно обуславливают друг друга.

Марксистская философия под содержанием понимает совокупность элементов, процессов, материальных связей, образующих предмет, явление и определяющих особенности и закономерности обусловленной ими формы.

В философском понимании под формой подразумевается закон строения, система организации, структура, способ связи частей, элементов, образующих данный предмет или явление.

Как категории, содержание и форма отражают в сознании человека эти две неразрывные стороны предметов и явлений

В нашей философской литературе иногда эти категории определяются недостаточно строго и четко. Например, В. И. Чернов их определяет так: «...содержание — это глубинные процессы развития через борьбу противоположностей, борьбу между старым и новым, отживающим и развивающимся, которые протекают внутри вещей и явлений...»[1]. А форму определяет как способ проявления глубинных процессов на поверхности явлений, как способ взаимодействия данного явления с другими явлениями.[2]

Прежде всего В. И.Чернов отождествляет категории содержания и сущности, формы и явления. Сверх того, форму сводит к взаимодействию одного явления с другими.

Некоторые авторы искажают суть этих понятий, используя их применительно к частным наукам. Например, академик Т. Д. Лысенко так определяет содержание и форму живого тела: «Мы твердо убеждены в том, что если рассматривать живое тело как диалектическое *единство*, то в этом единстве фор-

---

[1] В. И. Чернов. К вопросу о категориях содержания и формы в материалистической диалектике. «Ученые записки Калининского Гос. пед. института им. М. И. Калинина». Кафедра марксизма-ленинизма, т. XVII, вып. 1, 1954, стр. 168.

[2] Там же, стр. 178.

мой нужно считать *тело*, а условия жизни тела — содержанием»[1].

В данном случае академик Лысенко смешивает разные вещи: живое тело и условия его жизни, которые выступают как причина и следствие, но тело и условия его жизни никак не могут быть содержанием и формой.

Содержанием живого тела выступает совокупность органов, составляющих данное тело и обусловливающих определенный тип обмена веществ. Формой его является морфология, внутренняя структура.

Особо важным является правильное представление содержания и формы для литературы и искусства. Художественный образ в отличие от научных понятий раскрывает закономерное через единичное, в единстве типического и индивидуального. Сама специфика искусства отражать действительность в конкретно-чувственных художественных образах обусловливает особую роль понятий содержания и формы в применении к произведениям искусства.

Художественные произведения, будучи формой отражения объективной действительности, сами имеют свои содержания и формы, и непосредственно сама действительность не может быть их содержанием.

Содержанием художественного произведения является идея, типически отражающая объективную действительность через единичное в свете определенного мировоззрения и определенных взглядов. Структура, внутренняя организация его будут формой.

Очевидно, что содержание и форма применительно к искусству выступают более богатыми, чем содержание и форма отдельного единичного предмета и явления. Это богатство содержания и формы произведений искусства делает их выразительными, типическими. Ведь произведения искусства отражают не все детали событий, явлений, не со всех сторон, а только наиболее характерные, наиболее важные для воспитательной цели и для познания действительности. С этой стороны художественный образ выступает сгустком всего важного для нас в данной группе явлений, и своими важными, характерными чертами, сторонами для нас содержание и форма художественного образа богаче, чем содержание и форма любого единичного предмета, явления. В этом и только в этом смысле надо понимать богатство содержания и формы применительно к произведениям искусства.

Явления объективной действительности по своей сложности и по степени развития относятся к различным состояниям дви-

[1] Т. Д. Лысенко. Агробиология. Сельхозгиз, 1952, стр. 540.

жущейся материи и обладают различными качествами. Точно так же разнообразны содержания и формы явлений. Прежде всего содержание может выступать в виде физических, химических, органических, социальных элементов. Внутри каждой группы в силу различного количества материи или движения явления обладают различными качествами; так и их содержания различны и разнообразны.

Разнообразны и формы явлений, прежде всего, в силу присущих им качественно различных содержаний. Например, содержание живого организма качественно отличается от содержания атомного ядра. В силу этого закон строения живого организма качественно отличается от закона связи частиц и полей атомного ядра. Высшая по уровню развития форма отличается от низшей сложностью своих связей и отношений.

Одно и то же явление в различных отношениях может иметь различные содержания и формы. Например, люди из дерева делают стол, удовлетворяющий определенные их нужды, придают ему определенную форму. Стол все равно остается деревом, не перестает быть им. Дерево меняет свою форму, но не теряет ее совсем. В то же время оно приобретает новую форму. Стол как вещество имеет свое содержание и форму, а как вещь, удовлетворяющая определенные потребности людей, приобретает другое содержание и другую форму.

Одно и то же содержание в зависимости от определенных условий может иметь различные внутренние формы. Например, алмаз, графит и уголь представляют различные формы одного и того же химического вещества — углерода.

Формы различаются и по общности объединяемых ими связей, и это выступает важнейшим их признаком, отличающим общие формы от единичных, случайных. Форма может быть способом связи элементов единичного, конкретного явления. В этом случае она выступает частной, индивидуальной и в этом смысле случайной формой.

Если форма выступает в качестве закона связи для большого круга явлений, то она приобретает характер закона явления. Таковы формы молекул воды, отдельных видов растительных и животных организмов и т. д. Еще Гегель указывал, что развитая форма есть закон.

В зависимости от круга тех связей, которые определяются и объединяются законом данной формы, сами формы можно относительно разделить на внутренние и внешние. Под внутренней формой подразумеваются внутренние связи между элементами данного явления, их внутренняя структура, внутреннее строение. Внешняя форма представляет структуру, закон соединения внешних связей.

Внешние связи явлений существуют в единстве с внутренними и зависят от последних. Внешняя структура явления связана с внутренней его структурой. Также внешняя форма зависит от внутренней формы, выступает выражением, стороной последней.

Внешняя форма представляет систему внешних связей, а внутренняя форма — систему внутренних связей. Поэтому они соотносительны.

Внешняя форма, будучи зависимой от внутренней формы, не может быть равнодушной вообще к своему содержанию и его изменению. Поскольку она представляет внешние связи, она может быть равнодушной к содержанию и его изменениям только в определенных границах. Например, стол, удовлетворяющий определенные потребности людей, может иметь разнообразные внешние формы только в определенных границах, переходя которые он уже перестает быть столом.

Необходимо отметить, что форма в одном случае выступает как внутренняя структура содержания, в другом случае — как нечто внешнее по отношению к данному содержанию. Например, производственные отношения являются формой производительных сил. А их совокупность, базис, выступает в качестве содержания элементов надстройки не непосредственно, а опосредованно, ибо содержанием надстройки выступают такие элементы, как политические, юридические, философские, художественные, религиозные и др. взгляды и учреждения.

Литература и искусство также являются формами отражения объективной действительности, а сама действительность — их содержанием. Вместе с тем, произведения литературы и искусства, как отдельные явления, имеют свое специфическое содержание и особую форму. Поэтому нельзя ни смешивать их содержание с содержанием всего искусства или литературы, ни отрывать от их содержания. Если бы объективная дейтсвительность была непосредственно содержанием художественных произведений, то они не были бы художественными, типическими, а были бы простой копией действительности, т. е. натуралистическими.

В данном случае литература и искусство выступают опосредованными формами. Таковыми являются наука, надстройка и т. д.

Из сказанного следует, что необходимо отличать непосредственные внутренние и опосредованные формы, это особенно важно при исследовании общественных явлений.

Различие содержания и опосредованной формы относительно, так как то, что в одном отношении является содержанием, в другом отношении выступает формой. Таковы производительные силы. Они выступают содержанием производственных от-

ношений и опосредованной формой связи общества с природой.

Единство содержания и формы является обязательным условием существования всех предметов и явлений, благодаря чему они обладают соответствующей качественной определенностью. Содержание не может существовать без формы, так как элементы, образующие явление, не могут существовать изолированно, обособленно друг от друга внутри данного явления, что означало бы его полный распад. В силу закономерности всеобщей связи они объединяются между собой, образуя определенную, соответствующую их характеру, форму. Также форма не может существовать без содержания. Ибо там, где ничто не соотносится, и не связывается, не может быть никаких отношений и связей. Все явления объективного мира служат доказательством единства содержания и формы.

Из единства и неразрывности содержания и формы следует их взаимодействие. В этом единстве всегда определяющую роль играет содержание. Его определяющая роль объясняется тем, что основные элементы, обусловливающие развитие данного явления в целом, в том числе и формы, находятся в области содержания. Ясно, что форма, будучи способом, законом соединения элементов содержания, находится в прямой и подчиненной зависимости от того, что соединяется. В силу этого всякое изменение, развитие начинается с изменения и развития содержания.

Точно так же определяющая роль содержания по отношению к опосредованной форме выступает совершенно ясно, ибо внутренние элементы непосредственного содержания этой формы определены более основным содержанием. Так, надстройка зависит от базиса, совокупности производственных отношений, а эти последние — от производительных сил.

Убедительным доказательством единства содержания и формы и определяющей роли первого по отношению к последней является получение новых сортов плодовых растений и новых пород животных. Мичурин и его последователи вывели новые сорта плодово-ягодных растений на основе того, что они оказывали воздействие прежде всего на их материальную основу, на их содержание путем изменения условий, необходимых для жизни данного растения.

«Для того, чтобы изменить данный габитус растения, нужно суметь заставить растение принять в свой строительный материал такие части, какие прежде растением не употреблялись»[1]. Усвоение растением новых для него веществ и некоторых других условий внешней среды является основой изменения данного растения, изменения его формы. Именно с усвое-

[1] И. В. Мичурин. Соч., т. III, Сельхозгиз, 1948, стр. 235.

ния новых веществ начинается изменение функции и структуры организмов.

Содержание, как наиболее революционный элемент, находится в постоянном изменении и развитии. Форма в известной мере является консервативным элементом, так как она, несмотря на изменение содержания, до определенного периода остается той же самой. Она не сразу реагирует на все количественные изменения, происходящие непрерывно в содержании. Не всякие количественные изменения нарушают основной принцип связей формы, ее основной закон. В любом теле происходят мелкие количественные изменения. Тело в одно и то же время перестает быть тем, чем оно было, и в то же время оно остается тем, чем оно было. Значит, система связей данного содержания в основном остается неизменной, устойчивой. Отсюда следует, что форма имеет свою относительную самостоятельность, благодаря которой она позволяет улавливать момент устойчивости, определенности вещей.

Так, например, форма живого организма всегда должна допускать возможность некоторых изменений в его функциях. Функции организма изменяются в рамках данной структуры до определенного предела. Иначе организм не мог бы существовать, ибо внешняя среда его постоянно меняется, следовательно, изменяется и его содержание в рамках данной формы.

В тесной связи с относительной самостоятельностью формы выступает ее активная роль. Поскольку форма находится в единстве со своим содержанием, она не может быть к нему безразлична. В силу ее относительной самостоятельности, ее активное отношение к содержанию может быть как положительным, так и отрицательным, она может способствовать развитию содержания и может тормозить это развитие.

Активное отношение формы к содержанию выступает положительным, когда форма способствует развитию своего содержания. Поэтому положительная активность формы лежит в основе всякого развития.

Относительная устойчивость формы может привести к деградации содержания. Например, во время кризисов капиталистические производственные отношения приводят к уничтожению уже существующих производительных сил. Иногда машинный труд заменяется ручным, более примитивным трудом. Это означает деградацию содержания, обусловленную консервативной ролью формы.

Примером деградации содержания служат также живые организмы, ведущие паразитический образ жизни. В этом случае и сама форма деградирует.

Особенности природы содержания и формы определяют и специфику закономерностей развития того и другого.

Форма, в общем и целом подчиняясь закономерностям развития содержания, имеет и свои специфические закономерности развития. Прежде всего, при переходе явления к новому качественному состоянию его содержание изменяется постепенно. Форма, обладая относительной самостоятельностью, не меняется автоматически вслед за содержанием в той же мере, в какой меняется само содержание. В силу этого развитие формы более скачкообразно. Однако, это не значит, что форма перестраивается только взрывом.

В поступательном развитии явлений преемственность в их форме и ее усложнение также отличается от преемственности в содержании и от его усложнения. Прежде всего, новое содержание выходит из старого содержания, удерживая все его положительные моменты.

Новая форма непосредственно не выступает продолжением старой формы. Преемственность в форме в основном обеспечивается преемственностью в содержании. В то же время на возникновение новой формы влияет и старая форма, но не определяет ее.

Эти два момента обусловливают усложнение формы в ее развитии. Усложнение формы происходит, во-первых, за счет удержания положительных моментов из старых форм; во-вторых, за счет усложнения самих элементов содержания и их взаимообусловленности. Второй момент, разумеется, выступает главным в усложнении формы.

Доказательством этого служит весь растительный и животный мир. Так, специализация органов у растительных организмов в их эволюционном развитии сопровождается централизацией их функции, усилением взаимозависимости отдельных органов и их зависимости от целого, от организма. Происходят дифференциация частей и разделение функций, уменьшение числа сходных, однотипных органов и их слияние. Изменение функций приводит к изменению строения органов, к их усложнению. Усложнение самих органов и их взаимозависимости означает возникновение новой, более высшей формы.

Каждая новая ступень в развитии содержания и формы имеет свои особенности, обусловленные новым взаимоотношением между ними и его усложнением. Усложнение формы всегда происходит путем замены данной формы другой, более высшей по своему строению, связям формой.

Все эти моменты определяют природу взаимоотношений между содержанием и формой. В марксистской философии их взаимоотношения характеризуются периодом соответствия и периодом несоответствия формы содержанию. Период соответствия означает согласованность взаимодействия между различными элементами содержания и формы как по уровню, так и

по темпам их развития. В этот период условия существования данной формы и условия, обеспечивающие изменение основных элементов данного содержания, соответствуют друг другу. Этим обеспечивается простор для изменения и развития содержания.

Соответствие формы содержанию по уровню развития означает относительно одинаковую степень развитости того и другого.

Соответствие формы содержанию по темпам развития означает гармонически согласованное изменение элементов того и другого.

Однако, относительная самостоятельность формы и наличие у нее собственных своих закономерностей развития приводят к несоответствию формы своему содержанию. Качественно различная природа содержания и формы и несоответствие закономерностей их изменения и развития приводят к возникновению различных и, в конечном счете, противоположных тенденций в явлении. Расхождение в характере, степени и темпах развития между содержанием и формой вызывает столкновение тенденций, идущих от содержания и формы. Первая связана с прогрессивным развитием явления, вторая — с тормозящим, консервативным влиянием внутренней его структуры. Возникшее несоответствие разрешается в процессе борьбы тенденций победой тенденции, идущей от содержания и приводящей к разрушению старой формы и возникновению новой формы. Так устанавливаются новая взаимосвязь и взаимодействие между содержанием и формой и их различными элементами и повторяется диалектика их противоречивого взаимоотношения.

Диалектический материализм считает, что основным источником развития любого явления служат внутренние противоречия, столкновение внутренних и в то же время различных тенденций в самих явлениях.

В. И. Ленин указывал, что материалистическая диалектика признает «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества»[1]. Из этого положения Ленина следует, что столкновение различных сил и тенденций, действующих на данное тело или внутри данного явления, есть противоречие.

Столкновение двух различных тенденций, идущих от содержания и формы и действующих внутри любого явления, — есть противоречие, один из основных источников развития. В силу качественно различной природы содержания и формы и несоответствия закономерностей их изменения и развития между

[1] В. И. Ленин, соч. т. 21, стр. 38.

ними существуют различные тенденции все время, как в период соответствия формы содержанию, так и в период несоответствия. Однако, с расхождением характера, степени и темпов развития содержания и формы усиливается и борьба их тенденций, проявляется и тормозящая роль тенденции, идущей от формы. Все это ничуть не означает того, что в период соответствия формы содержанию их тенденции к развитию полностью совпадают, становятся совершенно тождественными. И в период соответствия содержание и форма представляют различные тенденции развития, между которыми существуют взаимодействие, столкновение и противоречие.

Между тем, эти вопросы не совсем точно, а иногда и неверно освещаются некоторыми философами. Одни авторы признают наличие противоречий между содержанием и формой только в период их несоответствия, отрицают наличие противоречий между ними в период соответствия формы содержанию[1]. Другие, отрицая наличие противоречий между содержанием и формой в период их соответствия, признают наличие противоречий между производительными силами и производственными отношениями в период их соответствия[2].

Все эти авторы противоречия путают с конфликтом и делают ошибочные выводы о том, что только преодоление противоречий приводит к развитию[3].

Диалектический материализм утверждает, что противоречия присущи всем явлениям, пронизывают все явления от начала до конца и как источник развития вообще не уничтожимы. Преодоление одних противоречий не означает уничтожения противоречий вообще, ибо с уничтожением одних возникают другие противоречия. Период соответствия или несоответствия между содержанием и формой различается не наличием или отсутствием противоречия между ними, а расхождением в степени и характере их развития, следовательно, и обострением борьбы тенденций, идущих от содержания и формы.

Соответствие, несоответствие и противоречие между содержанием и формой своеобразно проявляются в произведениях литературы и искусства. Взятый сам по себе, изображенный в художественном произведении предмет, остается мертвым. Содержание и форма художественного произведения сами по себе

---

[1] М. М. Розенталь, Марксистский диалектический метод. Госполитиздат, 1951, стр. 325, А. Агахя. К вопросу о соотношении формы и содержания «Труды Азербайдж. ун-та им. С. М. Кирова. Серия философская» Вып. II, 1954, стр. 165 и др.

[2] Ф. И. Калошин. Содержание и форма в произведениях искусства. Госполитиздат, 1953, стр. 26 и 113.

[3] Краткий философский словарь, изд. 4-е, 1955, стр. 15; журнал «Вопросы философии» № 4, 1956, стр. 165.

не противоречат друг другу, между ними не возникает противоречие, как это бывает между содержанием и формой организма, между производительными силами и производственными отношениями. После того, как уже создано художником его произведение, соответствие или несоответствие его содержания и формы не изменяется, из соответствия не переходит в несоответствие.

Особенность взаимоотношения содержания и формы художественных произведений объясняется тем, что эти произведения отражают события в их развитии. Они выступают как результат обобщения, расширения, типизации художником определенных явлений, событий, где часть посредствующих звеньев событий теряется, стушевывается художником, исчезает.

Изображенные в художественных произведениях события остаются одновременно и «мертвыми» и «живыми». Они «мертвы» постольку, поскольку они суть изображение, а не сама действительность. Они живы, так как они отражают действительность в ее изменении и развитии, они суть отражение самой действительности в определенный момент ее развития.

В зависимости от того, как художник сумеет уловить и показать художественно эти моменты данного события, содержание и форма художественного произведения будут соответствовать друг другу или не соответствовать. Но свести их соответствие только к таланту художника также неверно. Ибо независимо от художника и его таланта существует объективная возможность изображать события в художественых произведениях в соответствии содержания и формы. А художник может превратить эту возможность в действительность.

Некоторые авторы, исходя из единства и неразрывности содержания и формы, необоснованно отрицают наличие противоречия или несоответствия между ними применительно к художественным произведениям[1], оценку этих произведений с точки зрения соответствия формы содержанию считают ненужной и даже вредной[2].

Принцип соответствия формы содержанию является принципом марксистской философии и обязателен для всех явлений, поскольку они имеют свое содержание и форму. Соответствие формы содержанию в художественных произведениях предполагает правдивое отражение объективной действительности в художественных образах.

Однако, произведения литературы и искусства сами по себе не создаются, их создают люди. Точно так же соответствие или

---

[1] См. Б. Г. Рензов. О понятии формы художественного произведения. Журнал «Звезда», № 7, 1953, стр. 133.

[2] См. «Вестник Ленинградского университета», № 12. Серия общественных наук, 1955., стр. 106.

несоответствие между их содержанием и формой сами по себе не возникают, их тоже создают люди. «Оттепель» И. Эренбурга, «Тропою грома» южноафриканского писателя Питера Абрахамса по идейному содержанию привлекают многих читателей. Однако, это идейное содержание облечено в такую форму, которая делает их мало выразительными, как художественные произведения.

«Одно из главнейших условий, — писал еще В. Г. Белинский, — всякого художественного произведения есть гармоническая соответственность идеи с формой и формы с идеей и органическая целестность его создания»[1].

Таковы вкратце некоторые основные положения диалектического материализма о взаимоотношении содержания и формы. Теперь кратко рассмотрим взаимоотношения содержания и формы социалистического способа производства.

Марксистская философия считает, что основным и главным источником развития социалистического способа производства является противоречие между его содержанием и формой. Необходимо заметить, что их единство не может быть главным двигателем развития производительных сил, как это утверждает Ц. А. Степанян[2], по той причине, что единство производительных сил и производственых отношений выступает одной стороной противоречия между ними, другой стороной противоречия является различие между ними. Обе эти стороны одинаково необходимы для противоречия. Ибо взаимодействие между содержанием и формой способа производства следует из того, что они едины и в то же время представляют различные тенденции развития.

Однако характер взаимодействия, противоречия между производительными силами и производственными отношениями зависит от способа соединения непосредственных производителей со средствами производства. Те и другие всегда остаются основными и необходимыми факторами производства. К. Маркс писал: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами... Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи общественного строя».[3]

Значит, особенности взаимодействия, противоречия между содержанием и формой социалистического способа производства определяются характером и особенностью соединения произво-

[1] В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, т. 1, Госполитиздат, 1948, стр. 472.
[2] «Вопросы философии», № 2, 1955, стр. 76.
[3] К. Маркс, Капитал, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 32.

дителей материальных благ со средствами производства. Особый характер и способ соединения производителей со средствами производства выступает основой, базой основного противоречия, от которого зависят все остальные производные противоречия.

Так, основное противоречие капиталистического способа производства возникло на базе полного разрыва между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, и непосредственными производителями материальных благ, лишенными всего, кроме своей собственности—рабочей силы. В результате этого разрыва средства производства и само производство становятся общественными, а присвоение продуктов труда остается частным. Говоря об этом противоречии, Энгельс писал: «Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в зародыше все коллизии современности»[1].

Основное противоречие капитализма породило другие, производные от него и действующие в области формы или между различными элементами содержания и формы капиталистического способа производства, противоречия. В частности, оно породило противоречие между организацией производства на отдельных предприятиях и анархией производства во всем капиталистическом обществе, противоречие между пролетариатом и буржуазией и т. д.

В чем же заключается главное качественное отличие социалистического способа производства от капиталистического? Прежде всего, в непосредственном соединении производителей материальных благ со средствами производства. Отсюда следует, что продукты общественного труда при социализме присваиваются теми, кто на самом деле приводит в движение средства производства и в действительности является производителем этих продуктов. Это означает соответствие производственных отношений характеру производительных сил.

Характер связи непосредственных производителей со средствами производства определяет все остальные противоречия социалистического общества и в свою очередь зависит от производительных сил. Ибо эти последние создают необходимые для этого условия и осуществляют это соединение. В этом проявляется определяющая роль производительных сил. Поэтому при анализе противоречий между содержанием и формой социалистического способа производства вообще, при определении основного противоречия социализма в особенности, необходимо исходить из характера соединения непосредственных производителей со средствами производства. Основоположники научного

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», Госполитиздат, 1953, стр. 254.

коммунизма, определяя основное противоречие капитализма, исходили именно из этого положения.

Соединение непосредственных производителей со средствами производства осуществляют сами производители материальных благ. Поэтому они выступают творцами истории. В этом проявляется и определяющая роль производительных сил, и подчиненная роль производственных отношений.

Надо заметить, что некоторые авторы[1] необоснованно преувеличивают роль производственных отношений, считая их главным и решающим двигателем развития производительных сил. Такое утверждение противоречит, прежде всего, положению марксистской философии о том, что главным, решающим и в конечном итоге определяющим выступает содержание, а не форма. Как было указано выше, определяющая и в конечном счете решающая роль содержания объясняется тем, что основные элементы, обусловливающие развитие данного явления в целом, в том числе и развитие форм, находятся в области содержания.

Так, орудия труда и непосредственные производители материальных благ с их производственным опытом и навыками к труду выступают главными элементами производительных сил. Взаимодействие орудий труда и людей выступает одним из основных источников развития последних. Ибо, чтобы жить и продолжать свою жизнь, люди вынуждены воздействовать на природу, приспосабливать ее предметы и силы для удовлетворения своих потребностей. В борьбе с природой люди создают орудия труда, применяют их и обнаруживают их недостатки. На основе накопленного опыта постоянно улучшают, усовершенствуют свои орудия и создают новые. Поэтому не совсем верно утверждение Я. А. Кронрода о том, что орудия труда и производственный опыт людей не совершенствуются в процессе производства[2]. Они именно совершенствуются в процессе производства, следовательно, развиваются производительные силы. Однако, взаимодействие орудий труда и людей непосредственно в процессе производства суть не единственный источник развития производительных сил.

Развитие производительных сил зависит и от науки, в особенности, от успехов естественных наук и их применения, внедрения в производство. Наука, будучи порождена потребностями производства, становится его теоретической базой. Еще К. Маркс указывал, что развитие производительной силы труда (значит, и производительных сил — М. Б.) «может отчасти

---

[1] См. уч. «Исторический материализм», изд. 2-е, 1954, стр. 100 и «Краткий философский словарь», изд. 4-е, 1955, стр. 390—391.

[2] См. «Вопросы философии», № 2, 1956, стр. 172.

зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения»[1]. Создание современных сложнейших машин, приборов, автоматических линий, использование атомной энергии и т. д. — все это без науки невозможно, и в нашей стране «огромные масштабы промышленного производства, его высокие темпы достигнуты на основе широкого использования новейших достижений науки и техники»[2].

Наука способствует развитию производительных сил не только внедрением своих новейших открытий в производство, но и тем, что само ее развитие создает потребности в новейшей технике.

Как система знаний, естественные науки представляют собой материальное воплощение накопленных человеческим обществом знаний в борьбе за покорение сил природы. Они включают в себя совокупность всех тех знаний, которые уже воплощены в производство и на основе которых осуществляется призводственный процесс. В этом смысле естественные науки являются как бы совокупным производственным опытом общества, хотя их содержание этим далеко не исчерпывается. А производственный опыт людей есть элемент производительных сил. Точно так же естественные науки непосредственно связаны с последними.

Однако взаимодействие орудий труда и людей, развитие естественных наук и внедрение их успехов в производство преломляются через призму производственных отношений. Они не могут воздействовать на развитие производительных сил вне производственных отношений. Вот здесь-то проявляется роль производственных отношений как активного двигателя или как тормоза развития производительных сил, но не как решающего двигателя.

Люди и орудия труда суть основные элементы производительных сил, с последними связаны и естественные науки. В частности, благодаря наличию этих элементов в своем составе, производительные силы играют определяющую и решающую роль в способе производства.

Совершенно другое дело, что производственные отношения могут замедлить развитие производительных сил или же ускорить, или же в одном направлении задерживают, а в другом — ускоряют. Однако, в конечном итоге не определяют их

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 86.

[2] Н. С. Хрущев. Доклад на XXI съезде КПСС «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Госполитиздат, 1959 г., стр. 8.

развитие и не выступают главным и решающим двигателем в их развитии.

Мы рассмотрели два источника развития производительных сил, в большей степени присущие этим последним, чем производственным отношениям. Кратко рассмотрим еще один источник развития — взаимоотношения производства и потребления, относящиеся и к производственным отношениям через распределительные отношения.

«Без производства, — пишет К. Маркс — нет потребления, однако, и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно»[1]. Значит, конечной целью производства является потребление. Необходимость удовлетворения материальных и духовных потребностей вынуждает людей усовершенствовать орудия труда, развивать производительные силы. Эти последние вне потребления не могут развиваться, ибо без производственного потребления не создаются орудия труда и другие средства производства. А без личного потребления непосредственные производители не только не могут развиваться количественно и качественно, но не могут даже восстанавливать утраченные в процессе производства физические силы.

Взаимоотношение производства и потребления непосредственно зависит от производственных отношений, а в конечном итоге определяется характером соединения непосредственных производителей со средствами производства. Производственные отношения могут через распределительные отношения ускорять или замедлять развитие производительных сил, но не могут совершенно приостановить их развитие.

Говоря о капиталистическом способе производства, К. Маркс указывал, что бедность и ограниченность потребления масс противодействуют «стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»[2].

На стремление капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничение этого стремления пролетарским состоянием трудящихся указывал и В. И. Ленин[3]. Значит, производственные отношения через распределение могут повлиять на взаимодействие производства и потребления, следовательно, и на развитие производительных сил. Однако, и в этом случае они не определяют в конечном счете взаимодей-

---

[1] К. Маркс, К критике политической экономики. Госполитиздат, 1951, стр. 202.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 498.
[3] В. И. Ленин, соч., т. 4, стр. 147.

ствия производства и потребления и развития производительных сил.

Итак, производственные отношения не являются в конечном итоге главным и решающим двигателем развития производительных сил. Производственные отношения способствуют развитию последних или тормозят их развитие.

Все эти три источника развития присущи почти всем общественно-экономическим формациям, однако, их действие в каждой из общественно-экономических формаций проявляется по-разному в зависимости от характера и способа соединения непосредственных производителей со средствами производства. Соединение непосредственных производителей со средствами производства есть основа экономической структуры социалистического общества, его производственных отношений. Поэтому действие этих источников развития зависит и от производственных отношений.

Главным и определяющим моментом в соединении производителей со средствами производства является соответствие по характеру между содержанием и формой социалистического способа производства, и это есть величайшее завоевание советского общества, превратившее производственные отношения в важнейшую активную силу в развитии социалистического производства.

Обычно в нашей философской и экономической литературе не отличают соответствие по характеру от соответствия по уровню развития между производительными силами и производственными отношениями. Нам представляется необходимым проводить такое различие, имеющее теоретический и практический смысл. Теоретически оно поможет устранить ту путаницу в истолковании взаимоотношения содержания и формы социалистического способа производства, которая все еще имеет место. Практически оно поможет использовать все возможности социалистической системы хозяйства в дальнейшем развитии производства и усовершенствовании производственных отношений.

Соответствие по характеру означает, что производительные силы и производственные отношения развиваются в одном, общем для тех и других, направлении, в одну сторону, хотя они представляют различные тенденции в развитии. Соответствие по характеру определяется общей тенденцией, общим направлением развития содержания и формы.

Соответствие по уровню развития означает согласованность взаимодействия между различными элементами содержания и формы способа производства по уровню и темпам их развития при сохраняющейся тенденции формы к устойчивому существованию.

Соответствие по уровню и темпам развития может быть и при отсутствии соответствия по характеру, как это было между содержанием и формой капиталистического способа производства в ранний период его развития. В этом случае оно носит временный характер. Наличие соответствия по характеру выступает необходимым условием для постоянного соответствия и по уровню развития между содержанием и формой.

Форма, соответствующая характеру и уровню развития своего содержания, активизирует действие внутренних источников развития, развертывает движущие силы, таящиеся в содержании. В этом смысле надо понимать роль производственных отношений как двигателя развития производительных сил.

Прежде всего, соответствие по характеру между содержанием и формой социалистического способа производства создает новые связи и взаимоотношения между орудиями труда и непосредственными производителями, усиливает интерес трудящихся масс в усовершенствовании орудий труда, непосредственно облегчающих физический труд людей.

Соответствие по характеру содержания и формы социалистического способа производства выступает объективной основой отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи между тружениками нашего общества. Оно изменило коренным образом отношения людей между собой и тем самым создало наиболее благоприятные условия для совершенствования орудий труда и производственного опыта тружеников социалистического общества. Это соответствие наиболее полно благоприятствует распространению передового опыта новаторов производства и способствует внедрению новейших достижений науки в производстве.

Соответствие производственных отношений характеру производительных сил устраняет различие в положении и условии жизни советских людей, тем самым и их противоречивые стремления. Оно дает возможность объединить и направлять усилия трудящихся масс в одну сторону и этим ускорять развитие производительных сил.

Соответствие по характеру между содержанием и формой производства при социализме порождает новые, присущие только социализму, источники развития производства, сближает людей различных профессий. Так в социалистическом обществе возникают «новые, до этого неизвестные закономерности общественного развития, новые нормы отношений между людьми»[1]. Ибо только этим объясняются такие явления в

[1] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». «Правда», 8 февраля 1959 г.

советском обществе, как социалистическое соревнование тружеников производства, движение новаторов производства, содружество ученых с новаторами производства, широкий обмен передовым производственным опытом и т. д.

Все это имеет одну цель: как можно полнее удовлетворить материальные и духовные потребности всех членов советского общества. Ибо это соответствует как общим, так и частным интересам всех членов общества. Поэтому физические и духовные усилия советского народа заняты тем, как выпустить больше продукции, как облегчить физический и умственный труд людей.

Однако, соответствие производственных отношений характеру производительных сил не исключает возможности возникновения несоответствия между ними. Очевидно, что соответствие по характеру позволяет своевременно преодолеть те противоречия между производительными силами и производственными отношениями или между различными их элементами, которые начинают тормозить их развитие.

В зависимости от развития производительных сил и производственных отношений будет развиваться и усовершенствоваться и их соответствие по характеру. Очевидно, что дальнейшее развитие производства предполагает его специализацию и кооперирование. Следовательно, будут усовершенствоваться экономические организации, отношения между людьми и предприятиями в рамках данной общественной формы собственности. В то же время будут совершенствоваться и сами формы общественной собственности.

Разумеется, как при социализме, так и при коммунизме, производственные отношения будут соответствовать характеру производительных сил, так как тип производственных отношений не изменится. Поскольку определяющим является развитие тех и других, постольку будет развиваться и совершенствоваться соответствие производственных отношений характеру производительных сил.

Таким образом, соответствие по характеру между содержанием и формой социалистического способа производства обеспечивает возможность их постоянного соответствия и по уровню развития и является необходимым условием для такого соответствия. Ибо при наличии соответствия по характеру становится возможным постоянное изменение формы в соответствии с изменениями в содержании. Правда, содержание и форма способа производства могут соответствовать по уровню развития и при отсутствии соответствия по характеру, как это было в ранний период развития буржуазии. Однако, в этом случае соответствие по уровню развития выступает как временное явление. Так закон соответствия производительных

сил и производственных отношений при социализме получает более широкий простор для своего действия.

Соответствие по характеру между производительными силами и производственными отношениями при социализме обеспечивает самое активное участие трудящихся масс в самом процессе производства, в его организации. И «...ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»[1]. Поэтому социалистический способ производства открывает безграничный простор для развития производительных сил и способен обеспечить более высокую производительность труда, чем при капитализме. В этом залог победы лагеря социализма над капитализмом.

Таковы некоторые положения диалектики содержания и формы социалистического способа производства и вообще категорий содержания и формы.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 431.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ ОБ ОБЪЕКТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ НЕОБХОДИМОСТИ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

М. ГАЙДАРОВ

Вопрос о характере необходимости в природе и обществе является одним из тех вопросов, вокруг которых с древнейших времен идет острая борьба между материализмом и идеализмом. Он неразрывно связан с основным вопросом философии, и то или иное его решение имеет важное значение для определения философской линии.

Субъективный идеализм отрицает объективную необходимость природы и общества. Согласно этому антинаучному и глубоко неверному взгляду само человеческое сознание вносит в мир порядок, необходимость, закономерность. Субъективный идеализм рассматривает необходимость не как объективную связь действительности, существующую независимо от воли и сознания человека, а как продукт самого этого сознания, выводит ее не из природы, а из субъекта.

В философии нового времени субъективистская линия в этом вопросе была представлена, главным образом, Беркли, Юмом и Кантом, которые явились философскими предшественниками махизма и других разновидностей субъективного идеализма, выступающего как господствующее направление современной буржуазной философии.

С точки зрения Беркли, понятие о необходимости, а также и другие общие понятия представляют собой простые метки, знаки, с помощью которых бог осведомляет нас. Все, что существует, существует в сознании бога, который является высшей и всеобщей причиной вещей и управляет вселенной. Беркли утверждал, что вещи для нас начинают свое существование или создаются тогда, когда бог повелевает, чтобы они стали доступны нашему восприятию в том порядке и тем способом,

какие он устанавливает и которые мы называем законами природы. По мнению Беркли, таким образом, законы природы представляют собой не что иное, как богом установленные порядки существования вещей.

В своей философии Юм уделил большое внимание вопросу о характере и сущности необходимости, которую он отождествлял с причинностью. Юм заявлял, что знание отношений причинности исходит исключительно из опыта. Это утверждение Юма внешне не противоречит материалистическому взгляду. Материализм действительно выводит отношение причинности и необходимости из опыта, из практической деятельности людей, которая показывает, что эти понятия имеют объективное содержание. Но дело в том, что Юм понимал опыт субъективно-идеалистически. По его мнению, опыт представляет собой не что иное, как психические переживания, которые беспрерывно меняются в сознании человека и никогда не выводят его за пределы этого сознания. Очевидно, что при таком понимании сущности опыта наше понятие о необходимости не может иметь объективного содержания.

С точки зрения Юма, основой нашего понятия о необходимости является субъективный принцип привычки, субъективное побуждение, внутреннее чувство, принуждающее нас верить, что необходимая причинная связь существует независимо от нашего сознания. На самом же деле никакой такой связи, как утверждал Юм, нет. Если даже что-либо и существует вне нашего внутреннего мира, то мы, по мнению Юма, ничего о нем не знаем и знать не можем. Юм говорил, что необходимость есть нечто, существующее в духе, а не в объектах, и мы никогда не составим себе о ней даже самой отдаленной идеи, если будем рассматривать ее, как качество тел. Это субъективно-идеалистическое отрицание объективной необходимости приводит Юма к отрицанию правомерности перенесения прошлого опыта на будущее, следовательно, к отрицанию возможности научного предвидения.

В противоположность Юму, Кант утверждал, что необходимость так же, как и другие логические категории, имеет не опытное, а априорное, доопытное происхождение.

Согласно Канту, природа, являющаяся объектом познания, представляет собой совокупность явлений (чувственных представлений). Мир этих явлений сам по себе хаотичен и лишен внутренней закономерности, независящей от сознания человека, от субъекта. Логические категории, по мнению Канта, и являются теми формами ,при помощи которых рассудок связывает, объединяет и упорядочивает явления и тем самым обеспечивает закономерное течение событий. Как утверждал Кант, категории представляют собой понятие, а prïori предписыва-

ющие законы явлениям, т. е. природе, как совокупности всех явлений. По мнению Канта, необходимость является продуктом нашего сознания, она вносит порядок, закономерность в хаос явлений. Он прямо заявил, что «...высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т. е. в нашем рассудке», что *«рассудок не почерпает свои законы* (a priori) *из природы, а предписывает их ей»*[1]. Из этого субъективно-идеалистического решения вопроса о характере и содержании необходимости вытекает тот абсурдный вывод, что человек познает те же самые законы, которые он же и предписал природе.

В конце XIX и начале XX вв., когда капитализм вступил в последнюю стадию своего развития, в стадию империализма, продолжением этой субъективно-идеалистической линии в вопросе о характере необходимости природы и общества явился махизм, который представлял собой яркое проявление империалистической реакции в области идеологии.

Взгляды махистов по этому вопросу характеризуются общей и Юму, и Канту идеей отрицания объективной необходимости природы и общества и выведения ее из человеческого сознания, из субъекта. Непосредственным выводом из отрицания объективной необходимости является отрицание махистами объективного содержания логических категорий и основных понятий наук. С точки зрения махизма, идеалом науки является создание упорядоченной, упрощенной и свободной от противоречий системы идей, возникающей через приспособления наших мыслей друг к другу. Поэтому наука, как утверждали махисты, имеет дело не с объективным миром, не с его необходимыми, закономерными связями, а с мыслями, которым ничто вне нас не соответствует.

Махист и «физический» идеалист Дюгем, например, утверждал, что физическая теория строится на основе произвольно установленных принципов и математических символов, что она не может быть выражением объективной необходимости физических явлений, объяснением реальных процессов, совершающихся вне и независимо от человека, не вскрывает реальностей, скрывающихся позади доступных восприятию явлений. С этой точки зрения, законы и теории науки представляют собой не что иное, как произвольные логические конструкции, которые создаются в целях «экономии мышления» и которым ничто вне нас не соответствует.

Такова суть решения проблемы необходимости природы философией махизма. В. И. Ленин воспроизводит ее, цитируя Маха: «Кроме логической, какой-нибудь другой необходимости,

---

[1] И. Кант. Пролегомены, Соцэкгиз, 1934 г., стр. 202, 203.

например, физической, не существует»[1]. Это утверждение Маха представляет собой повторение мысли Юма, который заявлял, что обычное разделение моральной и физической необходимости не имеет никакого основания в природе вещей.

Как отмечалось выше, субъективный идеализм является господствующим направлением современной буржуазной философии. Он представлен множеством разновидностей так называемого позитивизма, из которых прагматизм и семантика получили наибольшее распространение в капиталистических странах.

Прагматизм является выражением точки зрения крайнего субъективизма, отрицающего объективное существование внешнего мира и его необходимых, закономерных связей. С его точки зрения, действительность представляет собой поток наших ощущений, с которым человек может свободно обращаться. По выражению одного из основоположников прагматизма Джемса, человек поступает с действительностью точно так, как с мраморной глыбой, когда из нее высекают статую. Для прагматизма мир есть то, чем человек его делает. Нельзя определить мир через то, чем он был первоначально, или через то, что он такое отдельно от человека. Без субъекта нет объекта, без человека нет внешнего мира. Таков взгляд прагматистов на окружающую нас действительность.

Очевидно, что при таком взгляде на мир объективная необходимость, объективная логика вещей не может существовать. Поэтому и субъективная логика, ее категории так же, как и общие понятия всякой другой науки, представляют собой результат внесения человеческого порядка в поток ощущений и классификации отношений между ними. По мнению прагматистов, человек по своему усмотрению и в соответствии со своими желаниями создает систему понятий той или иной науки и определяет логический порядок их расположения. Человеческий произвол, утверждают они, изгнал объективную необходимость из научной логики, как мнимую и несуществующую. Все, что происходит в мире, совершается в соответствии с субъективной логикой, созданной и искусственно сконструированной человеком. Законы логики, математики и других наук представляют собой не что иное, как эти искусственные конструкции, а не отражение объективной, не зависящей от нас необходимости природы и общества.

Один из приемов, с помощью которых представители субъективного идеализма пытаются обосновать точку зрения отрицания объективной необходимости, состоит в отрицании объективного содержания общих понятий, которыми оперируют

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 146.

ющие законы явлениям, т. е. природе, как совокупности всех явлений. По мнению Канта, необходимость является продуктом нашего сознания, она вносит порядок, закономерность в хаос явлений. Он прямо заявил, что «...высшее законодательство природы должно находиться в нас самих, т. е. в нашем рассудке», что *«рассудок не почерпает свои законы* (a priori) *из природы, а предписывает их ей»*[1]. Из этого субъективно-идеалистического решения вопроса о характере и содержании необходимости вытекает тот абсурдный вывод, что человек познает те же самые законы, которые он же и предписал природе.

В конце XIX и начале XX вв., когда капитализм вступил в последнюю стадию своего развития, в стадию империализма, продолжением этой субъективно-идеалистической линии в вопросе о характере необходимости природы и общества явился махизм, который представлял собой яркое проявление империалистической реакции в области идеологии.

Взгляды махистов по этому вопросу характеризуются общей и Юму, и Канту идеей отрицания объективной необходимости природы и общества и выведения ее из человеческого сознания, из субъекта. Непосредственным выводом из отрицания объективной необходимости является отрицание махистами объективного содержания логических категорий и основных понятий наук. С точки зрения махизма, идеалом науки является создание упорядоченной, упрощенной и свободной от противоречий системы идей, возникающей через приспособления наших мыслей друг к другу. Поэтому наука, как утверждали махисты, имеет дело не с объективным миром, не с его необходимыми, закономерными связями, а с мыслями, которым ничто вне нас не соответствует.

Махист и «физический» идеалист Дюгем, например, утверждал, что физическая теория строится на основе произвольно установленных принципов и математических символов, что она не может быть выражением объективной необходимости физических явлений, объяснением реальных процессов, совершающихся вне и независимо от человека, не вскрывает реальностей, скрывающихся позади доступных восприятию явлений. С этой точки зрения, законы и теории науки представляют собой не что иное, как произвольные логические конструкции, которые создаются в целях «экономии мышления» и которым ничто вне нас не соответствует.

Такова суть решения проблемы необходимости природы философией махизма. В. И. Ленин воспроизводит ее, цитируя Маха: «Кроме логической, какой-нибудь другой необходимости,

---

1 И. Кант. Пролегомены, Соцэкгиз, 1934 г., стр. 202, 203.

например, физической, не существует»[1]. Это утверждение Маха представляет собой повторение мысли Юма, который заявлял, что обычное разделение моральной и физической необходимости не имеет никакого основания в природе вещей.

Как отмечалось выше, субъективный идеализм является господствующим направлением современной буржуазной философии. Он представлен множеством разновидностей так называемого позитивизма, из которых прагматизм и семантика получили наибольшее распространение в капиталистических странах.

Прагматизм является выражением точки зрения крайнего субъективизма, отрицающего объективное существование внешнего мира и его необходимых, закономерных связей. С его точки зрения, действительность представляет собой поток наших ощущений, с которым человек может свободно обращаться. По выражению одного из основоположников прагматизма Джемса, человек поступает с действительностью точно так, как с мраморной глыбой, когда из нее высекают статую. Для прагматизма мир есть то, чем человек его делает. Нельзя определить мир через то, чем он был первоначально, или через то, что он такое отдельно от человека. Без субъекта нет объекта, без человека нет внешнего мира. Таков взгляд прагматистов на окружающую нас действительность.

Очевидно, что при таком взгляде на мир объективная необходимость, объективная логика вещей не может существовать. Поэтому и субъективная логика, ее категории так же, как и общие понятия всякой другой науки, представляют собой результат внесения человеческого порядка в поток ощущений и классификации отношений между ними. По мнению прагматистов, человек по своему усмотрению и в соответствии со своими желаниями создает систему понятий той или иной науки и определяет логический порядок их расположения. Человеческий произвол, утверждают они, изгнал объективную необходимость из научной логики, как мнимую и несуществующую. Все, что происходит в мире, совершается в соответствии с субъективной логикой, созданной и искусственно сконструированной человеком. Законы логики, математики и других наук представляют собой не что иное, как эти искусственные конструкции, а не отражение объективной, не зависящей от нас необходимости природы и общества.

Один из приемов, с помощью которых представители субъективного идеализма пытаются обосновать точку зрения отрицания объективной необходимости, состоит в отрицании объективного содержания общих понятий, которыми оперируют

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14. стр. 146.

ет научное познание. С этой целью они прибегают к искажению и антинаучному толкованию фактов действительности. Этот прием нашел свое яркое выражение в семантике, которая является одним из многих течений современной реакционной буржуазной философии и получила довольно широкое распространение в капиталистических странах, особенно в США и Англии.

Семантика так же, как и прагматизм, выступает как философское течение крайнего субъективизма махистского толка. Она отрицает объективное содержание не только общих и абстрактных понятий, которыми оперирует научное познание, но и любого слова, употребляемого в языке. Семантический идеализм пытается изобразить дело таким образом, будто слова и общие понятия, а также их сочетания в предложениях являются не отражением объективных вещей, их связей и отношений, а представляют собой лишь искусственные конструкции, содержание, смысл и значение которых зависит от человека, от субъекта. Так как нет никаких аргументов, при помощи которых можно обосновать эту глубоко неверную точку зрения, семантики прибегают к извращению фактов действительности, к их антинаучному, субъективно-идеалистическому истолкованию.

Так, отрицая объективное содержание научных абстракций и общих понятий, семантический идеализм спекулирует на том известном факте, что общее не существует отдельно от единичного. Семантики метафизически разрывают общее и единичное. Они заявляют, что для общих понятий нет наглядного прообраза в действительности, нет референта, как выражается Чейз. Нет стоимости вообще, а есть цены единичных товаров, нет человечества вообще, а есть отдельные личности и т. д. Поэтому, заключают семантики, общие понятия: «закон», «стоимость», «человечество», «добро», «зло», «капитализм» и т. п. являются пустыми символами, которые не имеют никакого объективного содержания и которым ничто вне нас не соответствует. Это значит, что семантики так же, как и прагматисты, отрицают объективную необходимость, закономерность природы и общества и ее отражение сознанием в форме общих и абстрактных понятий, которыми оперирует научное познание.

Весь ход исторического развития языка и знаний человека доказывает несостоятельность этой точки зрения. Процесс познания есть процесс все более глубокого отражения объективного мира и его необходимых, закономерных связей в сознании человека. Результаты познавательной деятельности мышления фиксируются в общих и абстрактных понятиях науки, умозаключениях, суждениях. Общие понятия, суждения, умо-

заключения являются отражением необходимых, закономерных связей действительности, которые существуют объективно, независимо от сознания человека. Это значит, что их содержание определяется не произволом человека, как это утверждают семантики, а самой объективной действительностью.

В целях обоснования субъективистской линии в вопросе о характере необходимости природы и общества современная буржуазная философия пытается использовать открытия и трудности роста физических и других естественных наук.

Вот уже три десятка лет, начиная с 1927 года, «физические» идеалисты и философы-идеалисты твердят, будто современная атомная физика опровергла детерминизм и обосновала индетерминизм в явлениях микромира. Этот вывод идеалистов опять-таки является результатом искажения фактов действительности. Индетерминисты отождествляют детерминизм вообще с механистическим детерминизмом. Они выдают ограниченность последнего за несостоятельность детерминизма вообще. Но диалектический материализм еще задолго до квантовой механики показал ограниченность механистического детерминизма и несостоятельность его попыток объяснить все явления природы и общества на основе законов механики и механической причинности, отождествляемой им с необходимостью. Диалектический материализм не сводит детерминизм к механической причинности, а идет дальше, все глубже и полнее раскрывая многообразие причинных связей явлений природы и общества. Он считает, что механистический детерминизм, как определенная ступень развития наших понятий об объективном законе причинности, не исчерпывает многообразия причинных связей действительности.

Если же современные «физические» идеалисты отождествляют механический детерминизм с детерминизмом вообще и ограниченность первого рассматривают как крах второго, то это свидетельствует лишь о метафизическом образе их мышления, а не о несостоятельности учения материализма о детерминизме вообще. Поэтому французский физик-материалист П. Ланжевен справедливо указывал, что если природа не дает точного ответа на наш вопрос относительно электрона, уподобляемого частице классической механики, то не будет ли слишком большой самонадеянностью сразу заключить, что природа не знает детерминизма, что в действительности речь идет вовсе не о кризисе детерминизма вообще, но лишь о кризисе механицизма, который физики пытались приспособить для объяснения совершенно новой области.

Открытия в этой новой области физики, в области «элементарных» частиц материи явились не доказательством несостоя-

тельности учения диалектического материализма о детерминизме, а, наоборот, глубоким подтверждением этого учения. Знаменателен тот факт, что в последнее время ряд крупных ученых-физиков в капиталистических странах выступили с критикой индетерминизма и противопоставили ему материалистическое истолкование явлений квантовой механики, основанное на признании объективной необходимости, закономерности явлений микромира и их причинной обусловленности. К ним относится французский физик Луи де Бройль, который на протяжении ряда лет отстаивал и пропагандировал концепцию индетерминизма, американский физик Д. Бом, который предложил каузальную интерпретацию квантовой теории на основе представления о «скрытых» параметрах, и другие. Они правильно указывают, что концепция индетерминизма, отрицающая причинную обусловленность и объективную необходимость явлений микромира, представляет собой большое препятствие на пути дальнейшего развития физики. Это свидетельствует о том, что «ход развития естествознания, несмотря на все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естественников, несмотря на вчерашнее увлечение модным, «физиологическим идеализмом» или сегодняшнее — модным «физическим идеализмом», отбрасывает прочь все системы и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма»[1].

Отрицание современной буржуазной философией объективной необходимости, закономерности развития природы и общества имеет глубокие классовые корни. Оно является выражением страха империалистической буржуазии перед растущим социалистическим движением, ее стремлений оттянуть смертный час капитализма, обреченного на гибель объективным ходом исторического развития.

Маркс указывал, что с момента завоевания политической власти буржуазией пробил смертный час для научной буржуазной экономики. «Отныне, — писал он, — дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»[2]. Этот вывод, основанный на глубоком и всестороннем анализе условий и причин возникновения вульгарной политической экономии и ее классовой сущ-

---

1 В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 336.
2 К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949 стр. 13.

ности, может быть целиком отнесен к современной буржуазной философии.

Реакционная сущность буржуазной идеологии ясно выступает в эпоху империализма, особенно в нынешних условиях общего кризиса капитализма и существования лагеря социализма. Одно из проявлений ее реакционной сущности и состоит в отрицании объективной необходимости, закономерности прогрессивного развития природы и общества.

Марксизм научно обосновал неизбежность гибели капитализма и победы социализма. Он показал, что объективная необходимость развития капиталистического способа производства неизбежно приводит его к замене новым, социалистическим способом производства. Истинность этого коренного положения марксистско-ленинской науки доказана практикой строительства социализма в СССР, успехами хозяйственного и культурного строительства в странах народной демократии, которые также идут по пути к социализму. Это значит, что тот, кто признает объективную необходимость исторического развития, должен признать необходимость гибели капитализма. Этого-то как раз и не хотят признавать буржуазия и ее идеологи. Поэтому они всячески стараются изобразить дело таким образом, будто никакой объективной необходимости развития природы и общества не существует.

Своим отрицанием объективной необходимости современная буржуазная философия пытается создать у рабочего класса и трудящихся масс неправильное, антинаучное представление о мире, соответствующее классовым интересам империалистической буржуазии, задержать рост их революционного сознания, отвлечь их от классовой борьбы, направленной на социалистическое преобразование общества.

В этих целях буржуазия и ее идеологи обманывают народные массы, приукрашивают капиталистическую действительность, искажают сущность процессов, происходящих в общественной жизни капиталистических стран. Поэтому Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС говорил: «Организуя наступление на рабочее и коммунистическое движение, международная реакция прибегает к социальной демагогии, к обману масс фальшивыми баснями о так называемом «свободном мире». Идеологи империализма пытаются приукрашивать антинародные капиталистические порядки»[1].

Семантики, например, пытаются внушить народным массам, будто причины всех противоречий и социальных конфликтов буржуазного общества коренятся не в самой природе капита-

[1] Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 гг., «Правда», 28 января 1959 г., стр. 7—8.

листического способа производства, а в плохом языке, в том, что люди не понимают друг друга, ибо каждый человек по-своему определяет смысл и значение употребляемого им слова.

Таким образом, отрицание современной буржуазной философией объективной необходимости в природе и обществе является выражением того факта, что буржуазия «так обеспокоена» «законами» современной хозяйственной эволюции, слишком очевидными, слишком внушительными, что буржуа и их идеологи готовы выкинуть всех классиков и всякие законы»[1].

Современные буржуазные философы в разнообразных вариантах повторяют мысль прагматиста Джемса, который утверждал, что единственное реальное основание, которое можно придумать, почему вообще что-либо появляется на свет, это то, что кто-то желает, чтобы оно появилось. Все зависит от воли и сознания человека. Все, что происходит в мире, происходит потому, что человек желает, чтобы оно произошло. Мир лишен внутренней закономерности. Человек вносит в него порядок, необходимость, закономерность,— такова суть точки зрения субъективистов на мир.

«Физический» идеалист Гейзенберг, например, утверждает, что законы науки представляют собой результат желаний и стремлений ученого «проще и единообразнее» описать факты. По его мнению, «знаменитое открытие Коперника является шагом в том же направлении: чтобы проще и единообразнее изобразить движение Солнца и планет, он отказался от непосредственно данного факта центрального положения Земли»[2]. Получается, что различие между системами Птоломея и Коперника заключается только в степени простоты и единообразности описания видимого движения Солнца и планет. Если иметь в виду, что под единообразием Гейзенберг понимает необходимость, закономерность, то выходит, что природа лишена внутренней необходимости, что человек вносит в природу закономерность.

Таким образом, многообразные течения субъективного идеализма ставят все, что происходит в мире, в зависимость от произвола человека, от его желаний и стремлений.

Несостоятельность этой точки зрения доказана всем ходом исторического развития материального производства, доказана практической деятельностью людей.

Открытие Коперника, например, явилось не результатом желаний и стремлений ученого «проще, и единообразнее изобразить движение Солнца и планет», а представляет собой резуль-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, изд. 4, стр. 179—180.

[2] В. Гейзенберг. Философские проблемы атомной физики, 1953, стр. 28.

тат познания объективной необходимости, закономерности, которая управляет этим движением.

Если бы все зависело от произвола человека, как это утверждают субъективные идеалисты, то буржуазия и ее идеологи могли бы предотвратить такие неприятные для них явления, например, как экономические кризисы. Между тем известно, что попытки буржуазных правительств ликвидировать или предотвратить экономические кризисы всегда кончались и кончаются провалом. «Ни гонка вооружений, ни прочие меры не смогут избавить экономику США и других капиталистических государств от кризисов перепроизводства. Что бы ни делали капиталистические государства, они не могут уничтожить причину кризисов.»[1]. Это объясняется тем, что периодически повторяющиеся экономические кризисы являются объективной необходимостью, неизбежно вытекающей из самой сущности капиталистического способа производства, из его основного противоречия. Поэтому пока существует капиталистический способ производства, они не могут быть ни ликвидированы, ни предотвращены.

Непосредственным выводом из субъективно-идеалистического взгляда на мир и его необходимые, закономерные связи является отрицание возможности повторения явлений общественной жизни. В самом деле, если все зависит от воли и сознания человека, то люди должны быть в состоянии предотвратить повторение нежелательных им событий. Эту точку зрения и проводят идеологи современной империалистической буржуазии. Этим они пытаются внушить народным массам мысль о том, будто социалистическая стадия развития общества вовсе не является объективной необходимостью.

Конечно, изменения в общественной жизни одних стран не являются повторением прошлого других стран во всех его подробностях, частностях, мелочах. Но то, что исторические процессы в своих главных, решающих, существенных чертах одинаково повторяются для разных стран, доказано научно и подтверждено всем ходом исторического развития. Пути перехода к социализму разнообразны, но социалистическая стадия развития является неизбежной для всех народов и стран. Такова объективная необходимость исторического развития человеческого общества, которая существует независимо от воли и сознания человека. Это показывает, что исторический материализм, выделив производственные отношения, как структуру общества, дал «возможность применить к этим отношениям тот

---

[1] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 гг., «Правда», 28 января 1959 г., стр. 6.

общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»[1].

* * *

Диалектический материализм признает объективное существование связей действительности и их верное отражение в сознании человека. Это признание является научно обоснованным и непосредственно связано с признанием объективного существования самого внешнего мира.

Диалектический материализм, научно решая основной вопрос философии, показал, что это решение включает в себя признание объективности связей и отношений действительности.

Материалистическое решение основного вопроса философии состоит в признании первичности материи, природы, бытия и вторичности сознания. По отношению к природе сознание представляет собой явление позднейшее, результат длительного процесса развития материи. Это значит, что существование и развитие внешнего мира, его предметов и явлений не зависят от сознания и воли человека. Ясно, что из объективности внешнего мира непосредственно вытекает объективность необходимых и других связей между его предметами, телами, вещами. Поэтому В. И. Ленин указывал, что нельзя оторвать признание объективности необходимости от признания объективности внешнего мира.

Взаимосвязь и взаимообусловленность предметов и явлений действительности представляют собой необходимость, закономерность движущейся материи. Наши понятия о необходимых, закономерных связях и отношениях предметов и явлений выступают как различные формы отражения сознанием этих объективных связей и отношений действительности. Наши понятия выводятся не из сознания, не из субъекта, а из самого внешнего мира, являются отражением объективных процессов, происходящих вне человека и независимо от его воли и сознания. Поэтому Энгельс указывал, что диалектика головы — только отражение форм движения реального мира как природы, так и истории.

Подтверждением объективного характера необходимости является и относительный, изменчивый характер человеческих знаний.

Разнообразные течения субъективного идеализма пытаются использовать факт относительного, изменчивого характера человеческих знаний как доказательство правомерности отрицания объективного существования внешнего мира и его необходимых, закономерных связей, как доказательство того, что формы мышления не имеют объективного содержания.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 122.

Старые истины, считавшиеся бесспорными, незыблемыми, оказываются относительными истинами. Следовательно, заключают субъективисты, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, нет и быть не может. Поэтому, говорят они, формы мышления представляют собой произвольные образования, искусственные конструкции, которым ничто вне нас не соответствует. Таким образом, с точки зрения субъективного идеализма, признание относительности человеческих знаний исключает допущение абсолютной истины и объективного содержания форм мышления. Этот вывод является неправильным и представляет собой результат незнания соотношения диалектики и релятивизма.

На самом деле относительный, изменчивый характер человеческих знаний является подтверждением объективности необходимых, закономерных связей действительности и их приблизительно верного отражения сознания человека.

Относительный характер человеческих знаний объясняется, во-первых, тем, что процесс познания представляет собой процесс все более глубокого и полного отражения необходимости внешнего мира. Вне человека существует объективный мир с его необходимыми, закономерными связями, которые являются объектом познания. Но мышление человека не в состоянии сразу отразить и познать их. Ввиду этого процесс познания выступает как бесконечная цепь последовательных ступеней приближения мышления к объекту. Поэтому В. И. Ленин указывал: «Человек не может охватить—отразить—отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»[1].

История развития науки дает бесчисленное множество примеров, показывающих такой именно характер процесса познания. Она показывает, что углубление знаний приводит к изменению содержания наших представлений и понятий, к открытию все новых и новых закономерностей изменения и развития объективной действительности, что наука отказывается от тех представлений и понятий, которые неверно отражали объективные связи и не получили практического подтверждения. История развития человеческих знаний показывает, что относительные истины представляют собой относительно верные отражения независимого от человечества внешнего мира и его закономерностей, что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина.

Относительный, изменчивый характер человеческих знаний объясняется, во-вторых, тем, что вне нас и независимо от нас

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 157.

существующий мир находится в состоянии беспрерывного изменения и развития. Поэтому наши понятия о характере и сущности связей предметов и явлений окружающего нас мира не могут быть застывшими, неизменными, раз навсегда данными, а должны быть подвижными и гибкими. Это значит, с одной стороны, что в зависимости от изменения характера связей и отношений предмета с окружающим его миром наши понятия о нем, о его связях и отношениях приобретают новое содержание, соответствующее новым, изменившимся условиям. С другой стороны, то общее, существенное, необходимое, которое отражается в этих понятиях, проявляется по-разному в зависимости от конкретных условий или же в процессе развития утрачивает свою необходимость и в конечном итоге перестает существовать.

Так, законы метеорологии имеют силу только для Земли, ибо на других планетах нет условий, абсолютно тождественных с теми, которые существуют на ней. Закон падения тел на Луне проявляется не так, как на земном шаре. Как указывал Энгельс, физика, химия, биология, метеорология и т. д. имеют силу только для Земли и поэтому лишь относительны. Абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь движение.

То же самое можно сказать и о явлениях общественной жизни. Например, связь, выраженная в понятии «натуральное хозяйство», представляет собой необходимую, существенную сторону экономических отношений, соответствующих определенному уровню развития производительных сил. Но в условиях развитого товарного производства она уже не является необходимой связью. Понятия «конкурентная борьба» и «анархия производства» отражают необходимые и существенные связи, свойственные капиталистическому способу производства, а в социалистической действительности ничто им не соответствует: в условиях социализма связи, отражаемые этими категориями, перестают существовать.

Изменение и развитие предметов и явлений окружающего нас мира приводит к тому, что те или иные положения, понятия, категории, законы науки, верные для одних условий и времени, становятся неверными для других условий и времени. Их содержание изменяется с изменением связей предметов и явлений действительности, иначе они не могут отразить объективную истину.

Таким образом, относительный изменчивый характер человеческих знаний является выражением исторической условности пределов приближения наших знаний к объективной истине и беспрерывного изменения и развития окружающего нас мира. Относительный характер знаний обусловлен не субъективными принципами «удобства», «экономии мышления» и т. д.,

не производством человека, а объективным существованием материального мира с его необходимыми, закономерными связями, которые приблизительно верно отражаются сознанием человека. Следовательно, относительный характер наших знаний свидетельствует не о том, что законы науки являются искусственными конструкциями, как это утверждают субъективные идеалисты, а о том, что вне нас и независимо от нас существует мир с его необходимыми связями, отражением которых являются законы науки.

Всесторонним доказательством объективного характера необходимости и ее верного отражения сознанием служит практическая деятельность людей. Поэтому Энгельс указывал, что «доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде»[1]. То, что объективный характер необходимости обосновывается благодаря практической деятельности людей, можно показать на конкретных примерах из различных областей знаний.

Энгельс говорил, например, что при помощи вогнутого зеркала мы можем концентрировать в фокусе солнечные лучи. При этом получается такой же эффект, какой дает подобная же концентрация лучей обыкновенного огня. Это является доказательством того, что тепло получается от солнца, что между этими двумя явлениями существует необходимая связь.

Мы наблюдаем, что любое тело, поднятое на некоторую высоту, всегда падает обратно, когда устраняется сила, удерживающая его в отдалении от поверхности Земли. На основе этого мы приходим к выводу, что это явление с неизбежностью будет повторяться там, где имеются соответствующие условия. Этот вывод основан на том, что между материальными телами существует необходимая связь, одним из выражений которой является закон падения тел.

В своей сельскохозяйственной практике люди выводят нужные им сорта растений и виды животных, сознательно изменяют их природу и управляют наследственностью. Это является доказательством объективного существования необходимых связей взаимодействия организмов и внешней среды и верного отражения этих связей в законах биологической науки.

Опыт, практическая деятельность людей показывают, что для того, чтобы вызвать к жизни те или иные явления, необходимо иметь определенные условия. Это является подтверждением объективной необходимости, управляющей этими явлениями. «Этот самый *опыт*, — писал В. И. Ленин, — создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас. Наши ощущения, наше сознание есть лишь

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1948, стр. 184.

образ внешнего мира, и понятно само собой, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»[1].

Практика является основой процесса познания внешнего мира и его закономерностей. В своей практической деятельности по производству материальных благ люди постигают сущность явлений окружающего мира, открывают и познают необходимые, закономерные связи действительности. Знания человека развиваются соответственно тому, как он научается изменять окружающий мир. На каждом данном этапе развития общества возникает необходимость удовлетворения тех или иных потребностей в дальнейшем развитии производительных сил и росте производства. Эти новые потребности выступают как стимул, как движущая сила научной мысли. Они направляют ее на путь изобретательства и научных открытий, позволяющих удовлетворить назревшую потребность общества. Это значит, что развитие науки находится в прямой зависимости от практических потребностей развития материального производства. Поэтому Энгельс указывал, что если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше чем десяток университетов.

В большинстве случаев предварительное решение назревшей задачи удовлетворения технической потребности неизбежно бывает гипотетическим, ибо, как указывал Энгельс, формой развития естествознания является гипотеза. Выдвинутая в этих целях гипотеза остается гипотезой до тех пор, пока практика не докажет ее истинность или ложность. Если практическое применение гипотезы и наших представлений о предметах окружающего нас мира приводит к ожидаемым результатам, то этим доказывается: во-первых, объективное существование необходимости, закономерности, управляющей данным кругом вещей и явлений; во-вторых, то, что они познаны правильно, и наши понятия о них верно отражают эту необходимость закономерность. Если же гипотеза не подтверждается практикой, то этим доказывается, что ничто ей в действительности не соответствует и она ложна. В таком случае наука от нее отказывается и устремляется в поиски новых путей решения задачи. Примером такого рода гипотез, которые не получили практического подтверждения и были отброшены, могут служить «теории» теплорода и электрической жидкости. Они не отражали объективных связей, а замещяли их вымышленными, несуществующими связями. Поэтому они и не могли быть подтверждены практикой.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, изд. 4, стр. 57.

Итак, практическая деятельность людей является доказательством объективного существования необходимости природы и общества. Поэтому В. И. Ленин указывал, *что «практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки», что «практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»[1]. Этим именно объясняются попытки махизма и других разновидностей субъективного идеализма извратить сущность практики, вынести критерий практики за пределы теории познания.

Другими доказательствами объективности необходимости является научное предвидение, непосредственно связанное с практической деятельностью людей.

Практическая деятельность всегда преследует определенную, заранее поставленную цель. Она всегда связана с известными расчетами, планами, в которых отражаются цель и средства ее осуществления. Указывая на эту сторону практической деятельности людей, Маркс говорил, что самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. Это значит, что практическая деятельность людей неразрывно связана с вопросами предвидения будущего. Она не может быть успешной, если человек не предвидит результатов своей деятельности. А предвидеть можно только при том условии, если необходимые связи, отражающиеся в законах науки, существуют объективно.

Широко известны научные предвидения в области астрономии. Астрономическая наука точно предсказывает время наступления лунного и солнечного затмений, появление комет и другие явления. Коперник, исходя из своей гелиоцентрической системы, предсказал необходимость существования параллакса звезд, который впоследствии действительно был обнаружен и измерен. Леверье, исходя из системы Коперника, показал необходимость существования неизвестной до тех пор планеты и указал место, где она в данный момент должна находиться. Эта планета действительно была обнаружена. Все эти и другие факты научного предвидения свидетельствуют о том, что необходимые связи, управляющие движением небесных тел, существуют объективно, а законы астрономической науки представляют собой их отражение сознанием.

Предвидение будущих явлений возможно не только в астрономии, но и в области других наук.

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 164—183.

Сравнительно недавно физики открыли неизвестную до сих пор «элементарную» частицу материи, которая названа антипротоном. Необходимость существования этой частицы давно была предсказана физической наукой. Теперь это доказано экспериментально. Это теоретическое предвидение и его экспериментальное подтверждение свидетельствуют не о том, что законы квантовой механики представляют собой искусственные конструкции, как это утверждают индетерминисты. Если бы это было так, то научное предвидение, о котором идет речь, было бы невозможно. На основе искусственных конструкций нельзя предвидеть будущие явления. Это научное предвидение основано на познании того, что явления микромира причинно обусловлены, что его необходимые, закономерные связи существуют объективно, а законы квантовой механики являются их отражением.

Научное предвидение в области общественного развития стало возможным после открытия Марксом материалистического понимания истории.

Классики марксизма-ленинизма дают яркие примеры предвидения хода исторического развития. Достаточно сказать, что Маркс и Энгельс сто с лишним лет назад предсказали неизбежность гибели капитализма и победы социализма. Вся деятельность КПСС базируется на научном предвидении необходимого хода исторического развития. Это является доказательством объективного существования необходимых, закономерных связей общественного развития и их верного отражения в законах марксистско-ленинской науки, доказательством того, что она имеет объективное содержание, выражает объективную истину.

Таким образом, факт научного предвидения будущих явлений, непосредственно связанный с практической деятельностью людей, является еще одним доказательством объективного характера необходимости в природе и обществе и ее верного отражения законами науки. Если бы необходимые, закономерные связи природы и общества не существовали объективно, а законы науки были бы искусственными конструкциями, то не могло бы быть и речи о предвидении на их основе будущего. Научное предвидение возможно потому именно, что необходимость развития природы и общества существует объективно, а законы науки являются ее приблизительно верным отражением.

Объективное существование необходимости внешнего мира, законов природы и общества означает, что они действуют независимо от того, познаны они человеком или нет. Так, закон сохранения материи и движения является вечным и абсолют-

ным законом природы. Но он был открыт и познан сравнительно недавно. Следовательно, он действовал независимо от этого открытия и от этого познания. Закон стоимости, выражающий необходимые связи и отношения товарного производства, существовал и действовал задолго до его открытия и познания Марксом.

Энгельс назвал непознанную еще необходимость слепой необходимостью. Как указывал В. И. Ленин, ее существование мы знаем оттуда же, откуда знаем, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, т. е. из нашей практической деятельности и развития наших знаний. Практическая деятельность и основанное на ней развитие знаний показывают, что слепая, непознанная еще необходимость, «необходимость в себе», превращается в познанную необходимость, в «необходимость для нас».

Объективное существование необходимости выражается в невозможности уничтожения, создания или преобразования законов природы и общества. Так, закон всемирного тяготения не может быть уничтожен или преобразован. Объясняется это тем, что он существует объективно и действует независимо от воли и сознания человека. Это относится к любому закону природы. Поэтому Маркс указывал, что «законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются»[1].

Это указание Маркса относится не только к законам природы, но и к законам общественного развития. Необходимость, закономерность, управляющая теми или иными процессами общественной жизни, также не может быть уничтожена, или произвольно нарушена. Указывая на эту особенность законов общественного развития, Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС говорил: «Переход от социалистической стадии развития к высшей фазе — это закономерный исторический процесс, который нельзя произвольно нарушать или обойти»[2].

* * *

Учение диалектического материализма об объективном характере необходимости природы и общества имеет важное значение для практической деятельности людей.

Предпосылкой правильной организации практической деятельности является познание объективной необходимости. Это

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 208.

[2] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народого хозяйства СССР на 1959—65 годы. «Правда», 28 января 1959 г., стр. 8.

не значит, конечно, что практическая деятельность людей не связана с процессом познания, что познание закономерностей внешнего мира предшествует практике. Познание невозможно без практики. Практика доставляет материал для познавательной деятельности мышления, проверяет правильность результатов этой деятельности и этим выступает как основа познания объективной необходимости, закономерности природы и общества.

В процессе своей производственной деятельности человек постигает сущность объективных процессов, познает их необходимые, закономерные связи. Чем богаче и многообразнее знания о закономерностях внешнего мира, тем успешнее человек в состоянии осуществлять контроль над силами природы и использовать их в своих интересах. Незнание объективной необходимости, управляющей теми или иными процессами, приводит к тому, что производственная, общественно-политическая и другая деятельность людей подвергается влиянию случайных, неожиданных, непредвиденных обстоятельств и неконтролируемых сил, в результате чего и достижение поставленной цели в значительной мере носит случайный характер. Практически можно осуществить лишь то, что не противоречит объективной необходимости и отвечает ее требованиям. Действия людей, идущие вразрез с требованиями объективной необходимости природы и общества, заранее обречены на провал и неизбежно должны потерпеть крах.

Классики марксизма-ленинизма всегда указывали на такой именно характер взаимодействия между практической деятельностью людей и объективной необходимостью. Энгельс, например, говорил, что политическая власть «может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда... она, как правило, падает под давлением экономического развития»[1]. Эти указания Энгельса относятся не только к деятельности политической власти, но и политических партий, классов, социальных групп и отдельных личностей. Их практическая деятельность может быть успешной лишь в том случае, если она соответствует требованиям объективной необходимости общественного развития.

История революционного движения в России дает ряд примеров, показывающих, что деятельность политических партий и групп, которые по тем или иным причинам не опирались на

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 171.

объективную необходимость экономического развития дореволюционной России, неизбежно приводила к их падению. К такого рода деятельности относится, например, деятельность русских народников.

Народники, так же как и всякие другие субъективисты, отрицали объективную необходимость исторического развития. Они видели движущую силу истории не в условиях материальной жизни общества, а в осуществлении идей, соответствующих человеческой природе. Причем они рассматривали эти идеи не как отражение общественного бытия общественным сознанием, а как продукт сознания выдающихся личностей, как результат умственных усилий социолога, направленных на выяснение общественных условий, при которых та или иная потребность человеческой природы получает все удовлетворение. Ясно, что при таком взгляде на характер общественного развития не может быть и речи об общественно-политической деятельности, основанной на учете требований объективной необходимости и их использовании в интересах прогрессивного развития общества. Такая деятельность оторвана от объективной действительности и не может привести к осуществлению поставленных задач.

Субъективно-идеалистический взгляд на ход общественного развития является господствующим в современной буржуазной философии и социологии. Этого взгляда придерживаются и политические деятели империалистических государств. Они упорно отворачиваются об объективных условий развития мировой истории на современном этапе. В своей общественно-политической деятельности они исходят не из учета требований объективной необходимости, а из субъективных стремлений и классовых интересов империалистической буржуазии. Поэтому их деятельность носит ярко выраженный реакционный характер и находит свое проявление как во внутренней, так и во внешней политике империалистических государств.

Идеологи империализма и подпевающие им современные ревизионисты, пытаясь подорвать растущее влияние коммунистических партий, распространяют клеветнические измышления, будто коммунистическое движение — это «дело рук Москвы» и что коммунистические и рабочие партии зависят от КПСС.

Разоблачая эти клеветнические утверждения идеологов империализма и современных ревизионистов, Н. С. Хрущев говорил: «Коммунистические партии возникли не потому, что какой-то один центр «насаждает» их во всех странах. Таких чудес в природе не бывает. История развития общества говорит,

что с появлением и ростом рабочего класса возникают и марксистские партии. А это означает, что коммунистическое движение возникло как объективная необходимость, оно порождено самими условиями жизни рабочего класса каждой страны»[1].

Признание диалектическим материализмом объективной необходимости не имеет ничего общего с фетишизацией законов внешнего мира. Существование объективной необходимости вовсе не исключает возможности сознательного воздействия людей на ход исторического развития. Историю делают сами люди. Поэтому их действия не могут не иметь в ней значения. «Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»[2].

Из причинной обусловленности человеческих поступков вовсе не вытекает, что человек является пассивным орудием в руках незыблемой необходимости, что его общественная деятельность не может иметь никакого значения в историческом развитии. Весь вопрос при оценке общественной деятельности партий или отдельных личностей в том, при каких условиях этой деятельности может быть обеспечен успех.

Марксизм-ленинизм учит, что это имеет место при условии, если партии или отдельные личности строят свою деятельность в соответствии с требованиями объективной необходимости развития окружающего нас мира, если идеи, теории, убеждения, которыми они руководствуются, представляют собой верное отражение этой необходимости.

Действие необходимости, закономерности, управляющей теми или иными явлениями, процессами природы, не включает в себя деятельность людей, проявляется не через эту деятельность, а помимо нее, бессознательно, стихийно. Например, смена дня и ночи, времен года, действие закона всемирного тяготения и другие процессы природы совершаются помимо человеческой деятельности.

Люди познают объективную необходимость, закономерность природы и используют ее в своих интересах. Когда человек знает законы, управляющие теми или иными процессами природы, то он может действовать в соответствии с требованиями этих законов, создать условия, из которых вытекает необходи-

---

[1] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 годы, «Правда», 28 января 1959 г., стр. 8.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, изд. 4, стр. 142.

мый ему результат. Но это вовсе не означает, что действие законов природы включает в себя деятельность людей.

Что же касается истории развития человеческого общества, то здесь дело обстоит совсем иначе. Как отмечалось, история делается людьми и только людьми. Это значит, что объективная необходимость, закономерность общественного развития может проявляться только через деятельность людей.

Капиталистический способ производства, основанный на частной собственности на средства производства, исключает возможность сознательно-организованных и планомерных действий, направленных на развитие всего общественного производства. Здесь условия жизни не находятся под властью и контролем людей, а господствуют над ними, законы общественного развития проявляются и действуют стихийно, противостоят людям, как чуждые им, господствующие над ними силы природы. Это приводит к тому, что историческое событие выступает как следствие столкновения множества стремлений разнообразных направлений и в большинстве случаев является неожиданностью для его участников. Указывая на такой характер исторических событий, совершающихся в условиях капитализма и других антагонистических формаций, Энгельс писал: «Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводит в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в бессознательно действующей природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны».[1].

Социалистическая система хозяйства, основанная на общественной собственности на средства производства и объединении всех производителей в единый коллектив, развивается не стихийно, а на основе сознательного использования и умелого применения экономических законов, на основе сознательной деятельности людей, направленной на осуществление требований объективной необходимости развития советского общества по пути к коммунизму.

Всемирно-исторические победы нашей страны в социалистическом преобразовании общества и решении задач коммунистического строительства в нашей стране тем и объясняются, что в своей практической деятельности КПСС руководствуется не случайными мотивами, а исходит из марксистско-ленинской науки, являющейся верным отражением объективной необходимости, закономерности общественного раз-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 371, изд. 1948.

вития. «Самой лучшей проверкой правильности курса руководства страной являются успехи в развитии народного хозяйства, в подъеме культуры и благосостояния народа. Мы, советские коммунисты, считаем наш путь к социализму, указанный великим Лениным, верным. Идя по нему, Советский Союз достиг таких побед, которые потрясают весь мир. По пути октябрьской революции, по пути Ленина пошли все страны народной демократии и также добились замечательных успехов»[1].

Познание объективной необходимости дает партии возможность предвидеть направление развития и его результаты. Каждое решение КПСС и Советского правительства имеет глубокие корни в самой действительности, является отражением назревших задач и объективной необходимости их осуществления для данных условий развития социалистического общества.

Диалектический материализм учит, что предметы и явления действительности, будучи необходимыми для определенных условий и времени, становятся не необходимыми для других условий и времени, в процессе развития. Поэтому все, утратившее свою необходимость, вынуждено бывает уступить место новому, жизнеспособному, т. е. ставшему необходимым.

Это положение диалектического материализма имеет важное значение для практической деятельности. Оно требует умения всесторонне анализировать действительность, своевременно ориентироваться в явлениях жизни. Неумение различать действительное, утратившее свою необходимость, от действительного, ставшего необходимым, может нанести большой вред практической деятельности. Деятельность КПСС является образцом такого именно диалектического подхода к действительности, важнейшим требованием которого является умение своевременно выявить, какие явления и процессы утратили свою необходимость, а какие стали необходимыми и должны занимать место первых.

В зависимости от конкретных условий, места и времени необходимость развития объективных процессов может проявляться в различных формах, осуществиться различными путями. Если бы необходимость развития могла осуществиться только в одной единственной форме, то это означало бы, что ход событий фатально предопределен, что люди не в состоянии оказать какое-либо влияние на них.

Отсюда вытекает тот важный вывод, что в своей практической деятельности партия рабочего класса не может огра-

---

1 Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—65 годы, «Правда», 28 января 1959 г., стр. 8.

ничиться констатацией необходимости тех или иных объективных процессов. Она должна, кроме этого, внимательно следить за развитием событий с тем, чтобы своевременно определить возможные пути и формы развития процесса, силы, готовые бороться за тот или иной путь. Это дает возможность выбрать наиболее прямой путь движения вперед, который в большей степени соответствует интересам рабочего класса и всех трудящихся.

Такое развертывание многообразия форм и подходов к делу, обеспечивающих успешное решение назревших задач, возможно только на основе широкого развертывания инициативы трудящихся масс. XX съезд КПСС взял курс на широкое и беспрепятственное развитие партийной и советской демократии. Все меры, принятые партией в этом направлении, дали возможность еще больше укреплять связь с массами, развивать их инициативу и творческие силы. В результате этого за короткий исторический период от XX до XXI съезда КПСС советский народ, руководимый коммунистической партией, добился крупных успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры, в дальнейшем подъеме жизненного уровня трудящихся масс.

В СССР социализм одержал не только полную, но и окончательную победу. XXI съезд КПСС знаменует собой вступление советского общества в новый период своего развития — в период развернутого строительства коммунизма. Главная задача Коммунистической партии и советского народа состоит в том, чтобы обеспечить безусловное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Успех выполнения семилетнего плана будет решаться непосредственно на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях в партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организациях.

Важнейшим условием успешного решения задач коммунистического строительства является дальнейшее развитие демократии, привлечение всех граждан к активной борьбе за выполнение и перевыполнение заданий семилетнего плана. Поэтому XXI съезд КПСС отметил, что «в современных условиях главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развитие демократии, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в управлении общественными делами»[1].

Такое широкое развитие демократии дает возможность обеспечить дальнейшее укрепление связи партии с массами, вызвать

[1] Резолюция XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева, «Правда», 7 февраля 1959 г., стр. 2.

к жизни разнообразные формы и приемы борьбы за выполнение и перевыполнение заданий семилетнего плана. Партия отбирает наиболее правильные, наиболее целесообразные из этих форм, распространяет их среди масс трудящихся и этим обеспечивает единство действий и стремлений всего советского народа в соответствии с общей и необходимой линией развития социалистического общества по пути к коммунизму.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО ДАРГИНЦЕВ

А. И. АЛИЕВ

Как и другие народности Дагестана, даргинцы составляют аборигенное население страны.

История культуры этого народа изучена очень слабо. Археологических источников для территории даргинцев крайне мало. Большинство их относится уже к эпохе меди и бронзы. Так, этим периодом датируется Курган № 4 в Дешлагаре, содержащий каменное навершие булавы («продырявленный шарик мела»). Этим же периодом датируются памятники Каякентско-хорочеевской культуры, обнаруженные близ селений Каякент и Джемикент. Основным занятием населения, оставившего памятники около Каякента (2-е тысячелетие до н. э.), было земледелие, в частности, возделывание пшеницы. Большое значение, кроме того, имело овцеводство. Жилища строились из камня и плетенки, обмазанной глиной. Памятники Каякентско-хорочеевской культуры, обнаруженные у сел. Джемикент, датируются более поздним периодом (II-я половина 2-го тысячелетия до н. э.). Для этого времени основу хозяйства по-прежнему составляют земледелие и овцеводство. Большое хозяйственное значение, кроме того, имеют ремесла: металлообработка, растительное ткачество, лепка, керамика. Жилищами были землянки, обложенные внутри камнями. Поселения, по-видимому, носят родовой характер, так как землянки соединены между собой внутренними переходами. Третий слой этой культуры датируется еще более поздним периодом, именно первой половиной 1-го тысячелетия до н. э. Памятники этого периода были обнаружены также и на территории современных кубачинцев. У селений Кала-Корейш, Кубачи, Ицарп археологи обнаружили могильники средневековья, материальная культура которых подтверждает историческую преемственность с культурой более ранних памятников.

Первые литературные упоминания о даргинцах, и в частности о кайтаках и кубачинцах, встречаются в произведениях античных авторов. Более подробные сведения о народе начинают появляться в арабской литературе VIII—X веков нашей эры. О стране «Зирехгеранов» (т. е. кубачинцев) упоминают Баладзори и Масуди (IX—X вв.). О зирехгеранах упоминает и Абу-Хамид Андалузи (XII в.). Эти же авторы, перечисляя племенные образования средневекового Дагестана, упоминают и другие даргинские общества,—например, Хайдак-Акуша. В арабском средневековом памятнике «Дербент наме» также упоминаются хайдаки и зерекране, что свидетельствует о большом общественном весе ряда даргинских обществ в то время. В период завоеваний Дагестана арабами даргинцы вели героическую борьбу с завоевателями. Согласно народным легендам, многие даргинские общества, в том числе Кайтаг, Кубачи, Акуши неоднократно подвергались разорению и опустошению.

В эпоху проникновения в Дагестан арабов в некоторых районах, населенных даргинцами, существовали уже сложившиеся феодальные отношения. На территории Кайтака возникло уцмийство-феодальное образование, включавшее в свой состав кайтаков, ряд собственно даргинских племен и периодически — кубачинцев. Резиденция владетеля этого княжества — уцмия — первоначально находилась в Кала-Корейше, около селения Кубачи. Согласно хронике Мухаммеда Рафи в X—XIV веках ряд даргинских обществ, такие как Губден, Хайдак, Усиша, Акуша, Сирха, Цудахар, Зарат-Геран находились в зависимости от Шамхала Кази-Кумухского, которому они платили дань.

В XIII веке даргинцы, как и другие народы Дагестана, подверглись нападению монголов. Одни даргинские общества были разорены и разграблены, другие на короткий срок завоеваны.

Кайтакское уцмийство является одним из древнейших феодальных образований на территории Дагестана. Однако отрывочность средневековых источников не позволяет воссоздать историю внутренних социально-экономических условий Кайтака того времени. Известно только, что ряд селений и в первую очередь Кала-корейш, Кубачи являются в это время крупнейшими поселениями и торговыми центрами. Согласно свидетельству Масуди и др.[1] Кубачи, кроме того, является крупнейшим ремесленным центром по производству оружия и металлических изделий.

---

[1] Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 20, стр. 15, т. 38. стр. 52.

Как видно из кодекса уцмия Рустем-хана[1] в XVIII веке уцмийство представляло собой уже развитое феодальное общество. Феодальный класс уцмийства был представлен уцмием, беками, чанками, сала-узденями; феодально-зависимый — рабами, чагарами. Большую прослойку общества составляли свободные общинники — уздени. В кодексе подробно перечисляются права беков, а также подчеркивается бесправие рабов. Так, с освобожденного раба взыскивалось 100 рублей в пользу общества только за то, что он прикоснулся к жене узденя. С целью закрепления постоянного состава населения княжества кодекс устанавливал штраф в 100 рублей с тех, кто делал попытку выделиться из общества. Если желание выделиться выражала группа людей, то штраф увеличивался до 300 рублей.

Основным занятием населения Кайтака в рассматриваемое время было земледелие и скотоводство. Первое преобладало в Нижнем Кайтаке, второе — в Верхнем (горном) Кайтаке. Селение Кубачи продолжало оставаться крупным ремесленным центром. В других селениях ремесленное производство составляло подсобную отрасль хозяйства и было ограничено рамками домашнего производства. Через Кайтак «на Дербент, на Баку, на Свиной базар, на Талыши, на Косму, на Кескер, на Реяшь, на Логожан»[2] проходил торговый путь из Дагестана в Закавказье. Согласно Кодексу уцмия Рустем-хана в качестве общего эквивалента при обмене выступали бараны и грубая домотканная материя. Внешней торговлей занималась, главным образом, феодальная верхушка общества. Обмен происходил и между Нижним и Верхним Кайтаком. Во внутренней торговле наряду с феодалами принимали участие и зажиточные крестьяне. Однако торговля не затронула основ натурального хозяйства даргинского общества. Товарное производство в рассматриваемое время базировалось на естественном географическом разделении труда между различными в природном отношении районами и в первую очередь между плоскостными и горными районами.

В XVI—XVII вв. кайтакские уцмии были наиболее сильными владетелями Дагестана. Так, уцмий Ахмет-хан, правивший до 1578 года, устанавливал права других владетелей Дагестана, вмешивался во внутренние дела почти всех даргинских обществ. Другой кайтакский уцмий Рустем-хан в середине XVII века кодифицировал судебник, что свидетельствует о высоком уровне классовых отношений в даргинском обществе. Как

[1] См. Сборник сведений о кавказских горцах, в. 1. Тифлис, 1868.

[2] Посольство Пазуховых В. А. и С. П. в Бухаре, 1669 г., «Русская историческая библиотека», т. 15, стр. 21.

известно, в XVI—XVII вв. Турция и Персия вели ожесточенные войны за захват Дагестана. Народы Дагестана, в том числе и даргинцы, постоянно подвергались нашествиям то со стороны Турции, то со стороны Персии. Кайтакское уцмийство, примыкавшее на юго-востоке к границам Дербентского ханства, оказалось в начале XVII в. под непосредственной угрозой завоевания со стороны шаха Аббаса. Даргинцы так же, как и другие народы Дагестана, ведя героическую борьбу с иноземными захватчиками, искали защиты у России. В 1610 году Ахмет-хан Кайтакский принял подданство России. В 1616 году Кайтак подтвердил политические и экономические связи с Россией. Кайтакский уцмий обязывался беспрепятственно пропускать через свои владения русских торговых людей; торговым людям Кайтака в свою очередь разрешалось вести беспрепятственную торговлю в русском государстве.

В 1633 году уцмий вместе с даргинским народом принял присягу на русское подданство. С этого времени даргинцы, как и другие народы Дагестана, вне зависимости от политики их владетелей, все свои чаяния и надежды возлагали на помощь России. XVIII век явился тяжелым периодом в истории даргинского народа. Это был век новых притязаний Персии и Турции на Дагестан. Кайтакский уцмий, равно как и вся феодальная верхушка даргинского общества, вели сложную внешнюю политику, поддерживая то Персию, то Турцию, то снова вступая в дипломатические отношения с Россией. Так, начало века ознаменовалось дружбой с Россией и борьбой с турками, которых даргинский народ не пустил на свою территорию. В 1725 году даргинцы, кубачинцы и кайтаки вместе с уцмием Кайтакским подтвердили свою присягу на подданство России. В 1735 году кайтакцы и даргинцы во главе с Ахмед-ханом изгнали из своей земли персов. В 1742 году даргинцы снова участвовали в разгроме Надир-шаха в Южном Дагестане. В конце XVIII столетия при уцмии Эмир-Эмзе, напротив, осложняются отношения с Россией. В 1818 году уцмий Адиль-хан, связавшись с бывшим дербентским и кубинским ханом Шейх-Али, выступившим как платный агент шахской Персии, отказался подчиниться дербентскому коменданту и не явился на его вызов в Дербент, ссылаясь на обет, данный им предшествовавшему уцмию Алихану, не являться в город, где утвердилась русская власть.

В этом отказе Ермолов усмотрел измену царской власти и решил наказать уцмия. В октябре 1819 года генерал Мадатов разбил ополчение уцмия, разрушил многие селения, жители которых давно просили избавить их от власти уцмия и принять их под покровительство России. Население Кайтака принесло присягу на подданство России, и в январе 1820 года Ермолов объявил,что уцмийство Кайтакское больше не существует. Кай-

так был оставлен под управлением беков, которые находились под властью русского пристава. Доходы, шедшие раньше в пользу уцмия, в том числе и подати от уцмийских райят, были переданы казне.

Акушинский союз «вольных» обществ и Сюргинское «вольное» общество были покорены и принесли присягу в конце 1819 г. Управление в них было сохранено прежнее, т. е. общества эти управлялись наследственными и выборными кадиями, а для разбора судебных дел выбирали старшин. Присоединение Дагестана к России имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития даргинского народа. Оно прежде всего избавило даргинский народ от деспотизма уцмия кайтакского и положило начало замене полупатриархальной, полуфеодальной надстройки даргинского общества более высокой политической надстройкой. С 1860 по 1867 годы ханские управления были упразднены. В 1898 году большинство селений Кайтако-Табасаранского округа явочным путем прекратило отбывание повинности для беков.

В 1913 году особым рескриптом крестьяне освобождались от зависимости бекам. Юридически «Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом» был восстановлен суд по адату, что лишило духовенство судебной власти.

На территории даргинцев началось строительство дорог. Колесные дороги были проведены в селения Дешлагар, Акуша, Цудахар, Маджалис, они связали эти селения между собой и с городами Петровск и Дербент. Дешлагар, Маджалис превратились в торговые пункты среднего Дагестана. В даргинскую деревню проникли элементы капитализма. В окружных центрах даргинцев впервые во II-й половине XIX века возникли светские школы, появились фельдшерские пункты.

Такие крупные и передовые ученые, как Анучин, Услар, М. М. Ковалевский впервые обратили внимание на историю культуры даргинского народа. Им обязаны своим появлением в конце XIX и в начале XX веков первые даргинские ученые (Башир Долгат, Алибек Тахо-Годи и др.). Под влиянием развития пролетарской идеологии у даргинцев, как и у других народов Дагестана, появляются первые коммунисты. Обычно это были рабочие из даргинцев, работавшие на крупных предприятиях Кавказа и России (Баку, Тбилиси, Ростова и др.) В 1917 году даргинцы вместе с другими народами России участвовали в борьбе за установление Советской власти, а позже вместе с ними вступили на путь строительства коммунистического общества.

Рассмотрим более подробно социально-экономические условия даргинцев в конце XIX — начале XX вв.

Основными отраслями хозяйства даргинцев в исследуемый период были в горных обществах — скотоводство, в предгорных — земледелие. Ведущей отраслью хозяйства таких даргинских обществ, как Акуша, Муира, Гапш, Ганк, Ирчамул, Каттаган, Каба, Сирха и др., было скотоводство. Ведущей отраслью обществ Кара Кайтак, Маджалис, Терекеме и др. было земледелие и садоводство.

В ряде селений общества Ганк (Кубачи, Харбук, Сулевкент, Имузги) наряду со скотоводством большое значение имело ремесло. Селение Кубачи, как известно, завоевало славу своим мастерством, начиная с раннего средневековья. Здесь, равно как и в соседних селениях Амузги, Сулевкент, Харбук, все мужское население окончательно оторвалось от сельского хозяйства и существовало исключительно на средства, выручаемые от продажи своих изделий. Крестьяне остальных даргинских селений, имевших скотоводческий или земледельческий профиль хозяйства, также в свободное от сельскохозяйственных работ время занимались ремеслом. Большой процент даргинского населения занимался отходничеством. Так, из Даргинского округа в конце XIX—начале XX века в отход ежегодно уходило около 12 тысяч человек, а из Кайтако-Табасаранского всего лишь 4 тысячи, что объяснялось разведением в этом округе садов, дававших большую прибыль населению. В ряде селений до 20—30% жителей уходило ежегодно на заработки либо в другие селения и города Дагестана (обычно на плоскость), либо в промышленные города Кавказа и России. Большая часть из них уходила в Баку и на разные промыслы Каспия.

Таким образом, внутри собственной даргинской территории существовало географическое разделение труда. Надо при этом отметить, что ведущей отраслью большей части даргинских обществ являлось все же скотоводство. Своего зерна даргинцам большинства селений не хватало, поэтому неизбежно даргинцы зависели от своих соседей, занимавшихся земледелием (в первую очередь от кумыков). Скотоводческое хозяйство даргинцев также зависело от экономических связей с соседями, ибо нуждалось в аренде пастбищ как летних, так и зимних.

Земледельческое хозяйство даргинцев составляло исконную (начиная с периода бронзы) отрасль их хозяйства. Поэтому даргинский народ накопил большой опыт, отобрал наиболее целесообразные для местных условий формы хозяйства, наиболее эффективные приемы труда. Основные пахотные участки располагались главным образом в речных долинах, где возможно было орошение. В XIX веке эти участки, как правило, принадлежали зажиточной верхушке общества (уцмию, бекам, сала узденям). Орошались эти участки при помощи маленьких

каналов, прорываемых только на время полива прямо на земле пашни. Воду эти каналы получали из головного канала, проложенного от горного источника и составлявшего собственность сельской общины. Каждая семья, имевшая пахотный участок, получала воду примерно через каждые 15—30 дней (в зависимости от количества каналов и числа жителей). Богачи часто получали воду вне очереди, так как перекупали водный пай у разорившихся крестьян. Более того, поскольку поливные земли принадлежали преимущественно богачам, то и оросительными каналами, которые были проложены только на этих землях, пользовались преимущественно богачи. Пахотные земли бедняков располагались большей частью либо на склонах гор, прилежащих к селению, либо далеко в горах, и земледелие на них носило богарный характер. В условиях крайнего безземелья даргинский народ был вынужден выработать своеобразную систему организации полеводческого хозяйства. Даргинцы различают три типа пашен: 1) поливные земли речных долин, 2) пашни, расположенные на пологих склонах гор, 3) пашни, расположенные на крутых склонах гор. Последующие носят название террасовых полей. Для их создания крутой склон горы разрабатывается в виде ступеней, — террас, вертикальные стены которых укрепляются камнем, чтобы избежать обвала или размыва дождем.

Основным пахотным орудием предгорных районов даргинцев был плуг с железным лемехом, горных районов — соха «дурац» аналогичной конструкции с аварской, крайне удобной для террасового земледелия своим поверхностным вспахиванием и легкостью. Боронование применялось только в земледельческих районах даргинцев, горцы, в лучшем случае, в качестве бороны пользовались связанными вместе ветками деревьев. Исходя из знания пахотоспособных свойств почвы, они ряд участков (наименее плодородных) удобряли навозом и птичьим пометом, собираемым в горах, другие, более плодородные, — золой от кизяков или верхним слоем земли лесных участков и кустарников, богатых перегноем. Следует отметить при этом, что при наличии достаточного количества удобрений даргинцы вносят его не только в пахотные земли и участки сада, но также удобряют и сенокосы.

Основными сельскохозяйственными культурами землевладельческого хозяйства даргинцев являются озимая и яровая пшеница, ячмень, кукуруза. Первая обычно культивировалась богачами, а ячмень и кукуруза, дающие большой урожай, бедняками. Иногда бедняки разводили пшеницу с тем, чтобы затем обменять ее у кумыков на ячмень, получая от этого обмена большое количество хлеба. Огородничества даргинцы почти не

знали. В середине XIX века огородничеством стали заниматься жители окружных центров (Маджалис, Акуша), а также в Дешлагаре под влиянием спроса русского населения. В прошлом лук, чеснок даргинцы приобретали в обмен на продукцию скотоводства у кумыков. Других овощей они не знали.

В ряде кайтакских обществ широко было развито садоводство и виноградарство. Последнее, главным образом, было развито в селениях, расположенных в приморской части Дагестана. Излишки фруктов даргинцы сбывали как в свои собственные селения (Акуши, Леваши, Кубачи), так и в высокогорные селения других народов Дагестана (Казикумух и др.). Земледельческое хозяйство даргинцев в большей своей части носило потребительский характер; товарное значение имело только садоводство.

Скотоводство так же, как и земледелие, составляет исконное занятие даргинцев. Широкое развитие скотоводства зафиксировано уже памятниками Каякентско-хорочеевской культуры. При недостатке пастбищ и сенокосов даргинцы, как и другие народы Дагестана, выработали своеобразную отгонно-пастбищную систему животноводства. В начале XIX века большая часть пастбищ принадлежала феодалам. В частности, находящиеся на территории даргинцев зимние пастбища принадлежали уцмию кайтакскому, большая часть летних пастбищ принадлежала кадию акушинскому. Общинные пастбища также по существу эксплуатировались зажиточной верхушкой общества, так как они владели наибольшим количеством скота в общине. В конце XIX века на территории Даргинского округа насчитывалось 44.500 десятин пастбищ, на территории Кайтако-Табасаранского округа 76000 дес. пастбищ. Большая часть даргинских крестьян арендовала пастбища у других народов. В частности, зимние пастбища арендовались у потомков шамхала Тарковского, хана Мехтулинского, летние — у ряда аварских общин (Анкратль и др.).

Для даргинского скотоводства характерен стабильный состав стада (около 70—75% составляют овцы местной горской породы, около 10—15%—крупный рогатый скот, остальной процент стада составляли лошади, мулы, ослы).

Овцы, коровы, лошади всегда выпасались особыми пастухами и на различных пастбищах. 300 голов овец составляло одно стадо, выпасаемое чабаном и подпаском. Несколько таких стад составляли большое стадо во главе со старшим чабаном, ответственным за все поголовье в целом. Богатый барановод, владеющий тысячными стадами, нанимал для выпаса нескольких чабанов, подпасков, приобретал необходимое оборудование (котлы для молока, сыроварения, бурдюки и пр.). Он же арен-

довал и зимние пастбища. К его стаду за определенную плату (по 20—25 копеек с овцы) присоединялись средние барановоды, стада которых насчитывали несколько десятков овец. Бедняки, не имевшие овец вовсе, шли чабанами к богатым хозяевам. Заготовки кормов даргинцы почти не производили. Даже крупный рогатый скот большую часть года содержался на подножном корму, переходя на стойловое содержание только на 2—3 зимних месяца. В качестве корма употребляли саман, бурьян и кукурузную шелуху, так как сена в хозяйстве даргинского крестьянина в рассматриваемое время было недостаточно.

Обычно арендатор из года в год менял район выпаса скота, так как ежегодно происходили торги на пастбища. Лучшие пастбища доставались тому скотовладельцу, который назначал большую плату. В силу этого владельцы стад не были заинтересованы вкладывать большой капитал в организацию пастбищ (в строительство постоянных помещений для скота, в создание колодцев). Хищническое использование пастбищ приводило к их истощению. Экстенсивные формы скотоводческого хозяйства, не знавшего заготовки кормов, теплых помещений для скота во время зимних холодов и пр., приводили к массовой гибели стада, к разорению большого числа скотоводов. Разорившиеся хозяева превращались чаще всего в сельскохозяйственных батраков, обслуживающих как земледельческое, так и скотоводческое хозяйство даргинских феодалов, жителей богатых даргинских обществ (таких, как Кубачи), а также кумыков.

Основой хозяйства ряда даргинских селений (Кубачи, Сулевкент, Амузги), как отмечалось, было ремесло. Скотоводство и земледелие играли здесь подсобную роль. Наличие в этих селениях ремесленного производства на продажу зафиксировано уже средневековыми источниками. По-видимому, уже в то время ремесленное производство названных селений отделилось от сельского хозяйства.

Сел. Кубачи исстари и до настоящего времени славится далеко за пределами Кавказа своей металлообработкой. Металлообрабатывающее производство кубачей имело множество отраслей. В начале XIX века здесь сохранялось производство кольчуг, кирас, шлемов, щитов и прочих предметов старинного боевого снаряжения, производимого, правда, из года в год все реже и реже. До середины XIX века широкое развитие имело производство огнестрельного оружия — кремневых ружей и пистолетов. В 1917—1920 гг. кубачинцы для красных партизан делали огнестрельное оружие новейшего типа (маузеры и др.). В течение всего XIX века существовало производство кинжалов и шашек.

Большое место в производстве кубачинских изделий занимало медночеканное дело, производство медной посуды, кувшинов, котлов и пр. Бо́льшая часть медной посуды предназначалась на продажу даргинцам других селений, а также другим народам Дагестана, поэтому ее форма имеет общие для Дагестана особенности. И только ряд кувшинов (мучалы — для омовений) делаются специально для внутреннего употребления самих кубачинцев, составляя особенности их культуры и быта. Большим спросом пользовались, кроме того, производимые кубачинскими мастерами котлы и светильники. Как те, так и другие имели огромный спрос в пределах Дагестана и составляли непременный бытовой предмет каждого сколько-нибудь зажиточного дагестанца. Кубачинский котел имеет форму правильного полушария, стоящего на трех небольших ножках. Светильник представляет собой небольшой приземистый сосудик на низеньких ножках с сильно вытянутым у одного бока широким горлышком.

Большую славу приобрели кубачинские художественные промыслы. Производство оправы оружия, седельные украшения, а также многочисленные женские украшения, выполненные монтировкой, гравировкой, наческой, чернью, филигранью, эмалевой техникой по меди, серебру. Последние (эмалевые) работы возникли под влиянием русского спроса. Типичным кубачинским орнаментом является развитой растительный орнамент, заполняющий все поле обрабатываемой вещи.

В начале XIX века в организации кубачинского производства сохраняется ряд патриархальных порядков. Так, помещение кубачинского мастера находится рядом с его жильем. Его помощниками служат члены его семьи, выполняющие подсобные работы. Сбыт в указанное время происходит обычно непосредственно в селении Кубачи, и большая часть предметов изготавливается по заказу и из материала заказчика.

В конце XIX века патриархальные порядки ремесленных мастерских кубачей окончательно нарушаются. Большая часть кубачинцев проживает уже вне селения, чаще в городах Кавказа — Темир-хан-шуре, Петровске, Дербенте, откуда снабжают своими изделиями аварцев, лезгин, табасаранцев и др. Предприимчивые кубачинцы открывают свои мастерские даже за пределами Кавказа. Городской спрос развивает у них производство чайных ложек, подстаканников, столовых приборов, портсигаров и т. п. Большая часть кубачинских мастеров, кроме того, отправлялась в отход по селам Дагестана. Периодически работают кубачинцы в селениях Акуша, Цудахар, Маджалис, Дешлагар, снабжая своими изделиями всю даргинскую территорию. Многие кубачинцы работают в селениях кумыков,

аварцев, лакцев, лезгин. Многие из мастеров деквалифицируются, так как спрос на кубачинские изделия со II половины XIX века резко сокращается ввиду распространения дешевых фабричных товаров. «Шло, — писал В. И. Ленин, — вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикантов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»[1].

Внутри кубачинского общества идет усиленный процесс классовой дифференциации. Ряд кубачинских мастеров деквалифицируется и, объединившись с 4—5 лакскими или кубачинскими мастерами, переходя из города в город, из селения в селение, выполняет мелкие лудильные работы. Другие кубачинские мастера, напротив, открывают новые мастерские в городах, становятся крупными предпринимателями, получающими заказы из разных городов России. Они выписывают из селения своих обедневших соотечественников и используют их как наемную рабочую силу. В качестве иллюстрации процесса расслоения среди мастеров-кубачинцев приведем автобиографию одного мастера, приведенную в книге Е. М. Шиллинга:

— В 1885 г. поехал я фургоном в Екатеринодар и поступил в кубачинскую мастерскую с оплатой по 6 рублей в месяц. С 1894 г. служил в мастерских во Владикавказе (за 18 рублей в месяц). В 1900 году служил в мастерской казикумухца сперва в Каменец-Подольске, потом в Киеве (за 25 руб. в месяц). В 1901 — 1902 гг. служил в мастерских в Армавире, Пятигорске, Екатеринодаре (за 30 руб. в месяц). В 1903 году неудачно пытался снова открыть собственную мастерскую в Баку. После этого в 1905 г. опять работал у владельцев мастерских во Владикавказе, Армавире и Екатеринодаре на прежнем жалованье и, наконец, полгода самостоятельно работал в Киеве[2].

Старинную отрасль занятий жителей селений Амузги и Харбуки составляло также ремесленное производство. Местные ремесленники производили в основном клинки для кинжалов и шашек. Мастера, учитывая спрос населения, делали клинки разных сортов и разной стоимости (от 1—2 рублей до 7—15

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4-е, стр. 521.
[2] Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М., 1949, стр. 17.

рублей). Со второй половины XIX века основу их производства стали составлять железные части сельскохозяйственного инвентаря (лопаты, лемехи для плугов, клинки для серпов и кос, ножи). По заказу города, кроме того, стали изготавливать пудренницы, портсигары, запонки. Это производство даргинских металлистов было теснейшим образом связано с кубачинскими ремесленниками, изготовляющими для амузгинских и харбукских клинков художественные оправы, рукоятки и пр. Рынком сбыта товаров для амузгинских и харбукских мастеров был, главным образом, базар в селении Кубачи, куда по пятницам приезжали даргинцы всех селений, иногда даже самых отдаленных; реже амузгинцы и харбукцы везли свои изделия в Маджалис и Акушу, где также функционировали базары, собирающие преимущественно даргинское население Дагестана. Харбукское производство клинков в большей степени, чем кубачинское ремесло, было связано еще с сельским хозяйством. Здесь еще не произошло окончательного отделения ремесла от земледелия. Каждый мастер, помимо производства клинков, занимался также и земледелием и скотоводством. Большое развитие ремесло получило и в селении Сулевкент.

Гончары Сулевкента изготавливали водоносные кувшины, маслобойки, сосуды для хранения соленых овощей, горшки для молока, чашки, миски, светильники и др. предметы. Свои изделия мастера Сулевкента сбывали даргинцам, табасаранам, лезгинам, агулам, рутульцам, цахурам, а также лакцам и аварцам. Часть сулевкентских гончаров, кроме того, уходила работать на кумыкскую плоскость, в Чечню, Осетию и Кабарду.

Помимо охарактеризованных производств, почти во всех селениях было широко развито искусство домостроения, в Кайтакских районах общества Уцуми-даргва было развито текстильное ткачество (бумажное и шелковое), производство простых и узорных войлоков, паласов, шерстяных тканей, производство деревянных резных ларей для продуктов и др. Все эти ремесла носили полунатуральный характер, составляя отрасль сельскохозяйственных занятий даргинского народа.

Даргинцы в рассматриваемое время делились на целый ряд этнографических групп и территориальных общин, которые представляли собой территориальные объединения, имевшие свой сход для решения внутренних дел, свои, правда, незначительные особенности быта и культуры. Большая часть даргинских обществ включала в свой состав разноязычное население. Так, в Акуша-даргва, кроме даргинцев, входили аварцы (сел. Кутиша, Хахита, Чуни, Кули, Уллу-Чара и др.); общество Каба-даргва включало также лакцев (сел. Шанди). Союз обществ Уцуми-даргва наряду с собственно даргинцами вклю-

чало в свой состав кубачинцев, кайтаков и кумыков. Общества Ирчамул, Шуркант, Каттаган этого союза говорили на кайтакском языке, об-во Терекеме — на кумыкском. В обществе Буркун-даргва некоторые селения говорили на агульском языке. Смешанный состав даргинских обществ свидетельствует о их вторичном, уже не племенном образовании, характерном для классового общества, отражает исторически сложившиеся связи даргинских обществ между собой и с другими народами Дагестана-аварцами, кумыками, агулами, лакцами.

Известно, что ряд даргинских обществ, в частности общество Буркун-даргва, с начала XVIII века составлял собственность Сурхай-хана Казикумухского.

Согласно данным арабских источников зависимость большинства даргинских обществ от уцмия существовала уже в средние века. Степень этой зависимости восстанавливается полевыми этнографическими материалами.

Так, например, общество Ирчамул представляло собой самоуправляющуюся общину, джамаат (сход), который собирался в селении Шиляги и самостоятельно решал все внутренние дела общины (постройка мостов и мечетей, проведение троп, внутренние земельные споры, несоблюдение адатов и др.). Их зависимость от уцмия выражалась в обязанности поставлять ему в случае необходимости воинскую силу, снабжать его армию в период войны продовольствием и фуражом, выплачивать определенный налог за пользование уцмийскими пастбищами, а также в оказании ему знаков уважения (в том числе посылка масла и молока ко двору уцмия). Обязательства другого общества — Ганк[1] выражались в ежегодной поставке уцмию известного числа конных воинов, в уплате за привоз товаров и проезд через владения уцмия, в оплате за пользование уцмийскими пастбищными участками, в натуральной повинности (оружием, клинками, гончарными изделиями) и др.

Все даргинские общества в начале XIX века должны были признавать за уцмием внешнеполитические права и по первому его требованию выставлять ополчение. В большой зависимости от хана находились общества Суира, Каракайтаг, Маджалис, Терекеме. Остальные общества находились в довольно слабой зависимости и, видимо, поэтому получили название в литературе «Узденский кайтак». Из узденской части Кайтака платили уцмию подати только 11 селений общества Кабадаргва, которое после семилетней войны с уцмийством, в начале XIX века, присоединилось к Акушинскому союзу. Подати

[1] См. П. К. Услар. Этнография Кавказа. У. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

[2] Е. М. Шиллинг. Указ. соч., стр. 194.

платили общество Ицари, два селения общества Шуркант и одно селение общества Каттага. Так, жители Ицари платили 30 баранов, 30 ягнят, 20 козлов, 20 козлят. Жители селения Шари —20 баранов, 20 ягнят, 10 козлов, 10 козлят и двухгодовалых телят, жители селения Чегры — 21 ботман масла и т. д.[1].

Право взимать подати принадлежало только уцмию. Вне зависимости от характера связей обществ с ханством было бы ошибочным считать, что внутренние порядки всех даргинских обществ или ряда их зиждились на отношениях равноправия и демократизма. В каждом обществе выделились богатые и бедные селения. Первые захватили лучшие земельные угодья и поставили в зависимость от себя другие селения. Так, в обществе Акуша-даргва большая часть селений арендовала землю у главного селения этого общества Акуша, в обществе Маджалис таким арендатором выступает сел. Маджалис и т. д. В каждом селении выделялись, кроме того, богатые и бедные тохумы. Так, в Кубачах тохум Акатлы Али считался наиболее почетным и богатым, имел право выделять старшину.

В каждом тохуме в свою очередь различались богатые и бедные семьи. Основное население узденского Кайтака и Акуша-даргва составляли свободные общинники уздени, значительно различающиеся в имущественном отношении. Феодальный класс Акуша-даргва был представлен кадиями, феодально-зависимый — рабами. Основу феодальной власти акушинских кади составляли феодальные поместья. Они владели большими пастбищами, землями на территории Гимринского магала, владели летними пастбищами в Аварии, а также пахотными землями в районе селения Акуша. Так, в 1905 году дочери Баган-кадия имели 425 десятин пахотной земли. Большой доход получали кади и в качестве закаата с семи мечетей[2].

В 1855 году в Даргинском округе, куда вошли селения Акуша-даргва, числилось 20 человек неосвобожденных рабов. Феодальный класс уцмийства был представлен уцмиями, беками, чанками, феодально-зависимый — чагарами, раятами, рабами. Основу феодального могущества уцмия составляли пахотные и пастбищные земли, а также большое количество мелкого рогатого скота. Большая часть земель общества Каба-даргва, Маджалис и др. обществ Нижнего Кайтака считалась собственностью беков. Все эти земли сдавались в аренду сельским

---

[1] Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954, стр. 47 (на правах рукописи).

[2] Там же, стр. 46.

общинам, либо обрабатывались рабами и крепостными беков. В экономической зависимости от беков находились и уздени.

В 1860 году территория даргинцев была разделена на два округа — Даргинский, Кайтако-Табасаранский. В связи с общим развитием капиталистических отношений в Дагестане процесс расслоения даргинского общества, начиная с этого времени, значительно усилился. «По данным посемейной переписи 1886 года в Уркарахском наибстве было 3.935 хозяйств, из коих 1.046 (26,6%) не имели рогатого скота. Лошадей не имели 72,9% хозяйств, но зато 24 хозяйства имели 443 лошади, или 26,2% всех лошадей. Совершенно не имели овец и коз 3.286 хозяйств, или 33,32% хозяйств наибства, зато 42 хозяйства сосредоточили у себя 27.008 овец, или 56% всего поголовья овец Уркарахского наибства. 75% всех хозяйств не имело ослов и мулов. Не имеющих пахотных земель было 22,5% хозяйств, не имеющих сенокосов и других угодий — 28,7% хозяйств»[1]. Ряд общинников названного наибства по существу превратился в довольно крупных помещиков.

Так, Абу-Бакар Нурбагандов-оглы из с. Уркарах имел 45 лошадей, 6.000 овец; Умалат-Гаджи-бек-оглы из того же села имел 51 лошадь и 2.000 баранов; Магомед Бумуар-оглы — 30 голов крупного рогатого скота, 32 лошади и 500 баранов[2].

Аналогичный процесс происходил в Курахском наибстве и в Кюринском округе.

Даргинские общества на протяжении своей многовековой истории беспрерывно вели борьбу с уцмием. Известна семилетняя война Каба-даргва в начале XIX в. и освобождение этого общества от уцмийской зависимости. Известна также история борьбы с уцмием селения Кубачи, в результате которой было достигнуто положение, по которому князья не имели права самовольного въезда в Кубачи. Известна долгая и упорная борьба уцмия с акушинским кади, иллюстрирующая собой период феодальной раздробленности страны. Все эти усобицы приводили к систематическому разорению даргинских селений, к их искусственной изоляции друг от друга.

Окончательное присоединение Дагестана к России положило конец феодальным усобицам кайтакского уцмия и акушинского кади, бесчисленным спорам отдельных обществ друг с другом за пастбища, пашни, за лес или источник. Оно же окончательно освободило народ от опасности внешних вторжений. В связи с этим окрепли хозяйственные и культурные связи даргинцев друг с другом и своими соседями. В каждом окружном центре (Маджалисе, Акуше), а также в сел. Кубачи, Уркарах возника-

[1] М. О. Хашаев. Указ. соч., стр. 48.
[2] Там же, стр. 48.

ли постоянные воскресные базары. На эти базары теперь собирались жители не только даргинских обществ, но и их соседи — кумыки, лакцы, а также русские купцы, переправлявшие в горы дешевые ситцы, нанку, ватные одеяла, галоши, сапоги, самовары, зеркала, гвозди, известь, стекла, кровельное железо и, что особенно важно, зерно. В обмен на свои товары русские приобретали у даргинского населения кожи, шерсть, фрукты, изделия кубачинских ювелиров.

На акушинский базар приезжали жители общества Каракайтака с шелковыми и бумажными тканями, Ирчамул с изделиями из дерева — сита, ножны и пр.; общества Ганк — с металлическими и гончарными изделиями; картаган — с текстильными товарами, кумыки — с зерном и овощами, цудахарцы и кайтакцы — с фруктами. Тот же ассортимент товаров встречался и на базарах Маджалиса, Кубачей и других крупных даргинских селений. Большое значение для укрепления хозяйственных и культурных связей даргинцев друг с другом имели и окружные центры. Здесь встречались жители различных обществ друг с другом, здесь же они постоянно встречались и с русскими купцами, чиновниками, отсюда они получали медицинскую помощь, здесь были организованы и первые светские школы. В результате этого в конце XIX века многие даргинцы начинают понимать русский язык, распространяется грамотность на основе русской письменности. Особенно хорошо русский язык знали кубачинцы, работавшие в городах. Большое значение для выработки общей даргинской культуры имели участившиеся посещения даргинскими бродячими певцами даргинских селений. Следует отметить, что в XIX веке во всех даргинских обществах независимо от их языка или наречия фольклор исполнялся на общем разговорном языке.

Таким образом, в рассматриваемое время духовная культура всех даргинских обществ, в том числе кубачинцев и кайтакцев была в значительной мере единой. Материальная же культура сохранила локальные особенности. При этом локальные формы сохранили главным образом те элементы материальной культуры, которые в меньшей степени и не непосредственно связаны с социально-экономическими условиями жизни (принадлежности костюма, свадебный обряд, сохранившиеся старинные жилища, отдельные бытовые предметы). Наибольшие отличия были в культуре кубачинцев и кайтакцев. Отличия в культуре остальных даргинских обществ были незначительны.

Кубачинцы и кайтаки говорили на особых языках. Даргинцы других обществ этих языков не понимали. Для общения между собой и с другими даргинскими обществами они пользовались акушинским наречием, ставшим в XIX в. языком общения

для всех даргинцев. Основные элементы материальной культуры кайтаков и кубачинцев обнаруживают сходство с материальной культурой других даргинских обществ. Основу женской одежды даргинки, кубачинки и кайтачки составляет туникообразное платье-рубаха, без воротника, с неглубоким разрезом в середине, прямыми широкими рукавами, имеющими ластовицы, и боковыми полотнищами, придающими одежде расширяющуюся книзу форму. Головной убор — чухта, представляет собой соединение чепца с накосником, поверх которого надевается каз — белая повязка, похожая на полотенце. По разным добавлениям к этому костюму отличали костюм даргинок, кубачинок и кайтакских женщин. Кубачинка поверх описанного платья надевала в праздник парчевую, в будни бумажную сделанную в талию шубку без воротника с грудным вырезом, отороченную узкой меховой полосой и имеющей короткие рукава. Даргинские женщины такой шубки не знали. Вместо нее они носили своеобразную накидку, покрывающую плечи, из белой овчины, без рукавов. Кайтакские женщины надевали поверх платья-рубахи, кабалай — платье из шелка, имеющее спереди разрез и откидные рукава. Головной убор кубачинок отличается от головного убора кайтакских и даргинских женщин наличием поверх чухты и каза шелковой бумажной ткани, особым способом накладываемым на голову. Кроме того, головной убор их отличается украшениями, нашиваемыми на чухту. Кубачинки ограничиваются тонкой серебряной цепочкой, поддерживающей чухту под подбородком. Кайтакские женщины нашивают на чухту украшения в виде различных бус, даргинки предпочитают цепочки, нашиваемые на лобную часть головного убора.

Местные особенности заметны и в форме жилища. При этом жилища кайтаков и даргинцев имеют много общего, а кубачинские — отличаются своеобразием.

Старое жилище даргинцев и кайтаков представляет собой большую двухэтажную однокомнатную постройку, размером в 70—80 кв. метров. На первом этаже располагаются скотные и хозяйственные помещения, на втором — жилые комнаты. Очаг в комнате открытый. Над ним висит железная очаговая цепь с крюком для котла. В потолке проделано отверстие для выхода дыма. Часть комнаты с очагом отделена своеобразной перегородкой, которая идет от потолка и не доходит до пола приблизительно на 1,5 м. (наподобие занавеса). Пол очагового помещения на одну ступеньку выше пола остального пространства комнаты. В очаговом помещении находятся ниши, полки с посудой, завалинка для сидения. Здесь хозяйка готовит обед, здесь происходит трапеза. Старый кубачинский дом многоэтажен, иногда имеет до шести и более этажей и множество

комнат в каждом этаже. В далеком прошлом каждый этаж занимало разное поколение одной семьи от прадеда до правнука. Первый этаж такого дома занимали хозяйственные помещения, общие для всей семьи. Жилые помещения на каждом этаже имеют очаг-камин с очажной цепью и котлом. Новые постройки даргинцев и кайтакцев также имеют сходную планировку, отличающуюся от кубачинской. Первые представляют собой двухэтажные постройки, на первом этаже которых располагаются сарай для скота, сена и сельскохозяйственного инвентаря, на втором — обычно 3 малые комнаты, размером в 16—20 кв. м и веранда. Под верандой находится крытая часть двора. Дом имеет двор с каменным забором, имеющим деревянный подвал. Вместо костра-очага в жилой части дома устраивается пристенный очаг. Кубачинский дом конца XIX — начала XX вв. чаще двух, иногда трех-четырех этажей. Каждый этаж делится на большое число комнат. Каждый этаж занят различными семьями, иногда родственниками, чаще соседями. В каждом этаже камин. Свои особенности, как отмечалось, имеет и кубачинская утварь. Сохраняемые различия в материальной культуре даргинцев, кубачинцев и кайтаков объясняются социально-экономическими причинами.

Вплоть до середины XIX века все эти общества находились на стадии феодальных отношений, для которых, как известно, характерно полунатуральное хозяйство и наличие изолированных друг от друга обществ. Тем не менее единство происхождения кубачинцев, кайтаков и даргинцев, а также общие географические и исторические условия предопределили единство основных элементов их материальной культуры.

До середины XIX века даргинцы находились на стадии развития феодальных отношений, а начиная со второй половины XIX века к ним проникают элементы капитализма.

Как известно, формой этнической общности эпохи феодализма является народность. Даргинцы в рассматриваемое время также представляли собой народность. В ее состав наряду с собственно даргинскими обществами входили иноязычные общества кайтаков и кубачинцев. Вместе с развитием элементов капитализма даргинская народность претерпевала изменение, в ее недрах начинали вызревать элементы буржуазной нации.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

ПАТРИОТИЗМ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

А.-М. БАБАЕВ

Победа Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. стала возможной, благодаря нашему социалистическому общественному и государственному строю, общенародному патриотизму и морально-политическому единству советского народа, в основе которого лежит нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, братская дружба народов СССР. Благодаря мудрому руководству Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинского Центрального Комитета, во главе которого стоял И. В. Сталин, советский народ и его армия вышли победителями из самой тяжелой и жестокой войны, когда-либо пережитой нашей Родиной. Коммунистическая партия, созданная и закаленная гениальным В. И. Лениным, была подлинным вдохновителем и организатором победы над милитаристской Германией и ее сателлитами. В дни войны Коммунистическая партия мобилизовала все силы и средства страны на разгром врага. По зову Коммунистической партии советский народ поднялся на справедливую отечественную войну.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало в народностях Дагестана, как и во всем советском народе, ненависть к захватчикам и готовность бороться с ними до их окончательного поражения. Партийная организация Дагестана призвала трудящихся сплотиться вокруг Коммунистической партии и Советского правительства и помочь фронту всем необходимым. «...Родина вступила в ответственный период. Настал час суровых испытаний для нашего народа. От каждого партийного и непартийного большевика требуется военная мобилизованность, проявление полнейшего спокойствия, повышение

революционной бдительности, укрепление дисциплины...»[1], записало в своей резолюции собрание партийного актива г. Махачкалы, которое состоялось 23 июня 1941 года.

Народы Дагестана на многочисленных и многолюдных митингах, прошедших в первые дни войны во всех городах и селах республики, продемонстрировали сплоченность, единодушие и готовность защищать Отечество и самоотверженно трудиться во имя победы над ненавистным врагом. Дагестанцы, проявляя высокий патриотизм, прямо с митингов направлялись в военные комиссариаты с заявлениями, в которых просили зачислить их в ряды действующей армии добровольцами. В Махачкалинский горвоенкомат только за 23 июня 1941 года поступило свыше 200 заявлений от добровольцев[2].

Коммунисты и комсомольцы республики были в первых рядах добровольцев. Общее партийно-комсомольское собрание колхоза имени XIV партсъезда, Дахадаевского района, состоявшееся 23 июня 1941 года постановило: «...просить райвоенкомат послать нас добровольцами на фронт... Мы желаем принять личное участие с оружием в руках в разгроме врага. Мы будем до последней капли крови защищать нашу... Родину». Аналогичное постановление было принято комсомольцами с. Викры, Дахадаевского района[3].

В те дни в военные комиссариаты республики подавали заявления с просьбой отправить на фронт не только отдельные советские патриоты и партийно-комсомольские организации, но и целые семьи. Так, колхозница из с. Кищи Курбанова Патимат в своем заявлении на имя Дахадаевского райвоенкомата писала: «У меня два брата. Оба в рядах славной Красной Армии. Сестра — коммунистка, подала заявление с просьбой послать добровольцем, и я их сестра — дочь Родины, не могу остаться без участия в великом деле. Прошу послать меня тоже добровольцем. Я умею стрелять и метко буду бить врага, не щадя жизни»[4]. Из г. Махачкалы ряд семей отправились на фронт. Тагиров из сел. Ахты, Ахтынского района отправил на фронт пять сыновей и, провожая их, наказывал им быть храбрыми и беспощадно громить врага. И сыновья Тагирова с честью выполнили наказ отца, наказ матери-Родины. Командование N-ского полка, где служил его сын Хаджибаба, благодарило

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 288, л. 12.

[2] «Дагестанская правда», 24 июня 1941 года.

[3] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о 22, ед. хр. 116, л. 59.

[4] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 116, л. 58.

Тагирова «за воспитание беспредельно преданного сына нашей Родины...»[1].

Каждый сознательный горец считал делом чести служить советскому народу, любимой Отчизне. История Дагестана не знала такого общенародного патриотизма, какой проявили горцы в годы Великой Отечественной войны. Достаточно указать, что только по городу Махачкале на 30 июля 1941 года поступило свыше 2 тысяч заявлений с просьбой отправить их добровольцами на фронт[2], из сел. Кабир Курахского района поступило 41 заявление добровольцев[3] и т. д.

В декабре 1941 года в Махачкале была сформирована стрелковая дивизия, немалую часть которой составляли дагестанцы. Впоследствии эта дивизия стала называться 91 стрелковой Мелитопольской Краснознаменной дивизией. В тяжелые дни 1942 года, когда фашистская Германия, мобилизовав свежие силы и сосредоточив более 240 дивизий, ораганизовала новое наступление на юге нашей страны и подошла вплотную к границам Дагестана, более 15 тысяч горцев добровольно вступили в ряды Советской Армии[4]. За первые 8 месяцев 1943 года 17 тысяч дагестанцев подали в военные комиссариаты заявления, в которых выразили желание добровольно вступить в ряды Советской Армии. Из них 7717 человек было отправлено на фронт[5].

Кроме того, с первых же дней войны тысячи дагестанцев добровольно вступили в отряды народного ополчения. Так, на 1 октября 1941 года по Дагестану, без Цунтинского района, в отрядах народного ополчения насчитывалось 11.469 человек. В Махачкале и в ряде других городов республики создавались полки, батальоны и отряды народного ополчения. В Махачкале в народном ополчении насчитывалось 2522 чел., в г. Дербенте — 843 чел., в г. Буйнакске — 899, в Каспийске — 431, в Избербаше — 589, в Хасавюртовском районе — 1009, в Касумкентском — 317, в Бабаюртовском — 266, в Кахибском — 260, в Лакском — 255 человек[6] и т. д.

С большим патриотическим подъемом проходила в республике и мобилизация военнообязанных. Дагестан отправил на фронт десятки тысяч воинов.

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 692, л. 169.

[2] Там же, ф. 1, о. 22, ед. хр. 135, л. 15.

[3] Там же, ф. 1, о. 22, ед. хр. 116, л. 107.

[4] Блокнот агитатора, журнал Дагобкома ВКП(б), изд. «Дагестанской правды» 1945 г., № 4, стр. 15.

[5] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 24, ед. хр. 281, л. 64.

[6] Там же, ф. 1, о. 22, ед. хр. 706, л. 70.

Воины-дагестанцы плечом к плечу с русскими и другими братьями с первых же дней войны бесстрашно сражались на всех фронтах Отечественной войны. Фронтовики-дагестанцы равнялись по русским богатырям, брали с них пример. Беззаветное мужество русских героев вдохновляло дагестанцев-фронтовиков на боевые подвиги. В боях за столицу нашей Родины — Москву — жертвенный подвиг Гастелло повторил махачкалинец, танкист Мардахаев. Он в бою под Истрой уничтожил 4 танка, 2 пушки противника, несколько десятков фашистов и, направив свой пылающий танк на вражеский штаб, погиб смертью героя. Подвиг дагестанца Мардахаева отмечен орденом Ленина[1].

В дни тяжелых оборонительных сражений за Сталинград отряд Баймурзаева в составе 11 воинов принял бой с группой вражеской мотопехоты, насчитывающей более 100 солдат и офицеров. За три часа ожесточенной схватки горстка советских воинов уничтожила 70 фашистов и подбила вражескую танкетку. В этой яростной схватке бойцы-баймурзаевцы держались в окружении до последних сил. Магомед-загир Баймурзаев был тяжело ранен, но продолжал руководить боем, с честью выполнив свою боевую задачу. В этом неравном бою баймурзаевцы погибли, но врага к Сталинграду не пропустили[2]. Воинам этого отряда воздвигнут памятник в с. Уманцеве.

В огне Великой Отечественной войны еще более упрочилась вечная дружба трудящихся Дагестана с великим русским и другими народами нашей страны. Узы этой дружбы скреплены кровью лучших сынов нашей Родины. Так, например, кумык-врач А. Исаев, как и многие другие, продемонстрировал верность горцев вечной дружбе с русским народом. Абусаид вместе с группой десантников был переброшен во вражеский тыл. В бою он был тяжело ранен. Истекая кровью, Исаев оперирует одного за другим 6 человек. Когда на санитарный пункт принесли раненого друга Исаева лейтенанта Петрова, герой-врач, собрав последние силы, начал оперировать своего друга, сказав только одну фразу: «Моя рука не дрогнет, я обещал это тебе, дорогой!». Но невероятное напряжение сломило силы раненого врача, и он пал бездыханным. Исаев, пожертвовав собою, спас в этот день семь жизней своих русских друзей.

В Крыму, в ауле Ашаги-Джали, восемь советских десантников, в числе которых был и аварец М. Абдулманапов, выдержав неравную схватку и израсходовав все боеприпасы, тяжело ра-

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 24, ед. хр. 281, л. 85.

[2] Красноармейская газета «Сталинский удар» от 29 декабря 1944 г. № 189.

неные, попали в плен к фашистским извергам. Гитлеровские звери долго терзали русских бойцов и, ничего не добившись, в ярости набросились на дагестанца.

— Ну, они-то — русские, — кричали немецкие палачи, — ты туземец. Ты чужой для них, у тебя нет родины — что ж ты молчишь?

Горец перед лицом смерти гордо сказал: — Я тоже русский, мы все дети одной матери — Родины.

Абдулманапову посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза[1].

Предпринимая нападение на Советский Союз, фашисты рассчитывали на непрочность советской системы, советского государственного строя. Они полагали, что с началом войны начнутся конфликты и драки между рабочими и крестьянами, между различными народами нашего многонационального государства. Но расчеты гитлеровцев на раздоры между советскими народами, как между рабочими и крестьянами, провалились. Перед лицом опасности все народы Советского Союза в дни войны продемонстрировали свою сплоченность и монолитность.

В трудной и жестокой борьбе с гитлеровскими захватчиками русский народ выступил как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны и вынес на своих плечах основную тяжесть войны. Русский народ своим беззаветным героизмом, стойкостью и жертвами в войне спас народы Дагестана, как и другие народы Советского Союза, от фашистского порабощения. Но и народы Дагестана мужественной борьбой на фронтах Отечественной войны и самоотверженной работой в тылу помогали Советской Армии разгромить врага.

Воины-дагестанцы, верные вечной дружбе народов, вместе с русским и другими братскими народами активно участвовали в разгроме гитлеровских захватчиков под Москвой, у Ленинграда и Сталинграда, на Кавказе, в освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Крыма, Прибалтики. Они участвовали и в освобождении братских народов Европы от фашистской тирании, и в разгроме японских империалистов.

Воины-дагестанцы, сражаясь на фронтах Отечественной войны, проявили поистине массовый героизм. Десятки тысяч фронтовиков-горцев награждены боевыми орденами и медалями. 42 дагестанца удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Среди них коммунист, легендарный подводник, капитан II ранга, аварец Магомед Гаджиев, летчики: дважды Герой Со

[1] Р. Магомедов и А. Назаревич, «Дагестанская АССР». Даггиз, Махачкала, 1945, стр. 131.

ветского Союза лакец Ахмедхан-Султан, майор лезгин Валентин Эмиров, капитан кумык Юсуп Акаев, русские Леонид Гальченко, Александр Ситковский, артиллерист М. Калуцкий, даргинец Султан Алисултанов, тат Шатиель Абрамов и др.

Славой покрыли себя бойцы дагестанского эскадрона, который был сформирован в сентябре 1942 года из добровольцев, участником гражданской войны, даргинцем из Цудахара Кара Караевым. Первое боевое крещение эскадрон получил под Моздоком. Бойцы кавалерийского эскадрона показали образцы мужества, бесстрашия и героизма. Дагестанский добровольческий эскадрон активно участвовал в боях за Ростов, Таганрог, успешно форсировал реки Молочная, Днепр, Одер, храбро дрался у стен сильнейшей немецкой крепости Кюстрин и вместе с другими частями ударной армии генерала Берзарина ворвался в Берлин. Боец эскадрона капитан Р. Тавкаев оставил на стене рейхстага такую надпись: «И нам, орлам Красного Дагестана — отряду Кара Караева — выпала честь быть активными участниками штурма Берлина»[1].

Дагестанцы героически сражались и в тылу врага, участвуя в партизанских отрядах. Они в глубоком тылу немцев создавали противнику невыносимые условия. Смелые партизаны-дагестанцы проявили бесстрашие и мужество в борьбе за освобождение украинской, белорусской земли и Северного Кавказа. Так, комсомолец, воспитанник Дагпединститута им. Сулеймана Стальского, аварец Газимагомед Гамзатов долгое время руководил крупной группой партизан на Украине и отдал жизнь за землю братского украинского народа[2]. Славный партизан, лакец Сунгур Акаев, находясь в партизанском отряде им. Хрущева с ноября 1942 года по август 1944 г. в фашистском тылу, лично пустил под откос 23 эшелона с живой силой и техникой противника, бронепоезд, взорвал танк, 30 автомашин с живой силой и боеприпасами, уничтожил большое количество мостов на шоссе и железных дорогах, уничтожил гитлеровского генерала и несколько полковников. Будучи окруженным в лесном массиве, он умело, без потерь вывел свой отряд из огневого кольца[3].

Таких народных мстителей, как С. Акаев, было много из среды горцев. Партизаны-дагестанцы: Магомед Гамзатов, Паша Гаджиев, Мидхад Ширинбеков, Шихшериф Мирзабеков, Гамзат Ибрагимов, Аня Елецкая и многие другие — за борьбу в тылу врага были награждены орденами и медалями Советского Союза.

---

1 «Дагестанская правда», 9 мая 1950 года.
2 «Дагестанская правда», 24 мая 1948 года.
3 «Дагестанцы в боях за Советскую Родину». Даггиз. Махачкала, 1945, стр. 163—164.

На фронтах войны совершили замечательные боевые подвиги и девушки-дагестанки. Среди воинов, награжденных орденами и медалями за храбрость и отвагу, были дагестанки: русские Д. Куценко, З. Преснякова, Р. Козлова, Н. Скорнякова, Т. Морозова; татки Р. Пашаева, В. Ханукаева; лезгинки Х. Эмирсултанова, С. Азизова, С. Мурсалова; аварка П. Микаилова, кумычка У. Зайналбекова, лачки У. Омаргаджиева, С. Мусаева, даргинка Ш. Мусаева и др.

Многие советские патриоты отдали свою жизнь за любимую Родину. Кровью своей они внесли достойный вклад в общее дело великой победы. Имена наших славных героев и их бессмертные боевые подвиги навсегда останутся в сердцах советских людей.

В годы Великой Отечественной войны народы Дагестана проявили высокий патриотизм не только на фронтах войны, но и в тылу. Они своей самоотверженной работой в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве помогли советским вооруженным силам разгромить врага.

Огромную роль в перестройке всей экономики на военный лад играл Махачкалинский городской комитет обороны, созданный 24 октября 1941 года. При создании МГКО в постановлении указывалось, что сфера его действия распространяется на следующие города: Хасавюрт, Буйнакск, Дербент и Казбековский, Бабаюртовский, Кумторкалинский, Карабудахкентский, Сергокалинский, Каякентский, Касумкентский районы и поселок Двигательстрой[1]. Но затем сфера его действия распространилась на всю республику. В сентябре 1942 года на основании постановления Государственного комитета обороны был создан Дербентский городской комитет обороны[2]. Сфера действия этого комитета обороны распространялась не только на город Дербент, но и на поселок Дагестанские огни. Дербентский комитет обороны тоже играл большую роль в мобилизации всех сил трудящихся на разгром врага.

Партийной организации Дагестана удалось благодаря широкой творческой инициативе, смекалке и самоотверженной работе трудящихся масс в максимально короткий срок перевести экономику республики на обслуживание нужд фронта. К середине ноября 1941 г. из 27 промышленных предприятий и 14 артелей г. Махачкалы непосредственно выполняли военные заказы 22 предприятия. По несколько военных заказов выполняли коллективы рыбоконсервного и бондарного заводов, судоре-

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1040, о 1, ед. хр. 1, л. 5.

[2] Там же, ф. 1040, о. 1, ед. хр 10, л. 115.

монтстроя, ремонтно-механического завода, химзавода, госшвейфабрики, мебельной фабрики, артели имени III Интернационала, «Красный мебельщик», «Красный Октябрь», «Красный пошивник» и др.[1] Промышленные предприятия Дагестана в первые же месяцы войны освоили 5 важных и сложных видов вооружения и 19 видов боеприпасов и организовали их массовое производство[2]. Фабрики и заводы республики с каждым днем усиливали помощь фронту, выпуская все больше вооружения, боеприпасов и снаряжения. Так, коллектив ремонтно-механического завода в течение 11 месяцев 1942 года выпустил продукции по одному виду боеприпасов больше, чем в 1941 году в 2,8 раза, а по другому виду — в 396 раз[3].

В 1942 году в период ожесточенных боев за Сталинград и Кавказ коллективы предприятий г. Махачкалы на собранные трудящимися республики средства построили и сдали бронепоезд «Комсомолец Дагестана» и дивизион бронепоездов имени Героя Советского Союза М. Гаджиева. Кроме того, в этом же году были построены бронепоезда имени Сергея Кирова, «Защита Кавказа» и др. Всего построили и сдали 6 бронепоездов, которые показали высокие боевые качества в боях на Северном Кавказе. В декабре 1942 года в течение 2—3 дней, т. е. в сроки, установленные командованием, отремонтировали 6 бронепоездов, прибывших после повреждений, полученных в боях с фашистскими оккупантами[4].

В первый год войны в исключительно сжатые сроки были размещены на территории Дагестана и введены в эксплуатацию машиностроительные, металлообрабатывающие заводы, швейный комбинат и артели, эвакуированные из временно занятых врагом районов страны. Так, например, завод «Красное знамя» эвакуировался на территорию стекольного завода «Дагогни». По прибытии первых эшелонов с оборудованием начался монтаж цеха № 1, и он был пущен в эксплуатацию 17 ноября 1941 года. Цех № 2 и первая очередь инструментально-механического цеха пущены в ход 20 декабря, а весь завод к концу декабря 1941 г., хотя последний эшелон с оборудованием и людьми прибыл 17 ноября 1941 года[5].

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 288, л. 53—55.

[2] «Дагестанская правда», 29 октября 1947 года.

[3] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 23, ед. хр. 188, л. 71.

[4] Там же, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 15, л. 51.

[5] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 4, л. 535.

Так, в короткий период времени была перестроена работа промышленности Дагестана и введены в строй эвакуированные предприятия.

В дни войны рабочие и инженерно-технические работники металлообрабатывающей, нефтяной, химической, пищевой и других отраслей промышленности доблестно трудились и добились замечательных успехов. Рабочие многих промышленных предприятий беспрерывно, без устали работали по 2—3 и более суток, не выходя из цехов, пока не выполнят фронтовые заказы. Гвардейцы тыла — герои труда коммунист Фатали Эюбов, братья Григорий и Федор Яковенко, С. Магомедов, коммунист В. Устименко, И. Падун, Муртузалиев, Гасаналиев, Иванько, Репа, Белоус и многие другие в дни войны, включившись в социалистическое соревнование, показывали образцы доблестного труда, выполняя производственные нормы выработки на 1000 и более процентов. С большим патриотическим подъемом трудились на заводах и фабриках женщины Дагестана. Сверловщица П. Ахмедова, токари Ибрагимова и Новахова, пришедшие на завод в дни войны, выполняли производственные нормы на 300 и более процентов[1]. Количество женщин в промышленности значительно увеличилось. Если в 1941 году на промышленных предприятиях республики работало 19165 чел. женщин, то в 1943 году число их достигло 25120 чел., в том числе 5.786 горянок[2]. В дни войны тысячи комсомольцев и несоюзной молодежи работали на заводах за двоих, за троих ушедших на фронт товарищей. Так, в декабре 1941 года на предприятиях промышленности и транспорта более 2 тысяч комсомольцев и молодежи являлись двухсотниками[3]. Комсомольцы завода «Красный металлист» (г. Дербент) по 3—4 дня не уходили с завода, пока не выполняли и перевыполняли производственных заданий[4]. Комсомольцы и молодежь промышленных предприятий создавали фронтовые молодежные бригады, которые выполняли нормы на 150 и более процентов. В 1 квартале 1945 года из 189 молодежных бригад, в которых насчитывалось 1300 комсомольцев и несоюзной молодежи, 5 бригад выполнили квартальный план на 300 процентов, 36 бригад — на 200 процентов, 127 бригад более, чем на 100 проц. и т. д.[5]. Женщины и молодежь в годы вой-

[1] «Дагестанская правда», 8 марта 1943 года.
[2] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 355.
[3] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 17, л. 3—50.
[4] Там же, ф. 1, о. 21, ед. хр. 9, л. 198.
[5] «Блокнот агитатора», 1945, № 5, стр. 32—33.

ны являлись главной производственной силой, они внесли достойный вклад в дело разгрома врага.

В период войны социалистическое соревнование поднялось на новую ступень, превратилось во всесоюзное социалистическое соревнование и приняло невиданный размах. Такие предприятия, как завод имени М. Гаджиева, Махачкалинский рыбоконсервный завод и Дербентский консервный комбинат имени М. Горького и другие, а также Махачкалинское отделение Орджоникидзевской железной дороги неоднократно выходили победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании и завоевали переходящие Красные знамена Государственного Комитета обороны и ВЦСПС.

В дни войны промышленность Дагестана испытывала большие трудности: не хватало сырья, значительно уменьшилось число рабочих, занятых на производстве и т. д. Но несмотря на это, в первые годы войны, благодаря всемерной мобилизации и использованию местных сырьевых ресурсов, рационализации и изменению технологических процессов производства, повышению производительности труда рабочих, партийным и хозяйственным организациям удалось добиться значительных успехов. Так, государственная промышленность союзного подчинения в 1941 году увеличила выпуск продукции на 10 проц., федеративного подчинения—на 7,2 проц. и республиканского подчинения—на 16,1 проц., а кооперативная промышленность—на 13,4 проц.[1]. В 1942 году, несмотря на то, что большое число рабочих многих предприятий работало месяцами на строительстве оборонительных рубежей, вся промышленность республики выпустила продукции на 9,5 проц. больше, чем в 1941 г.[2]. В результате чего объем валовой продукции промышленности Дагестана достиг в 1942 году 167 проц. по отношению к уровню 1940 г.[3].

Но приближение линии фронта к Дагестану (вторая половина 1942 года) вызвало необходимость эвакуации из республики в Закаспий части оборудования республиканского треста «Дагнефть», консервации нефтеперегонного, хлопкоочистительного, кирпично-черепичных заводов. Кроме того, оно нанесло большой урон рыбозаводам, рыболовецким колхозам, расположенным на Каспийском побережье на севере республики, а также виноградарству и плодоводству, являющимся базами винодельческой и консервной промышленности. Все это не могло не повлиять на дальнейшее развитие промышленности. И действительно, со второй половины 1942 года многие предприятия начали снижать выпуск продукции, и в 1944 году объем промышленного производ-

[1] ЦГА МВД ДАССР, ф. 260-р, о. 19, ед. хр. 61, л. 1—35.
[2] ЦГА МВД ДАССР, ф. 260-р, о. 21, ед. хр. 28, л. 6.
[3] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 72.

ства сократился на 26 процентов по сравнению с 1940 г. В 1945 году промышленные предприятия Дагестана значительно улучшили свою работу и добились прироста продукции на 5,8 проц.[1].

Промышленность республики в период войны успешно справилась с задачами, поставленными перед ней в обстановке войны.

Поистине трудовой подвиг совершили железнодорожники и портовики республики, бесперебойно доставляя на фронт транспорты с войсками и военными грузами, перебрасывая сырье и другие материалы для оборонной промышленности и народного хозяйства.

Во имя победы славно работало в годы войны и колхозное крестьянство Дагестана. Оно считало Великую Отечественную войну своим кровным делом и с полным сознанием своего долга перед Отчизной содействовало Советской Армии в разгроме врага.

В дни войны сельское хозяйство республики испытывало огромные трудности. Не хватало рабочих рук, значительная часть мужского населения деревни ушла на фронт, большое число опытных сельскохозяйственных кадров было мобилизовано в армию и т. д. К концу войны в колхозах республики количество взрослых трудоспособных колхозников уменьшилось более чем на 37 проц. по сравнению с 1940 годом[2]. Намного сократилась механическая и живая тягловая сила колхозов, МТС и совхозов. Для удовлетворения нужд фронта было отправлено большое количество тракторов, автомашин, лошадей. Колхозы Бабаюртовского, Хасавюртовского и Кизилюртовского районов находились в прифронтовой полосе, и в связи со строительством оборонительных рубежей в этих районах они эвакуировались в Южный Дагестан. Все это повлияло на состояние сельского хозяйства.

ЦК Коммунистической партии и Советское правительство приняли ряд постановлений, направленных на организационно-хозяйственное укрепление колхозов Дагестана, и оказали горцам большую помощь. В годы войны Дагестану были предоставлены всяческие льготы. Так, например, частично сняты поставки государству: с хлебопоставок 12500 тонн, с мясопоставок 298 тыс. центнеров, с маслопоставок — почти 9 тыс. центнеров, с овощей до 30 тыс. тонн, с картофеля 8 тыс. тонн, с брынзы 6.500 центнеров, с разных кож до полутора миллионов штук, с шерсти до 27 тыс. центнеров и т. д. Кроме того, для удовлетворения нужд колхозников сверх всяких фондов отпустили больше 16 тыс. тонн зерна, сотни тысяч метров мануфак-

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 73.
[2] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 83 ед. хр. 3, л. 54—55.

туры, большое количество стройматериалов и т. д.[1]. Горцы Дагестана никогда не забудут помощи, оказанной им нашей партией и Советским правительством в тяжелые дни войны. Благодаря этой помощи в республике были созданы и условия для дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов Дагестана, для значительного улучшения экономического благосостояния тружеников сельского хозяйства.

Преодолению трудностей войны способствовала также помощь предприятий промышленности и транспорта машинно-тракторным станциям, колхозам и совхозам. Этому способствовали и другие мероприятия Областной партийной организации: подготовка и переподготовка сельскохозяйственных кадров, организация колхозной взаимопомощи и т. д. Партийной организации Дагестана, благодаря осуществлению решений партии и правительства, укреплению дисциплины, лучшему использованию имевшейся механической и живой тягловой силы, повышению производительности труда колхозников, удалось справиться с задачами, поставленными военными событиями перед сельским хозяйством. Труженики сельского хозяйства, сознавая свой долг перед Родиной, активно участвовали в колхозном производстве. В дни войны на работу выходило почти все трудоспособное население, включая стариков, подростков, которые до войны не принимали участия в труде. Значительно увеличилась выработка трудодней колхозниками. Так, средняя выработка на одного трудоспособного колхозника в 1945 году составила 168 трудодней, против 125 в 1940 году[2].

Труженики сельского хозяйства, включившись в социалистическое соревнование, боролись и за повышение урожайности. В 1944 году на полях республики за высокий урожай боролись 426 комсомольско-молодежных бригад и 1.400 звеньев, которыми было охвачено более 70 тысяч молодежи[3]. Передовые звенья и бригады вырастили высокий урожай. Звено Курбаналиевой Кизайбат из сельхозартели имени Калинина, Табасаранского района расширило свой посевной участок до 40 гектаров за счет расчистки новых земель от кустарников и камней. Женщины свезли на этот участок свыше 200 тонн удобрения и, несмотря на засуху, собрали с каждого гектара по 19 центнеров ячменя и 14 центнеров пшеницы, превысив плановое задание по ячменю на 6 центнеров и пшенице на 3 центнера[4]. Советское правительство отметило подвиг Курбаналиевой орденом Ленина.

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 27, ед. хр. 7, л. 107—108, 114.

[2] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 57.

[3] Блокнот агитатора, № 5, 1945, стр. 34.

[4] «Дагестан своим фронтовикам», № 11, январь-февраль, 1948 г.

В дни войны роль женщины в колхозном производстве, как и в других отраслях народного хозяйства, неизмеримо возросла. Более 10 тыс. передовых женщин руководили бригадами, звеньями, животноводческими фермами. Многие колхозницы-горянки успешно овладели мужскими профессиями. Они стали трактористками, комбайнерами, пахарями, косарями, чабанами. В одном только Кулинском районе более 300 женщин работало пахарями, сеяльщиками и свыше 450 женщин косарями, многие из них выполняли по 2—4 производственных нормы[1]. Женщины сами пахали, сеяли, убирали урожай.

Многие колхозы республики, преодолевая громадные трудности военного времени, расширили посевные площади и получали высокие урожаи. Колхозы Дагестана, без учета Хасавюртовского, Бабаюртовского и Кизилюртовского районов, находившихся непосредственно в прифронтовой полосе, увеличили посевные площади на 11 процентов[2]. Животноводы Дагестана в годы войны боролись за развитие общественного животноводства и повышение его продуктивности. В 1941—1942 гг., когда республика находилась в прифронтовой полосе, животноводство понесло большие потери. В условиях прифронтовой обстановки затруднилось содержание скота. В Грозненской области, куда обычно отгоняли скот Дагестана, почти полностью были разрушены животноводческие постройки. В этих условиях без предварительной подготовки отгоняли скот в Азербайджан и Грузию. Кроме того, ослабло ветеринарно-зоотехническое обслуживание скота. Часть корма, подготовленного в Грозненской области и в северных районах республики, использовалась для нужд армии. Все это и суровая зима 1941—1942 годов привели к большому отходу скота в первые годы войны. В 1943—1945 гг. трудящиеся добились замечательных успехов в восстановлении и развитии общественного животноводства. За 2 года — 1944—1945—поголовье крупного рогатого скота в колхозах Дагестана увеличилось на 20,7 проц., лошадей— на22,4 проц. и овец и коз— на 34,8 проц[3]. За успехи в деле развития животноводства ДАССР в 1944—1945 гг. три раза получала переходящее Красное знамя Государственного Комитета обороны и Совета Министров СССР. Были удостоены переходящего Красного знамени также передовые районы республики — Лакский и Хунзахский.

Однако, несмотря на эти успехи в восстановлении и развитии общественного животновдоства в 1944—1945 гг., количест-

[1] Партархив Дагфилиала, ИМЛ, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 356. Блокнот агитатора, 1945, № 3, стр. 37.

[2] А. Д. Даниялов. Колхозный аул в годы Великой Отечественной войны. В книге: «Сельское хозяйство Дагестана». Изд. АН СССР,. М. Л., 1946, стр. 18.

[3] «Дагестанская правда», 3 марта 1946 года.

во крупного рогатого скота в республике в 1945 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилось на 19 процентов, а лошадей на 53 процента[1].

Колхозники своевременно выполняли и перевыполняли планы государственных поставок сельхозпродуктов.

Замечательным патриотическим делом явилась добровольная продажа колхозами и колхозниками Дагестана сельхозпродуктов (зерна, картофеля, мяса, масла и др.) государству по твердым государственным ценам, чтобы помочь фронту и рабочим оборонной промышленности. За короткое время — менее полумесяца — колхозы и колхозники республики продали государству 76875 пудов зерна. Значительное число хлеба продали колхозы и колхозники Карабудахкентского района (205 тонн), Буйнакского (165 тонн), Сергокалинского (151 тонн), Дербентского (108 тонн)[2], Касумкентского (105 тонн)[3] и др. Трудящиеся республики продали государству и другие продукты. Только колхозы и колхозники одного Буйнакского района продали государству 260 тонн картофеля[4].

Социалистическое сельское хозяйство Дагестана с честью выдержало тяжелый экзамен жестокой войны и успешно справилось с возложенными на него задачами по обеспечению Советской Армии и народа продовольствием, а промышленности — сырьем.

Таким образом, рабочие предприятий промышленности и транспорта, труженики сельского хозяйства, особенно женщины и молодежь, которые являлись основной производственной силой, в годы войны совершили большой трудовой подвиг. Самоотверженно работала и советская интеллигенция Дагестана, которая внесла большой вклад в дело разгрома врага.

С исключительной энергией и патриотическим подъемом работали трудящиеся Дагестана в 1941—1942 гг. на строительстве оборонительных рубежей. В те дни строительство мощных оборонительных линий в Дагестане имело громадное значение в укреплении обороны Кавказа, так как Дагестан лежит на пути врага, который стремился захватить богатейшие нефтяные районы Азербайджана. Особенно важное значение в укреплении обороны Кавказа имело строительство оборонительного рубежа на Тереке, начатое по решению Государственного Комитета Обороны СССР. Трудящиеся Дагестана, сознавая важность этого рубежа, приняли самое активное участие в его стро-

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 21, ед. хр. 9, л. 141.

[2] «Дагестанская правда», 14 января 1944 года.

[3] «Дагестанская правда», 9 января 1944 года.

[4] «Дагестанская правда», 14 января 1944 года.

ительстве. По решению Дагестанского областного комитета партии и правительства республики от 25 октября 1941 года в район Терека было направлено более 30 тыс. колхозников, рабочих и служащих, 2.798 подвод, 62 трактора, 31 автомашина. Для строительства предприятиями Дагестана было изготовлено 87700 лопат, 50500 строительных скоб, 1350 топоров, 3.367 сборных железобетонных конструкций, отпущено много другого строительного материала, продовольственных и промышленных товаров.

Однако строительство проходило в исключительно трудных условиях. Строители жили в наспех сооруженных шалашах, в землянках. Не хватало инструментов, не было взрывчатых материалов. Строительство тормозилось бездорожьем и недостатком транспорта. Горцы, несмотря на сильные морозы и снежные бураны, самоотверженно работали по 15 часов в сутки: с 3—4 часов утра до поздней ночи, а иногда работали ночью, при лунном свете. Когда не хватало транспортных средств, строили за 15—20 км. подносили лес и песок на себе и тем самым обеспечили в срок строительство огневых точек[1]. Тысячи строителей оборонительного рва, включившись в социалистическое соревнование, показали образцы доблестного труда, выбрасывая ежедневно по 10—15 и более кубич. метров земли при норме 2,8 кубометра. Колхозники из селения Мекеги (Левашинского района) Магомед Сулейманов, Магомед Меликов и др. ежедневно выбрасывали по 16 кубометров земли[2]. На трассе строительства замечательных успехов достигли колхозники Курахского района. Они, работая в ледяной воде, добились ежедневной выработки на человека 3,38 кубометра при норме 2,8 кубометра, вышли на первое место на трассе и завоевали переходящее Красное знамя Верховного Совета ДАССР. Самоотверженно работали на строительстве рубежа колхозники Ахтынского района, которые дали средне-дневную выработку на человека 5,1 кубометра, а также Кумторкалинского, Гунибского, Лакского и других районов.

В авангарде строителей линии обороны шли коммунисты. Они своим личным примером воодушевляли горцев на трудовые подвиги. Так, Гюльмагомедов Гюльмагомед из Касумкентского района ежедневно выбрасывал по 14 кубометров земли, Баявов Атай, Магомедов Муратдин, Нуцалханов Вагид из Бабаюртовского района по 10 кубометров и т. д. Всего на трассе строительства работало 942 члена партии, 429 кандидатов пар-

---

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 6, л. 3—13.

[2] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 5, л. 115.

тии и 1702 комсомольца, которые вели огромную агитационно-массовую и политическую работу среди строителей[1]. Исключительный героизм на строительстве оборонительного рубежа проявили женщины-горянки и молодежь.

Несмотря на большие трудности, дагестанцы в короткий срок — с 28 октября 1941 года по 15 января 1942 года — выполнили важное задание Государственного Комитета Обороны. Труд горцев Дагестана на строительстве мощной линии обороны на Тереке был значительным. Достаточно указать, что объем одних земляных работ, сделанных дагестанцами на строительстве рубежа, в 19 раз превышал объем земляных работ на строительстве канала имени Дзержинского.

Командование 10-й саперной армии и 10 УОБР Министерства Обороны СССР высоко оценило работу трудящихся Дагестана на строительстве линии обороны и 360 строителей наградило Почетными грамотами[2].

Летом 1942 года, когда фашистским войскам удалось проникнуть на Северный Кавказ, когда Дагестан стал непосредственно прифронтовым районом, трудящиеся республики по призыву областной партийной организации с новой силой и энергией стали строить рубежи обороны. Летом и осенью 1942 года партийная организация Дагестана мобилизовала на строительство оборонительных рубежей, аэродромов и грунтовых дорог, имеющих оборонное значение, около 70 тыс. колхозников, рабочих и служащих[3].

Летом и осенью 1942 года горцы своей самоотверженной работой превратили Дагестан в сильную неприступную крепость. Бесчисленным количеством примеров героического труда насыщен период сооружений оборонительных линий, аэродромов и других укреплений.

Работа трудящихся Дагестана на строительстве оборонительных рубежей была поистине титанической. Несмотря на трудные условия войны, когда подавляющее большинство трудоспособных мужчин было на фронтах, когда не хватало строительных материалов, транспортных средств и др., дагестанцы, руководимые Коммунистической партией, проделали огромную работу, выполнив одних лишь земляных работ свыше 10 млн. кубических метров[4].

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 6, л. 7, 8, 9.

[2] Там же, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 6, л. 11, 8.

[3] Там же, ф. 1040, о. 1, ед. хр. 10, л. 232.

[4] «Юбилейная восьмая сессия Верховного Совета Дагестанской АССР», стеногр. отчет, изд. Верховного Совета ДАССР, Махачкала, 1946, стр. 24.

Патриотизм народов Дагестана выразился и в добровольном внесении в фонд обороны своих личных сбережений и ценностей. Дагестанцы, как и все советские люди, проявили невиданную в истории любовь и заботу о своей родной Советской Армии. Эта любовь и забота выражалась в самых разнообразных формах: в сборе теплых вещей для фронтовиков, в посылке на фронт подарков, делегаций и писем, в создании фонда обороны для строительства грозного вооружения — танков и самолетов, в подписке на военные займы, в заботе о семьях советских воинов и об инвалидах войны, в помощи госпиталям по обслуживанию раненых бойцов и командиров Советской Армии.

Горцы приняли самое широкое участие в обеспечении Советской Армии теплыми вещами. В республике не было семьи, которая бы от всей души не сдала теплых вещей для фронтовиков. Трудящиеся республики собрали для героических советских воинов свыше 1 млн. 300 тысяч теплых вещей[1]. Это значит, что дагестанцы тепло одели и обули более десяти дивизий. Кроме того, руками горянок было изготовлено свыше 1 млн. пар теплых носков и перчаток. На примере маленького дагестанского народа видно, как советские люди заботились о своей армии.

Сбор теплых вещей обычно является выражением органической связи между населением и фронтом, показателем любви к армии, отношения тыла к фронту. В Советском Союзе сбор теплых вещей превратился в большое патриотическое движение. Советские люди тепло одели и обули своих защитников — воинов Советских Вооруженных Сил.

Необходимо отметить, что гитлеровские фашисты в Германии тоже начали проводить кампанию «зимней помощи» для своей армии. Но эта кампания, как и следовало ожидать, провалилась. Тогда гитлеровское правительство сбор теплых вещей для фронта превратило в повинность, в обязанность, угрожая казнями тем, кто не хочет добровольно пожертвовать свои теплые вещи. Фашистскому правительству для сбора вещей пришлось прибегнуть к помощи аппарата гестапо, эсэсовцев, насильно отбирать вещи. Гитлеровцы награбили много вещей у собственных людей, временно попавших в оккупацию. Провал кампании «зимней помощи» показывает отношение трудящихся капиталистических стран к армии. В буржуазных государствах армия служит монополистам, она является орудием господствующих классов, орудием подавления трудящихся, захвата и порабощения других народов. Вот почему

[1] «Дагестанская правда», 7 ноября, 1943 года.

широкие слои населения капиталистических стран не питают ни любви, ни уважения к буржуазным армиям.

Советская Армия — это армия рабочих и крестьян, защитница свободы и независимости социалистической Родины. Она является детищем народа. Поэтому советские люди любят ее и заботятся о ней.

Никогда не понять империалистам той силы, которая связывает советских людей и Советскую Армию; не понять им силы и могущества социалистического общества, преимущества нашего общественного и государственного строя.

В дни войны труженики тыла и советские воины жили одной жизнью, одними мыслями, чаяниями и стремлениями. Советские люди, несмотря на то, что сами испытывали большие трудности, отдавали исключительно все для защитников Родины. В Дагестане была создана Республиканская комиссия по сбору и отправке подарков для Красной Армии. С 7 февраля 1942 года по декабрь 1944 года в эту комиссию поступило от населения средств на 10.499.624 рубля[1]. Рабочие, колхозники и интеллигенция республики отправили на фронт 140 вагонов разных продовольственных и вещевых подарков и несколько десятков тысяч индивидуальных посылок.

Дагестанцы шефствовали над 91 гвардейской Мелитопольской дивизией, над 416 Таганрогской дивизией, над 153 Витебской дивизией и другими частями Советских Вооруженных Сил. В подшефные воинские части посылали делегации трудящихся с подарками, писали письма и т. д. В ответ на отеческую заботу воины подшефных дивизий сражались как джигиты и благодарили дагестанцев. «Военный Совет от имени рядовых, сержантов и офицеров Северо-Кавказского фронта благодарит дагестанский народ за проявленную заботу, еще более вдохновляющую нас на окончательный разгром врага», — писал горцам генерал армии Петров и его соратники[2].

Трудящиеся республики, проявляя высокий патриотизм, внесли в фонд обороны Родины около 102 млн. рублей и 350 млн. рублей в фонд строительства танковых колонн и авиаэскадрилий. Горцы Дагестана внесли в фонд обороны страны 250 кг серебра и золота и 750 тонн цветного металла[3]. Горянка — комсомолка А. Рамазанова из аула Кутлаб, Тляратинского района, первая на собрании сняла со своего чохто серебряные украшения и сдала их в фонд обороны Родины. Передовая колхозница

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 23 ед. хр. 532, л. 24, 35, 49.

[2] «Дагестанская правда», 10 ноября 1943 г.

[3] «Дагестанская правда», 12 мая 1946 г.

Хамис Богатырева из сел. Мекеге Левашинского района внесла 50 тысяч рублей в фонд строительства авиаэскадрильи. Простой колхозник из сельхозартели имени Мухтадира Ахтынского района С. Гашумов внес в фонд строительства авиаэскадрильи имени В. Эмирова 105 тысяч рублей. Таких патриотов, как Х. Богатырева и С. Гашумов, было более ста человек. На средства, собранные трудящимися республики, были построены три бронепоезда, танковая колонна им. Шамиля, немало самолетов и других видов вооружения.

Сбор средств на вооружение Советской Армии так же, как и посылка подарков, теплых вещей фронтовикам, производили сильное впечатление на гитлеровские войска, вызывали у фашистов чувство страха перед решимостью народов СССР бороться до полной победы над Германией и ее союзниками. В капиталистических государствах никогда не наблюдалось такого высокого патриотического подъема народа, как в стране Советов. Пленный гитлеровский майор Вест признал, что в Германии никто не способен на поступок советского патриота Ф. П. Головатого, внесшего денежные средства на строительство двух самолетов.

Создание крупного фонда Обороны и фонда Красной Армии явилось яркой демонстрацией того, что советский народ готов отдать все для организации защиты Отечества, для разгрома фашизма.

Горцы Дагестана, как и все советские люди, с исключительным политическим подъемом подписывались на государственные военные займы. Достаточно указать, что на второй военный заем, выпущенный в 1943 году, 67 горцев-колхозников подписались от 4 тыс. до 200 тыс. рублей[1]. За 1941—1945 гг. народы нашей республики дали взаймы государству 375 млн. рублей и на 62 млн. рублей приобрели билетов денежно-вещевых лотерей.

Небезынтересно отметить, что если в Советском Союзе военные займы пользовались большим успехом и каждый год сумма займа, намеченная к реализации, размещалась со значительным превышением, то в странах, где господствовали фашисты, они не имели успеха среди трудового народа. Так, в Румынии провалился военный заем, выпущенный в августе 1941 года. Аналогичное положение было и в Финляндии, где также провалился заем, выпущенный в марте 1942 года. В самой Германии трудящиеся массы не принимали участия в приобретении облигации и поэтому гитлеровцы свои займы размещали среди трудового люда путем принуждения. В ноябре 1941 года гитлеровское правительство законом о «железных сбережениях» принудило

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 24, ед. хр. 281, л. 30—33.

рабочих и служащих помещать часть заработка на блокированные счета, обещав разблокировать эти суммы после окончания войны.

Большим вниманием были окружены у нас семьи советских фронтовиков. Громадную помощь семьям защитников Родины оказывало советское государство. Кроме того, горцы создали фонд помощи семьям советских воинов и оказывали им систематическую помощь. Только в ноябре 1944 года по Дагестану было собрано в фонд помощи семьям фронтовиков свыше ста тысяч пудов зерна, до 30 тысяч пудов картофеля, более тысячи пудов мяса, 500 пудов масла, столько же сухофруктов, 350 пудов овощей, 200 пудов шерсти, 20 тысяч овчин, 7 тысяч предметов одежды, пять с половиной тысяч пар обуви, 3 тысячи метров мануфактуры. В течение ноября 1944 года выдано семьям советских воинов 2536 голов рогатого скота, 5758 голов овец и коз. Колхозники отчислили в этот фонд доход от 42.156 трудодней, собрали свыше 7 млн рублей деньгами, отремонтировали 2.646 квартир семей фронтовиков[1].

Парторганизация Дагестана и горцы с большой любовью заботились о детях бойцов и командиров Советской Армии. В республике было открыто около ста детских домов. Для школьников, детей фронтовиков, были организованы горячие завтраки в школах, оказывалась им и другая материальная помощь. Горцы не оставили детей сирот без родительской ласки, внимания и брали их на воспитание. Рабочий-железнодорожник станции Махачкала—первая Г. Мамаев со своей женой воспитал 6 детей-сирот. Всего в Дагестане было патронировано свыше полуторы тысячи детей.

Областная партийная организация и трудящиеся Дагестана особым вниманием окружили раненых бойцов и командиров Советской Армии, находившихся в 14 госпиталях, расположенных на территории Дагестана. Начало дислокации госпиталей в нашей республике относится ко второй половине июня 1941 г. Обком партии создал Республиканский Комитет помощи больным и раненым бойцам и офицерам Красной Армии. Решением бюро Обкома ВКП(б) для шефства над каждым госпиталем были закреплены города, районы и организации республики, которые имели постоянную связь с госпиталями и оказывали им большую помощь. За годы Отечественной войны шефские организации собрали и передали в фонд помощи раненым советским бойцам и командирам 313.848 рублей деньгами[2]. 222 головы

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 26, ед. хр. 493, л. 98.

[2] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 24, ед. хр. 281, л. 30—33, о. 22, ед. хр. 780, л. 82.

крупного рогатого скота, 2320 голов овец и коз, 414 голов свиней и поросят, 6173 шт. птицы, 4310 кг сливочного масла, 11484 кг мяса, 23670 шт. яиц и 80 тонн других продуктов. Непосредственно самими шефами передано раненым советским воинам в госпиталях более 75 тысяч индивидуальных посылок[1]. Кроме того, шефскими организациями было собрано и передано госпиталям много теплых вещей (подушек, одеял, постельного белья и др.), а также кухонного инвентаря. Силами шефствующих организаций проводились в госпиталях побелка палат, мойка полов, стирка и починка белья и обмундирования. Регулярно шефы встречались с ранеными бойцами и офицерами в палатах, приносили им различные подарки, проводили большую культмассовую и политическую работу, устраивали концерты и т. д.

Для спасения жизни защитников любимой Родины советские люди ничего не жалели, начиная от своих сбережений, вплоть до крови. В годы войны в Дагестане широкое развитие получило донорство, что явилось большим патриотическим делом. Советские патриоты А. Абдурагимова, работница фабрики им. III Интернационала, за 1942 год сдала 6 литров крови[2], А. П. Худых, почтальон, за 20 раз сдал 7,35 литра крови. Таких патриотов-доноров в нашей республике на 1 мая 1943 года насчитывалось 2673 человека, в том числе 2346 женщин[3]. Благодаря мужественному труду врачей и других работников госпиталей республики и медицинского института и заботе трудящихся Дагестана о раненых советских воинах, 76 проц. раненых, закончивших курс лечения в разные сроки, начиная с июня 1941 года по 1 июля 1945 г., было возвращено на фронт.

Патриотический подъем советского народа в годы войны, его любовь, материальная и духовная забота о своих Вооруженных силах, о семьях фронтовиков, об их детях, о раненых бойцах и командирах нашей армии, об инвалидах войны поднимали дух советских воинов и вдохновляли их на ратные подвиги во имя социалистической Родины. В. И. Ленин, придавая большое значение помощи тружеников тыла фронтовикам, говорил, что «...всякий шаг помощи, который оказывается Красной Армии в тылу, сейчас же сказывается на настроении красноармейцев», что «...всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращается в усиление Красной Армии, в укрепление их настроения... и в увеличение наступательной способности»[4].

---

[1] Там же, ф. 1, о. 27, ед. хр. 467, л. 9.
[2] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, о. 83, ед. хр. 3, л. 357.
[3] Там же, ф. 1, о. 24, ед. хр. 281, л. 56.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 288.

В СССР тыл и фронт — единая сила. В Великой Отечественной войне наша армия смогла выполнить свой долг перед Родиной именно благодаря тому, что она имела прочный и устойчивый тыл, что ее беззаветно поддерживали вся наша социалистическая страна, все народы великого Советского Союза.

Трудящиеся Дагестана в годы войны не только выполнили свой долг перед Отчизной и Советской Армией, но и продемонстрировали верность вечной и нерушимой дружбе народов СССР. В дни войны через Дагестан проходило большое количество людей, эвакуированных из районов, которым грозила опасность захвата гитлеровскими войсками. Только с 1 октября 1941 года по 20 января 1942 года через эвакоуправление ДАССР по ориентировочным данным в Красноводск и Астрахань было отправлено 170 тысяч человек, а всего за это время со станции Махачкала отправлено 181.850 эвакуированных[1] Десятки тысяч из них долгое время жили в Махачкале. Так, к концу 1941 года в Махачкале проживало свыше 40 тысяч человек эвакуированных[2]. Трудящиеся Дагестана тепло, по-братски, как самых близких друзей встретили русских, белоруссов, украинцев, молдаван, евреев, сынов и дочерей Северного Кавказа и других братьев и оказали им огромную помощь. За короткий период (до июня 1942 года) только по отделу хозяйственного устройства эвакуированного населения при СНК ДАССР было выдано остро нуждающимся эвакуированным 365 тыс. рублей денежной безвозвратной помощи. Отдел хозяйственного устройства, городские и районные исполкомы, колхозы и предприятия ДАССР оказали эвакуированным материальную помощь, обеспечили их постелью, бельем, обувью и другими предметами первой необходимости. Колхозники селения Нижнее Казанище Буйнакского района как родных братьев приняли в свою колхозную семью 150 человек эвакуированных. Колхозники сразу же выделили для них свыше 7 тонн муки, 4,5 тонн картофеля, 3700 рублей деньгами, 150 кг сыра и много других продуктов, обеспечили их теплыми квартирами, постелью и одеждой[3].

Эваконаселение благодарило Коммунистическую партию, Советское правительство и дагестанцев за заботу и внимание. Так, группа эвакуированных, проживавших в общежитии при третьей школе г. Махачкалы, в резолюции, принятой на своем общем собрании, отметила: «Пробыв здесь в течение продолжительного времени, мы имели возможность испытать на себе, как велика заботливость нашего родного Советского правительства

---

[1] ЦГА МВД ДАССР, ф. 411-р, о. 2, ед. хр. 1, л. 101.

[2] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 17, л. 79.

[3] «Дагестанская правда», 26 февраля 1942 года.

о нуждах и запросах эвакуированных. Нам было предоставлено прекрасное помещение, одно из лучших, новоотстроенной школы. Мы содержались в тепле и чистоте. Продовольственное снабжение эвакуированных было обеспечено организацией бесплатных обедов и буфета, в котором мы имели возможность получать систематически жиры, сахар и прочее. Независимо от этого, нуждающиеся эвакуированные получали от эвакуационной комиссии денежные пособия. И за это мы выражаем глубокую благодарность народам Дагестана...»[1].

В Дагестане широко развернулось патриотическое движение по оказанию помощи освобожденным от врага районам продовольствием, скотом и пр. Дагестанцы передали колхозам освобожденных районов 1500 голов крупного скота, 28 тысяч голов овец и коз, 1100 голов лошадей[2], тысячи тонн зерна, мяса, молочных продуктов, шерсти, кож, десятки вагонов различного оборудования и материалов.

Трудящиеся республики взяли шефство над городом-героем Севастополем. Для восстановления Севастополя собрали и отправили свыше 4,5 млн. рублей[3] и 12 вагонов продовольствия и разных материалов[4]. Вклад горцев в возрождение города-героя — это не только помощь севастопольским гражданам, но и Черноморскому флоту. «Трудящиеся Севастополя преисполнены горячей благодарности своим шефам за братскую помощь и крепко жмут протянутую руку вечной нерушимой дружбы. Мы прибыли сюда, чтобы выразить свое уважение народам Дагестана и установить еще более тесную связь и дружбу», — заявил руководитель делегации трудящихся Севастополя Бакши, который прибыл в Махачкалу 19 октября 1944 года[5].

Все это свидетельствует о глубокой преданности и верности трудящихся Дагестана принципам пролетарского интернационализма, братской дружбе народов СССР, о высоком патриотизме дагестанцев, об их любви к Родине.

Героические подвиги дагестанцев, как и всех советских людей, на фронте и в тылу, их готовность отдать исключительно все, вплоть до самого дорогого — жизни, для спасения Родины объясняется тем, что с построением социализма, являющимся главным итогом Великой Октябрьской социалистической революции, народ нашей страны стал полновластным хозяином всех ее богатств. Поэтому интересы Отечества стали интересами трудящихся масс Советского Союза.

---

1 ЦГА МВД ДАССР, ф. 411-р, о. 2, ед. хр. 1, л. 94—95.
2 «Дагестанская правда», 7 ноября 1943 года.
3 «Дагестанская правда», 29 декабря 1944 года.
4 «Дагестанская правда», 20 декабря 1944 года.
5 «Дагестанская правда», 24 октября 1944 года.

Народы Дагестана только при советской власти под руководством Коммунистической партии, с помощью великого русского народа и других братских народов нашей страны, вышли из той трясины, темноты, невежества и нищеты, куда их бросила царизм и местные эксплуататоры — ханы, беки и духовенство, обрели свою настоящую Родину и свое государство — государство рабочих и крестьян, свободную и зажиточную жизнь.

Колонизаторская политика царизма, политическое бесправие, экономическая и культурная отсталость, двойной гнет — гнет царских палачей и местных ханов и беков — все это приводило к голоду, нищете и вымиранию многих народностей Дагестана. С 1898 по 1914 гг. в Аварском, Андийском, Гунибском, Даргинском и Казикумухском округах количество населения уменьшилось более, чем на 5 процентов[1]. Отчеты царских канцелярий год от года бесстрастно фиксировали: «Малярия. Заболело 38.720 человек, умерло 2.137». «Целиком вымер поселок Барядинский, что около станции Белиджи». «Оспа. Заболело 1900, умерло 1400». «Лишай-чесотка. Болеют 240 тысяч», «Холера. Заболело и умерло 10.400». «Каждый третий ребенок умирает». «Рождаемость — 19 в год на тысячу, а смертность 24»[2]. Такова была горькая участь народов Дагестана до советской власти.

С установлением советской власти положение трудящихся Дагестана коренным образом изменилось. Осуществление ленинской национальной политики Коммунистической партией привело народы Дагестана к возрождению и расцвету. Трудящиеся Дагестана под мудрым руководством КПСС, с помощью великого русского народа и других братских народов нашей многонациональной страны в короткий исторический период сделали поистине гигантский скачок от средневековой отсталости к прогрессу. Коммунистическая партия в своей национальной политике исходила и исходит «из ленинского положения о том, что социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей»[3].

Дагестан накануне Великой Отечественной войны из отсталой аграрной страны превратился в передовую индустриально-колхозную страну с развитой промышленностью и сельским хозяйством. В 1937 году удельный вес продукции крупной промышленности ДАССР во всей продукции народного хазяйства составил 55,7 процента. В 1940 году промышленность республи-

---

[1] «Блокнот агитатора», 1945 г., № 5, стр. 24.
[2] ЦГА МВД ДАССР, ф. 352-р, о. 1, ед. хр. 23, л. 10.
[3] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза», стенографический отчет, ч. II, Госполитиздат, 1956, стр. 422.

ки выработала продукции в 13,3 раза, а без рыбной промышленности в 33 раза больше, чем до революции[1].

Коренным образом изменилось лицо сельского хозяйства ДАССР. Сельское хозяйство республики стало крупным и механизированным. На 1 июля 1940 года в колхозы объединилось 98,5 проц. крестьянских хозяйств с 92,2 проц. всей посевной площади Дагестана. На колхозных полях работали 706 тракторов мощностью в 13835 лош. сил, 234 комбайна[2], 417 тракторных сеялок, 640 тракторных плугов, свыше 400 автомашин и т. д. Три четверти всех сельхозработ плоскостных и предгорных колхозов, обслуживаемых МТС, были механизированы. В 1940 году по сравнению с 1913 годом посевные площади сельхозкультур увеличились на 75 процентов[3] и втрое увеличилась урожайность сельхозкультур.

Индустриализация республики, победа колхозного строя и осуществление культурной революции привели к значительному повышению материального и культурного уровня жизни трудящихся-горцев. О росте материального благосостояния трудящихся и медицинского обслуживания свидетельствуют рост населения и уменьшение смертности. В Дагестане с 1926 по 1939 г. количество населения выросло на 35,2 проц., а ежегодный прирост составлял 2,7 проц. против 0,67 проц. в США, 0,64 проц. в Германии[4]. Характерно, что этот рост идет почти целиком за счет коренного населения Дагестана. За годы Советской власти расцвела экономика, культура, искусство, литература народов Дагестана.

Фашистская Германия ставила своей целью захват советских земель, порабощение советских народов и их истребление, уничтожение самого прогрессивного общественного строя — социализма. «Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ»[5], — говорил Гитлер на одном из совещаний со своими командующими.

В захватнических планах гитлеровцев Кавказ, в том числе и Дагестан, занимал особое место. Они избрали город Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы на Каспий-

[1] «Дагестанская правда» от 14 сентября 1955 г.
[2] ЦГА МВД ДАССР, ф. 260-р, о. 19, ед. хр. 57, л. 71—108.
[3] «Сельское хозяйство Дагестана», изд. АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 8.
[4] «Сельское хозяйство Дагестана», изд. АН СССР, М.-Л., 1946; стр. 30—31.
[5] «Красная звезда» от 11 декабря 1945 г.

ском море и назначили адмирала, который должен был осуществить военно-морские операции на Каспийском море[1].

В октябре 1942 года, когда немецкие оккупанты были у Моздока, гитлеровский листок «Ставропольское слово», не скрывая захватнических целей фашистов, писал «...Дагестан богат рыбой, скотом и фруктами. Развито виноделие. Дагестан может стать серьезным источником снабжения продовольствием великой Германии... Туземцы не способны самостоятельно управлять своей страной, и на Германии лежит забота взять на себя эту великую миссию».

Немецкие фашисты питали к народам Дагестана лютую ненависть, называли их «варварами», «дикарями» и «туземцами». Фашистская газета «Утро Кавказа» о великом народном поэте Дагестана Сулеймане Стальском писала: «Сулейман Стальский вовсе не поэт, за которого выдает себя. Стальский не может быть великим человеком, так как принадлежит к низшей расе лезгинам»[2]. Так отзывались гитлеровцы о нашем любимом «Гомере XX века» и о свободных народах Дагестана, которые создали высокую самобытную национальную культуру.

Немецкие фашисты и их сателлиты хотели ограбить страну гор, превратить Дагестан в германскую колонию, а горцев — в рабов немецких господ-баронов.

Вот почему каждый дагестанец, независимо от национальности, считал войну за свободу и независимость советской Родины своим кровным делом, войной за свою жизнь и свободу. Поэтому свободолюбивые народы Дагестана, как и все народы нашего многонационального государства, единодушно поднялись на справедливую Отечественную войну против германских захватчиков. Народы Дагестана, ощутившие материальные и культурные блага социализма, ничего не жалели для разгрома ненавистного врага.

Огромную роль в этом сыграла партийная организация Дагестана, которая воспитала трудящихся в духе советского патриотизма. В дни Отечественной войны областная партийная организация, как один из боевых отрядов КПСС, выступила как подлинный вдохновитель и организатор борьбы трудящихся республики за оказание всемерной помощи фронту. Она развернула среди воинов-дагестанцев, мобилизованных в армию, рабочих, колхозников и интеллигенции широкую агитационно-массовую работу, разъясняла им справедливый характер Отечественной войны, возвышенные цели ее и воодушевля-

---

1 «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Госполитиздат, 1957, т. 1, стр. 67.

2 «Дагестанская правда», 31 марта 1943 года.

ла их своим примером на боевые и трудовые подвиги, на пожертвование личными сбережениями на нужды армии.

Дагестанская партийная организация, как вся наша славная Коммунистическая партия, в годы войны еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами воинов и трудящихся. Она направила на фронт 8595 членов и кандидатов партии[1]. Коммунисты Дагестана помнили слова Великого Ленина: «В такой момент всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других, на фронте»[2], там, где решается судьба Советского государства и Родины.

Партийная организация республики вела большую работу среди воинов-дагестанцев, воспитывала их в духе безграничной любви к Отечеству, Коммунистической партии, советскому народу, прививала им бесстрашие, храбрость, отвагу и железную дисциплину. Горкомы и райкомы партии выделили для политработы на призывных пунктах лучшие силы лекторов, пропагандистов и агитаторов. Так, Махачкалинский горком партии направил 70 агитаторов на мобилизационные пункты города[3]. В воинские части, где находились горцы Дагестана, Обком ВКП(б) посылал политическую литературу на местных дагестанских языках и группы лекторов-пропагандистов. Так, бойцы-дагестанцы с начала войны до 1 сентября 1942 года получили 1249 брошюр 84 названий на аварском, даргинском, лезгинском, кумыкском и лакском языках[4]. В 1943 году 6 раз выезжала на Закавказский фронт группа пропагандистов и лекторов Дагобкома партии и прочла более ста лекций и докладов, охватив ими около 19 тысяч бойцов и командиров-добровольцев Дагестана[5]. Большую роль в воспитании воинов-дагестанцев в духе пламенного патриотизма играло открытое письмо «Дагестан — своим фронтовикам», издававшееся Комиссией по истории Отечественной войны при Обкоме партии. Во всей этой работе областная партийная организация руководствовалась указаниями В. И. Ленина о том, что «...нужна личная агитация, надо обходить мобилизуемых, надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны»[6].

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 449—450; о. 23, ед. хр. 259—262, о. 24, ед. хр. 202—204; о. 26, ед. хр. 234—237; о. 27, ед. хр. 236—238, л. 1.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 62.

[3] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 540, л. 159.

[4] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 340, л. 278—279.

[5] Там же, ф. 1, о. 24, ед. хр. 279, л. 119.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 295.

Партийная организация проводила огромную политическую работу и среди тружеников промышленности, транспорта, сельского хозяйства и служащих государственных учреждений республики. В целях политмассовой работы она использовала самые различные и острые формы и средства агитации, такие как антифашистские митинги, выпуск «боевых листовок», устная пропаганда и агитация, печать и др.

Массовый героизм, проявленный дагестанцами на фронтах войны, и трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции в тылу являются результатом той титанической работы, которая была проведена областной партийной организацией в горах Дагестана в предвоенный и военный периоды.

В годы войны дагестанцы, как и все советские люди, еще раз увидели и глубже осознали, что Коммунистическая партия Советского Союза, — это ум, честь и совесть нашей эпохи, что политика партии отражает жизненные интересы трудового народа. Именно в этом корни возросшего стремления горцев вступить в ряды Коммунистической партии в годы войны, когда над Родиной нависла смертельная опасность и когда наша страна переживала самый тяжелый период в своей истории. В невероятно тяжелые дни 1941—1942 гг. в ряды Дагестанской партийной организации вступило 3494 самых стойких патриота, из них 1542 человека кандидатами в члены партии. Всего в ряды областной партийной организации с начала второй половины 1941 года по III квартал 1945 г. из передовых рабочих, крестьян и служащих принято 13280 человек, в том числе 7266 чел. кандидатами в ряды членов партии[1].

Наши фронтовики считали за великую честь идти в бой членом КПСС и давали клятвы драться смело, не жалея жизни. Вот одна из клятв, свидетельствующая о беспредельной и пламенной любви к партии коммунистов, клятва, данная дагестанцем-даргинцем Утбан Раджабовым: «Я, краснофлотец Раджабов, клянусь перед Родиной, перед комсомолом, что не посрамлю честь комсомола, советского моряка-каспийца. Идя в бой, прошу парторганизацию принять меня в партию. Если погибну в сражении с противником, прошу считать меня коммунистом. Клянусь, что не пожалею жизни для победы над врагом»[2]. Таких, как У. Раджабов, из среды горцев было много.

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 449—450; о. 23, ед. хр. 259—262, о. 24, ед. хр. 201—204; о. 26, ед. хр. 234—237; о. 27, ед. хр. 236—238; л. 1.

[2] «Дагестанский краеведческий музей».

С начала войны до 1 июля 1948 года, т .е. до завершения демобилизации личного состава Советской Армии, в Дагестанскую партийную организацию из партийных организаций нашей армии, флота и частей НКВД прибыло 14 375 коммунистов[1], что превышает в полтора раза число сынов и дочерей парторганизации республики, ушедших на фронт. Следует отметить, что из них основную массу составляют дагестанцы.

Народы Дагестана в годы войны проявили высокий патриотизм и показали свою преданность социалистической отчизне и родной Коммунистической партии и верность вечной дружбе народов нашей страны.

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР в приветствии трудящимся Дагестана 13 ноября 1945 года в связи с 25-летием республики отметили:

«...В годы Отечественной войны народы Дагестана показали свою преданность Советской Родине. Тысячи воинов-дагестанцев за мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом Отчизны, награждены орденами и медалями Советского Союза. Самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Дагестана способствовал завоеванию победы советского народа над врагом»[2].

Война 1941—1945 гг. была всесторонним испытанием для Коммунистической партии Советского Союза, для нашего общественного и государственного строя, для Советских Вооруженных Сил. Советский Союз выдержал этот суровый экзамен с честью и вышел из войны более сильным и крепким. В годы тяжелых испытаний наша славная Коммунистическая партия еще раз показала, что она является монолитной организацией, не знающей шатаний и разногласий в своих рядах, тесно сплоченной вокруг своего ленинского Центрального Комитета. Отечественная война продемонстрировала перед всем миром непреоборимую жизненную силу и превосходство советского общественного и государственного строя. Война воочию показала, что какие бы жертвы ни приходилось приносить Советской стране, наш народ, ощутивший материальные и культурные блага социализма, непобедим и непокорим.

Советский народ и его доблестные вооруженные силы, одержавшие в войне великую победу, не только спасли честь, свободу и независимость своей Родины, но и освободили многие народы от фашистского порабощения. В результате разгрома

---

[1] Партархив Дагфилиала Института марксизма-ленинизма, ф. 1, о. 22, ед. хр. 449—450; о. 23, ед. хр. 259—262; о. 24, ед. хр. 201—204; о. 26, ед. хр. 234—237; о. 27, ед. хр. 236—239; о. 28, ед. хр. 273—276; о. 83, ед. хр. 377—380 о. 85, ед. хр. 372—373, л. 1.

[2] «Правда», 13 ноября 1945 г.

гитлеровской Германии и ее союзников от лагеря империализма отпал ряд стран Европы и Азии, народы которых вступили на светлый путь социалистического развития. Социализм вышел из рамки одной страны и превратился в могучую мировую систему, а капиталистический мир, зона которого значительно сузилась, из войны вышел крайне расшатанным, ослабленным. Вторая мировая война привела к дальнейшему углублению общего кризиса капитализма и обострению всех противоречий, присущих капитализму. Победа советского государства в войне оказала решающее влияние на развертывание национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах и на борьбу трудящихся многих стран за свое освобождение. Она способствовала укреплению и развитию демократических сил во всех государствах капиталистического мира, усилению борьбы трудящихся за мир во всем мире. После войны соотношение сил на международной арене коренным образом изменилось в пользу демократии и социализма.

Победоносно закончив справедливую Отечественную войну, советский народ приступил к ликвидации ее последствий и дальнейшему мирному развитию народного хозяйства. В исторически сжатые сроки трудящиеся массы под руководством КПСС сумели залечить тяжелые раны войны и сделать гигантский шаг по пути строительства коммунизма. Ныне советский народ с огромным энтузиазмом претворяет в жизнь величественную программу развернутого коммунистического строительства, предначертанную XXI съездом партии.

Советский народ занят мирным созидательным трудом и борется за мир и дружбу между народами, за предотвращение новой войны. Новым выражением ленинской миролюбивой политики СССР является наш грандиозный семилетний план. XXI съезд КПСС указал, что главной задачей Советского Союза в области международных отношений является «последовательное проведение внешней политики, направленной на сохранение и упрочение мира и безопасности народов на основе ленинского принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами; осуществление курса на прекращение «холодной войны» и смягчение международной напряженности; всемерное укрепление мировой социалистической системы и содружества братских народов»[1].

Империалисты США, Западной Германии, Англии, Франции и других капиталистических стран, входящих в агрессивные блоки НАТО, СЕАТО и другие, несмотря на поучительные

---

[1] «Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». «Правда», 7 февраля 1959 года.

уроки истории, не бросают мысли о новой войне, продолжают гонку вооружений, упорно отвергают миролюбивые предложения Советского правительства, окружают социалистические страны военными базами и держат мир в напряженном состоянии. Но как бы ни злобствовали враги социализма, в мире нет таких сил, которые смогли бы возродить капитализм в нашей стране, одолеть социалистический лагерь. В настоящее время в мире имеются огромные силы, способные защищать мир, а если империалисты развяжут третью мировую войну, то нанести им сокрушительное поражение, которое приведет к окончательному краху всей империалистической системы. События последних лет подтвердили правильность вывода, сделанного XX съездом партии о том, что «фатальной неизбежности войн нет»[1]. При решении главной проблемы настоящего времени — сохранения мира во всем мире, важнейшую роль играет семилетний план Советского Союза. Успешное выполнение семилетнего плана в сочетании с ростом экономики всех социалистических стран мира приведет к тому, что по объему производства будет обеспечен абсолютный перевес социализма над капитализмом. Это будет способствовать росту и укреплению миролюбивых сил во всем мире. Таким образом, еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, будут созданы реальные возможности для устранения войн из жизни человеческого общества.

В настоящее время силы, которые стоят за сохранение мира, многочисленны, но, как писал К. Маркс, «численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»[2]. Поэтому развернувшееся организованное движение в защиту мира во всех странах имеет огромное значение в деле сохранения мира и предотвращения угрозы, нависшей над человечеством, а марксистско-ленинское положение о том, что в современную эпоху войны не являются фатально неизбежными, способствует дальнейшему расширению сил мира и воодушевляет всех борцов за мир, против поджигателей агрессии. Можно с уверенностью отметить, что будущее принадлежит коммунизму.

Однако в настоящее время, как указано в решениях XXI съезда партии, существует возможность развязывания войны империализмом. Поэтому XXI съезд КПСС призвал социалистические страны и всех сторонников мира поддерживать величайшую бдительность и усиливать борьбу за сохранение мира.

---

[1] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, ч. II. Госполитиздат, 1956, стр. 414.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. «Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 342.

Вместе с тем XXI съезд признал необходимым всемерно укреплять обороноспособность нашей страны.

Советский народ, уверенный в силе и крепости Советских Вооруженных Сил, охраняющих его мирный созидательный труд, успешно осуществляет исторические решения XXI съезда Коммунистической партии, направленные на дальнейшее укрепление могущества социалистической Родины.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-2

КОРЕНИЗАЦИЯ АППАРАТА И ВОВЛЕЧЕНИЕ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ

А. Л. ЛЕТИФОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть капиталистов и помещиков в России, положила начало возрождению угнетенных национальностей. Впервые в истории все народы, большие и малые, получили возможность строить свою национальную государственность, развивать свою экономику и культуру, активно участвовать в строительстве собственной жизни.

Благодаря победе Октябрьской революции и братской бескорыстной помощи великого русского народа, в Дагестане, как и на других окраинах бывшей царской России, утвердилась Советская власть. В соответствии с ленинской национальной политикой Коммунистической партии Советское правительство предоставило Дагестану автономию.

После решения вопроса о государственном строительстве ранее угнетенных национальностей одна из очередных задач партии на окраинах заключалась в том, чтобы укрепить советскую государственность, создать органы управления в соответствии с национально-бытовыми особенностями местного населения, обеспечить трудящимся фактический доступ к управлению государством. Разъясняя политику партии в национальном вопросе, после установления советской власти, В. И. Ленин в 1919 году указывал, что «помощь нациям отсталым и слабым необходимо усилить содействием самостоятельной организации и просвещению рабочих и крестьян каждой нации в борьбе с средневековым и с буржуазным гнетом, равно содействием развитию языка и литературы угнетенных доселе или бывших неравноправными наций», что в отличие от формальной буржуазной демократии советская власть должна «на деле обеспе-

чить» ранее угнетенным и эксплуатируемым трудящимся массам «фактический доступ к управлению государством»[1].

Основываясь на этих указаниях Ленина, X съезд РКП(б) (1921 г.) поставил перед партией задачу помочь трудовым массам невеликорусских народов «развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения», организовать ускоренную подготовку национальных кадров по всем областям управления[2]. Эта программа строительства национальной государственности получила свое дальнейшее развитие и конкретизацию в решениях XII съезда партии и IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (1923 г.). Было признано необходимым провести в национальных республиках и областях систематическую работу по коренизации государственных и партийных учреждений в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков, вовлечения местных кадров в государственное, профессиональное и кооперативное строительство[3].

В соответствии с этими установками партии в целях приспособления советского аппарата в национальных республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству, в апреле 1924 года ВЦИК принял постановление о постепенном переводе делопроизводства всех госорганов на соответствующие местные языки[4].

Таковы были основные директивы партии и Советского правительства в области коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках и областях.

Проведение коренизации в условиях Дагестана представляло собою нелегкую задачу. Прежде всего, необходимо было решить вопрос о языках, на которые надлежало перевести делопроизводство в партийных и советских учреждениях. Однако, в силу специфических условий Дагестана, где существует много народностей и этнических групп со своими отдельными языками, при отсутствии у большинства из них письменности, решение вопроса о языке затянулось на многие годы. Это обстоятельство в свою очередь мешало своевременно осуществить перевод делопроизводства на родной язык. Во-вторых, для проведения коренизации в Дагестане не было в достаточном количестве подготовленных кадров из среды местных народностей.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 90.
[2] «КПСС в резолюциях...» ч. 1, 1953 г., стр. 559.
[3] Там же, стр. 764.
[4] ЦГА ДАССР. ф. 37-р, оп. 23, д. 1а, л. 172.

Понятно, что ввиду изложенных обстоятельств в первое время после образования ДАССР партийная организация не могла полностью провести в жизнь директивы партии и советской власти о коренизации. Делопроизводство в центральных и местных органах республики велось, как правило, на русском, а кое-где и на арабском языке. В руководящих органах, особенно центральных, работали главным образом не местные кадры.

Областная партийная организация под руководством Центрального Комитета и Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) с самого начала принимала необходимые меры по подготовке и вовлечению местных кадров в органы управления, на предприятия промышленности и транспорта.

Для подготовки руководящих кадров в 1921 году была организована областная совпартшкола, а также шестимесячные и месячные курсы в г. г. Буйнакске, Махачкале и Дербенте. Кадры готовились также в Краевой совпартшколе (Ростов н/Д) и на различных курсах. Кроме того, ежегодно большое количество дагестанцев направлялось на учебу во многие города РСФСР и в другие братские республики. В 1922 году в различных учебных заведениях за пределами Дагестана обучалось около 200 чел.[1]. В последующие годы число направляемых на учебу дагестанцев непрерывно возрастало. Только за четыре года (1924—1927 гг.) в средние и высшие учебные заведения РСФСР и Азербайджанской ССР было направлено более 600 чел., в том числе 423 чел. из местных народностей[2].

Для осуществления перевода делопроизводства учреждений и обучения в школах на родные языки постановлением Пленума обкома партии в апреле 1922 года было определено несколько основных языков народов Дагестана (тюркский, аварский, даргинский, лакский).[3] В июле 1923 года Президиумом Обкома партии было принято решение о необходимости изучения ответственными работниками одного из местных языков[4].

Исходя из резолюции XII съезда партии и совещания ЦК по национальному вопросу, Пленум обкома партии в ноябре 1923 г. принял постановление «О языке и национализации советского аппарата», в котором предлагалось вести делопроизводство в сельских советах и участковых исполкомах на родных языках, а сношения с высшими органами — на русском языке. Было решено съезды Советов, конференции и другие

---

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 176, л. 143.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 2, л. 133.
[3] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 4.
[4] Там же, ф. 1, оп. 4, д. 2, л. 59.

официальные собрания проводить на тюркском, русском и аварском языках[1].

В соответствии с решением Пленума Обкома и постановлением ВЦИК о введении национальных языков в автономных республиках и областях, 21 июля 1924 года ЦИК и СНК ДАССР издали постановление о переводе делопроизводства госорганов республики на местные языки. При Даг. ЦИКе была образована Комиссия по национализации (коренизации) советского аппарата. В сентябре 1924 г. третья сессия ЦИКа ДАССР приняла решение «приступить к планомерному проведению в жизнь национализации госаппарата,... и, в первую очередь, к переводу делопроизводства сельских и участковых аппаратов республики на родной язык»[2].

На основании этих решений Комиссия по национализации при ДагЦИКе издала циркулярное письмо по коренизации госаппарата ДАССР. В этом письме всем руководителям республиканских, окружных и районных организаций предлагалось представить в Комиссию свои соображения по вопросу о коренизации учреждений с конкретным планом постепенного перехода делопроизводства на местные языки[3].

Этот циркуляр обсуждался в центральных и местных организациях с целью определения путей и степени коренизации аппаратов. Обсуждение показало, что многие наркоматы и другие центральные учреждения испытывали большие трудности на пути осуществления коренизации ввиду отсутствия в аппарате в достаточном количестве кадров, владеющих местными языками. Это относилось особенно к таким учреждениям, как министерства финансов и здравоохранения и др. Вместе с тем отдельные республиканские учреждения практически приступили к проведению в жизнь мероприятий по коренизации. Так, обсудив циркулярное письмо, комиссия по национализации аппарата Даггосрыбтреста 30 октября 1924 года решила немедленно начать коренизацию аппарата треста и как первый шаг к этому приступить к изучению разговорной речи, знание которой вменялось в обязанность всех руководителей отделов и предприятий. Комиссия обязала всех служащих аппарата изучить один из местных языков[4].

Что касается районных и окружных организаций, то все они высказались за осуществление в ближайшее же время полной коренизации местных органов. С этой целью в некоторых районах (Буйнакский и другие) были открыты кратко-

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 1, л. 24.
[2] «Красный Дагестан» № 227, 14 октября 1924 г.
[3] Там же, № 224, 10 октября 1924 года.
[4] ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 1а, л. 167.

срочные курсы для подготовки работников сельсоветов и вечерние курсы по изучению местных языков для работников районных учреждений[1].

В целях успешного осуществления коренизации Комиссия по национализации при ЦИКе ДАССР организовывала показательное дело, производство на местном языке в некоторых учреждениях, устанавливала в аппаратах наркоматов и других государственных, кооперативных и хозяйственных органов и окрисполкомов определенный процент укомплектования каждого учреждения практикантами из местного населения, которые по мере приобретения опыта и знаний назначались на штатные должности; направляла на работу в учреждения лиц из местного населения или владеющих местными языками; вела специальный учет местных кадров, работающих в учреждениях и организациях, причем без санкции Комиссии запрещалось перемещение и увольнение с работы лиц из коренных народностей Дагестана. Было принято, чтобы на должности начальников отделов и подотделов или их заместителей выдвигались, как правило, работники из местных народностей или владеющих местными языками[1].

В результате проделанной работы в аппараты управления было вовлечено значительное количество работников из местных народностей. По состоянию на 1 ноября 1925 года в аппаратах центральных государственных учреждений работали 1373 чел. из коренных народностей, что составляло 32,5 процента всех работников аппарата, в том числе среди руководителей учреждений, членов коллегий, правлений и им равных было 37,5 процентов из местных народностей[2]. В 1925 году на выборных должностях в партийных органах (членами обкома, окружкомов и райкомов партии, секретарями окррайкомов и партячеек) находились 175 чел. коренных дагестанцев, или 61,6 процента всех работников указанных категорий, в том числе членов Обкома партии 62,5 процента, членов окружных районных комитетов партии 63,3 процента. В аппараты Обкома, окружкомов и райкомов партии было вовлечено 53 чел. (41,7%) из местных народностей[3].

Известные результаты были достигнуты в деле вовлечения горцев в работу промышленности. По решению Обкома партии на рыбных промыслах и на промышленных предприятиях были организованы специальные курсы и школы ФЗУ по подготовке рабочих из местных народностей. Большая работа про-

[1] ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 1а, л. 222.
[2] Там же, д. 1а, л. 234—235.
[3] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 45, л. 53—54 и л. 158, л. 74.

водилась парторганизациями по вербовке крестьян-горцев на постоянную и сезонную работу на рыбных промыслах. В 1925 году на крупных промышленных предприятиях ДАССР работало 2100 постоянных рабочих, в том числе 724 чел. (34,5%) из местных народностей[1]. В путину 1925 года на рыбные промыслы было привлечено свыше 5500 крестьян-горцев[2]. В том же году на фабрике им. III Интернационала почти половину всех рабочих и служащих составляли коренные народности Дагестана[3].

Однако работа по вовлечению местных кадров в промышленность проходила медленно. В ряде отраслей промышленности, в особенности на железнодорожном и водном транспорте, почти не было рабочих-дагестанцев. Поэтому объединенное заседание Президиума Обкома партии, ЦИКа и СНК ДАССР 19 февраля 1925 г. приняло решение «взять твердый курс на постепенное вовлечение в фабрично-заводские предприятия, железнодорожный и водный транспорт трудящегося горского населения и вместе с тем выдвигать на ответственную работу в органы профсоюзов работников из числа горских национальностей»[4]. Пленум Обкома партии в мае 1925 года еще раз обратил внимание партийных и хозяйственных руководителей на важность задачи создания кадров рабочего класса из местных народностей. Было признано необходимым «всемерно усилить работу фабрично-заводского обучения»[5].

Наряду с коренизацией аппарата и привлечением горцев на производство, партийная организация проводила большую работу по укреплению своих рядов, улучшению качественного состава партии. Пленум Обкома партии (февраль 1924 г.), заслушав доклад А. И. Микояна об итогах XIII конференции РКП(б), принял решение провести чистку парторганизации от идейно-ненадежных элементов и открыть широкий доступ в партию рабочим от станка, батракам и рабочим отхожих промыслов. Пленум предложил партийным организациям принять реальные меры к выдвижению коммунистов из низов, в особенности коммунистов-дагестанцев, на ответственную работу в партийных, советских и профсоюзных организациях, вести борьбу с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма, воспитывать коммунистов в духе интернационализма[6].

---

1 ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 1а, л. 102.
2 Партархив Дагфилиала, ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 7.
3 ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 1а, л. 233.
4 Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 15, л. 30.
5 Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 3, л. 11.
6 Там же, ф. 1, оп. 5, д. 4, л. 1.

Во исполнение решений XIII съезда РКП(б) по вопросам партстроительства Пленум Обкома партии в июне 1924 года обсудил вопрос «Об очередных задачах партстроительства в Дагестане». Пленум признал необходимым укрепить партийные организации, особенно на селе, и комитеты крестьянской взаимопомощи, направив для этой цели партийные силы из городов в деревню[1].

Выполняя директиву XIII съезда РКП (б) о том, что «неотложной задачей партии является вовлечение в партию трудовых крестьян и батраков восточных народов»[2], партийные организации республики значительно улучшили дело приема в партию трудящихся из коренных народностей. Так за 10 месяцев 1924 года в партию было принято более 1000 чел., в том числе около 600 дагестанцев. На 1 января 1925 года парторганизация насчитывала в своих рядах 2758 коммунистов, из которых 1360 чел., или 48,5 процентов, были из местных народностей[3]. Для улучшения партийной работы в деревне Обкомом партии был разработан подробный план мероприятий, в котором предусматривалось изучение состава партии и методов партийной работы в ауле, укрепление сельсоветов, кресткомов и партячеек кадрами, помощь деревне в хозяйственном и культурном строительстве и т. д. Для проведения в жизнь этих мероприятий была создана специальная комиссия по вопросам работы в деревне[4]. Особое внимание обращалось на организацию и укрепление кресткомов, ввиду их важной роли, которую они должны были сыграть в условиях Дагестана в связи с переходом к ним вакуфных земель, закията и других общественных средств, находившихся до этого в руках духовенства. К концу 1924 года в республике было организовано 403 кресткома с участием 1380 чел. В распоряжении кресткомов находилось более 13 тысяч пудов зерна и других с/х продуктов, много скота, около 40 тыс. рублей денежных средств[5].

Проводимые мероприятия по улучшению работы в деревне упрочили внутриполитическое положение республики. Контрреволюционные группы партий мусаватистов и иттихадистов, которые в первое время имели некоторое влияние среди части населения, потерпели полный крах. Прошедшие осенью 1924 г. перевыборы местных советов показали значительно возросший авторитет и влияние Коммунистической партии в массах. В сельские и районные Советы повсеместно были избраны коммунисты и беспартийные трудящиеся. Попытки кулачества и

---

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 4, л. 10.
[2] «КПСС в резолюциях», ч. 1, 1953, стр. 857.
[3] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 97, л. 108—109.
[4] Там же, ф. 1, оп. 5, д. 45, л. 133—136.
[5] Там же, ф. 1, оп. 5, д. 99, л. 19.

духовенства в нагорных округах протащить в местные органы власти своих представителей не имели успеха[1].

Однако это были лишь первые шаги по укреплению органов власти, вовлечению местного населения в аппараты управления и созданию местных кадров рабочего класса.

10 ноября 1924 года, в связи с выделением Дагестана из Юго-Восточного края, ЦК РКП(б) принял постановление, в котором были намечены меры помощи Дагестанской партийной организации, в частности выделение необходимых средств на подготовку секретарей партийных ячеек и на организацию кустарных артелей для женщин-горянок, увеличение для дагестанцев числа вакансий в КУТВе, в Свердловском университете и на курсах уездных партработников и др.[2].

В начале 1925 года работа Дагпарторганизации была обследована ответинструктором ЦК РКП(б). По итогам обследования 5 июня 1925 года ЦК РКП(б) принял постановление[3] и письмо ЦК Дагобкому партии, которые имели огромное значение во всей дальнейшей работе областной партийной организации. В своем письме Дагобкому партии Центральный Комитет отмечал, как один из основных недочетов партийной организации «недостаточное внимание к работе в аулах, медленное усвоение политики партии в деревне, а также неполное применение ее к национальным условиям Дагестана»[4]. Отметив некоторый рост парторганизации за счет крестьян-националов и улучшение состава партийного и государственного аппарата, ЦК вместе с тем подчеркивал необходимость развертывания систематической работы по привлечению в партию лучших крестьян, рабочих и кустарей, а также широкого вовлечения местного населения в органы управления. ЦК указывал, что «работу по выдвижению в руководящие советские органы (ЦИК, СНК и отдельные наркоматы) и иные органы передовиков крестьян-националов и рабочих как партийных, так и беспартийных, необходимо поставить более полно и широко»[5].

В конце июня 1925 года объединенный Пленум ДК и ДКК РКП(б), обсудив постановление ЦК РКП(б) о работе дагестанской парторганизации, наметил практические мероприятия по улучшению партийной и советской работы в ауле. Пленум заострил внимание всех партийных и советских органов на необходимости борьбы против нарушений революционной законности и устранения имевших место искривлений налоговой

---

1 Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 53, л. 161.
2 Там же, ф. 1, оп. 5, д. 53, л. 123.
3 Там же ф. 1, оп. 6, д. 44, л. 10.
4 Журнал «Звезда» (Махачкала), № 1 (3) июнь 1927 г., стр. 10.
5 Там же, стр. 11.

политики в деревне. Пленум предложил осуществить полную коренизацию местных аппаратов прокуратуры, суда и следствия и в этих целях возобновить работу ранее существовавших юридических курсов по подготовке и переподготовке судебно-следственных работников из местных народностей[1]. Для постоянной работы в деревню было направлено из центральных учреждений и городов около 60 ответственных работников[2]. Кроме того, в сельские районы для оказания помощи местным организациям направлялись на временную работу сроком на 1—2 месяца все ответственные работники республиканских органов. На селе было организовано 23 новых партийных ячейки. На 1 октября 1925 года было 99 деревенских партячеек с числом коммунистов 1500 чел.[3]. Благодаря усилению работы по приему в партию за 9 месяцев 1925 года организация выросла почти на 900 человек, в основном за счет местных народностей. На 1 октября 1925 года в парторганизации было 3646 коммунистов, из них 2021 чел. (55,4%) из местных народностей[4]. При общем росте парторганизации удельный вес дагестанцев в ней вырос с 48,5 процентов в начале года до 55,4 процентов к октябрю 1925 года.

В связи с расширением и реконструкцией старых предприятий и строительством новых (стекольный завод «Дагогни», Махачкалинский рыбоконсервный завод и др.) продолжался рост местного рабочего класса. В 1926 году на основных предприятиях, подведомственных наркомату промышленности и торговли (без путины), было занято свыше 1400 рабочих из коренных народностей, т. е. увеличилось по сравнению с 1925 годом почти в два раза[5].

Работа по созданию квалифицированных кадров рабочих из местных народностей и вовлечение их в промышленность в общем проходила удовлетворительно, и за короткий период были достигнуты немалые результаты. В этом отношении огромную роль сыграли работавшие на предприятиях Дагестана кадровые русские рабочие и специалисты, которые охотно помогали пришедшим на производство горцам в овладении профессией и повышении квалификации. Однако не везде эта работа протекала гладко. На некоторых предприятиях (фабрика им. III-го Интернационала, завод «Дагогни») имели место отдельные проявления нездоровых взаимоотношений между кадровыми рабочими, мастерами и пришедшими на призводство горцами, которые выражались в том, что некоторые мастера бы-

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 23.
[2] Там же, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 18.
[3] Там же, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 17.
[4] Там же, л. 16.
[5] Там же, ф. 1, оп. 9, д. 73, л. 58.

ли недовольны практикой ученичества из горцев, считая это для себя дополнительной нагрузкой, с другой стороны, часть местных рабочих неправильно относилась к кадровым рабочим и мастерам, которых считала «чужими», «временными» и т. д.[1]

Некоторое сопротивление политике ускоренной подготовки местных кадров рабочих и вовлечению их в промышленность пытались оказывать и отдельные руководящие работники махачкалинской партийной организации. На седьмой областной партконференции, например, отдельные делегаты (Шиповалов, Левин) под благовидным предлогом, что якобы необходимо обдуманно и планомерно привлекать горцев в промышленность так, чтобы от этого не страдала производственная работа и не создавался антагонизм между кадровыми и вновь пришедшими рабочими, — выступали против широкого вовлечения местных народностей на предприятия промышленности и транспорта[2].

Конечно, подобные высказывания не отражали мнения партийной организации, которая в целом правильно понимала национальную политику Коммунистической партии и, руководствуясь неоднократными указаниями ЦК РКП(б), неуклонно проводила намеченную линию по вовлечению горцев в промышленность, на транспорт и в аппарат управления. Эта линия была одобрена и подтверждена в решениях восьмой и девятой областных партийных конференций в 1927 году. Девятая партконференция поставила перед обкомом партии задачу дальнейшего укрепления аппарата управления путем выдвижения рабочих, районных и окружных работников, «особенно имея в виду выдвижение местных националов», и подтвердила решение восьмой партконференции об усилении работы по вовлечению крестьян-горцев в промышленность и на транспорт[3]. Конференция предложила ДКК-РКИ принять необходимые меры к очищению аппаратов административных, хозяйственных и кооперативных органов, «уделив особое внимание коренизации аппарата и выдвижению»[4].

Учитывая то, что в отдельных партийных организациях (гор. Хасавюрт) имело место искривление партлинии в национальном вопросе, выразившееся в противопоставлении местных кадров приезжим[5], а также проявления национального антагонизма среди части рабочих на некоторых предприятиях, девятая партийная конференция поручила Обкому партии провести в партийных организациях и среди всех работников советского

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 158, л. 63.
[2] Там же, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 135—136.
[3] «Красный Дагестан» № 268, 21 ноября 1927 года.
[4] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 8, д. 51, л. 6.
[5] Журнал «Звезда», № 9 (23), 1929 г., стр. 15.

аппарата соответствующую работу по разъяснению национальной политики партии и вести борьбу с проявлениями как великодержавного шовинизма, так и местного национализма.[1]

К 1926—27 годам в республике были достигнуты значительные результаты в деле вовлечения горцев и горянок в работу промышленности. Поэтому одна из главных задач заключалась в том, чтобы закрепить и дальше развивать достигнутые успехи, повысить квалификацию местных рабочих, установить правильные, дружественные отношения между рабочими и служащими всех национальностей. Эту задачу поставил ЦК ВКП(б) перед Дагестанской парторганизацией в постановлении ЦК от 16 марта 1927 года по отчету Обкома партии. ЦК ВКП(б) обращал внимание Обкома партии на необходимость поднять квалификацию рабочих-горцев и обеспечить установление правильных взаимоотношений «между старой (русской) и вновь пришедшей горской частью рабочих»[2].

Выполняя директивы ЦК и областной партийной конференции, партийные организации республики провели большую работу по разъяснению национальной политики партии и интернациональному воспитанию трудящихся. По решению президиума Обкома партии вопрос о национальной политике партии и советской власти вообще и, в частности, о задачах национальной политики в Дагестане, был поставлен на обсуждение партийных ячеек в учреждениях и предприятиях, проводились также лекции, доклады и беседы по этому вопросу. Было запрещено руководителям предприятий под предлогом вовлечения местного населения в промышленность увольнять без всякого основания рабочих и служащих других национальностей. Коренное население привлекалось к работе на производстве исключительно за счет расширения существующих и строительства новых предприятий. В результате всей этой работы постепенно были устранены имевшиеся кое-где проявления национального антагонизма среди части рабочих.

За два года, истекших после постановления ЦК партии от 5 июня 1925 года о работе дагестанской партийной организации, в республике продолжалась дальнейшая коренизация партийного и государственного аппарата и подготовка кадров рабочего класса из местных народностей. Это показывают следующие данные (в таблицах указано число коренных народностей Дагестана в процентах к общему числу работников):

---

[1] Газета «Красный Дагестан» № 268, 21 ноября 1927 года.

[2] «Задачи Дагпарторганизации по директивам В. И. Ленина, ЦК и ЦКК ВКП(б)», Махачкала, 1928, стр. 22.

1. Коренизация партийных органов[1]

№№ п/п	Наименование парторганов	1925	1926	1927
1	Пленум ДКК РКП(б)	61,5	51,8	71,0
2	Пленум Обкома РКП(б)	6 ,5	62.0	67,2
3	Пленумы окружкомов партии	63,3	71,7	71 5
4	Бюро Обкома партии	77,7	62,5	72,7
5	Бюро окружкомов партии	61,2	75,0	7-,6
6	Аппарат Обкома партии	12,5	20,0	50,0
7	Аппарат окружкомов партии	51,5	67,9	67,9

2. Коренизация советских органов[2]

№№ п/п	Наименование советских органов	1925	1927
1	ЦИК ДАССР	69,0	75,0
2	СНК ДАССР	69,2	75,0
3	Аппарат центральных учреждений в целом	32,5	33,3*
	в т. ч. аппарат ЦИК ДАССР	39,2	39,0*
	„ СНК ДАССР	33,3	35 7*
	„ наркоматов**	15,0	27,3*
4	Окружные исполкомы		81,5
5	Аппарат окружных и районных учреждений		48,8*
6	Городские советы		40,0
7	Сельские советы		91,7

К 1927 году в основном был завершен перевод делопроизводства низовых партийных, советских и общественных организаций на основные языки народов Дагестана. По состоянию на апрель 1927 года из 607 сельсоветов вели делопроизводство на аварском языке — 188, на тюркском — 147, на кумыкском — 97,

---

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, л. 47—48.

[2] См. архив Дагестана ИМЛ, ф. 1, оп. 6, д. 45, л. 48; оп. 9, д. 3, л. 53; ЦГА ДАССР, ф. 37—р, оп. 23, д. 1, л. 31—32; д. 1а, л. 221—222, 234—235, 239—241.

* Данные за 1926 год.

** Данные по наркоматам: внутренних дел, финансов, земледелия, РКИ, труда, юстиции, торговли, просвещения, здравоохранения, соцобеспечения и СНХ.

3. Коренизация профсоюзных и кооперативных органов[1]

№№ п/п	Наименование профсоюзных и кооперативных органов	1926	1927
1	Пленумы ДСПС	26,6	30,0
2	Отделы профсоюзов	св. нет	25,6
3	Райпрофбюро и профсекретариаты	10,5	30.0
4	Месткомы и фабзавкомы	16,0	31,2
5	Правление Дагпотребсоюза	св. нет	40,0
6	Аппарат Дагпотребсоюза	20.9	21,3
7	Правление Дагкентбирлиги	св. нет	33.0
8	Аппарат Дагкентбирлиги	св. нет	25,0
9	Правление Дагкустпромсоюза	св. нет	80,0
10	Аппарат Дагкустпромсоюза	56,5	54,5
11	Местные правления потребкооперации	70,0	72,7
12	Местные правления с/х кооперации	64,7	53,1
13	Местные правления кустпромкооперации	св. нет	98,9

на даргинском — 65, на лакском — 40 и на русском 70 сельсоветов.[2]

4. Вовлечение крестьян-горцев в работу промышленности[3]
(по предприятиям НКПТ ДАССР)*

Годы	Всего постоянных рабочих	В том числе местных		Всего сезонных рабочих (рыб. путина)	В том числе местных	
		абсол. число	%		абсол. число	%
1913	2513	638	25,3	14000	4200	30,0
1925/25	3008	1437	47,7	10890	6861	63.0
1926/27	3281	1653	50,4	12250	9310	76,0

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, д. 52—53.

[2] ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 1, л. 26.

Из более крупных народностей Дагестана лезгины и табасараны тогда не имели еще своей письменности и поэтому в делопроизводстве и школах пользовались тюркским языком. В 1928 г. была создана письменность на латинской основе для лезгин, а позднее и для табасаран. Ввиду этого эти народности позднее других перешли на употребление родного языка в учреждениях, школах и печати. На русском языке вели делопроизводство, кроме русских сельсоветов Кизлярского и Ачикулакского районов, сельсоветы с караногайским и ногайским населением и сельсоветы со смешанным населением — Махачкалинского, Дербентского и Хасавюртовского районов.

[3] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. оп. 9, д. 73, л. 58.

* За 1913 г. количество постоянных рабочих дано по текстильной фабрике и Рыбсбыту. Сведения за 1925—1927 гг. по фабрике им. III-го Интернационала, стеклозаводу «Дагогни», консервным и кожевенным заводам и Дагрыбтресту.

Из приведенных данных видно, что, во-первых, областная партийная организация под руководством ЦК ВКП(б), неуклонно осуществляя директивы партии о коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках, за несколько лет добилась значительных результатов. В 1927 году центральные и окружные руководящие (выборные) партийные органы в целом были коренизированы на 70 процентов, а советские органы — на 75—80 процентов. Удельный вес местных работников в центральных советских и партийных аппаратах в целом составлял 30—50 процентов, а в окружных — 50—70 процентов. Наряду с этим шла коренизация и самой партии в смысле расширения в ней национальной прослойки. Так, в 1923 году парторганизация насчитывала в своем составе 1273 коммуниста, в том числе 575 чел. (45,0%) из местных народностей[1], а на 1 января 1927 года — 4840 коммунистов, из которых 3102 чел. (64,0%) коренных дагестанцев[2], т. е. за период менее чем в 4 года, при общем росте численности парторганизации в 3,8 раза, количество коммунистов из коренных народностей Дагестана возросло более чем в 5,5 раза.

Во-вторых, за период менее трех лет число членов профсоюза из местных народностей возросло почти в 4 раза, составив в 1927 году около 40% всей профорганизации. Однако рост профсоюзного актива из местных народностей отставал от роста членов профсоюза, и поэтому в руководящих органах профсоюзов, в том числе и в низовых (в месткомах и фабзавкомах), удельный вес работников-дагестанцев не превышал 30 процентов. Исключение составляли профсоюзы текстильщиков и химиков, где коренизация была доведена до 50—70 процентов. Недостаточно высоким темпом проходила коренизация центральных органов потребительской и сельскохозяйственной кооперации, особенно их аппаратов, которые по своей работе более всего связаны с широкими массами коренного крестьянского населения. Что касается организаций кустарно-промысловой кооперации, то участие в них местных народностей достигло 80 процентов. Местные органы кустпромкооперации почти целиком состояли из коренных народностей Дагестана.

В-третьих, при проведении коренизации руководящих органов партийная организация недостаточно учитывала интересы всех народностей Дагестана. Это видно из того, что, например, даргинцы, занимая среди народов Дагестана второе место по численности населения, в 1927 году имели своих представителей в республиканских советских органах в два раза меньше,

[1] См. Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 27, л. 6.
[2] Журнал «Звезда» № 8(22), 1929 г., стр. 48.

чем тюрки, численность которых в пять раз меньше даргинцев, а из табасаранцев, не говоря о более мелких народностях, не было ни одного человека в центральных аппаратах республики[1]. Этот же недостаток был характерен и для состава партийной организации[2].

В-четвертых, в связи со строительством новых и расширением старых промышленных предприятий росла численность рабочего класса, в особенности из коренного населения. К 1926/27 году число постоянных рабочих-дагестанцев увеличилось по сравнению с 1913 годом в 2.5 раза, а сезонных — в 2,2 раза. Более половины постоянных и свыше три четверти сезонных рабочих на основных предприятиях промышленности и рыбных промыслах республики составляли коренные народности Дагестана. Одновременно с вовлечением горцев в работу промышленности под руководством русских специалистов, кадровых рабочих и мастеров на предприятиях проходило обучение местных рабочих различным специальностям, что давало возможность постепенно заменять временно приглашенных извне специалистов и мастеров местными работниками.

Таковы были результаты четырехлетней работы партийной организации республики по осуществлению директив партии по коренизации. Областная партийная организация и в дальнейшем прилагала не мало усилий по укреплению и коренизации органов государственной власти, созданию кадров местного рабочего класса. Очередные задачи партийных организаций в этом вопросе определил объединенный Пленум ДК и ДКК ВКП(б) (февраль 1928 г.), специально обсудивший вопрос о коренизации.

Пленум поставил перед партийными организациями, руководителями министерств и других центральных учреждений задачу — систематически заниматься вопросами дальнейшей коренизации партийного и государственного аппарата, приближения всех аппаратов снизу доверху к языку широких масс населения, выявления и воспитания актива, особенно из среды рабочих и крестьян коренных народностей. «Считать ближайшей задачей, — говорится в резолюции пленума, — усиление коренизации, в первую очередь тех органов, которые по своей работе больше всего связаны с рабоче-крестьянскими массами коренных национальностей (Наркомпрос, Наркомзем, Наркомюст и кооперация)», а также коренизацию обслуживающего персонала в аппаратах управлений предприятий промышленности и транспорта. Пленум обратил внимание на необходимость увеличения национальной прослойки в среднем звене

[1] См. ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 23, д. 7, л. 188.

[2] См. «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», Москва, 1930, стр. 140.

центральных аппаратов, повышения квалификации вовлеченных и вовлекаемых в учреждения работников из местных народностей, периодической организации специальных совещаний выдвиженцев для обсуждения на них практических вопросов улучшения работы государственного аппарата[1].

В целях воспитания и выращивания молодых кадров рабочего класса пленум предложил партийным организациям, особенно производственным ячейкам и фракциям соответствующих профсоюзов, шире вовлекать рабочих в общественную и производственную жизнь предприятий — в работу производственных совещаний, общественных организаций, заводского комитета, различных комиссий, делегатских собраний и т. д., систематически проводить работу по ликвидации неграмотности, повышению их культурного уровня и профессиональной квалификации. Для дальнейшего улучшения дела подготовки кадров рабочего класса из местных народностей было решено организовать ряд новых школ ФЗУ при крупных предприятиях на заводе «Дагогни», в Дагрыбтресте, на железной дороге и др.).

Весной 1928 года Дагпарторганизация была обследована бригадой работников ЦКК ВКП(б). В своем решении партколлегия ЦКК ВКП(б) поставила перед КК-РКИ ДАССР задачу улучшить работу государственного аппарата, «в большей степени уделять внимание вопросам выдвижения и коренизации аппарата, содействуя, в первую очередь, выдвижению на ответственную работу нацработников из числа растущего актива»[3]. Обсудив итоги проверки, объединенный Пленум ДК и ДКК ВКП(б) признал необходимым улучшить партийное руководство работой советского аппарата, еще шире привлекать рабочих и трудящихся крестьян в органы управления республики, усилить работу по выдвижению и коренизации аппарата[4].

В соответствии с этими решениями продолжалась дальнейшая коренизация государственного аппарата. Так, в течение 1928 и первой половины 1929 года удельный вес коренных народностей Дагестана в составе центральных аппаратов ДАССР увеличился на 2,5 процента[5]. В аппарат республиканских органов было выдвинуто много новых работников из рабочих и крестьян, а также из низовых партийных и советских органов.

---

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, л. 12.
[2] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 9, д. 3, л. 11.
[3] «Задачи Дагпарторганизации по директивам В. И. Ленина, ЦК и ЦКК ВКП(б)», Махачкала, 1928, стр. 31—32.
[4] Журнал «Звезда», № 3/11, 1928 г., стр. 53.
[5] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 10, д. 16, л. 10.

Вместе с тем в деле коренизации допускались и серьезные ошибки. Они выражались в том, что в ряде случаев под маркой коренизации в советский аппарат проникал чуждый элемент; не всегда соблюдался классовый подход при привлечении местного населения на производство, что вело к засорению рабочего класса кулацким элементом; отдельные руководители наркоматов и ведомств в возглавляемые ими учреждения подбирали работников главным образом из той народности, представителями которой они являются; кое-где делались попытки сопротивления политике коренизации советских органов со стороны шовинистически настроенной части чиновников госаппарата.

Объединенный Пленум ДК и ДКК ВКП(б) в августе 1929 года обратил внимание партийных организаций и руководителей учреждений и предприятий на указанные выше недостатки и наметил мероприятия по их устранению. Пленум подтвердил решения февральского Пленума ДК и ДКК ВКП(б) 1928 года о коренизации и предложил партийным организациям не ослаблять работу по дальнейшему приближению государственного аппарата к широким массам трудящихся, одновременно вести борьбу против искривлений партлинии в вопросе о коренизации. Пленум поручил бюро Обкома партии усилить работу по выдвижению в центральные органы республики, особенно в низовое и среднее звенья государственного аппарата, рабочих и крестьян-бедняков. Для подготовки кадров для выдвижения было решено организовать с 1 октября 1929 года батрацко-бедняцкие курсы на родных языках с охватом не менее 200 чел. Для подготовки квалифицированных рабочих из местных народностей намечалось расширить сеть школ ФЗУ, организовать ряд вечерних курсов на предприятиях[1].

Таким образом Дагестанская партийная организация под руководством и при повседневной помощи Центрального Комитета партии за первое пятилетие после образования ДАССР добилась определенных успехов в деле осуществления директив партии и Советского правительства по коренизации аппаратов и вовлечению национальных кадров в промышленность, профессиональное и кооперативное строительство. Было подготовлено и вовлечено в партийные, советские и другие органы большое количество работников из коренных народностей Дагестана, которые ранее почти поголовно были неграмотными и не имели доступа в органы управления. Были созданы собственные кадры местного рабочего класса из горцев, которые до советской власти в ряде случаев находились еще на стадии патриархально-родовых отношений. Было положено начало

[1] Партархив Дагфилиала ИМЛ, ф. 1, оп. 10, д. 16, л. 10—11.

окончательному раскрепощению женщин-горянок и широкому вовлечению их в общественную и производственную деятельность. В основном был завершен перевод делопроизводства в местных органах на основные языки народов Дагестана.

Результаты проведения коренизации в Дагестане, как и в других республиках Советского Востока, ярко свидетельствуют об огромном внимании и заботе партии и Советского правительства о ранее угнетенных малых народах, показывают великую силу и жизненность принципов ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

БОРЬБА КОЛХОЗНИКОВ ДАГЕСТАНА ЗА ПОДЪЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ЖИВОТНОВОДСТВА В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

Б. Ш. ОМАРОВ

Победа колхозного строя в Дагестане открыла широкие перспективы для успешного развития всех отраслей сельского хозяйства, подъема производительности труда, активного участия республики в создании изобилия сельскохозяйственных продуктов в стране, обеспечения сырьем легкой промышленности, для удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей советского общества.

На всех этапах колхозного строительства партия и правительство уделяли огромное внимание всемерному подъему общественного животноводства. XVII съезд ВКП(б) поставил проблему развития животноводства как важнейшую, первоочередную задачу партии и народа. XVIII съезд партии наметил большую программу подъема животноводства в нашей стране. Съезд установил на третью пятилетку прирост поголовья скота и рост его товарной продукции в размерах, необходимых для удовлетворения нужд страны.

За годы второй пятилетки значительные успехи были достигнуты в развитии всех отраслей сельского хозяйства, в том числе и животноводства — основной отрасли хозяйства горных районов республики. Поголовье скота за эти годы увеличилось: по овцам и козам—на 52%, по крупному рогатому скоту — на 27%, по лошадям — на 14%[1].

В подъеме общественного животноводства решающую роль играли животноводческие товарные фермы, показавшие себя лучшей формой организации колхозного животноводства. Число животноводческих товарных ферм в колхозах республики за годы второй пятилетки увеличилось в четыре раза[2].

[1] ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 100, л. 19.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, л. 100, л. 15.

Поголовье стада в фермах за эти годы возросло по овцам — на 267,6%, по козам — на 375%, по крупному рогатому скоту — на 218%.

В результате развития и дальнейшего укрепления колхозов повысился удельный вес социалистического сектора в животноводстве. К концу 1937 года 91,5% овец и коз, 88% крупного рогатого скота и 92% лошадей в республике принадлежали совхозам, колхозам или находились в личном хозяйстве колхозников.

XVIII съезд партии наметил большую программу подъема животноводства в нашей стране. Дагестанская республика за годы третьей пятилетки должна была увеличить: поголовье овец и коз, примерно, на 62%, крупного рогатого скота — на 33%, лошадей — на 32,3%[2].

Однако, несмотря на известные достижения в развитии животноводства в предыдущий период, колхозы республики все еще сильно отставали в развитии общественного животноводства. Большинство сельхозартелей плоскостных районов не уделяло достаточного внимания развитию общественного животноводства. А колхозы горных районов, которые являлись в основном животноводческими, были слабыми, малодоходными. Подавляющее большинство поголовья скота еще не было обобществлено.

По данным на 1 января 1938 года в колхозах республики имелось только 18% всего поголовья крупного рогатого скота, 37% лошадей и 55% овец и коз[3]. В то же время, вместо предусмотренных Примерным Уставом сельхозартели 25—40 овец на колхозный двор, у многих колхозников, например, в Чародинском, Докузпаринском, Тляратинском, Кахибском, Кулинском и других районах имелось от 100 до 170 голов овец, вместо 4—5 коров и молодняка, колхозники имели в своем личном пользовании до 8 коров и 16 голов молодняка[4]. Причем, скот, находившийся в личном пользовании колхозников, был обеспечен кормами, помещением и уходом лучше, чем общественный, потому что почти все земли находились в личном пользовании колхозников[5].

---

[1] Газета «Дагестанская правда» от 26 июня 1937 г.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 100, л. 15.
[3] ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 19, д. 136, л. 39.
[4] Газета «Дагестанская правда» от 28 июля 1939 г.
[5] Исходя из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 февраля 1939 г. «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Дагестанской АССР», обком ВКП(б) и СНК ДАССР 3 марта 1939 г. вынесли решение, где были указаны конкретные меры по приведению структуры колхозов горных районов в соответствие с принципами Примерного Устава сельхозартели.

Основной причиной неудовлетворительного состояния подавляющего большинства животноводческих колхозов горных районов республики было то, что уставы многих горных колхозов расходились с требованиями Примерного Устава сельхозартели, вследствие чего в личном хозяйстве колхозников было скота больше положенного. Следовательно, не могли быть полноценными и высокотоварными животноводческие товарные фермы колхозов, где не соблюдались уставные требования.

Участники Дагестанского республиканского совещания передовиков животноводства в 1938 году в своем обращении ко всем животноводам республики писали, что основной задачей в ближайшее время является ликвидация последствий извращения политики партии в колхозном строительстве, нарушения устава сельхозартели, укрепление колхозов, обобществление земель, скота, инвентаря и т. д.

Партийные и советские органы, резвернув широкую партийно-массовую работу за достойную встречу XVIII съезда ВКП(б), возглавили борьбу трудящихся масс деревни за укрепление колхозов, за подъем общественного животноводства республики. В результате этого движения многие районы Дагестана добились невиданного роста общественного животноводства. За 1938 г. и первую половину 1939 г. поголовье крупного рогатого скота выросло в колхозах Гумбетовского района на 503%, Рутульского — на 709%, Ботлихского — на 801%. Аналогичная картина наблюдалась и по росту поголовья овец. За 1938 г. количество колхозных животноводческих товарных ферм достигло 1501, т. е. выросло на 57%, в том числе: молочнотоварные фермы—на 44%, овцетоварные фермы — на 71%[1].

1939 г. явился решающим годом в организационно-хозяйственном укреплении колхозов республики. В ходе ликвидации нарушений Устава сельхозартели и принятия примерного устава колхозами горных районов происходило дальнейшее укрепление общественного животноводства. Обобществлялись как земли, рабочий скот, инвентарь, так и продуктивный скот. После приведения поголовья скота в личном хозяйстве колхозников в соответствие с требованиями Устава сельхозартели, многие колхозники, заинтересованные в подъеме общественного производства, продавали артелям скот для пополнения животноводческих ферм. За период с марта по июль 1939 года сельхозартелями было куплено у колхозников 12106 коров и телок и 22156 овец и коз[2].

Одновременно происходило укрепление кормовой базы. В общественное пользование колхозов перешло около 100 тыс.

---

[1] Газета «Дагестанская правда», 28 июля 1939 года.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 53, л. 359.

гектаров сенокосов[1]. Колхозники вносили в общественный фонд также и запасы кормов.

В связи с увеличением обобществленного поголовья скота в колхозах развернулось строительство скотных дворов и других животноводческих помещений. Государство помогло колхозам республики в этом строительстве, на эти цели было отпущено 1.970 тыс. рублей, что ускорило строительство до конца 1939 года около 400 скотных дворов[2].

Таким образом, колхозники республики в борьбе за ликвидацию нарушений Устава сельхозартели добились некоторых успехов в подъеме животноводства и тем самым сделали определенный шаг в укреплении экономической базы сельхозартелей.

Достижения в развитии общественного животноводства были еще незначительными. Перед многими колхозами стояла задача организации животноводческих товарных ферм с укомплектованием их необходимым количеством маточного поголовья, созданием кормовой базы, строительством животноводческих помещений и т. д.

Во многих колхозах развитию общественного животноводства не уделяли должного внимания. В республике были колхозы, которые вовсе не имели обобществленного скота. Руководители этих колхозов считали совершенно нормальным такое положение и не утруждали себя вопросами обобществленного животноводства, ссылаясь на трудности отгонного характера животноводства, организации кормовой базы и т. д.

В силу указанных причин в Дагестанской АССР был целый ряд колхозов, в которых не организовали еще животноводческих товарных ферм. Из 1119 колхозов республики к середине 1939 г. 600 колхозов не имели молочнотоварных ферм, 443 колхоза — овцетоварных ферм и 100 колхозов — конеферм. В 14 колхозах Хасавюртовского, в 14 — Сергокалинского, в 30 — Касумкентского районов не было животноводческих товарных ферм. Всего таких колхозов в республике насчитывалось 144[3].

В большинстве же животноводческие товарные фермы были карликовыми и малопродуктивными, о чем говорят данные о наличии скота в колхозах[4]. (См. таблицу на стр. 142).

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 июля 1939 года, в котором вскрыты причины отставания животноводства, указывается, что слабая постановка и плохая организа-

---

[1] Газета «Дагестанская правда», 28 июля 1939.
[2] ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 19, д. 53, л. 358.
[3] Газета «Дагестанская правда», 28 июля 1939 года.
[4] Там же.

Поголовье крупного рогатого скота в колхозах	в % % к общему числу колхозов
Более 10 коров имели	48
До 10 коров имели	12
До 4 коров имели	15
Имели только молодняк	15
Совсем не имели	10

ция кормовой базы является одним из основных недостатков в развитии общественного животноводства.

До 1939 года колхозы Дагестана не имели возможности создать прочную кормовую базу и особенно внедрять в производство посевы кормовых культур, необходимых, главным образом, для молочного поголовья, так как в горных районах республики посевные площади не были обобществлены. Отставание кормовой базы от задач роста общественного поголовья и увеличения продукции видно хотя бы из следующего: если в посевной площади всего Советского Союза кормовые (овес, травы, корнеплоды) в 1938 году занимали 23,4% всех посевов, то в Дагестане — 5,4%[1]. Сильно отставала механизация процессов сеноуборки в сравнении с общим уровнем механизации сельского хозяйства. МТС недостаточно были оснащены машинами сеноуборки и самоустранялись от этих работ. Приходилось косить вручную.

Только после обобществления земель горных районов, осуществленного в ходе выполнения решения партии и правительства «об организационно-хозяйственном укреплении колхозов Дагестана» (февраль, 1939), стало возможным правильное использование посевных площадей, летних и зимних пастбищ, лугов, заготовки кормов, организации отгона и зимнего содержания скота.

Характер отгонного животноводства создавал известные трудности в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Земельные угодья колхозов расположены далеко друг от друга. Возле аулов имелись только небольшие участки земли, необходимые для посева зерновых и других продовольственных культур и для кормовой базы МТФ. Летом скот пасся далеко от аулов на субальпийских пастбищах в горах. На зиму приходилось и приходится организовывать перегон скота на зимние пастбища за 200—300 и больше километров.

Организация отгона на зимние пастбища и создание необходимых условий для зимнего содержания общественного по-

[1] Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР. Москва, 1940, стр. 86.

головья скота требовали больших капитальных вложений. Недоставало животноводческих помещений, водопоев и заготовленных кормов.

Дагестанская партийная организация возглавила работу колхозников по капитальному строительству на зимних пастбищах. Развернулось строительство животноводческих и жилых помещений и артезианских колодцев. Колхозы выделяли специальные бригады из лучших животноводов для заготовки кормов и ухода за скотом.

В течение 1939 и 1940 годов был проведен ряд мероприятий по увеличению кормов для скота, по улучшению пастбищ, сенокосов и повышению их урожайности. Колхозы расчищали сенокосы от камней и кустарников. В 1939 году почти во всех районах были колхозы, которые заготовили сено на полтора и два года. Партийные организации по-деловому возглавили социалистическое соревнование животноводов. Коммунисты явились инициаторами и передовиками в борьбе за создание прочной кормовой базы. Многие районные комитеты партии по примеру передовых животноводческих районов (Гунибский, Ботлихский, Лакский) во главе животноводческих товарных ферм и бригад по заготовке кормов поставили опытных работников-коммунистов. В результате, впервые за много лет, план сенокошения колхозами республики был выполнен в 1939 году на 101,5 процента, отдельные же районы план перевыполнили: Цунтийский — 391 проц., Кахибский — 287 проц., Курахский — 246 проц., Ботлихский — 226 проц.,[1] и т. д.

С каждым годом все больше и больше убирали сена. Если сеноуборка в 1939 году была проведена на площади 192 тыс га, то в 1940 году — на 264 тыс. га[2]. Площадь многолетних трав выросла до 8200 га в 1939 году против 75 га в 1928 году[3].

Трудности создания прочной кормовой базы и, в основном, экстенсивный выпас скота, существовавшие до 1939 года, были не единственными причинами отставания общественного животноводства и организационно-хозяйственной слабости колхозов.

Причиной, тормозившей успешное развитие животноводства в колхозах, являлась также действовавшая тогда система обязательных поставок мяса государству, по которой размеры мясопоставок исчислялись по количеству поголовья скота в колхозных фермах. Колхозы, которые заботливо выращивали скот, стремились поднять поголовье и продуктивность скота в

---

[1] ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 18, д. 126, л. 33.

[2] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф 17, оп. 21, един, хр. 579, л. 48.

[3] Газета «Дагестанская правда», 1 августа 1939 года

фермах, сдавали продукты животноводства сообразно с ростом поголовья, а колхозы, которые по-настоящему не занимались животноводством, имея слабые фермы и давая слабый рост поголовья общественного скота, поставляли государству мало продуктов. Колхозы, не имевшие животноводческих ферм, были освобождены от обязательных поставок мяса государству. Следовательно, старая система поставок ставила в невыгодное положение колхозы с развитым животноводством и, наоборот, в льготное положение колхозы, которые не занимались скотоводством и являлись отстающими.

Вот, например, один из передовых колхозов республики — артель имени Карла Маркса, Хунзахского района, за которым на зимних пастбищах было закреплено 4349 га земли, имея овцеводческую ферму, насчитывающую 8340 голов овец и 455 голов крупного рогатого скота, сдавал государству 422 центнера мяса. Но были и такие колхозы, как сельхозартель сел. Хасанай Бабаюртовского района, которая, имея 3900 гектаров земли, содержала всего 12 овец и 20 голов крупного рогатого скота и поставляла государству мясо в размере 360 кг.[1].

СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим постановлением «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 8 июля 1939 года отменили старую систему исчисления мясопоставок государству и установили с 1 января 1940 года исчисление обязательных поставок мяса государству всеми колхозами с каждого гектара земельной площади, закрепленной за колхозами.

В дальнейшем постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 января 1940 года «Об обязательной поставке молока государству колхозами» и от 30-го января 1940 года «Об обязательной поставке шерсти государству» погектарный принцип поставок государству был распространен на молоко и на шерсть.

В постановлении говорилось, что желательно и целесообразно иметь в каждом колхозе три животноводческие фермы: крупного рогатого скота, овцеводческую и свиноводческую, — устанавливалось, что каждый колхоз должен иметь хотя бы две животноводческие фермы: одну — крупного рогатого скота и другую — овцеводческую или свиноводческую.

Для колхозных животноводческих ферм, сообразно природно-климатическим условиям районов и размерам земельной площади, был установлен минимум поголовья скота.

Колхозники конкретно намечали соответственно занимаемой колхозом земельной площади, обязательный минимум скота, который они должны достигнуть к концу 1942 года.

---

[1] Газета «Дагестанская правда», 2 августа 1939 года.

А норма скота для колхозных ферм республики была установлена СНК ДАССР и обкомом ВКП(б) на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 года в размерах: в колхозах с земельной площадью до 120 га не менее 5 коров, от 120 до 200 га — 7 коров, от 200 до 500 га — 15 коров, от 500 до 1000 га — 25 коров, свыше 1000 га — 35 коров. В овцетоварных фермах с земельной площадью до 300 га должны иметь не менее 80 маток, от 300 до 1000 га — 160 маток, от 1000 до 2000 га — 250 маток, от 2000 до 3000 га — 350 маток, свыше 3000 га — 500 маток[1].

До конца 1940 года поголовье скота на фермах должно было составить не менее 60 процентов установленного минимума[2].

Партия и правительство в своем постановлении наметили конкретную программу работ по улучшению кормовой базы общественного животноводства колхозов, по выпуску машин для механизации трудоемких процессов животноводства. Для повышения заинтересованности в развитии колхозного животноводства были установлены льготы для передовых колхозов и премии передовикам — колхозникам, зооветперсоналу и председателям колхозов.

Таким образом, партия и правительство вооружили тружеников колхозного животноводства и всех работников сельского хозяйства ясной и конкретной программой подъема общественного животноводства колхозов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» было встречено с большим воодушевлением и трудовым подъемом всех тружеников социалистического сельского хозяйства республики. С первых же дней после опубликования этого решения в колхозах развернулась активная творческая деятельность по осуществлению задач успешного развития животноводства. Колхозники, зооветработники, все специалисты сельского хозяйства и работники МТС Дагестана, так же как и всего Советского Союза, развернули массовое социалистическое соревнование по претворению в жизнь этого решения.

В конце июля 1939 года состоялось республиканское совещание передовиков общественного животноводства колхозов. Совещание широко отметило достижения и опыт лучших животноводов республики, добившихся высоких показателей роста поголовья и продуктивности скота. Совещание показало, что в Дагестане выросли сотни мастеров социалистического животноводства. Чабан колхоза им. Орджоникидзе Ахтынского

[1] Газета «Дагестанская правда», 1 сентября 1939 года.
[2] Газета «Дагестанская правда», 2 августа 1939 года.

района Микаил Исмаилов в 1939 г. на каждые 100 овцематок вырастил по 144 ягненка; чабан колхоза им. Карла Маркса Хунзахского района Магомед Муртузалиев от каждых 100 чистопородных вюртенбергских овцематок получил и сохранил по 147 ягнят, доярка колхоза им. Тельмана Акушинского района Мая Магомедова от прикрепленных 19 коров вырастила и сохранила 22 теленка[1].

В своем обращении республиканское совещание передовиков социалистического животноводства ко всем колхозникам Дагестана призвало к борьбе за полное сохранение молодняка, к созданию прочной кормовой базы и надежных теплых помещений для зимнего содержания скота.

Республиканское совещание от имени всех тружеников артельного животноводства единодушно присоединилось к обращению участников совещания передовиков социалистического животноводства Советской Украины и призвало всех колхозников и колхозниц, работников ферм — чабанов, доярок, конюхов, специалистов животноводства и научных работников Дагестана включиться во Всесоюзное соревнование за развитие общественного животноводства, бороться за победу в соревновании.

На происходивших районных совещаниях работников колхозных животноводческих ферм, зоотехников, ветврачей, агрономов, подводивших итоги развития животноводства, вскрывались ошибки, выявлялись недостатки и вырабатывались конкретные меры для подъема общественного животноводства.

Партийные организации республики, возглавлявшие мощный патриотический подъем трудящихся деревни и направлявшие творческую активность широких масс колхозников и всех работников сельского хозяйства на практическое осуществление директив партии и правительства в области развития животноводства, сами стали изучать и глубже вникать в экономику этой отрасли сельского хозяйства, они усилили организационную и политико-массовую воспитательную работу, улучшили обучение и подготовку кадров колхозного животноводства.

Партийные, советские и земельные органы на местах помогали колхозам заранее определить источники выполнения обязательств перед государством, разрабатывали конкретные мероприятия для осуществления плана развития животноводства.

С широким привлечением колхозного актива при помощи специалистов разрабатывались расчеты необходимых для скота сочных и других кормов, мероприятия по своевременной

[1] Газета «Дагестанская правда», 2 августа 1939 года.

уборке и хранению трав. Для работы на животноводческих фермах колхозники выделяли наиболее опытных передовых членов, любящих и знающих сложное отгонное животноводство Дагестана.

Все эти мероприятия утверждались на общих колхозных собраниях и приобретали большое значение в повышении продуктивности скота, ликвидации недостатков в развитии общественного животноводства, в конкретизации социалистических обязательств колхозов по досрочному выполнению государственных планов.

Колхозное крестьянство республики, охваченное высоким патриотическим чувством, под руководством партийных организаций успешно решало задачу подъема общественного животноводства. Многие районы и колхозы республики в 1940 году добились в основном выполнения по всем показателям норм, установленных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 года на январь 1942 года.

Примеры самоотверженной борьбы за подъем животноводства показывали колхозники Гунибского, Хунзахского, Лакского, Кайтагского и многих других районов.

Прирост поголовья скота на октябрь 1940 года, по сравнению с наличием на январь 1939 года, по Лакскому району, например, составил:

а) по крупному рогатому скоту	168,7 проц.
б) по овцам и козам	45,7 проц.
в том числе по овце-козо-маткам	48,5 проц.
в) по лошадям	110,4 проц.

Рост животноводческих товарных ферм с 1. I — 1939 года до 1. IX — 1940 года по колхозам Лакского же района составил 71,1 проц.

Наличие животноводческих товарных ферм и их укомплектованность поголовьем во всех 53 колхозах района представляло следующую картину: в 2-х колхозах было по 5 ферм, в 14 — по 4, в 13 — по 3, в 21 — по 2 и только в 3-х по 1 ферме. Поголовье скота во всех фермах к 1 ноября 1940 года составляло 60 процентов минимума, запланированного на конец 1942 года, а 49 ОТФ и 26 МТФ из них достигли 100 проц. поголовья скота, установленного на конец 1942 года[1].

Район добился такого подъема общественного животноводства благодаря тому, что партийные и советские организации вместе с земельными органами сумели своевременно возглавить и организовать широкие массы колхозников на выполне-

[1] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17,, оп. 21, ед. хр. 582, л. 64—65.

ние задач, стоящих перед каждым колхозом, систематически содействовали созданию новых и доукомплектованию старых ферм, улучшению качественного состава и повышению продуктивности скота, созданию прочной кормовой базы, своевременной уборке и хранению необходимых запасов кормов на весь стойловый период. О высокой продуктивности овцепоголовья в этом районе говорит хотя бы тот факт, что только за сдачу шерсти государству колхозы района в 1939 году получили 424 тыс. руб. премии[1].

Мобилизовав трудящихся колхозников на выполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 июля 1939 года «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах», Дагестанская партийная организация добилась значительных успехов в создании новых животноводческих ферм, в укомплектовании их маточным поголовьем, в приведении слабых и малопродуктивных ферм в полноценные и высокотоварные животноводческие фермы.

Для укомплектования ферм в течение 1939 года колхозами было приобретено: 29 349 голов крупного рогатого скота, в том числе 13 756 коров, 34 955 голов овец и коз[2].

За 11 месяцев 1940 года колхозы законтрактовали 33 623 головы крупного рогатого скота и 48 682 головы овец[3].

Основным источником роста поголовья животноводческих товарных ферм колхозов является выращивание молодняка от приплода, полученного на фермах.

От колхозных животноводов требовалось, прежде всего, сохранить и вырастить молодняк. Сотни и тысячи животноводов республики своим заботливым уходом за скотом доказали, что эта задача в каждом колхозе с успехом может быть решена.

В результате развернувшегося социалистического соревнования за образцовый уход за скотом, чабаны колхоза им. Фрунзе Гунибского района добились богатого приплода.

В бригаде старшего чабана Якубова Абдуллы от 846 овцематок было получено 1187 ягнят[4]. Таких же успехов добились сотни бригад и колхозов республики.

В 1939 году государственный план по выращиванию ягнят и козлят выполнили также многие районы плоскостной части республики: Касумкентский на 141 проц., Табасаранский на

---

[1] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 582, л. 64—65.

[2] ЦГА ДАССР, ф. 260, ОП. 18, д. 126, л. 32.

ед. хр. 582, Л. 21.

[3] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, Ед. хр. 582, л. 21.

[4] Газета «Дагестанская правда», 28 июля 1939 года.

123 проц., Дербентский на 136 проц., Кайтагский на 120 проц. и т. д.; районы горной части: Акушинский на 120 проц., Хивский — 119 проц., Агульский — 112 проц.[1].

Опыт передовых районов свидетельствовал о том, что все районы республики в состоянии были справиться с задачами роста поголовья за счет естественного роста скота, ликвидации отхода, путем умелого и заботливого ухода за молодняком и полного сохранения его.

Увеличение поголовья общественного скота в колхозах сопровождалось одновременно значительным улучшением породности и увеличением его продуктивности. Партия и правительство всегда уделяли большое внимание вопросу улучшения породного состава скота. В резолюции XVIII съезда партии по третьему пятилетнему плану развития народного хозяйства — эта задача была особо подчеркнута.

В резолюции съезда говорится: «Считать главнейшей задачей повышение продуктивности животноводства путем улучшения породности скота и коренного улучшения племенного дела...[2].

Это решение имело исключительное значение, особенно для Дагестана, так как в основной массе скот ДАССР являлся мелким и малопродуктивным. Молочная продуктивность горских коров не превышала 400—500 литров молока в год. Если горский скот растет и развивается очень медленно и окончательного формирования достигает к 8—9 летнему возрасту, то при хороших кормовых и других условиях швицкий скот полного развития достигает к 4—5 годам[3] и т. д.

Метисы горских коров со швицами дают значительно больше молока при сохранении содержания жира, у них увеличивается лактационный период, намного увеличивается живой вес скота.

Следовательно, улучшение породы горского скота метизацией со швицкими породами и другими культурными породами являлось самой насущной и актуальной задачей всех животноводов Дагестана.

В годы третьей пятилетки Дагестанская опытная станция по животноводству продолжала успешные работы по метизации крупного рогатого скота, овец и коз и изучению результатов метизации, которые завершились впоследствии выведением новой высокопродуктивной породы овец «Дагестанская горная» и постепенным улучшением крупного рогатого скота.

---

[1] ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 18, д. 126, л. 31.

[2] Стенографический отчет XVIII съезда партии. Госполитиздат, 1939, стр. 657.

[3] С. И. Гусейнов. Что дает метизация дагестанского горского скота швицами. Даггосиздат. Махачкала, 1941, стр. 12—13.

Дагестанская опытная станция проводила значительные работы по улучшению естественных сенокосов и пастбищ, а также по подбору видов и сортов кормовых культур наиболее урожайных и устойчивых в условиях плоскости и гор с изучением агротехнических приемов, тем самым оказывала значительную помощь в разрешении задач подъема общественного животноводства.

Многие колхозы республики и передовые животноводы систематически занимались вопросами закупки и выращивания лучших пород животных, добивались исключительно хороших результатов. Например, в отаре знатного старшего чабана колхоза им. Сулеймана Стальского, Ахтынского района, 50-летнего Ибрагимхалила вначале было 411 хилых, грубошерстных и больных овец. Чабан понимал, что эти овцы дадут мало дохода. По его инициативе колхоз купил племенных производителей — вюртенбергов и рамбулье, и началась метизация. Вскоре в отаре появилось много метисов. Ибрагимхалил также улучшил и породу коз. В его стаде было 300 ангорских коз и 8 производителей. Колхоз продал 60 ангорских коз другим колхозам для метизации. Опытный чабан ввел искусственное осеменение скота и каждый год получал большой приплод. В 1939 году к отбивке он сохранил всех ягнят. В 1940 году обещал вырастить и сохранить от каждых 100 маток по 130 ягнят. За четыре года Ибрагимхалил довел отару с 411 до 2613 голов[1].

Замечательных результатов в увеличении породного поголовья добились целые колхозы, где партийные организации возглавили борьбу за создание и укрепление ферм высокопродуктивного скота. Развитию общественного животноводства — улучшению породности скота и росту его продуктивности большое внимание уделяла Гунибская районная партийная организация. Все решающие участки колхозного производства возглавляли коммунисты, комсомольцы, люди, преданные интересам колхоза, передовики производства. Этим можно объяснить успехи в развитии животноводства во многих колхозах района.

В колхозе им. Сталина с. Чох Гунибского района в 1935 году было чисто вюртенбергских овец 164 головы, метисов 4321 голова, грубошерстных — 22 236 голов, через четыре года в том же колхозе имелось: 289 голов чисто вюртенбергской породы, — 27 527 метисов и только 6429 голов грубошерстных[2], и было метизировано до 75 процентов крупного рогатого скота[3]. Продуктивность не только чистопородных, но и метисов была гораздо выше, чем в среднем по республике.

[1] Газета «Дагестанская правда», 28 мая 1940 года.
[2] Газета «Дагестанская правда», 12 апреля 1939 года.
[3] С. И. Гусейнов. Что дает метизация дагестанского горского скота швицами. Дагогосиздат. Махачкала, 1941, стр. 7.

Хороших результатов в улучшении качественного состава скота добились многие районы республики. По данным переписи скота на 1 октября 1939 года в стаде овец Гунибского района 63% поголовья составляли лучшие породы и метисы, Каякентского — 67%, Казбековского — 66%, Буйнакского — 63%. Во всем стаде колхозного поголовья республики лучших пород овец и коз было 38,8%, крупного рогатого скота — 2,6% и лошадей — 2,6%[1].

Забота партии и правительства о развитии сельского хозяйства и особенно животноводства Дагестана явилась одним из решающих факторов успеха трудящихся республики в колхозном строительстве. Социалистическое государство оказывало всемерную помощь Дагестану в подъеме важной отрасли его экономики — животноводства. Благодаря этой помощи в Дагестане происходило всемерное улучшение породности скота и неуклонное повышение его продуктивности путем завоза племенных животных лучших пород, создания племенных рассадников и организация в республике опытной станции по животноводству.

Только в 1939 году колхозам горных районов Дагестана через сельхозбанк на приобретение племенного и продуктивного скота, строительство животноводческих помещений и проведения племенной работы был отпущен долгосрочный кредит в сумме 2 млн. руб.[2].

Для увеличения поголовья животных лучших пород и создания племенных рассадников систематически приобретался скот в других республиках, в овцесовхозах и в передовых животноводческих колхозах внутри Дагестанской республики. В 1939 году было заготовлено в Дагестане и привезено из-за пределов республики 295 племенных быков, 1729 баранов[3], 5500 голов мериносовых ярок[4]. В 1939 году в республике насчитывалось 546 тыс. голов чистопородных овец, что составляло около 30 проц. от всего поголовья овец республики[5].

Партийные и советские организации, мобилизуя широкие массы колхозников и специалистов сельского хозяйства на выполнение постановления партии и правительства о подъеме общественного животноводства, направляли их творческую активность на правильное сочетание роста поголовья скота с повышением его продуктивности. Задачи роста продуктивности животноводства и улучшения породности скота стояли в цент-

[1] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 580, л. 11.
[2] Сельское хозяйство Дагестана. Изд. АН СССР, Москва, 1940, стр. 77.
[3] ЦГА ДАССР, ф. 260-р, оп. 18, д. 126; л. 32.
[4] ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 21, ж. 22, л. 241.
[5] Сельское хозяйство Дагестана, Москва, 1946, стр. 12.

ре всех социалистических обязательств животноводов республики.

Опыт мастеров колхозного животноводства, добившихся значительных результатов в ходе социалистического соревнования, наглядно показал, какими огромными резервами располагает колхозное общественное животноводство, какие широкие возможности имеются в республике для развития колхозного животноводства.

Многие колхозы уже в 1940 году добились значительного роста продуктивности животноводства, особенно молочного скота. Колхозные фермы, достигшие наиболее хороших показателей как в увеличении скота, так и в повышении его продуктивности были сравнительно крупными. Такими полноценными были товарные фермы колхозов: Гунибского, Кулинского, Кахибского, Карабудахкентского и многих других районов республики.

В 1940 году государственный план развития животноводства был значительно перевыполнен. ОТФ, МТФ и КФ были укомплектованы маточным поголовьем, превышающим минимум, установленный на конец 1940 г.[1].

Успехи, достигнутые в развитии общественного животноводства в республике, явились результатом огромной мобилизующей силы постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах». Они подтвердили, что система заготовок мяса, установленная этим постановлением, является совершенно правильной.

Опираясь на большую работу, проведенную по укреплению колхозов, партия и в дальнейшем вводит новый порядок заготовок, заключающийся в переходе от поставок мяса и других продуктов с гектара посевной площади к поставке продукции с гектара пашни и всей земельной площади, закрепленной за колхозами.

Перевод на начисление поставок государству животноводческих продуктов с гектара земельной площади, включая пашню, луга и выгоны, а зерна, риса, картофеля, овощей, масличных с гектара пашни был осуществлен в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 года «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов».

Там, где партийные и советские органы повседневно руководили колхозами, по-настоящему боролись за развитие общественного животноводства, за выполнение первой обязанности

---

[1] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 582, л. 5.

колхозов перед государством и поднятия материального благосостояния членов сельхозартели, там и выполнение государственных поставок шло благополучно.

Если колхозы Лакского района в 1940 году по старой системе, исходя из наличия на 1 января 1940 года поголовья крупного рогатого скота, овец и коз, должны были сдать государству 5705,80 центнеров мяса, то по новой системе погектарного исчисления они сдали 4437,17 центнеров мяса. А это составляло разницу в сторону уменьшения в целом по району на 1268,63 центнера[1].

Взять, например, Карабудахкентский район, для которого план поставок в 1940 году был даже увеличен: по зернопоставкам почти вдвое, по мясу в два с лишним раза, по шерсти и по маслу почти в два раза и т. д., на 1 декабря был выполнен: по хлебопоставкам — на 101,8%; по мясу — 103,8%; по шерсти — 91,8%; по сену — 101,7%; по хлопку — 129%. А Хасавюртовский район, с одинаковыми природными условиями с Карабудахкентским, план поставок государству выполнил на 1 декабря по зерну — на 74 проц., по мясу — 71,3%, шерсти — 32,2%, по сену — 54,9%, по хлопку — 24%, тогда как увеличение нормы госпоставок по этому району даже ниже, чем по Карабудахкентскому району[2].

Слабое развитие общественного хозяйства в некоторых колхозах или его одностороннее развитие привело к покупкам на рынке сельскохозяйственной, в основном животноводческой, продукции. Колхоз «Красное знамя» Касумкентского района купил продуктов для сдачи государству на 35 тыс. руб. Колхоз им. Ворошилова сел. Янгикент Кайтагского района купил на сумму 55 тыс. руб., в результате колхозники недополучили на каждый трудодень по 70 коп.[3].

Но таких колхозов к концу 1940 года было очень мало и они усиленными темпами наверстывали упущенное.

Развитие общественного животноводства сельхозартелей во многом зависело от правильной организации, учета и оплаты труда колхозников. Устав сельхозартели определил порядок оплаты и поощрения колхозников за выполнение работ на участках общественного хозяйства.

На практике зачастую нарушался принцип индивидуального подхода в оценке выполненной работы. Бригада или звено, работавшее лучше других, собравшее больше зерна или дру-

---

[1] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 582, л. 59.

[2] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 582, л. 9—12.

[3] Там же.

гих культур с гектара, вырастившее больше ягнят, телят и т. д., получала за свою работу столько же, сколько колхозники, имевшие худшие показатели, с одинаковым количеством трудодней.

Естественно, такой порядок оплаты труда не поддерживал в достаточной мере заинтересованность и инициативу передовых колхозников. Применение опыта новаторов производства и достижений сельскохозяйственной науки от этого только страдало.

В целях наведения правильного порядка в оплате труда, развязывания инициативы и заинтересованности колхозного крестьянства в подъеме общественного производства, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1-го марта 1941 года приняли постановление «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства Дагестанской АССР»[1].

Постановление партии и правительства имело исключительно большое значение в мобилизации колхозного крестьянства для успешного решения задач дальнейшего развития сельского хозяйства республики. В то же время это решение было направлено на подъем материального благосостояния тружеников социалистической деревни.

В какой степени новый порядок оплаты стимулировал, например, чабанов и других работников животноводства на увеличение поголовья скота, видно из многочисленных примеров. Так, чабану колхоза имени Ленина, Акушинского района Гаджи Магомедову, сохранившему от закрепленных за ним 949 овцематок 1126 ягнят, в соответствии со старым порядком оплаты начислили 378 трудодней, на которые выдали 1738 руб. деньгами и 453 кг зерна. По новому порядку ему дополнительно выдали 45 овчин за сохраненных сверх плана 228 ягнят. Кроме того, учитывая, что отара, обслуживаемая Магомедовым, кочует в Орджоникидзевский край, норма дополнительной оплаты увеличена на 100%. Следовательно, он имел право дополнительно получить 90 овчин, что в переводе на деньги составляло около 3 тыс. рублей[2].

Колхозники республики с большим воодушевлением встретили решение партии и правительства, пересмотрели свои планы, внесли поправки в сторону подъема урожайности сельскохозяйственных культур и развития общественного животноводства.

---

[1] Такие же решения были приняты и по другим районам страны в 1940—1941 гг.

[2] Газета «Дагестанская правда», 11 марта 1941 года.

Успешная борьба колхозников республики за развитие общественного животноводства в годы третьей пятилетки видна из динамики роста животноводческих товарных ферм и поголовья скота в них[1].

Годы	Овцеводство		Крупный рогатый скот	
	количество ферм	поголовье скота	количество ферм	поголовье скота
1938	493	736550	354	99907
1939	686	1045512	511	174829
1940	1004	1263929	1041	355333
1941	1061	1573231	1066	361637

К началу 1941 года 96% всех колхозов имели по 2—3 и более ферм. Причем, в 398 колхозах было по 2 и более ферм, укомплектованных маточным поголовьем, установленным на конец 1942 года. Целые районы: Гунибский, Курахский, Кулинский, Агульский, Чародинский, и многие другие завершали укомплектование ферм минимумом маточного поголовья, установленного на конец третьей пятилетки[2].

Таким образом, в результате борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов трудящиеся дагестанской деревни добились больших успехов в развитии общественного животноводства. В эти годы (1939—1940) были ликвидированы нарушения Устава сельхозартели, искривления политики партии и правительства, имевшие место в деле развития общественного животноводства, были созданы условия для дальнейшего подъема общественного животноводства. Усилиями колхозного крестьянства во всех сельхозартелях были созданы животноводческие товарные фермы.

Благодаря огромной работе партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, подъему общественного животноводства в годы третьей пятилетки, колхозы республики успешно выполняли задания по сдаче государству продукции животноводства. В суровые годы Отечественной войны сельское хозяйство республики доказало свою великую жиз-

[1] ЦПА и М.—Л. Решение Дагестанской парторганизации от 10 марта 1941 г. ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 281, л. 16—18. ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 99, л. 62—67. ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 17, д. 100, л. 18. ЦГА ДАССР, ф. 260, оп. 18, д. 126, л. 32. ЦГА ДАССР, ф. 268, оп. 19, д. 56, л. 31.

[2] Архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 584, л. 49—50.

ненную силу и способность во все возрастающих размерах обеспечивать армию и население продовольствием, обрабатывающую промышленность сырьем. Так, например, в 1944 году, выполнив план сдачи животноводческих продуктов, колхозы республики сдали авансом в счет 1945 года 2172 тонн мяса, 200 тонн масла, 347 тонн брынзы, 847 тонн шерсти, 27 тыс. штук кож и много других продуктов. В годы войны Дагестанская республика в целом и Лакский район отдельно в социалистическом соревновании дважды завоевали переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны.

Коммунистическая партия и советское правительство в своих исторических постановлениях по вопросам развития колхозного производства дали конкретную программу подъема общественного животноводства колхозов, превращения хозяйства артелей в многоотраслевые и высокотоварные, открыли новые мощные экономические стимулы для развития производительных сил социалистического сельского хозяйства. Коммунистическая партия возглавила творческую инициативу и активность колхозного крестьянства, развила и направила их по пути всемерного расширения и укрепления общественного хозяйства социалистической деревни, по пути создания изобилия сельскохозяйственных продуктов в нашей стране и обеспечения нужд промышленности в сырье.

В докладе товарища Хрущева Н. С. на XXI съезде КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. и в резолюции, принятой съездом, предусматривается грандиозная программа нового, более мощного подъема всех отраслей народного хозяйства страны.

Под руководством партийной организации колхозники республики борются за выполнение решений XXI съезда партии, с тем чтобы внести свою лепту в осуществление задачи—в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству масла, мяса и молока на душу населения, за успешное претворение в жизнь семилетнего плана.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 гг.

С. С. СИМОНОВ

Студенческое движение являлось одним из факторов революционной ситуации 1859—1861 годов в России. Передовая часть студенчества в этот период, вместе со всем революционно-демократическим лагерем, принимала активное участие в натиске на самодержавие и крепостничество. Передовое студенчество было основным источником пополнения рядов революционеров-разночинцев. На это указывал В. И. Ленин, отмечая, что разночинцы — это «главным образом учащаяся молодежь, учителя и другие представители интеллигенции»[1].

Царское правительство в напряженной политической обстановке 50-х годов XIX века было вынуждено пойти на мелкие уступки, в частности ослабить гонения на просвещение.

В высших учебных заведениях были отменены наиболее тяжелые стеснения николаевской реакции, усилилось влияние профессорской коллегии, была ограничена власть инспектора над студентами вне стен университета.

Происходят изменения в составе студенчества. Если до 60-х годов русские университеты были по преимуществу дворянскими, то теперь, когда на смену крепостной России шла Россия капиталистическая, старый дворянский университет был принужден открыть свои двери для разночинцев.

Наблюдается увеличение числа учащихся высших учебных заведений. Если в 1853 году в университетах обучалось 2987 студентов, то к 1860 году их число возросло до 5453[2], т. е. поч-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., том 20, стр. 99.
[2] Военно-статистический сборник. Выпуск IV, СПБ, 1871, стр. 845.

ти в два раза. В Киевском университете за этот же срок число студентов увеличилось с 641 до 1049 человек.

Студенты-разночинцы составляли передовой отряд учащейся молодежи. Студент-разночинец по своему развитию намного опережал студента-дворянина и частично подчинял его своему влиянию. «Образованный разночинец, — писал Г. В. Плеханов, — это вестник новой России, объявляющий старому порядку войну не на живот, а на смерть, и в этой войне берущий на себя опасную роль авангарда»[1]. С приходом в стены высших учебных заведений разночинцев возникает широкое студенческое движение, образуются массовые студенческие организации.

Разночинное студенчество, почувствовав себя свободнее в университете, организуется во всевозможные студенческие кружки, преследующие цели самообразования и взаимопомощи. На первых порах особенно важную роль в образовании студенческих организаций играли кассы взаимопомощи, так как новое студенчество — дети мелких чиновников, необеспеченного сельского духовенства, разоряющегося под влиянием капитализма мелкого дворянства — не могло надеяться на материальную поддержку своих родителей и в обстановке чужого большого города первым делом искало выход из материальных затруднений в товарищеской взаимопомощи.

Ослабление правительственной опеки над просвещением проявилось и в Киеве. Киевский университет, ранее подчиненный генерал-губернатору, теперь снова возвращается в ведомство попечителя. Восстанавливается кафедра философии, которой не было в университете целых 13 лет[2]. В 1856—1857 годах при либеральном попечителе Ребиндере студенческие сходки происходят открыто, попечитель вступает в переговоры со студенческими уполномоченными. Киевский университет открывает двери для посторонних слушателей.

1855—1861 годы — это своего рода «явочный период» новых порядков в высшей школе царской России. Студенчество, не спрашивая разрешения университетского начальства, объединяется в землячества, кружки взаимопомощи и самообразования, собирается для разрешения своих студенческих дел на многолюдные сходки в аудиториях и залах учебных заведений. Никем не утвержденные, эти кружки существуют на полулегальном положении.

В обстановке складывающейся революционной ситуации студенческие организации не могли ограничить свою деятель-

---

[1] Г. В. Плеханов, Соч., том V, стр. 14.

[2] Н. Б. «К 50-летнему юбилею Университета св. Владимира», Киев, 1884, стр. 22.

ность узко академическими задачами, не могли стоять в стороне от центрального вопроса политической борьбы того времени — вопроса об уничтожении крепостного права и его остатков.

Революционное мировоззрение передовой разночинной части студенчества развивалось на почве все возрастающей борьбы народных масс против крепостничества. Это подчеркивал В. И. Ленин, говоря, что взгляды революционера-разночинца Белинского находились в прямой связи с борьбой «самых широких масс населения»[1].

Могучее влияние на формирование революционно-демократического мировоззрения передового студенчества оказывала революционная проповедь Чернышевского и Добролюбова. Эта проповедь указывала выход из тяжелого положения страны, вдохновляла на борьбу с крепостничеством и царизмом.

III отделение с тревогой следило за ростом влияния Н. Г. Чернышевского на молодежь. В одной из жандармских записок сказано, что Чернышевский «приобрел известность литератора-публициста и пользовался авторитетом преимущественно между молодым поколением, которое он старался возвысить в глазах общества и в котором видел лучших деятелей настоящего времени»[2].

«Колокол» Герцена также оказывал огромное влияние на весь ход борьбы революционно-демократического лагеря. В результате всесторонней агитации вождей революционно-демократического лагеря за революционное разрешение кризиса феодально-крепостнической системы в революционное движение втягиваются все более широкие слои русского общества, в особенности разночинная молодежь. Шеф жандармов Долгоруков в донесении Александру II «О внутреннем политическом состоянии России» за 1861 год вынужден был признать, что под «пагубным влиянием революционных идей находится более или менее все юное поколение России, не исключая воспитанников казенных, гражданских и военных заведений...»[3].

Оживление деятельности нелегальных студенческих кружков, повышение интереса студенчества к животрепещущим вопросам русской жизни наблюдалось еще в период Крымской войны.

В среде киевского студенчества в период Крымской войны были попытки обратиться к крестьянам с призывом к восстанию. Одна из таких попыток связана с именем студента Иосифа Розенталя. Иосиф Розенталь принадлежал к беспо-

[1] В. И. Ленин. Соч., том 16, стр. 108.
[2] Красный архив, 1928 г. № 4, стр. 182.
[3] Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Редакция и примечания Н. Л. Алексеева, Саратов, 1939, стр. 11.

местной шляхте. До поступления в Киевский университет Розенталь полтора года обучался на медицинском факультете Московского университета[1]. Безусловно, что общение с прогрессивным студенчеством Московского университета оказало влияние на формирование его мировоззрения.

Розенталь был не лишен литературного дарования. Он писал стихи и повести на польском, украинском и русском языках. Стихи молодого поэта пользовались большой популярностью у студентов и в рукописных списках расходились по рукам[2]. Одна из повестей Розенталя была издана в Киеве. Повесть «Пан и слуга» за свою антикрепостническую направленность не была допущена к печати. В этой повести Розенталь, по заключению цензора, «слишком преувеличивает бедственное положение крестьян, желает изменения отношений между ними и помещиками и, так сказать, уравнять их с этими последними»[3]. Автор одобряет убийство крепостным крестьянином Омельком своего помещика Старощкого, отдавшего его не в зачет в солдаты. С гневом описывает Розенталь расправу царского правосудия над Омелько, называя ее злодеянием.

Розенталь хорошо знал жизнь крепостного села. В своей повести он дает яркие картины крестьянского горя и помещичьего произвола. Уделом крестьян, — писал автор, — является «тяжелый труд для других, их развлечением — корчма, отдохновением — церковь, пищею — черный хлеб, питьем — соленая слеза, правом — эконом с плетью, надеждой — бог»[4]. У двадцатидвухлетнего юноши возникает стремление помочь голодному и забитому крестьянину. На следствии Розенталь показал, что он «мечтал сделать всех людей равными и счастливыми». Эти настроения возникли, по собственному признанию Розенталя, под влиянием прочитанных им «многих сочинений, демократических и социалистических»[5].

В повести «Пан и слуга» Розенталь еще не показывает путей к освобождению крестьянства. Но в дальнейшем под непосредственным влиянием крестьянского движения, рост которого наблюдается в период Крымской войны, он становится на путь революционной борьбы за свержение крепостного права.

В 1855 году в связи с опубликованием манифеста от 29 января 1855 года о созыве ополчения в 16 губерниях началось грозное крестьянское движение. Особенно большой размах это

---

[1] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр. 1855 г., д. № 114, ч. 1, л. 185.
[2] Там же, ч. 1, л. 178.
[3] Там же, ч. IV, л. 9.
[4] Там же, ч. V, л. 8.
[5] Там же, ч. II, л. 4.

движение приняло в Киевской губернии. Среди крестьян распространился слух, что царь призывает их в казаки и что следствием этого является освобождение крестьян от помещичьего гнета, передача земли крестьянам. Хотя Киевская губерния была освобождена от формирования дружин ополчения, крестьяне, возбужденные слухами о воле, составляют списки казаков, отказываются работать на панщине, образуют свои сельские органы самоуправления.

Наиболее значительные выступления крестьян происходили во владениях графов Браницких. Село Великая Волнянка Таращанского уезда, где управляющим был отец Розенталя, также было охвачено «казаччиной».

Розенталь решил возглавить выступление крестьян. В марте 1855 года он едет к себе домой, в село Великая Волнянка. Там он связался с писарем экономии Антоном Скавронским и вольноотпущенным крестьянином Н. Рябоконь. С их помощью ему удалось созвать две сходки крестьян. Одну 25 марта, на которую собрались12 крестьян, и другую, более многочисленную, 28 марта. На последней сходке присутствовало 35 крестьян.

На сходке 28 марта Розенталь обратился к крестьянам от имени Англии и Франции и обещал их поддержку в борьбе за освобождение. Он призывал крестьян свергнуть царя, поднять восстание, после которого «не будет панов, все будут равны». Розенталь говорил, что сорок студентов ведут работу среди крестьян, что многие селения уже готовы подняться. В заключение он роздал крестьянам листовки для дальнейшего распространения.

На основании священного писания в листовке доказывалось, что все люди сотворены богом равными, но дьявол «позавидовал счастью людей» и «одного из людей сделал царем». Сам дух листовки говорит о том, что Розенталь в деле освобождения крестьян надеялся, конечно, не на Англию и Францию. Обещанием помощи этих государств он предполагал подкрепить свой призыв и ободрить крестьян. Сам же Розенталь все свои чаяния возлагал на народ, только в нем он видел силу, способную свергнуть самодержавие и разрушить крепостничество.

«Помните, — писал Розенталь, обращаясь к крестьянам, — что вы подобитесь тому льву, который лежит закованный в клетке и не знает о своей силе, а когда рыкнет, вдруг клетка сокрушится и царь в своей столице на троне от этого рыку упадет вам под ноги. Знайте, что вас есть сотни тысяч, если все вы подниметесь за оружие, возьмете косы в руки, дети возьмут топоры, а жены ваши — кочерги, рогачи и кии, какая тогда против вас сила может устоять. И будете тогда вольным наро-

дом, и будете на своей земле трудиться не для царя, не для господ, но для себя, и никто не будет разлучать вас с вашими женами и матерями, никто не будет брать с вас подати, ни рекрута, и опять будет равенство, волность и счастье на земле»[1].

Призывая к восстанию, Розенталь обращается к героическому прошлому, к образам Богдана Хмельницкого и Железняка, которые умели сплачивать народные силы воедино.

Листовка Розенталя была революционным призывом к народной войне против самодержавия и помещиков-крепостников. Однако, крестьяне не откликнулись на его призыв. Ко времени обращения Розенталя к крестьянам киевская казаччина пошла на убыль. Зверскими расправами правительственные войска сумели «успокоить» крестьян. Кроме того, обращение от имени англичан и французов не могло быть популярным среди крестьянства, видевшего в Англии и Франции врагов родины.

Нужно не забывать, что крестьяне были еще темными и забитыми, среди них были сильны царистские иллюзии (толчком к казаччине послужили слухи о царском манифесте, который якобы спрятали помещики).

Крестьяне донесли об агитации Розенталя, но ему удалось бежать в Галицию. По требованию царского правительства австрийские власти арестовали его и препроводили в Россию. Суд приговорил Розенталя и Скавронского к смертной казни. Но в обстановке складывающейся революционной ситуации правительство не решилось осуществить этот приговор. Смертную казнь заменили сначала каторгой, а впоследствии ссылкой на поселение в Сибирь[2].

О попытке Розенталя поднять крестьян знали петербургские студенты. Н. А. Добролюбов, который в это время был студентом Главного педагогического института, поместил в № 3 рукописной студенческой газеты «Слухи» от 3 сентября 1855 года большую заметку о Розентале. Поступок Розенталя очень взволновал юношу Добролюбова. Через некоторое время он снова возвращается к истории Розенталя, поместив в октябрьском номере газеты небольшую заметку и стихи, посвященные ему:

Привет тебе за подвиг благородный,
Привет тебе, несчастный Розенталь!

Добролюбов выражает уверенность, что, несмотря на неудачу, дело Розенталя не пропало: «...речам твоим не сгинуть

[1] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1855 г. д. № 114, ч. III, л. 151.
[2] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1855 г., д. № 114, ч. II, л. 4.

без ответа, вся Русь откликнется на звучный твой призыв». Стихи звали крестьянство к восстанию против «внутренних врагов»[1].

Очевидно, о «подвиге благородном» Розенталя добролюбовский кружок узнал из рассказов киевских студентов. Мы не знаем, как много было у Розенталя среди них единомышленников, но мысли и чувства, его волновавшие, безусловно, не были исключением. Многие киевские студенты были тронуты судьбой Розенталя. Перед отправкой Розенталя на каторгу они организовали сбор средств в его пользу[2].

В 50—60 годах XIX столетия обостряется недовольство студентов сухой казенной наукой, стремившейся увести их отвопросов современности. С тем большей жадностью ловила молодежь слова передовых профессоров. Бывший воспитанник Киевского университета профессор Романович-Славатинский вспоминает: «на нашей студенческой бирже высоко стояли фонды только профессоров-пропагандистов, следовавших... идеям протеста против тогдашнего порядка вещей»[3]. Неудовлетворенность мертвящей официальной наукой теперь выражается не только в организации кружков самообразования, но и в форме борьбы против проводников этой науки — реакционных профессоров.

Так, например, в Киеве, когда профессор Модестов подготовил речь «Философ Сенека и его письма к Лукрецию» для прочтения ее на университетском акте, студенты потребовали, чтобы Модестов отказался от прочтения этой лекции, так как она «мало имеет связи с жизнью». В противном случае они собирались устроить на диспуте демонстрацию против классицизма[4].

В этот же период происходят выступления студенчества, в которых принимают участие не отдельные кружки (что бывало и раньше), а вся основная масса студенчества. Правда, эти так называемые «студенческие истории» пока еще носили характер выступлений против университетских порядков, против отдельных злоупотреблений учебного начальства или местных полицейских властей.

Несмотря на этот узко-студенческий, «академический» характер выступлений, борьба за свободу студенческих организаций приобретала значение политических выступлений.

В. И. Ленин впоследствии писал, что «когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то са-

---

[1] Н. А. Добролюбов, Полное собр. соч., т. IV, М. 1937 г. стр. 440.

[2] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1856 г., д. № 6, л. 1.

[3] Романович-Славатинский. «Жизнь и деятельность Иваницына», Спб. 1876 г., стр. 117.

[4] В. И. Модестов, В Казани и в Киеве, «Исторический вестник», 1885 г., т. 22, стр. 595.

мые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.». В качестве примера В. И. Ленин приводил студенческие выступления, которые «при условиях прогрессирующего накопления материала... могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления»[1].

Студенческие выступления 1857—1858 годов были прологом широких студенческих волнений 1861 года. Они имели место в Москве, Харькове и других университетских городах.

В Киеве студенческие волнения вспыхнули весной 1857 года. Студенты выступили в защиту своего товарища, оскорбленного офицером. Поводом для начала волнений послужило столкновение полковника Бринкена со студентом Яроцким. Полковник Бринкен ударил студента Яроцкого, обругал его и вообще студенчество за то, что Яроцкий, отбиваясь от его собаки, ударил ее. В заключение полковник приказал солдатам скрутить руки студенту и отвести его в полицию. Яроцкий подал жалобу губернатору, но тот, конечно, стал на сторону полковника[2]. Возмущенные студенты решили сами разделаться с Бринкеном. «Все студенчество восстало и задумало проучить дерзкого полковника, — вспоминает участник событий, — действовали единодушно и солидарно — все студенчество, как целая единица, и стар и млад, и поляк и русский, и словесник и медик — все это слилось и жестоко проучило Бринкена»[3]. 14 апреля 1857 года студенты напали на выходившего из театра Бринкена и избили его палками. В стычке с полицией были нанесены побои и двум квартальным[4].

Дело дошло до царя. Началось следствие. Для его производства из Петербурга приехал флигель-адъютант граф Бобринский. Студенты отказались выдать «зачинщиков», демонстративно заявив, что они все без исключения были у театра и принимали участие в избиении полковника[5]. Они держались столь организованно и единодушно, что полицейские власти стали подозревать о существовании тайных студенческих обществ, руководивших выступлением[6].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 251—252.
[2] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр. 1857 г., д. 79, ч. 1, л. 50—51.
[3] Романович-Салаватский, Моя жизнь и академическая деятельность, «Вестник Европы», 1903 г., т. 1, стр. 628.
[4] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. ч. секр., 1857 г., д. № 79, ч. 1, лл. 32, 97.
[5] Там же, ч. 1, л. 18.
[6] Там же, л. 76.

В «студенческой истории» с полковником Бринкеном руководящую роль играли польские студенческие организации — гмины, возникшие в Киевском университете еще в середине сороковых годов XIX в. Эти организации, в основном состоявшие из студентов-дворян, пополнялись обедневшей, обезземелившейся шляхтой, которая по своим занятиям и общественному положению приближалась к разночинцам. В 1855—1860 годах растет число участников гминных организаций, происходит расширение их задач.

Одной из задач гмин была товарищеская взаимопомощь. Для этого члены гмины избирали сборщика, который согласно уставу должен был собирать определенный процент с доходов более состоятельных земляков-студентов[1]. Кроме того, студенческая касса пополнялась за счет сборов с концертов, которые давали студенты, устройства лотерей, пожертвований богатых помещиков. Собранные таким образом средства шли в помощь нуждающимся товарищам, а также на пополнение библиотеки[2].

Главной задачей польских студенческих организаций являлось участие в польском национально-освободительном движении, борьба за восстановление независимости Польши. В одном из перехваченных III отделением писем киевских студентов подчеркивалось, что гмины должны «общими, наибольшими средствами действовать в пользу национальности».

В это время существовали следующие гмины: Украинская, Волынская, Подольская, Царства Польского и Литовская[3]. По мере расширения гмин они разделялись на более мелкие единицы: Литовская гмина выделила из себя Слуцкую, Гродненскую и Жмудскую; Волынская, состоявшая из житомирцев, Ровенскую гмину. Выделявшиеся кружки не порывали организационной связи со старыми гминами, составляя, как бы, их секции[4].

С развитием гминных организаций, расширением круга их задач, все больше придается значения кружкам самообразования. Намечается тенденция к объединению гмин в одну общеуниверситетскую организацию.

К осени 1860 года отдельные гмины объединяются в общеуниверситетскую польскую студенческую организацию, руководимую комитетом из представителей гмин, во главе которого стояли студенты Милович и Гензель[5].

---

[1] Maryan Dubiecki, MLodziez polska w uniwersytecie Kijowskim przed rokiem 1863, Kijów, 1909, стр. 70.
[2] ЦГИЛ УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1862 г, д. № 17, л. 10.
[3] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр. 1860 г., д. № 132, л. 15.
[4] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1862 г., д. № 17, л. 10.
[5] Fr. Rawita—Gawron'ski, Rok 1863 na Rusi, t. II, стр. 141.

Польские студенческие организации как по своему составу, так и по идейным взглядам, не были едины. В их среде намечается оформление левого демократического крыла и группы студентов-аристократов, стоящих на позициях крайнего национализма. Представителями последней группы студенчества были так называемые «короняры», т. е. члены гмины, объединявшей студентов Царства Польского. Короняры подчеркивали превосходство поляков над другими студентами университета; деятельность организации они ограничивали вопросами национального характера, оставляя в стороне вопросы социально-экономического порядка.

Свидетельством противоречий между аристократической и демократической частью студенчества является случай со студентом Титом Далькевичем.

Короняры устроили суд над Далькевичем за то, что он в одной деревне в беседе с крестьянами, после их рассказа о страшных злоупотреблениях и притеснениях помещика, сказал им: «А вы бы его вот так...» и провел рукой по горлу. Короняры собрали представителей гмин на общее собрание. Они настаивали на том, что Далькевича нужно исключить из общества, так как он своими словами поднимал «хлопов» против поляков-панов. Демократическая часть студенчества выступила против этого предложения. Некоторые выступавшие говорили о невыносимо тяжелой судьбе крепостных и одобряли поступок Далькевича[1].

Такая борьба направлений шла и внутри гмин. К сожалению, о ней у нас нет достаточного числа документальных данных, но что она имела место, не вызывает сомнения. Глухим, очень неясным отзвуком этой борьбы является жандармское донесение о том, что в 1860 году Литовская гмина разделилась на две части. Это разделение произошло не вследствие увеличения числа ее членов, а вследствие разногласий по вопросу о целях и задачах организации[2].

Таким образом, в результате обострения противоречий между отдельными группами киевское студенчество начинает отходить от территориального, земляческого принципа создания своих организаций. Возникший еще в 1857 году Союз св. Владимира объединял не земляков, а единомышленников[3]. Основатель этого кружка Владимир Милович одновременно являлся и одним из руководителей общеуниверситетской польской организации; он стремился направить ее деятельность на подготовку восстания за независимость Польши.

---

[1] Б. С. Познанский. Воспоминания, М., 1913 г., стр. 40—43.
[2] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1860 г. д. № 132, л. 48.
[3] Rawita—Gawronski, Указ. соч. т. II, стр. 124.

Милович считал важнейшей задачей организации установление связей с польскими кружками Варшавы, Петербурга, Москвы, Дерпта и других университетских городов[1]. Сам Милович налаживает связь с кружком варшавских и краковских студентов, руководимым отставным поручиком русской службы Н. Янковским[2]. Конечной целью этого кружка была организация восстания за независимость Польши. Через киевских студентов Миловича и Тромбчинского Янковский вел переписку с демократами за границей. Кружок Янковского оказывал материальную помощь демократам-эмигрантам и студентам, принимавшим активное участие в национально-освободительном движении. Из киевлян пособие получили студенты Фома Тромбчинский и Яков Штейник[3].

Союз св. Владимира первым из польских студенческих организаций попытался наладить печатную пропаганду национально-освободительных идей. В январе 1861 года он начал издавать нелегальную газету «Возрождение»[4]. Но в феврале 1862 года издание газеты прекратилось, т. к. Густав Гофман, печатавший ее в типографии Киево-Печерской Лавры, был схвачен жандармами. При аресте Гофмана были обнаружены материалы, свидетельствующие о намерении перепечатать петербургскую листовку «Великорусс».

В годы кануна польского восстания 1863 года Союз св. Владимира представлял левое крыло киевского студенчества. В это же время значительные революционные группы сложились в организациях студентов-поляков Московского и Петербургского университетов. Находясь под влиянием революционных идей русского освободительного движения, передовая польская молодежь, обучавшаяся в России, взяла курс на подготовку вооруженного восстания, идея которого, как замечает один из участников национально-освободительного движения, зародилась именно в ее среде[5].

В русских университетах в это время складываются студенческие организации, развитие которых под влиянием идей Чернышевского и Герцена идет в сторону революционного демократизма.

В Киевском университете большое значение приобрел кружок М. Д. Муравского. Основное ядро этого кружка составили

---

[1] B. Limanowski, Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej Warszawa, 1946, t. II, стр. 298.

[2] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1860 г., д. № 2, л. 97.

[3] Г. Г. Фруменков. Кружок Янковского. «Вопросы истории», 1955 г., № 1, стр. 114—116.

[4] B. Limanowski, Указ. соч. т. II, стр. 298.

[5] И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х гг. XIX в. изд. МГУ, 1954, стр. 65.

харьковские студенты (М. Д. Муравский, Я. Н. Бекман, В. О. Португалов, П. С. Ефименко, А. Тищинский и другие — всего 11 человек), которые за участие в харьковских студенческих беспорядках были исключены из университета и затем поступили в Киевский университет.

В Харькове этот кружок сложился еще в 1856 году. Он имел устав и руководство во главе с президентом. Его конечной целью было «произвести всеобщий переворот, начав с освобождения крестьян»[1]. В практической деятельности членов кружка большое место занимало распространение запрещенных сочинений, в особенности Герцена, предполагалась и пропаганда среди крестьян, но дальше проектов в этом направлении дело не пошло. Кружок выступил с самостоятельными листовками. В 1856—1857 годах по Харькову были расклеены пародии на манифесты царя с характерной подписью «Александр II, царь последний». Распространяли кружковцы и памфлеты о представителях харьковской чиновной бюрократии. Кружковцы принимали активное участие в студенческих выступлениях, за что были исключены весной 1858 года из университета.

Кружку удалось наладить связь с Герценом. Написанная кружковцами заметка о студенческих беспорядках в Харькове была помещена в приложении «Колокола», «Голоса из России»[2].

Зимой 1858—1859 учебного года, когда в Киев съехалось большинство исключенных харьковцев, кружок возобновил свою деятельность. Одной из форм работы группы Муравского была организация легального литературного кружка[3]. Собрания происходили на квартирах у харьковчан Розена, Португалова и других. Иногда их посещали профессора университета Павлов и Колосовский, которые покровительствовали литературным занятиям студентов[4]. Члены литературного кружка сообща выписывали журналы. Хотя в источниках нет указания на то, какие именно выписывались журналы, но можно быть уверенным, что «Современник», которым зачитывалась молодежь, среди них был. Конечно, читался и «Колокол». Последнего, по словам Муравского, в университете была «пропасть»[5]. Статьи Белинского, которые трудно было тогда достать, переписывались от руки[6]. Наиболее интересные зачитывались на заседании кружка и горячо обсуждались. Собрания

---

[1] Б. Козьмин, «Харьковские заговорщики 1856—1858 гг., Х, 1930, стр. 50.
[2] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 экспед., 1860 г., д. № 26, ч. 7, л. 42.
[3] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1860 г., д. № 2, л. 48.
[4] ЦГИА Московский, ф. III отд. 1 экспед. 1860 г. д. № 26, ч. 7, л. 80.
[5] Там же л. 51.
[6] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1860 г., д. № 185, л. 113.

проходили регулярно. Так, например, у студентов Португалова и Зеленского собирались каждое воскресенье[1].

Число участников литературного кружка харьковчане стремились как можно более расширить. Португалов привлекал на заседания кружка студентов-поляков и студентов Киевской духовной академии[2].

Литературный кружок издавал рукописный журнал «Гласность». В первом номере журнала разоблачались поступки националистически настроенных студентов-поляков, злоупотребления местных властей, имелись и «нестеснительные выражения» в адрес царя[3]. Для одного из номеров журнала обещали дать статьи студенты духовной академии. Статьи должны были осветить быт академии и познакомить с жизнью «чертовой гвардии», как называл духовенство Муравский[4]. Предполагалось написать пасквиль на киевского губернатора Гессе и вообще поставить дело с изданием пасквилей так же, как и в Харькове[5]. И, действительно, кружковцам удалось размножить несколько пасквилей[6].

Очевидно, издательской деятельностью кружка руководила небольшая группа студентов. Если заседания литературного кружка были легальными, о них знал инспектор студентов, на заседаниях иногда бывали профессора, то деятельность этой группы была законспирирована. Студент Зеленский в письме к своему харьковскому товарищу пишет, что харьковчанам удалось образовать «более интимный кружок помимо обыкновенно собирающегося». В эту руководящую группу входили, кроме харьковчан, и киевские студенты: Орлов, Шкуратов, Миллер, Очкин, Карич и другие. Прием в эту группу совершался очень осторожно; «главное — качество, а не количество членов», — считали учредители кружка. Предполагалось развернуть большую работу. «Целей много, планов еще больше, а надежд гибель»[7], — писал в упомянутом письме студент Зеленский.

Кружковцы считали себя продолжателями дела декабристов. В 1859 году на студенческой вечеринке один из членов кружка Россинский поднял следующий тост: «Сегодня 14 декабря. В этот день прогресс на Руси в первый раз гласно заявил свое совершеннолетие. Предлагаю выпить в память пер-

---

[1] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 экспед. 1860 г., д. № 26, ч. 7, л. 59, 141.
[2] Там же л. 58.
[3] Там же л. 141.
[4] Там же л. 42.
[5] Там же л. 51.
[6] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1860 г., д. № 2, л. 48.
[7] ЦГИА Московский, ф. III, отд. 1 эксп., 1860 г., д. № 26, ч. 7, л. 58

вых апостолов родного прогресса и за здоровье всех следующих по их стопам»[1].

Идеологию кружка характеризует высокий патриотизм, любовь к родине и своему народу. Один из основателей кружка, талантливый и даровитый Я. Н. Бекман на следствии дал яркую характеристику воодушевлявшего его патриотизма: «Глубокая привязанность к тому народу, к которому я принадлежу по рождению, по языку, с которым связан, одним словом, теми неуловимыми, но тем не менее прочными узами родства, которые чувствуются, но не сказываются, горячее сочувствие его стремлениям, его нуждам, его страданиям, стремление по возможности быть полезным членом его, — вот в чем состоит истинный патриотизм»[2], — заявил Бекман.

Члены кружка ненавидели монархизм, мечтали о республике. Наиболее передовая часть кружка понимала, что царь такой же помещик, как и остальные дворяне. Признанный руководитель кружка Муравский писал, что «Саша (так из конспиративных целей кружковцы в своей переписке именовали Александра II), какой бы он ни был, а все-таки барин, следовательно такой же осел как... любой квартальный...»[3].

Все свои надежды Муравский возлагал не на царя, а на народную революцию. О том, что он стоял на этой точке зрения уже в 1859—1860 годах, свидетельствует его показание, данное в 1862 году во время второго ареста. В этом показании он мужественно и четко сформулировал основы своего мировоззрения. «В последние три года или четыре, — заявил Муравский, — я пришел к твердому убеждению, что от русского правительства (под именем которого я понимаю императора и всех ныне существующих властей) подвластные ему национальности не должны ожидать никаких существенно полезных преобразований, так как правительство не имеет ни способности, ни желания сделать что-нибудь подобное для народа, и что единственное средство к перемене существующего порядка остается, по моему мнению, путь насильственной революции»[4].

Как уже говорилось, у кружка были большие планы. Предполагалось установить непосредственную связь с Герценом. С этой целью за границу должен был поехать студент Левченко[5]. Бекман собирался, уехав за границу, стать сотрудником «Воль-

---

1 ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1860 г., д. № 185, л. 254.
2 Б. Козьмин, «Харьковские заговорщики», стр. 31.
3 ЦГИА Московский, ф. III, отд., 1 эксп., 1860 г., д. № 26, ч. 7, л. 50.
4 М. Лемке, «Очерки освободительного движения 60-х годов», Спб., 1908 г., стр. 301.
5 ЦГИА Московский, ф. III отд. I, эксп., 1860 г., д. № 26, ч. 7, л. 50.

ной русской типографии», взяв на себя функции посредника между редакцией «Колокола» и ее корреспондентами в России.

Члены кружка мечтали о практической деятельности в народе. Это привело их к мысли о создании воскресных школ. Эта идея была восторженно встречена их товарищами-студентами. Когда харьковский студент Ляховский узнал об открытии воскресной школы в Киеве, он написал Муравскому: «Ура! Митрофан Данилович! Поздравляю с открытием воскресных школ! Душевно рад, что вы у брега!»[1].

Кружковцы стремились установить контакт с другими университетами. В особенности им хотелось поделиться опытом по организации воскресных школ. Воспользовавшись переводом профессора П. В. Павлова в Петербург, они попросили его помочь наладить связь с их петербургскими и московскими товарищами[2].

Но все эти планы были прерваны арестом. 1 февраля 1860 года Муравского, Бекмана, Португалова, Левченко и других арестовали в связи с тем, что у их товарища по харьковскому университету были найдены бумаги, свидетельствующие об их причастности к тайному обществу.

Арестованные пользовались большим авторитетом среди студентов Киевского университета. Узнав об их аресте, полтавское землячество собрало сходку, на которой избрало депутацию к генерал-губернатору с требованием объяснения причин ареста товарищей[3]. 3 февраля собралась новая многолюдная сходка. Лишь благодаря авторитету попечителя Н. И. Пирогова, эти сходки в дальнейшем были прекращены. Но студенты потребовали, чтобы следствие по делу арестованных товарищей происходило с участием представителя университета. Под заявлением подписались 92 студента[4]. Генерал-губернатор вынужден был согласиться. Кроме того, студенты организовали сбор денег для арестованных. Следствие закончилось в апреле 1860 года. Муравский, Бекман, Ефименко были приговорены к ссылке. Остальным арестованным в наказание было вменено содержание под арестом[5].

Но и в ссылке кружковцы продолжали участвовать в революционном движении. Бекман был видным членом революционно-демократической организации 60-х годов «Земля и Воля». К этой организации принадлежал и Тищинский.

---

[1] М. Лемке. «Очерки освободительного движения 60-х гг.», стр. 28.
[2] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 эксп., 1860 г., д. № 26, ч. 6, л. 13.
[3] С. Н. Кулябка. Воспоминания о Н. И. Пирогове. «Русская старина», 1892 г., сентябрь, стр. 735—737.
[4] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1860 г., д. № 145, л. 3.
[5] Б. Козьмин, указ. соч., стр. 75.

М. Д. Муравский, сосланный в г. Бирск Оренбургской губернии, не теряет связей с киевскими студенческими организациями. Он ведет переписку с харьковскими, киевскими студентами, со своими сосланными товарищами, поддерживает связи с Казанью, Уфой, Оренбургом, Екатеринославом, Новомосковском, Херсоном, Курском, Вологдой, Вяткой и другими городами. В своей переписке он делится опытом организации воскресных школ, сообщает о ходе освободительного движения в стране, дает советы по организации студенческих кружков.

Обширная переписка Муравского свидетельствует, что в ссылке он ведет большую работу по созданию общероссийской организации по руководству воскресными школами. Он предлагает наладить собственную почтовую связь путем привлечения почтальонов в воскресные школы. Для такой переписки им разрабатывается шифр[1].

Но эта работа снова была прервана арестом. Второй арест и последовавшая за ним жестокая расправа царизма не сломили воли революционера. Муравский — видный участник народнического движения 70-х годов. По процессу 193-х он ссылается на каторгу. Лишь смерть оборвала его борьбу против самодержавия. Умер Муравский в 1879 году в Ново-Борисоглебском централе.

Кружок Муравского был разгромлен, но возникшие по его инициативе воскресные школы, идея которых так увлекла прогрессивную молодежь, продолжали существовать и развиваться.

Успех начинания кружковцев в значительной степени зависел от той поддержки, которую ему оказали попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пирогов и профессор истории университета П. В. Павлов.

Великий русский хирург и замечательный педагог Н. И. Пирогов был попечителем Киевского учебного округа с июля 1858 года по март 1861 года. Время его попечительства связано с наибольшим развитием студенческих корпоративных организаций. При нем существовал студенческий суд чести, состоявший из общего собрания студентов, судивших своих провинившихся товарищей. Кроме того, Пирогов, подарив, студентам часть своих книг, положил начало библиотеке, делами которой ведали сами студенты[2]. Пирогов считал, что авторитет

---

[1] М. Лемке. «Очерки освобод. движения 60-х годов», стр. 314.

[2] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр., 1863 г., д. № 1, л. 1.

университетского начальства и его лично, как попечителя, должен поддерживаться «не угрозами, не преследованием, не скрытно, а прямым и гласным убеждением и примером»[1]. Поэтому на неоднократные требования генерал-губернатора Васильчикова установить «негласный» надзор над студентами Пирогов всегда отвечал категорическим отказом, называя такой надзор «безнравственным»[2], «несовместимым и с обязанностями университетской полиции и превышающим ее права»[3].

Пирогов очень сочувственно относился к предложению об открытии воскресных школ, в них он видел «дело первой необходимости для распространения просвещения в народе»[4]. Без согласования с генерал-губернатором (что ему впоследствии ставилось в вину) Пирогов дает разрешение на открытие воскресных школ в Киеве, поручив общее наблюдение за ними профессору Павлову.

Платон Васильевич Павлов, преподававший русскую историю в Киевском университете в 1847—1861 годах, пользовался большой популярностью среди студентов. Павлов был либералом, мечтавшим о конституции. В своих лекциях он проводил мысль, что Россия, имевшая конституционный строй на заре своей истории, сейчас должна к нему возвратиться[5]. Но установление конституции он представлял себе не революционным путем, а путем распространения просвещения. Особенную роль в деле распространения просвещения Павлов отводил университетам. Университеты он называл «маяками спасения», указывая при этом, что «при стремлении связать себя с публикою, даже с рабочими слоями, их (университетов — С. С.) значение должно будет все более и более возрастать», что «надобно группироваться всячески подле университета; различную практическую деятельность связать с университетскою деятельностью и через это развивать самосознание в людях, начиная с высших слоев и оканчивая низшими»[6]. Понятно, что Павлов горячо откликнулся на предложение об открытии воскресных школ и принял самое деятельное участие в их организации.

Первая воскресная школа открылась в конце сентября 1859 года в здании Киево-Подольского уездного дворянского училища. Вскоре (25 октября) открылась так называемая Новостроенская воскресная школа. В декабре открылась воскрес-

---

[1] Прощальная речь Н. И. Пирогова к студентам университета св. Владимира, «Киевский телеграф», 20 апреля 1861 г. № 29.

[2] ЦГИА УССР, ф. КПКУ, Окр., ч. секр., 1858 г., д. № 4, л. 18.

[3] Там же, 1860 г., д. 2, л. 27.

[4] Н. И. Пирогов. Избранные педагогические сочинения М., 1953, стр. 399.

[5] ЦГИА Московский, Ф. III отд., эксп. 1, д. № 26, ч. 6, л. 12.

[6] «Выписки из лекций проф. Павлова, читанных в университете св. Владимира в 1859 г.», ЦГИА Московский, Ф III отд. 1 эксп., д. № 26, ч. 6., л. 9.

ная школа для девочек[1]. В течение 1860 года открылись еще 4 школы, так что к концу этого года в Киеве было 7 воскресных школ — 5 мужских и 2 женских. В мужских школах преподавали в основном студенты[2]. В январе 1861 года киевские студенты по примеру петербургских открыли в здании университета ежедневную бесплатную школу. Средства на воскресные школы студенты добывали организацией сбора пожертвований, платных концертов и вечеров, изданием книг[3].

Растет не только число школ, но и количество их учеников. В Новостроенской школе при открытии было 34 ученика, а через 5 месяцев,в марте 1860 года их число увеличилось до 148 человек. В школе обучалось 72 крепостных мальчика, отданных своими помещиками для обучения ремеслу в город. Вообще, подавляющее число учеников ——ремесленники (112 человек)[4].

Пирогов отмечает, что успехи учеников воскресных школ были изумительны, тяга к знанию была так сильна, что грамота усваивалась почти в два, три раза скорее, чем в приходских и других училищах, где занятия велись ежедневно[5]. Большая заслуга в этом была студентов. «Надо удивляться, с каким постоянством, с какой усидчивостью и самоотвержением студенты в продолжение трех-четырех часов сряду занимаются обучением детей»[6], писал Слепушкин, которому был поручен надзор за Новостроенской школой.

Студенты, в частности кружок Муравского, считали воскресные школы «средством к распространению в массе простого народа либеральных идей»[7]. Передовая молодежь старалась выйти за пределы узкой программы воскресных школ (закон божий, грамота, письмо, арифметика), которую им строжайше запрещалось нарушать. В Киеве, например, для чтения подбирались такие тексты, которые наталкивали на мысль о тяжелом положении народа, о необходимости бороться за улучшение его жизни. Объяснения к тексту, которые давали преподаватели, помогали учащимся усвоить эти мысли. Работу в воскресных школах студенты использовали и для непосредственной революционной пропаганды, раздавая наиболее надежным ученикам революционные прокламации.

Революционеры-демократы придавали большое значение воскресным школам, как одному из средств подготовки народа к вос-

---

1 ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1859., д. № 179, л. 3—6.
2 ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 эксп., 1861 г., д. № 133, л. 10.
3 ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ. ч. секр. д. № 179, лл. 135—138, 141.
4 Там же л. 15.
5 Пирогов, Избранные педагогические сочинения, стр. 396.
6 ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1859 г., д. № 179, л. 18.
7 М. Лемке. «Очерки освобод. движения 60-х годов», стр. 283.

станию. Чернышевский говорил, что школ этих нужно десятки тысяч, он протестовал против того, что воскресные школы «подозреваются, стесняются и пеленаются» правительством[1]. О студентах — преподавателях воскресных школ Чернышевский писал, что «...они честные люди, любящие народ, делающие для него все, что могут»[2]. Шевченко составил для воскресных школ «Грамотку» на украинском языке. 21 ноября 1860 года он принял участие в публичных выступлениях писателей в Петербургском Пассаже в пользу воскресных школ.

Поддержка, оказанная воскресным школам революционными демократами, обеспечила им успех. В 1862 году в 48 губерниях России было около 300 школ.

Царское правительство было напугано этим «лихорадочным движением». Оно требовало от властей на местах бдительного надзора за воскресными школами. Все его пугало в воскресных школах, во всем оно видело «потрясение государственных устоев», даже в том, что в воскресных школах к ученикам обращались «на вы»[3]. В июне 1862 года все воскресные школы были закрыты.

Начался новый поход царского правительства против просвещения. Поднимая шум вокруг мелких уступок общественному мнению, правительство одновременно осуществляло целый ряд репрессивных мер против печати и университетов. 6 мая 1859 года по «высочайшему» повелению студенты вне стен университета подчинялись полицейским установлениям и надзору полиции[4]. В новом царском повелении от 14 января 1860 года указывалось, что надзор за студентами общей полиции не избавляет их от подчинения и вне зданий университета надзору университетского начальства[5]. Для сокращения притока разночинцев вводится правило о том, что полугодовая плата за обучение должна вноситься вперед. В 1861 году, в целях дальнейшего ограничения притока разночинного элемента в университеты, реакционный министр народного просвещения Путятин отменяет свидетельства о бедности, освобождавшие нуждающихся студентов от платы 50 рублей за право обучения. Студенческие организации и всякие студенческие сходки были запрещены[6].

Эти «путятинские правила», по меткому замечанию Н. Г. Чернышевского, своей регламентацией хотели поставить сту-

---

[1] «Современник», 1862 г., апрель, стр. 345.
[2] Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., 1906 г., т. 9, стр. 123—124.
[3] ЦГИА Московской, ф. III отд., 1 экс., 1861 г., д. № 230, л. 51.
[4] ЦГИА УССР, ф. КПКУ Окр., ч. секр. 1959 г., д. 71, л. 26—27.
[5] Там же, л. 52.
[6] Материалы для истории гонения студентов при Александре II, Лейпциг, 1902 г., стр. 83.

дентов в положение маленьких ребят. А главное, они отнимали у большинства студентов возможность учиться[1]. Но этими мерами правительству не удалось заглушить студенческое движение. Наоборот, они вызывают широкое выступление студенчества.

Хотя основным требованием студентов была отмена «путятинских правил», их протест в обстановке того времени принимал характер политического выступления. В Петербургском университете волнение студентов превратилось в уличную демонстрацию и многолюдные сходки. Для расправы со студентами правительство посылает жандармерию и войска. Петербургский университет закрывается, 335 студентов университета было арестовано и посажено в крепость[2]. Из Петербурга волнения перекинулись в Москву, Казань, Харьков[3] и Киев. В Москве выступление студентов сопровождалось бурными сходками и уличными демонстрациями. Так же, как и в Петербурге, не обошлось без арестов и избиения демонстрантов полицией и жандармерией[4].

Выступления студентов отличались массовостью и упорством. Студенты понимали, что, протестуя против «путятинских правил», они тем самым выражают осуждение всему политическому режиму. К. А. Тимирязев, участник этих выступлений, вспоминал впоследствии: «Дело было... в убеждении, что мы в своей скромной доле делаем общее дело, даем отпор первому дуновению реакции»[5].

Оба русских революционных центра — «Колокол» Герцена—Огарева и «Современник» с Чернышевским во главе — придавали большое значение студенческим выступлениям. «Колокол» неоднократно обращался к студенчеству с революционными призывами. В статьях, посвященных студенческим волнениям 1861 года, Герцен убеждал молодежь идти с революционной проповедью в народ. Н. Г. Чернышевский, рассматривая передовых студентов как один из отрядов революционно-демократического лагеря, уделял много внимания руководству студенческим движением. Он живо интересовался деятельностью петербургских студенческих кружков и поддерживал с ними связь[6]. В статье «Научились ли?» Чернышевский, подвергнув

---

[1] Н. Г. Чернышевский, «Научились ли?», «Современник», 1862 г., апрель, стр. 348—349.

[2] Современная летопись, 1861 г., № 42, стр. 20—21.

[3] ЦГИА Московский, ф. III, отд., 1 эксп., 1861 г., д. № 400, л. 4, 8.

[4] История Москвы, т. IV, М., 1954 г., стр. 305—309.

[5] К. А. Тимирязев, Сочинения, т. IX, М., 1939 г., стр. 46.

[6] Р. А. Таубин. «Роль Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии». «Исторические записки», 1952 г., № 39, стр. 67.

резкой критике «путятинские правила», открыто одобрил студенческие волнения 1862 года.

В Киевском университете выступление против «путятинских правил» совпало с патриотическими демонстрациями польских студентов. 9 октября после демонстрации-панихиды по умершему варшавскому архиепископу Фиалковскому, толпа студентов в 200 человек прошла по улицам города от костёла к университету, увеличиваясь по дороге за счет присоединявшихся к ней новых групп студентов и, войдя в здание университета, разорвала в сборном зале объявления администрации, в том числе и новые «путятинские правила»»[1]. Среди разорванных документов было и оправленное в золоченую рамку «царское спасибо», выраженное Николаем I студентам за их примерное поведение во время посещения им университета в 1850 году[2].

1861 год был особенно напряженным в общественной жизни Киевского университета: выступление против «путятинских правил» сливалось с польскими патриотическими выступлениями, начавшимися весной.

Одно из первых выступлений студенчества 1861 года было связано с опубликованием манифеста 19 февраля 1861 года.

Студент Пашковский во время чтения 10 марта 1861 года на Экспланадной площади манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости не снял фуражки. На сделанное ему по этому поводу полицейским замечание он ответил дерзостью, фуражки не снял, да еще закурил сигару[3]. За непочтение к имени «августейшего монарха» Пашковский был исключен из университета. Это исключение вызвало возмущение как польских, так и русских студентов. Происходит ряд бурных сходок. Составляется петиция к генерал-губернатору с просьбой восстановить Пашковского[4].

Наиболее передовая часть студенчества видела в поступке Пашковского выражение протеста против реформы, ограбившей крестьян. Сходки студентов были настолько внушительны, что генерал-губернатор в тревожной обстановке весны 1861 года побоялся дальнейшего обострения конфликта и пошел на восстановление Пашковского[5].

В это же время начались польские патриотические демонстрации.

Польское национально-освободительное движение, как указывал В. И. Ленин, было одним из факторов революционной ситуации 1859—1861 годов. Ленин писал, что в то время, как

---

[1] ЦГИА УССР, ф. КГЖУ, 1861 г., д. № 17, л. 58.
[2] Вестник Европы, 1903 г., т. 1, стр. 627—628.
[3] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 экс., 1860 г., л. 25.
[4] Там же, л. 31.
[5] В. Шульгин. Юго-западный край в последнее 25-летие, стр. 139—140.

в России и других славянских странах не было самостоятельных массовых демократических движений, «*шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[1]. Польское национально-освободительное движение в это время играло огромную роль в борьбе против абсолютистских Австрии, Пруссии и царской России.

В 1860—1862 годах в Польше проходит ряд патриотических манифестаций. Одной из наиболее крупных была манифестация в Варшаве 13 и 15 февраля 1861 года в память Гроховской битвы времен восстания 1830 года. Демонстрация 15 февраля была расстреляна войсками. 5 человек было убито.

Эта зверская расправа вызвала новую волну демонстраций. В целом ряде университетов России происходят манифестации-панихиды в память убитых в Варшаве. В этих панихидах принимает участие не только польское, но и передовое русское студенчество, которое, вслед за Чернышевским и Герценом, сочувствовало национально-освободительной борьбе польского народа и предлагало польским революционерам боевой союз в борьбе против самодержавия.

Позиция русской революционной молодежи в отношении Польши нашла наиболее яркое выражение в прокламации Зайчневского «Молодая Россия». «Мы требуем, — писал он, — полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией»[2].

В Киевском университете руководство патриотическими манифестациями принадлежало Союзу св. Владимира. Эта организация, совместно с польскими организациями других русских университетов, решила в феврале 1861 года в Варшаве созвать съезд своих представителей. Одной из задач съезда была организация демонстрации против здания, где в то время шли заседания «Земледельческого общества» в знак протеста против его политики отказа наделения крестьян землей. Полиция, обратив внимание на значительный приток молодежи в город, предложила делегатам выехать из Варшавы. Съезд организовать не удалось, но представители студентов приняли участие в манифестациях 13 и 15 февраля[3].

Демонстрация-панихида в Киеве по убитым в Варшаве была организована 1 марта 1861 года. За несколько дней до этого студент Коцюбский на дверях костёла повесил траурное объявление с именами убитых, приглашавшее киевлян на па-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403.

[2] «Политические процессы 60-х гг.», под ред. Б. Козьмина, ч. 1, М., 1923, стр. 267.

[3] B. Limanowski, указ произв., ч. II, стр. 298—299.

нихиду по ним[1]. Такие же объявления были расклеены по улицам. 1 марта в костёле собралось несколько сот человек, в основном студенты, все в трауре. После богослужения по убитым присутствовавшие запели польский патриотический гимн. Разъехавшись на пасхальные каникулы, студенты организуют подобные панихиды в ряде городов Правобережной Украины.

Осенью 1861 года эти демонстрации возобновляются. Организуются они по разным поводам: по поводу годовщины унии Литвы и Польши, по случаю годовщины со дня смерти героя польского восстания 1794 года Костюшко и т. д. Обычно эти манифестации сводились к пению в костеле или в университетской церкви польского гимна.

Во время этих панихид студенты распространяли листки, с текстом и нотами польского гимна. Распространялись и листовки. Так, например, на панихиде 16 сентября 1861 года распространялась листовка с биографией Иохима Лелевеля, в которой особенно подчеркивалось, что он в период восстания 1831 года «поднял дело младших братьев-крестьян, защищая их общественные и гражданские права»[2]. Студенты провели сбор средств на памятник Лелевелю.

Листовки доставлялись из Варшавы. В Киеве был арестован варшавский студент Матушевский, у которого оказался ряд писем, воззваний, прокламаций, инструкций, привезенных им для польских студентов университета[3]. Среди документов Матушевского особенно интересным является «Инструкция воспитанникам университетов, академий, высших учебных заведений и гимназий», датированная 12 июня 1861 года. Она свидетельствует, что уже в это время в Варшаве был создан подпольный центр, руководящий польским национально-освободительным движением.

Эта инструкция говорит о том, что передовая польская молодежь в отличие от шляхетско-буржуазных оппозиционных элементов, боявшихся восстания, согласных ограничиться «расширенной» автономией Царства Польского, стремилась к созданию подлинно независимой Польши и средством к достижению этого считала вооруженное восстание, к которому вела деятельную подготовку.

Вместе с тем, в инструкции отразились и слабые стороны руководителей готовящегося восстания. Она представляет будущую Польшу, раскинувшейся «от моря и до моря», то есть включает в ее состав украинские, белорусские и литовские земли. Инструкция свидетельствует, что даже среди прогрес-

---

[1] ЦГИА Мэсковский, ф. III отд., 1 эксп., 1861 г., д. № 303, ч. 8, л. 3.
[2] ЦГИА УССР, ф. КГЖУ, 1861, д. № 117, л. 2.
[3] И. М. Белявская, указ. произ., стр. 53.

сивно настроенной польской молодежи еще сильны были великодержавные взгляды.

Передовая киевская, русская и украинская студенческая молодежь, сочувствуя национально-освободительной борьбе своих польских товарищей, неоднократно отмечала эту слабую сторону их программы. Студент Моссаковский, например, указывал на непоследовательность программы польских университетских кружков, которые «сами ищут свободы, а других хотят поработить»[1].

В начале 1861 года в Киевском университете оформилась либерально-буржуазная организация украинских студентов «Украинская громада»[2]. Эта организация, как и другие буржуазно-националистические «громады», образовавшиеся в это же время в ряде городов Украины, стремилась разорвать вековые узы дружбы, связывающие украинский и русский народы и тем самым ослабить силы этих народов в борьбе против угнетателей всех национальностей. Как и русские буржуазные либералы, члены громады боролись против революционных демократов и выступали против польского национально-освободительного движения. Свою задачу «громада» видела «в просвещении народа на его собственных началах», т. е. в духе украинского национализма. Боясь обвинения в революционности, она заявляла, что будет действовать «самым спокойным... образом»[3]. Страх перед революционным движением сказался и в статье «Отзыв из Киева», в которой один из основателей «громады» Антонович, выражая свои верноподданические чувства, ополчился против революционной прокламации «Молодая Россия»[4].

Организации «громады» предшествовало образование осенью 1858 года кружка так называемых «пуристов»[5]. Многие из участников этого кружка вошли впоследствии в «громаду», в частности, В. Антонович[6]. Против «пуристов» в это время выступает кружок Муравского. Правда, влияние кружка «пуристов» было очень невелико. Как отмечали в своих показаниях члены кружка Муравского, между основной массой студентов университета и этим кружком существовали враждебные отношения[7].

---

[1] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 222—а, л. 11.
[2] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 91, л. 18.
[3] Ф. Рыльский. Несколько слов о дворянах правого берега Днепра, Основа, 1861 г., ноябрь-декабрь, стр. 99.
[4] Современная летопись, 1862, г., № 46.
[5] ЦГИА УССР, ф. КПКУОкр., ч. секр., 1858 г., д. № 4, л. 3.
[6] Украина, 1926 г., № 1, стр. 75.
[7] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 эксп., д. № 26, ч. 7, лл. 80, 109.

Выступая против кружков польского студенчества, «Украинская громада» в марте 1861 года предложила создать единую общеуниверситетскую студенческую корпоративную организацию, но с тем условием, чтобы украинские и русские студенты при решении различных вопросов имели три голоса, а польские только два, хотя студенты-поляки составляли более 59%, а украинцы и русские 40% всех студентов[1]. Этим маневром «громада» хотела усилить свое влияние на студентов университета.

Когда этот маневр не удался, члены «громады» обратились к попечителю Н. И. Пирогову с прошением об открытии национального польского университета. Эта просьба мотивировалась тем, что польские студенты в стенах русского университета занимаются польской пропагандой и совершают поступки, «инициатива и истинная причина которых находится вне университета и отчасти, даже вне нашего края и на которые многие из них побуждаются давлением тяготеющего над ними единоверного общества»[2].

Узнав об этом, прогрессивная часть украинского и русского студенчества обратилась в свою очередь с письмом к Пирогову, в котором вскрыла сущность этого на первый взгляд «благородного» прошения громадовцев. Это письмо является отражением той острой борьбы, которая шла между прогрессивной и либерально-националистической частями студенчества.

В письме опровергалось обвинение, выдвинутое против польских студентов в том, что они являются виновниками всех студенческих историй в Киевском университете. На сходках, говорилось в письме, «собирались не поляки в залах университета, а студенты: там были и **мы** и **они** и все русские, которые интересовались студенческим делом»[3].

В письме подчеркивается, что прошение носит характер «клеветы, доноса». Касаясь той части «Прошения», в которой говорится, что поляки занимаются польской пропагандой, прогрессивные студенты утверждали, что «правительство может... опереться на то, что сами русские обвиняют поляков в целях ему противных. Оно сочтет это нерушимым доказательством своего собственного воззрения потому, что кому же лучше знать затаенные стремления товарищей, как не товарищам. Словом, оно посмотрит на это прошение как на донос... Конец дела может быть печален для польских студентов, и, накликав

---

[1] С. Ашевский, „Русское студенчество в эпоху 60-х годов, «Современный мир» 1907 г., сентябрь, стр. 67.

[2] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 222, л. 34.

[3] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 222, л. 35.

какие-нибудь беды на их голову, мы поставим себя в грустную необходимость сознать себя виновниками их...»[1].

Это «прошение» прогрессивная молодежь классифицирует как «заявление реакции», как «неблагородное», тем более, что оно подано без согласия поляков, да и вообще сбор подписей под ним, как отмечается в письме, проходил в тайне, без какого-либо обсуждения. «Это прошение об открытии национального польского университета, — приходят к выводу авторы письма, — при такой обстановке может казаться в глазах многих просьбою как бы об изгнании поляков из русских университетов»[2].

Потерпев неудачу в марте, «громада» предпринимает новые шаги против польских кружков в октябре 1861 года. В это время в университете происходят польские патриотические панихиды, а 9 октября, как уже говорилось выше, киевские студенты выступили против «путятинских правил». В последнем выступлении приняла участие большая часть студентов университета без различия национальностей. Местные же власти пытались представить это выступление как выступление только польских студентов. В этом отношении им большую помощь оказала «громада».

Члены «громады» написали адрес и организовали под ним сбор подписей (подписалось 160 человек), в котором от имени русских и украинских студентов заверяли Киевского генерал-губернатора, что они, «не сочувствуя несвоевременным вспышкам польских студентов..., не намерены принимать в них никакого участия и положительно против них протестуют»[3]. По просьбе «громады» адрес был опубликован в печати.

Опираясь на этот адрес, Совет университета со своей стороны выразил «глубокое негодование» по поводу выступления студентов против «путятинских правил» и предложил всем студентам подписаться под официальным заявлением, осуждающим подобные выступления студенчества[4].

Вокруг этого заявления члены «громады» провели большую агитационную работу, но студенты за ними не пошли. Подавляющее большинство студентов отказалось его подписать. Под заявлением подписалось менее трети всех студентов (294 чел.). Если учесть, что многие из подписавшихся сделали это из боязни последствий в случае отказа, то станет ясно, как немного было у «громады» сторонников. Подобные «услуги» киевской «украинской громады» и, в частности, одного из ее организа-

---

[1] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 222, л. 37.

[2] Там же, л. 35.

[3] Н. К. Реннекампф, Киевская университетская старина, «Русская старина», 1899 г., июль, стр. 41.

[4] Там же, стр. 43.

торов В. Антоновича высоко ценило жандармское начальство. Начальник Киевского губернского жандармского управления полковник Павлов, ходатайствуя в 1878 году о том, чтобы «Антоновичу, как человеку, оказавшему немалые услуги русскому делу и местной администрации», были предоставлены «преимущества, улучшающие его положение в материальном отношении», особенно отмечал поведение Антоновича в 1861 году, когда он «так удачно... вызвал протест русских студентов против польских демонстраций в университете, который и был преподнесен генералу-губернатору»[1].

Необходимо отметить, что вопреки усилиям украинских, польских и русских буржуазных националистов, дружба трех братских славянских народов все более крепла, закаляясь в борьбе против самодержавия и крепостничества. Великими поборниками боевого содружества народов в борьбе против угнетателей выступали революционные демократы.

Огромным авторитетом в революционно-демократическом лагере пользовалось имя великого украинского революционера-демократа и просветителя Т. Г. Шевченко. Его творчество, наряду с произведениями великих русских революционеров-демократов, оказывало могучее влияние на формирование передового мировоззрения не только украинской, но и русской и польской молодежи.

Особенно большое значение имели революционные призывы Шевченко для Украины. Пламенное слово великого украинского поэта имело такое же значение для Украины, как могучая проповедь Н. Г. Чернышевского для всей России. Украинский поэт-революционер Грабовский писал: «Шевченко шел рука об руку с лучшими умами и деятелями России в эпоху, предшествовавшую периоду реформ, и делал на Украине то великое общерусское дело обновления, которое без него не имело бы здесь своего апостола»[2].

Прогрессивное студенчество видело в Шевченко одного из идейных вождей революционно-демократического лагеря. Московский кружок Зайчневского печатал и распространял стихи Шевченко наряду с прокламациями Герцена. Киевский студент Моссаковский внимательнейшим образом изучает творчество Шевченко. В бумагах Моссаковского жандармами было найдено много переписанных стихов Шевченко, в частности поэма «Сон». В специальной тетради студент записывает свои мысли и впечатления от прочитанных произведений[3].

---

[1] ЦГИА Московский, ф. III отд., 3 эксп., 1872 г., д. № 80, лл. 108—109.
[2] О. І. Кисельов, Павло Грабовский, Киев, 1948 г., стр. 210.
[3] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 22-а, лл. 93—95.

26 февраля 1861 года российский революционно-демократический лагерь понес тяжелую утрату: умер пламенный народолюбец Т. Г. Шевченко. Панихиды по поводу его смерти в Петербурге и Москве превратились в демонстрации горячего сочувствия тем идеям, за которые поэт отдал жизнь. Русские, украинские и польские студенты выступали на этих демонстрациях совместно[1].

Киевские студенты, встречая прах великого поэта, вышли далеко за пределы города, но по распоряжению местных властей, боявшихся Шевченко даже после его смерти, траурное шествие было остановлено у городской черты до разрешения на въезд. Студентов с трудом удалось удержать от нарушения этого приказа, а когда разрешение на въезд было дано, они выпрягли из катафалка лошадей и сами повезли его[2].

В Каневе на похоронах собралось около 2000 человек, преобладала молодежь. С надгробным словом выступали представители украинских, русских и польских студентов. Единодушный порыв, которым были охвачены во время похорон Шевченко все прогрессивно настроенные студенты, независимо от их национальности, свидетельствовал о наличии крепких дружеских связей, которые не могли разорвать националисты.

Манифестациями на панихидах и похоронах Шевченко, польскими патриотическими выступлениями, борьбой против «путятинских правил», активным участием в работе воскресных школ, непримиримой борьбой против буржуазных либералов, протестом против зверской расправы с восставшими крестьянами, не желающими принимать Положение 19 февраля, обдирающее их, как липку, (панихида казанских студентов по убитым в с. Бездна крестьянам), — вот чем отметило передовое студенчество 1861 год, самый напряженный из всего периода революционной ситуации.

Н. Г. Чернышевский, говоря о месте передовых студентов в общественной борьбе того времени, подчеркивал, что «ни лжелибералами, ни либералами студенты никогда не увлекались», что они «никогда не верили нашим «либералам», всегда считали их людьми пустыми... просто пустозвонами»[3]. В условиях свирепой цензуры сказать более ясно о принадлежности передового студенчества к революционно-демократическому лагерю было невозможно.

В последующие годы революционной ситуации передовые отряды студенчества пополняют ряды «Земли и Воли» — круп-

---

[1] «Современный мир», 1907 г., сентябрь, стр. 66.

[2] М. К. Чалый. «Жизнь и произведения Т. Шевченко». Киев, 1882 г., стр. 190.

[3] Н. Г. Чернышевский. «Научились ли?». «Современник», 1862 г., № 4, стр. 352, 353

нейшей революционной организации своего времени, видевшей в прогрессивной молодежи элемент, способный нести в народ революционные идеи.

Передовые студенты помогали вождям революционно-демократического лагеря в распространении прокламаций, в которых они обращались с революционной проповедью к народу. Студент Киевского университета Бобровский участвовал в перепечатке листков «Великорусса» и других аналогичных изданий[1]. Другой студент университета Далькевич распространял среди военных Киевского гарнизона воззвания Герцена, призывавшие русских солдат не сражаться против поляков[2]. Студент Куликовский выступал с публичным чтением прокламации «К молодому поколению» в нескольких помещичьих домах Черниговской губернии[3].

Большую работу в деле распространения передового революционного мировоззрения среди учеников Киевского военного училища вел студент Евгений Моссаковский. Работая преподавателем младших классов и живя при училище, он по вечерам собирал у себя на квартире наиболее развитых учеников. В беседах с ними Моссаковский рассказывал о развитии революционного движения в стране и подводил учащихся к мысли о необходимости революции.

Моссаковский стремился воспитать в учащихся материалистическое и атеистическое мировоззрение. В своих беседах с учениками, как говорят следственные материалы о нем, Моссаковский «отвергал бытие божие, бессмертие души, будущую жизнь; утверждал, что святых нет, что все в мире создалось само собою, священному же писанию верить нельзя потому, что оно писано такими же людьми, как и мы»[4]. Моссаковский подчеркивал, что «материалисты отвергают бытие бога».

У Моссаковского ученики много читали. Издания «Вольной русской типографии» Герцена, свободолюбивые стихи Пушкина, Шевченко, Некрасова, Огарева не только читались, но и переписывались участниками кружка. Часть переписанных произведений ученики отдавали Моссаковскому, очевидно, для их дальнейшего распространения где-либо в другом месте, а часть, по его совету, распространяли среди учеников[5]. Лишь арест в ноябре 1861 года прервал большую и интересную работу, которую вел молодой разночинец среди учеников военного училища.

---

[1] В. А. Таубин. Указ. соч., «Исторические записки», № 39, 1952 г., стр. 69.
[2] ЦГИА Московский, ф. III отд., 1 эксп., 1861 г., д. № 311, л. 6.
[3] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1862 г., д. № 73, л. 21.
[4] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., ч. секр., 1861 г., д. № 222, лл. 10—11.
[5] Там же, л. 12.

Студенты-поляки, участники польских кружков Киевского университета проводили большую работу по пропаганде идей польского национально-освободительного движения на Правобережной Украине.

По материалам следственной комиссии о польском восстании 1863 года студенты- поляки обратились в 1860 году с воззванием к помещикам. Кроме того, в Таращанских лесах было найдено воззвание студентов Киевского университета к жителям Волыни, Подолии и Украины, датированное 16 апреля 1861 года.

К сожалению, до нас не дошли эти обращения. Можно предполагать, что они исходили от Союза св. Владимира, который, как известно, занимался делом печатной пропаганды.

В 1862 году образуется «Киевский комитет» польской повстанческой организации на Правобережной Украине. Комитет состоял большей частью из студентов университета. Комитет обращается с целым рядом воззваний к населению Правобережной Украины. Так, например, у студента Яроцкого в марте 1863 года были найдены приспособления для печатания так называемой «Золотой грамоты», в которой говорилось о государственном устройстве будущей свободной Польши, а также о правах крестьян и других сословий[1]. У студента Стефановского было найдено 117 экземпляров воззвания к «Русскому народу»[2], которое было написано на украинском языке славянскими буквами.

В этом воззвании от имени «Тимчасовой народной старшини» особенно ясно видна ограниченность идеологии польского национально-освободительного шляхетского движения. Выше уже говорилось о великодержавных устремлениях польской шляхты. Они нашли отражение и в этом документе. Кроме того, вопрос о земле разрешался совершенно не так, как хотело того крестьянство. Оно предъявляло права на всю помещичью землю, ему же предлагали те крошечные участки, которые были в его пользовании. В данной листовке говорится, что «польский уряд дав селянам их землю без викупу на вічні часи, обіцявши дідичам заплатити за то з народного скарбу»[3]. Хотя земля обещалась бесплатно, но фактически ее стоимость должно было уплатить крестьянство, налоги с которого являлись основным источником пополнения государственной казны.

Это была программа революционного крыла польского национально-освободительного движения (так называемой партии «красных»), но даже и она не могла дать украинскому

---

[1] ЦГИА УССР, ф. ККГ—Губ., я. секр., 1863 г., д. № 28, л. 74.
[2] Там же, д. № 41, л. 114.
[3] Там же, д. № 117, л. 6.

крестьянству освобождения от классового гнета польских помещиков, который должен был усугубиться еще и гнетом национальным.

Естественно, что крестьянство Правобережной Украины не пошло за польскими повстанцами. Более того, благодаря демагогическим маневрам царского правительства, повстанцы столкнулись с враждебностью крестьянства, что привело к их быстрому разгрому. Так, например, кавалерийский отряд киевской молодежи, состоявший большей частью из студентов университета, выступивший из Киева в ночь с 26 на 27 апреля 1863 года, был настигнут эскадроном драгун и казачьей сотней в 14 верстах от города у деревни Борщаговка и, не поддержанный окрестным крестьянством, в двадцатиминутной перестрелке рассеян[1]. С отдельными отрядами повстанцев правительственным войскам помогали расправляться крестьяне.

В настоящее время трудно точно определить, сколько студентов Киевского университета принимало участие в повстанческих отрядах. Во всяком случае, большинство студентов-поляков. По официальным данным, в 1863 году из университета выбыло 635 студентов, из них только 134 по случаю его окончания.

Роль польских студентов Киевского университета в восстании 1863 года была весьма значительна. Это отмечают ряд современников. Б. Лимановский, участник польских кружков Московского университета конца 50-х годов, впоследствии один из основателей националистической и реформистской ППС, в книге «История польской демократии», пишет, что в период восстания наиболее деятельной была молодежь Киевского университета[2]. В ходе подготовки и в период самого восстания студентам университета принадлежала руководящая роль в Юго-западном крае.

Польское восстание на Правобережной Украине было разгромлено. Его разгром облегчил царизму подавление восстания на собственно польской территории. В то же время надежды революционных демократов на подъем крестьянского движения в 1863 году, в связи с подписанием уставных грамот, не оправдались. Укрепив свое положение внутри империи, царизм переходит в наступление против революционных организаций России, стремится их обезглавить, расправляясь с Чернышевским, Михайловым, Н. Серно-Соловьевичем и другими.

Несмотря на поражение первого демократического натиска на самодержавие, значение его в истории нашей родины ог-

[1] В. Г. Авсеенко. Школьные годы, «Исторический вестник», 1881 г., т. 4, стр. 734; В. Д. Кренке. Усмирение польского мятежа в Киевской губернии в 1863 г., «Историч. вестник», 1883 г. т. 114, стр. 109.

[2] B. Limanowtki. Указ, произ., т. 2, стр. 298.

ромно. Опыт борьбы показал неисчерпаемые революционные возможности русского народа. В ходе этой борьбы происходит окончательное размежевание двух тенденций общественного развития — демократической и либеральной.

В. И Ленин в статье «По поводу юбилея» говорил о том, что «двоякая либеральная и демократическая тенденция в народничестве вполне ясно наметилась уже в эпоху реформы 1861 года»[1] и характеризовал эти тенденции деятельностью либерала Кавелина и революционного демократа Чернышевского Прогрессивное студенчество в развернувшейся классовой борьбе было на стороне Чернышевского, который «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[2]. Однако, демократическая интеллигенция, выступавшая под знаменем утопической теории, не смогла по-настоящему возглавить движение крестьянских масс против самодержавия. Эта задача была посильна только для пролетариата, руководимого самой передовой, единственно правильной теорией — марксизмом.

Прогрессивное студенчество в годы революционной ситуации являлось источником пополнения сил революционно-демократического лагеря, а студенческие выступления — одной из форм натиска демократических сил на самодержавие.

Студенчество является одним из отрядов интеллигенции, которая сама по себе не способна играть самостоятельную политическую роль в общественной жизни. В ходе развития революционной ситуации с особой очевидностью выяснилось, что студенческое движение лишь в том случае может приобрести широкое общественное значение, когда оно идет в русле борьбы передового прогрессивного класса своего времени. В период революционной ситуации 1859—1861 годов таким классом было крестьянство. Только выступив вместе со всем демократическим лагерем на стороне крестьянства, студенческое движение смогло стать одним из компонентов революционной ситуации.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 17, стр. 80.

[2] Там же, стр. 97.

Принятые сокращения:

ф. ККГ-Губ—фонд Канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора.

ф. КПКУ Окр—фонд Канцелярии попечителя Киевского учебного округа.

ф. КГЖУ—фонд Киевского губернского жандармского управления.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV. вып. 1-й

ГОРЬКИЙ И КАВКАЗ

Б. С. ФАРБЕР

> Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума быстрых и певучих рек, и ее красивых, гордых детей[1].

Алексей Максимович Горький, начавший свою литературную деятельность на заре революционного движения пролетариата и закончивший ее в годы успешного завершения строительства социализма в нашей стране, отразил жизнь и быт дореволюционной России и показал беспримерные достижения Великого Октября, определившего дальнейший ход истории человечества.

С первых же шагов своего творческого пути Горький осознал кричащие противоречия эпохи и отверг теории примирения с действительностью. Со свойственной ему проницательностью великий художник вскрыл несостоятельность «рыцарей на час» и обратился к пролетариату, хотя и не сразу постиг его историческую миссию в освободительном движении. «У меня еще в юности, — вспоминал писатель в 1927 году, — возникло сознание, вернее, чувство органического родства с рабочим классом, и до сего дня есть тревога за судьбу его, — тревога араба за источник, оживляющий его оазис в песках пустыни»[2].

Горький вошел в отечественную литературу, обогащенный обилием наблюдений и впечатлений от скитаний по Руси. Хлебнув «в людях» горя и закалившись в борьбе с невзгодами, он на протяжении ряда лет пытался понять, какие

[1] М. Горький. Собр. соч., XXIII том, стр. 337.
[2] М. Горький. Письмо от 15 октября 1927 года. Собр. соч., т. XXVII.

социально-политические силы способны смести с лица земли эксплуататорский строй и сделать жизнь в родном краю справедливой и счастливой.

После странствования вдоль Кавказского хребта, во время которого будущий писатель наблюдал картины тяжелой жизни и труда горцев, после беспросветной службы на строившейся железной дороге Беслан-Петровск (ныне Махачкала), Алексей Максимович пришел в сентябре 1891 года в Тифлис, где встретился с писателем Э. Ниношвили и ссыльными М. Началовым и А. Калюжным. Покоренные рассказами Горького, они убедили талантливого юношу написать обо всем, что он видел, слышал и пережил[1]. Так, в 1892 году в газете «Кавказ» появился рассказ «Макар Чудра», ставший своеобразным прологом нового этапа развития художественной мысли в России.

Уже ранние произведения Горького не только показали читателю, «чем люди живы», но и будили в нем стремление изменить общественный уклад, вырвать с корнем все то, что мешало установлению социальной справедливости. Можно с уверенностью констатировать, что еще задолго до революции 1905 года писатель помогал нашей партии направить соотечественников на «поступки цельные, крупные и дело оживляющие» (Горький).

Кавказ, по утверждению биографов Горького, был благодатной почвой для формирования его мировоззрения и творческих исканий. Этому, с одной стороны, способствовала революционная ситуация в городах и аулах, с другой, близорукость правительства, превратившего этот край в место политической ссылки. К приходу Горького в Тифлис Кавказ уже насчитывал более 50 тысяч пролетариев, являвшихся, по утверждению гениального автора резолюции III съезда РСДРП «По поводу событий на Кавказе»[2], грозной силой в борьбе народов Кавказа с самодержавием. Чутко прислушиваясь к требованиям времени, ранний Горький старался определить свое место в предстоящей схватке враждовавших социальных сил, чтобы с честью выполнить долг писателя-гражданина.

Максим Горький, вопреки заверению его биографов (И. Груздева и др.), пришел в Тифлис не случайно. Он искал и нашел там близких друзей по нижегородскому кружку — Началова, Чекина, Каминскую, чтобы с их помощью окунуться в гущу жизни, проявить свои силы в водовороте происходящих событий. Вскоре Горький убедился, что взгляды его нижегородских друзей отстают от задач и требований современности и

[1] Летопись жизни и творчества М. Горького, т. 1, изд. АН СССР, 1958 г., стр. 87.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953 г., М., стр. 84.

что все это хорошо понимают и трезво оценивают пролетарии тифлисского железнодорожного депо, с которыми в это время он стал общаться. Вспоминая кавказские встречи, Горький писал: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе (Тифлисе—Б. Ф.) сделан мной первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду уже четыре десятка лет»[1].

Общение с пролетариями и передовой интеллигенцией Кавказа убедило Горького в том, что народ найдет выход из создавшегося в стране положения. Эту мысль он энергично распространял среди горцев. Петербургская охранка, перехватившая письмо Горького к поднадзорному студенту Гурию Плетневу, приказала кавказской жандармерии неустанно следить за «длинноволосым агитатором», установившим связи с воспитанниками учительского института и ведущим политическую пропаганду среди рабочих[2]. Особое внимание жандармерия обратила на то, что Горький обещает помощь русского народа в борьбе горцев за освобождение от социального и национального гнета.

Взгляды раннего Горького на противоречия действительности привели его к Ленину, убедившему писателя еще до революции 1905 года в том, что «слияние передовых рабочих с социал-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно»[3], что только марксизм вдохновит миллионы тружеников на борьбу за социалистическое преобразование родины, претворит мечту лучших людей страны в реальность. Эти идеи нашли свое яркое отражение в многосторонней деятельности писателя, сыгравшей, по свидетельству В. И. Ленина, неоценимую роль в формировании сознания масс. Известно, что еще в период революции 1905 года Ленин советовался с Горьким при оценке общественно-литературных событий, привлекал его к активной журналистской деятельности, пропагандировал его сочинения.

Умело сочетая творческую и пропагандистскую деятельность на Кавказе, Горький оставил заметный след в памяти народов этой страны. В своеобразном некрологе «Прощай, великое сердце, прощай, наш буревестник», опубликованном в газете «Заря Востока», рабочий Мерабов вспоминает: «Старые рабочие кожевенных заводов № 1 и № 2 знают Горького еще с 90-х годов

---

[1] М. Горький. Собр. соч., том XXV, стр. 414.

[2] М. Горький писал Г. Плетневу: «Служу на железной дороге, получаю 43 рубля. Вчера был обыск. — Читаю с учениками института и семинарии. Ничему не учу, но советую понимать друг друга. С рабочими в депо железной дороги читаю и разговариваю. Есть тут один рабочий — Богатырович — хорошая фигура, с ним мы душа в душу живем» (Горький. Собр. соч., т. 25, стр. 3).

[3] В. И. Ленин. Собр. соч., т. 4, стр. 329.

прошлого столетия. Более сорока лет тому назад, далеко за городом, на берегу Куры, рабочие собрались, чтобы в беседах облегчить тяжелые мысли. Однажды к нам подошел просто одетый, худой, высокий человек и, точно угадав, зачем мы собрались, стал говорить об угнетателях. Его необычайная простота, обаятельность располагали к откровенным разговорам... В этот день мы так и не узнали, кто говорил с нами, но вскоре я встретил его в железнодорожных мастерских. Здесь-то я и узнал от его друга Вано Стуруа, что его зовут Алексей Пешков»[1].

Преждевременная смерть великого художника оборвала начатую им серию «хроник» о жизни и быте горцев на рубеже двух эпох, но и оставленное им литературное наследство дает четкое представление о дореволюционном Кавказе. Уже в малоизвестном очерке «Разбойники на Кавказе»[2], созданном на основе непосредственных впечатлений, автором дана типичная картина роста сознания горцев в процессе непримиримых социальных конфликтов. С большим драматизмом изображены одиночки-мстители, решавшие по-своему вопросы кривды и правды. Присутствующие при казни труженики сочувствуют осужденным крестьянам, прозванным властями и служителями культа разбойниками. Они стараются ободрить приговоренных, подчеркнуть, что их борьба не пройдет бесследно. Осужденные не просят о помиловании, не ропщут, даже шутят. Они уверены в том, что народ поймет и оценит их, что справедливость восторжествует.

Не разделяя форм борьбы мстителей-одиночек, автор тем не менее рисует их в выгодном свете, гневно протестует против произвола царизма. Незавидна роль палачей, спешащих как можно скорее завершить преступление, замести его следы. «Власти в мундирах» видят, что и солдаты, на штыки которых они опираются, подавлены случившимся, что они «стоят со скучными лицами, точно деревянные, вкопанные в землю».

Пейзаж, занимающий значительную часть очерка и играющий немаловажную роль в раскрытии существа злодеяния, помогает читателю понять, что кровопийцам не уйти от народного гнева и что будущее принадлежит тем, кто видит прекрасное в создании новых форм общественного уклада жизни, основанных на равенстве и дружбе. Горький радовался каждому ростку нового, способствовал его прорастанию, приближению социалистического будущего. Еще на заре своей творческой деятельности писатель был убежден, что «придавленный к земле, окованный цепями рабьего труда, народ поднимет голову».

---

[1] Газета «Заря Востока», Тбилиси, № 142 от 20 июня 1936 г.

[2] М. Горький, «Разбойники на Кавказе», Нижегородский листок, 1896 г., №№ 309, 314, 324, 325 и 327.

Тифлисская жандармерия, шпионившая за Горьким, искала повода для ареста его. Но писатель умело обходил ловушки полиции, становясь опытным конспиратором. Этим и объясняется беспомощность охранки, стремившейся раскрыть деятельность писателя в библиотеке Кайдановой, в Красногорской коммуне и железнодорожном депо. Опасаясь за судьбу Горького, революционные круги посоветовали ему временно покинуть Кавказ. Возвращение Горького с Кавказа отразилось в его рассказе «Едут», где описаны встретившиеся ему волжане, ездившие в Персию на заработки и возвращавшиеся домой. В образе волжан Горький показал не только озорной, но и «литой народ», готовившийся к решительной схватке с эксплуататорами. В рассказе «Едут» автор намекает читателю, что трудящиеся, населяющие неприступные горы Дагестана, поддержат революционные силы России в борьбе с самодержавием.

Примечательно, что марксистский журнал «Просвещение», перепечатавший в 1913 году рассказ «Едут», назвал его, с согласия автора, «По душе». Солидаризация угнетенных царизмом народов, готовившихся к решительному штурму ненавистного социального строя, была марксистам по душе.

Общественно-литературная деятельность писателя в Нижнем была тесно связана с революционными кругами Кавказа. Найденный в вещах арестованного Афанасьева портрет Горького с его автографом послужил поводом для возвращения писателя в мае 1898 года этапом в Тифлис и заключения его в Метехский тюремный замок. Афанасьев и Горький, связанные меж собой не только узами дружбы, но и революционной деятельностью, всячески выгораживали на следствии друг друга. Не добившись веских улик для обвинения писателя в антиправительственной деятельности и убедившись на допросах, что его не удастся сбить с толку и запугать, тифлисская жандармерия вынуждена была освободить Горького из тюрьмы[1]. Горький сделал все, от него зависящее, чтобы вырвать арестованных товарищей из лап палачей: способствовал их побегу из мест заключения, переправлял через границу, помогал деньгами[2]. Письмо писателя от 13 июня 1932 года, адресованное председателю Закавказского ЦИКа Ф. Махарадзе, свидетельствует о прочной связи Горького в дореволюционные годы с подпольем Кавказа: «Уважаемый товарищ, — писал Алексей Максимович, — разрешите ходатайствовать перед Вами о выдаче пенсии Екатерине Авенировне Афанасьевой, 53 лет, жене старого моего товарища по Тифлису —

[1] На рапорте полицмейстера о заключении Горького в Метехский замок тифлисский губернатор написал: «За распространение между рабочими социалистических идей». («Летопись жизни и творчества А. Горького», том 1-й, стр. 210, изд. АН СССР, 1958 г.).

[2] Литературная летопись», Тифлис, 1914 г., № 1—2, стр. 509.

Федора Ермолаевича Афанасьева. Революционную работу Ф. Афанасьев начал в 1892 году, в 96-м был арестован, после тюрьмы и ссылки вернулся в 1903 году в Тифлис, где вел работу среди солдат, имел у себя на квартире типографию, за время с 903 по 917 годы был несколько раз арестован, в 20-м умер, заболев тифом. Жена была верной его помощницей и вполне заслуживает помощи правительства»[1].

Неоднократные посещения Горьким Кавказа в дореволюционные годы, в частности в 1903 году, когда на квартире Афанасьева находилась подпольная типография, объясняются не только интересом писателя ко второй родине, как он называл Кавказ, но и задачами, связанными с подготовкой революции.

Каждый приезд Горького был, по свидетельству современников, важным событием в жизни прогрессивной общественности, видевшей в лице писателя одного из выдающихся выразителей идей освободительного движения на его третьем этапе.

Горький радовался росту революционного сознания народов, населявших Кавказ, разделял их надежды и стремления, делал многое для преодоления их отсталости. Так, в малоизвестном очерке «Праздник шиитов», опубликованном в 1898 году в Нижегородском листке»[2], автор рисует процессию, организованную служителями религиозного культа под покровительством полиции. Объяснив происхождение «праздника» отражением жестокой борьбы враждовавших династий Омейядов и Алидов и раскрыв причины их взаимной ненависти, писатель направил острие пера против вдохновителей фанатизма и вызванного им исступления. Пейзаж Авлабара, дисгармонирующий с безобразным поведением участников процессии, подчеркивает антигуманность происходившего: «Пение постепенно начало принимать характер болезненного вопля, ножи равномерно взлетали в воздухе, и, опускаясь вниз, почти касались плеч и голов, на лицах людей вместе с потом усталости явилось выражение дикого экстаза». С помощью зрительных и слуховых образов автор обращает внимание читателя на то, что не все участники процессии и зрители ослеплены поборниками тьмы, что в толпе раздаются трезвые голоса, отличающиеся от «однообразного воя шиитов». Эти голоса свидетельствовали о прозрении народа и о неминуемой победе света над мраком. Горький убежден, что дети, со страхом озиравшиеся на окровавленные и изуродованные лица фанатиков, найдут защиту не только у плачущих навзрыд матерей. Он утверждает, что это поколение сбросит с себя бремя суеверий,

---

[1] ЦГАОР Гр. ССР, ф. 232, д. 1392, л. 60 Афанасьев был арестован не в 1898, а 1897 году.

[2] «Нижегородский листок», 1898 г., №№ 174, 181.

используемых эксплуататорами для порабощения трудящихся масс.

Показав, как в фокусе, полицейских, разжигавших нездоровые страсти участников процессии, автор очерка подчеркивает, что им не удастся заглушить трезвые голоса, призывавшие к разуму и свету: «И невольно думается,—резюмирует Горький.— что если б эту дивную мощь человека направить не на работу разрушения, а на создание жизни, на творчество новых форм ее, может быть, действительно «поразили бы люди демонов и сами боги удивились бы им», как это сказано в одной хорошей книге».

Немало замечательных строк посвящены Горьким жизни и быту закабаленной горянки. Из описания труженицы гор, которое дает Горький, видно, что она не избежала той тяжелой женской доли, которую метко охарактеризовал Некрасов. Не успев расцвести, горянка отцветала под тяжестью непосильного труда и семейного гнета, определявшихся социальным укладом жизни.

Великий художник сокрушенно говорит, что, обладая внешней и духовной красотой, воспетой многими поэтами, горянка лишена адатами права на любовь и счастье.

Горький не сомневался, что только социалистическая революция освободит горцев от неправильного взгляда на роль женщины в общественной жизни, что она вычеркнет из быта адаты, преграждающие горянке путь к личному и социальному возрождению.

Большой друг народов Кавказа, Максим Горький собирал материалы, чтобы воспроизвести путь горянки — от жертвы эксплуататорского строя до свободной и счастливой женщины многонациональной советской страны. Еще в 1927 году писатель просил издательство «Севкавказкнига» и автора очерков «В старом Дербенте» П. Максимова прислать ему труды о жизни советской горянки, в частности работу Любимова «Как живет и работает женщина на Кавказе» и брошюру «Труженица Востока». В очерках «По Союзу Советов»[1] писателем уже показаны типические черты горянок, вставших в строй активных борцов за коммунизм.

Из переписки Горького видно, что он мечтал написать произведение о горянке, разбуженной Великим Октябрем.

Песни о смелом Соколе, бесстрашном Буревестнике и роман «Мать» помогли горцам понять пути освобождения трудящихся от всех видов угнетения. Эти произведения стали любимыми и популярными в горах, молодежь старалась походить на изображенных писателем положительных героев. Впоследствии Горь-

[1] М. Горький. Собр. соч., т. XVII, М., АН СССР, 1952 г., 113 стр.

кий показал, что горцы могут гордиться и своими Власовыми, неустрашимыми и пламенными борцами, отдавшими себя целиком делу революции. Рассказ писателя о большевике Камо[1], жизнь которого вызвала восхищение Ленина, служит неопровержимым подтверждением типичности и закономерности образов Горького. В экспозиции рассказа о Камо автор предупреждает читателя, что легенды о благородном горце бледнеют перед его реальной биографией. Ради интересов партии Тер-Петросян, не щадя себя, совершал беспримерные подвиги, был готов на любые испытания и муки. Трудно не восхищаться самообладанием Камо, притворявшегося в течение трех лет безумным, чтобы отвлечь охранку от большевистского подполья. Пораженный величием идей и духовной красотой Камо, видный зарубежный эксперт-психиатр подтвердил безумие заключенного, хотя и видел по расширившимся во время пыток зрачкам, что он симулирует умопомешательство.

Вспоминая трагический период своего «безумия», Тер-Петросян признался в задушевной беседе Горькому: «Очень много думал, выдержу или действительно сойду с ума. Они, конечно, свое дело знают, науку свою... А кавказцев не знают. Давайте продолжать: кто кого скорее с ума сведет? Ничего не вышло. Они остались при своем, я тоже при своем. В Тифлисе меня уже не так пытали. Видно думали, что немцы не могут ошибиться». Пламенный революционер и патриот завещал потомкам зорко стоять на страже завоеваний Великого Октября, четко отличать друзей от врагов, особенно тех, которые «нашим языком неправду умеют говорить». К сожалению, писатели Кавказа еще не создали произведения, достойного славных дел Камо.

Переоценка ценностей привела еще раннего Горького к выводу, что для прогрессивного развития литературы нужен новый творческий метод, который будет соответствовать духу времени. Еще на Кавказе писатель ополчился против литературных направлений, пытавшихся увести читателя от насущных проблем века, от конкретных задач современности. Произведения буревестника революции на эстетические темы удовлетворяли читателей Кавказа, так как они отражали учение нашей партии о литературе и искусстве. Следуя Ленину, Горький показал огромное значение художественного слова в осуществлении общепролетарского дела. Подобно Ленину, гениальный пролетарский писатель призывал художников служить миллионам, составляющим цвет и гордость родины.

Созданные Горьким произведения в духе нового реалистического метода, названного впоследствии социалистическим реализмом, оказали благотворное влияние на литературу народов Кав-

[1] М. Горький. Собр. соч., т. XVII, М., АН СССР, 1952 г., 335 стр.

каза. Известный азербайджанский писатель Абдулла Шанг неоднократно вспоминал, что тематика произведений буревестника революции будила в нем интерес к рабочему классу, а сочетание романтизма с новым методом реализма в книгах великого художника пролетариата привело его к творческим дерзаниям и новаторству («Дед Керим», «Кочевка», «Айрым-гызы»). В стиле Горького написаны рассказы Сулеймана Ахундова «Звезда свободы», «Пир» и другие. Идейно-терматически связаны «Кровавый родник» и «Чернявка» Ахундова с рассказами Горького «Хан и его сын» и «Дед Архип и Ленька».

Сулейман Сани Ахундов писал, что революция 1905 года открыла ему глаза на роль Горького в развитии литературы новой эпохи. С мнением А. Шаига и С. Ахундова солидаризировались Ширванзаде, Вартанян, Гомартели и многие другие видные деятели искусств многоплеменного и многоязычного Кавказа.

Писатели Кавказа приветствовали героев Горького, которые видели ясные дали, призывали к борьбе за осуществление прогрессивных идей времени. Многим писателям была созвучна Поля из пьесы «Мещане», осудившая пессимистов и нытиков, вносивших разброд в среду интеллигенции. Передовые силы Кавказа и всей дореволюционной России восхищались пролетарием Нилом, призывавшим единомышленников сокрушить ненавистный эксплуататорский строй и поставить у руля истории тех, кто трудится. Образ Нила был своеобразным эскизом для образа Павла Власова в романе «Мать», заслужившем высокую оценку гениального вождя социалистической революции В. И. Ленина. Образы Нила и Павла ошеломили буржуазию, вызвали в среде интеллигенции немалый переполох. Реакционная критика старалась всячески умалить значение положительных героев Горького, истолковать их в духе выгодных ей абстракций. Она призывала писателя возвыситься до «подлинного искусства», представленного декадентами. Испугавшись перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, реакционеры (Абашидзе и другие) угрожали Горькому бойкотом и травлей. Но, вооруженный идеями Ленина, Горький устами героя пьесы «Мещане» едко высмеял ренегатов-мещан, стремившихся преградить путь пролетариату, задержать ход истории:

Маленькие нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и — уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.
Все хотят дешевенького счастья,
Сытости, удобств и тишины.
Ходят и — все жалуются, стонут
Серенькие трусы и лгуны.[1]

[1] М. Горький. Собр. соч., т. 6, изд. АН СССР. М., 1950 г., стр. 271.

Следуя лучшим традициям властителей дум минувшего века, Горький рекомендовал писателям Кавказа и многочисленных народов Российской империи учесть, что новой эпохе нужны новые песни. Уже в рассказе «Макар Чудра», написанном и опубликованном в Тифлисе, автор воспел дивную мощь простого человека, стремящегося к свободе и счастью.

Пользуясь, в силу цензурных условий, аллегорией, Горький осветил в литературе животрепещущие темы, вложив в уста своих героев смелые и страстные речи, отразившие благородные идеи современности. Художественные средства Горького вызвали немало последователей среди писателей народов Кавказа. Так, например, произведение дагестанского писателя Саида Габиева «Безумец» перекликается с «Песней о Соколе». Воспев в нем «безумство смелых», Габиев заверяет современников, что благородные потомки воздадут должное своим славным предшественникам и осуществят до конца их заветы.

Развенчав отжившее и прислушиваясь к голосу прогрессивных сил современности, Горький призывал писателей к утверждению нового творческого метода, соответствующего требованиям освободительного движения самих масс. Его не смущало, что критики называли его метод романтизмом. Он был уверен, что жизнь уточнит особенности его метода, а литературоведы найдут ему нужное определение. «Да не смущает вас применение термина романтизма к психологии пролетариата. Термином этим, за неимением другого, я определяю повышенное боевое настроение пролетариата, вытекающее из сознания своих сил, и все более усвоенного им взгляда на себя, как на хозяина мира и освободителя человечества. Само собой разумеется, что пока пролетариат строит идеологию — он должен быть строгим реалистом, строящим свои обобщения на фактах действительности»[1].

Черты нового реалистического метода были свойственны не только ранней прозе, но и ранней драматургии Горького, взволновавшей зрителей Кавказа актуальностью тем, необычайной композицией и революционным гуманизмом. Рецензенты газет «Иверия» и «Цнобис Пурцели» услышали в пьесах «На дне» и «Мещане» голос не только протестанта-одиночки, но и обездоленных масс, решившихся на революционный акт. Газета «Квали» расценивала монолог Сатина («На дне»), как самовыражение автора, а утешительство Луки, как проявление толстовства и достоевщины. Передовые силы Кавказа положительно оценили пьесу «Враги», ознаменовавшую начало социалистического реализма в драматургии. Мысли Левшина о «копеечке» нашли отражение в произведениях многих писателей, в частности — дра-

[1] М. Горький, История русской литературы, М., 1939 г., Гослитиздат, стр. 76.

ме Г. Саидова «Лудильщики» и трагедии Сеида Мусеви «Медный рудник», раскрывших на кавказском материале тему непримиримости антагонистических классов и роль пролетариата в общественной жизни. Образ Сеида-Аслана имеет много общего с образами революционных рабочих пьесы «Враги». Оптимистический финал пьесы «Медный рудник» написан в унисон финалу Горького «Враги». Демократический зритель Кавказа, ожидавший с нетерпением постановки пьес Горького, вызвавших в стране массовые демонстрации против самодержавия, понял, что драматург выбирает из действительности общезначительное и типическое, показывает настоящее с позиций будущего. Газета «Новое обозрение» так отразила требования прогрессивных слоев общества к репертуару театров: «Тифлисская публика сочла бы г. Красова за преступника, если бы он не поставил сцен М. Горького, и она была бы права, эта публика, ибо нам необходимо посмотреть сценические произведения современного властителя дум известной части публики»[1].

Еще на заре своей творческой деятельности Горький черпал темы и идеи из кавказского фольклора, отразившего историю и чаяния горцев.

По мотивам устнопоэтического творчества Горьким созданы «Девушка и смерть», «Песнь о Буревестнике» и много других шедевров, занявших по праву видное место в искусстве слова. Гениальный писатель видел в фольклоре основу искусства, а в его творце — художника и философа эпохи, созидателя всех ценностей жизни.

Анализируя сказки народов Кавказа, Горький не только улавливает их взаимосвязь со сказками других народов, но и делает на основе этой связи важные обобщения: «Общность я эту вижу в сказке «Мулла-колдун», которая сюжетно ярко родственна сказкам о попе-оборотне, аббате и жреце-волшебниках. Так как сказки древнее церковной христианской литературы — у нас есть основание думать, что «святые чудотворцы» церкви сочинялись именно по сказкам такого типа, как сказка о мулле, и, наоборот, можно думать, что многие сказки о фокусах волшебников создавались в противовес церковной литературе, по мотивам полемическим и сатирическим»[2].

Фольклор, питающий животворными соками современную советскую литературу, как правильно заметил Горький, взрастил и Сулеймана Стальского. Горький восхищался оригинальными произведениями ашуга, ставшими жемчужинами советской поэзии, национальной по форме и социалистической по содержанию.

---

[1] «Новое обозрение», Тифлис, 1903 г., № 6126.

[2] П. Максимов. Переписка с Горьким, «Молодая Гвардия», 1937, № 6, стр. 55.

Основоположник социалистического реализма советовал ценить и растить писателей, умеющих творчески воспринимать и использовать фольклор, следуя в этом лучшим своим предшественникам. Обратив внимание современников на то, что в творениях выдающихся писателей минувших веков художественные образы, как и в фольклоре, одухотворены глубокой верой в человека, что в них звучит беззаветная любовь к народу и беспредельная ненависть к его врагам, Горький вместе с тем подчеркнул, что в них нет ни одного лишнего слова.

Горький много сделал для популяризации фольклора и творчества художников слова народов Кавказа. Он редактировал произведения азербайджанских, грузинских и армянских писателей, издавал антологии, содействовал молодым талантам в их творческом росте. Весьма примечательна переписка Горького с Н. Канделаки, которого он знал еще по отряду горцев, охранявших его по поручению нашей партии от черносотенцев в 1905 году[1]. Алексей Максимович настойчиво просит Канделаки написать очерк о родной литературе, в котором были бы отражены черты характера и стремления горцев. С аналогичной просьбой он обращался к деятелям искусств других народов Кавказа. Горький был убежден в том, что горцы сами должны писать о себе, что они лучше покажут особенности жизни и быта своих народов. Об этом он, например, писал Сулейману Стальскому. Откликнувшись в 1935 году на просьбу ашуга прислать в Дагестан высококвалифицированных писателей для создания книги о героической истории его родины, председатель Союза писателей СССР М. Горький рекомендует Стальскому привлечь для этой цели творческие силы горцев: «Эта мужественная борьба Дагестана должна быть написана, но мне кажется, что было бы лучше, если б о ней написали сами горцы. Вероятно, в Дагестане сохранились в памяти старых людей, бывших бойцов, боевые песни, рассказы, легенды — вот что и должно быть основой истории вашего края. Наверное, у вас есть хорошо грамотная молодежь, — сделайте так, чтобы она собрала и записала рассказы о прошлом Дагестана, чтобы она нашла документы по истории своей родины и рассказала о ней всем людям Союза Социалистических Республик»[2].

Писатели и историки советского Дагестана уже создали немало интересных книг о стране гор, занявших достойное место в многонациональной советской культуре. Творчество Стальского, Цадасы, Капиева, Гамзатова и других писателей известно далеко за пределами наших границ. Многие дагестанские писате-

---

1 М. Горький, Собр. соч., т. 17, стр. 335.

2 «Сулейман Стальский», Сборник материалов и документов, Махачкала, Даггиз, 1939 г., стр. 59.

ли испытывали на себе благотворное влияние Горького, выразившееся и в характере избранных тем, и в стиле их произведений. Народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров, вносящий свою лепту в дело борьбы за мир, обращает внимание читателя в стихотворении «На страже мира» на то, что он хорошо помнит завет Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Мне Горький завещал перо,
Он мне сказал:
Поэт, пиши!
Перо оружие твое,
Им вражьи крепости круши,
Запомни, что перо твой меч,
И должен ты того рассечь,
Кто дымный факел в руки взял,
Кто хочет мирный кров поджечь»...[1]

Еще в конце минувшего века великий художник-интернационалист сочувственно следил за развитием национально-освободительного движения народов России, неоднократно выступал с осуждением политики царизма по национальному вопросу. Враг великодержавного шовинизма и местного национализма, Горький пропагандировал учение нашей партии о консолидации сил трудящихся всех народов в борьбе с реакцией. Не имея возможности, по цензурным условиям, поместить в газету «Баку» весь очерк «О кавказских событиях»[2], Горький опубликовал его в Женеве. Очерк, напоминающий прокламацию, сыграл немаловажную роль в оценке татаро-армянской резни в 1905 году, спровоцированной агентурой правительства, чтобы отвлечь трудящихся от освободительной борьбы. Уже лирическое введение к очерку вскрывает существо преступления царизма, показывает отношение автора к кавказским событиям: «Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали грузин с татарином и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно было поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе»[3].

В этом произведении автор утверждает, что татаро-армянская резня не исключение, а звено в цепи развернувшихся провокаций царских властей, стремившихся затемнить сознание народов, скованных эксплуататорами по рукам и ногам.

---

[1] А. Гафуров «Светлый путь», Даггиз, Махачкала, 1952 г., стр. 15.
[2] Летопись жизни и творчества А. М. Горького, изд. АН СССР, том I 1958, стр. 540.
[3] М. Горький. Собр. соч., т. 23, АН СССР, М., 1953 г., стр. 337.

Горький не только показывает истинную подоплеку погрома, но и срывает маски с его организаторов. Обнажив звериный облик виновников невыносимых страданий порабощенных царизмом народов, Горький призывает трудящихся к объединению сил вокруг рабочего класса, вышедшего на историческую арену, чтобы освободить человечество от хищников и кровопийц.

В замечательном цикле очерков «По Союзу Советов»[1], созданных писателем по возвращении из Сорренто и после посещения Кавказа в 1928 году, Горький сравнил жизнь и быт горцев дореволюционного и советского Кавказа, показал на убедительных и ярких примерах торжество ленинской национальной политики.

Вместо убогих лачуг рабочих нефтепромыслов, свидетельствовавших о безысходной нищете их обитателей, раскинулись живописные и прекрасные жилища. Вместо предприятий, ассоциирующихся с сосущими кровь хищниками, выросли величественные сооружения, отвечающие требованиям социалистического разума. Труд стал для горцев желанным, творческим, делом чести и геройства.

В эпизоде тушения пожара на нефтепромыслах Горький показал черты советского человека, готового пожертвовать собой для спасения достояния народа. Сравнивая Баку с Неаполем, писатель отдает предпочтение столице Азербайджана, где прекрасный пейзаж города, созданный его обитателями, совершенствуется в соответствии с ростом духовных интересов советского гражданина. Писатель с большим удовлетворением отмечает, что горцы, как и все народы нашей родины, живут свободно и счастливо, что мрачное прошлое кануло в вечность.

Сравнив дореволюционный и советский Кавказ, писатель славит мудрую Коммунистическую партию, совершившую чудесное преобразование страны. Великий Горький особенно рад тому, что дети горцев не знают национальной розни и воспитываются в духе пролетарского интернационализма.

Писатель с удовлетворением отмечает, что социалистическая культура горцев уже оказывает благотворное влияние на весь Восток и что порабощенные империализмом соседние народы пойдут по пути советского Кавказа. Узнав из письма рабкора газеты «Красный Дагестан», что его произведения популярны в стране гор, Горький обрадован, но не удивлен этим. Он дружески разъясняет своему корреспонденту: «Вы понимаете, как я рад знать, что голос мой доходит в «такую глушь». Но, когда в глуши живут и начинают строить новую культуру люди, такие как вы, рабкоры, — селькоры, — «заброшенные углы», значит, перестают быть глушью. — Вы научитесь всему, что знают ваши враги, чем

[1] М. Горький. Собр. соч., т. 17, АН СССР, М., 1952 г.

они хвастаются, но поймете все лучше их, правильнее и глубже. Уверен, что это будет так. Только — усерднее учитесь и живите дружнее»[1].

Горький не ошибся в своем прогнозе. Национальная интеллигенция народов Кавказа внесла значительный вклад в науку и искусство советского народа, стала гордостью всей нашей многонациональной социалистической страны и прогрессивного человечества.

Из истории взаимоотношений Горького с писателями Кавказа выделяются яркие страницы, рисующие его встречи и переписку с Сулейманом Стальским. Ближайший друг и переводчик мудрого ашуга Эффенди Капиев в книге «Поэт» блестяще показал закономерность дружбы двух ровесников, посвятивших свою жизнь людям. «Университеты жизни», воспитавшие Горького и Стальского, сделали их трезвыми реалистами в оценке настоящего и дальновидными в определении пути трудящихся к будущему. Они поняли друг друга с полунамека, так как жили и творили для единой цели, для прекрасного коммунистического будущего.

Преждевременная смерть Горького глубоко взволновала ашуга, влюбленного в гениального учителя советских писателей, и в то же время он, Гомер XX века, понял, что со смертью Горького умножилась его, Стальского, ответственность перед советской литературой и ее читателями.

Разделяя неизмеримую скорбь многонационального советского народа по ушедшему из жизни несравненному художнику и человеку, Сулейман Стальский выразил свою сокровенную думу о нем, прозвучавшую клятвой: «Я обещал ему не щадить своих сил, чтобы слагать достойные времени песни. Он похвалил меня и пожелал здоровья, как и подобает истинному другу... Я потерял зоркого и доброго учителя-друга, имя которого — Максим, так схоже с лезгинским словом «максум», что значит мудрый, постигший все науки... Я помню слово, данное великому Максиму Горькому, и, не щадя сил, тружусь, ибо надо оправдать себя и перед его памятью, как перед совестью своей, быть честным, достойным своего времени и своей обновленной страны»[2].

Немало прекрасных строк написано о Горьком, но они никогда не затмят мудрых слов великого ашуга Дагестана, выразившего сокровенные мысли и чувства дружной семьи народов Кавказа.

---

[1] М. Горький, Собр. соч., изд. АН СССР, 30 том, стр. 46.

[2] «Сулейман Стальский». Сборник материалов и документов, Даггиз, Махачкала, 1939 г., стр. 60—61.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

РОМАН А. БАРБЮСА «ЯСНОСТЬ» И АНТИВОЕННАЯ ТЕМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Н. В. МЕЛИК-САРКИСОВА

Великая Октябрьская социалистическая революция, способствовавшая росту освободительного движения во Франции, во многом определила и судьбы французской литературы. Она содействовала сближению с пролетарским движением столь известных писателей Франции как Р. Роллан, А. Барбюс, А. Франс и сыграла весьма важную роль в воспитании молодого поколения представителей новой революционной литературы.

Вдохновляющее влияние идей коммунизма на А. Барбюса, сделавшегося одним из самых неутомимых деятелей коммунистической партии Франции, проявилось и в эстетических взглядах писателя, и в его художественном творчестве. Продолжая реалистическую традицию прогрессивных писателей XIX века, Барбюс подчеркивал огромное значение литературы в борьбе за освобождение народа.

Французская прогрессивная критика неоднократно отмечала ту роль, которую сыграла книга А. Барбюса «Огонь» в сплочении передовых писателей, выступающих против империалистической войны, и ее влияние на последующую французскую литературу двадцатых годов. Жак Дюкло в 1946 году в речи, посвященной Барбюсу, сказал, что писатель своими книгами подготовил восприятие Октябрьской революции во Франции. Влияние Барбюса тем более ощутимо, что в эти годы во Франции широкое распространение получает антивоенный социальный роман, продолжающий традиции «Огня».

В результате сближения писателя с пролетариатом, начавшегося в годы первой мировой войны, и воздействия растущей советской литературы, принципы социалистического реализма,

к которым он пришел в годы работы над «Огнем», приобретают в его последующем творчестве большую глубину.

В эти годы окончательно складывается его идеал художника-борца; многочисленные статьи, письма и речи Барбюса этого периода проникнуты новым пониманием активной воинствующей роли искусства.

Писатель начал непримиримую борьбу с эстетическими принципами декаданса, требуя, чтобы искусство служило передовым идеям своего времени. «Нужно покончить с временами, когда искусство кичилось «святым эгоизмом», когда художник добывал славу ценой самообеднения и ухода в тюрьму одиночества, — говорил он в июне 1919 года в своей речи «К новым временам». — Общими силами добьемся того, чтобы искусство заняло достойное место в жизни ныне, когда начинаются новые времена, которых мы должны быть достойными»[1].

Эту задачу он ставил перед группой «Клярте» при ее организации. «Мы видим свое назначение в том, чтобы бороться против предрассудков, против услужливо поддерживаемого обмана и прежде всего против неведения, в котором наши правители держат миллионы людей»[2],—писал он. Это же требование выдвигал он перед французскими писателями в статье «Писатели и утопия».

Социалистические идеалы, к которым А. Барбюс пришел в результате глубоких сдвигов, вызванных в его сознании войной, он стремился утвердить и в своем художественном творчестве. В 1919 году им был написан второй роман об империалистической войне — «Ясность», в котором писатель талантливо и правдиво показал, по выражению В. И. Ленина, «повсюду наблюдаемое массовое явление роста революционного сознания в массах»[3]. В лице главного героя романа Симона Полена Барбюс изобразил сознательного революционера, борца за установление нового мира. По-новому разрабатывая традиционный для французской литературы жанр романа личной судьбы, А. Барбюс показал историю духовного роста Полена как процесс ,обусловленный его разрывом с буржуазным миром.

В предшествующей Барбюсу французской литературе XX века, отражавшей протест народных масс против империалистического гнета, усилившийся после русской революции 1905 года, уже встречаются герои, идейные искания которых и неудовлетворенность существующей действительностью нередко перерастают в протест против нее, однако, этот протест даже у столь непримиримого и честного гуманиста как Жан Кристоф, так и

---

[1] А. Барбюс. Избранные произведения. Москва, 1952 г., стр. 441.
[2] Там же.
[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 470.

не приобретает революционного характера, завершаясь всепрощающим примирением. Между тем, в творчестве представителей революционной демократии XIX века Валлеса и Кладеля осуждение капиталистического мира приводило Вентра и Ратаса к полному разрыву с ним и последующему сближению с революционным пролетариатом.

А. Барбюс предстает перед нами как истинный наследник великих идей французской революционно-демократической литературы. Он всегда с глубоким уважением относился к Валлесу и Кладелю. В работе о Золя А. Барбюс называет Валлеса «замечательным автором «Жака Вентра» и «Баккалавра» и резко критикует Гюисманса и Анри Сеара за пренебрежительные отзывы о нем. Отрицательные суждения Золя о политической деятельности Валлеса, якобы ограничивающей свободу творчества, Барбюс объяснял ограниченностью самого Золя, не замечавшего, что в «произведениях последнего (Валлеса — Н. М.-С.) веет более реалистический дух, чем в «Западне»[1]. Сам Барбюс особенно высоко ценил Валлеса именно за то, что он стремился «внести сознание в широкие массы». В литературе Парижской коммуны он мог найти и целый ряд антимилитаристских выступлений. Эжен Потье еще в 1857 году в стихотворении «Война» охарактеризовал войну как важнейшее средство внутренней политики буржуазных государств, пригодное для устранения экономических кризисов и подавления классовой борьбы. Замечательный писатель-коммунар Кладель выступал с обличением захватнических войн еще в рассказах 70-х годов. В этих рассказах он осуждает легальное дезертирство представителей имущих классов («Дровосек»), показывает трагизм положения солдат, воюющих по приказу начальства за чуждые им цели («Три брата», «Нази»). «Быть солдатом, — говорит старый ветеран Франсуа, — хорошо, если приходится драться с врагами или умирать за свое знамя, но об остальном страшно и думать»[2].

Все эти темы, только намечавшиеся в литературе Коммуны, в романах Барбюса о войне получили дальнейшее, более глубокое развитие.

Стремясь к широкому отображению французской действительности в социально-политическом плане, Барбюс в «Ясности» связал историю своего героя с жизнью целого провинциального городка. Затхлому обывательскому миру в романе противостоит пролетариат, его неуклонно растущее самосознание,

---

[1] А. Барбюс. Золя. М.—Л., 1933 г., стр. 129.

[2] Л. Кладель. Очерки и рассказы из жизни простого народа. Санктпетербург, 1877 г., стр. 307.

хотя Барбюс и не показал непосредственно само рабочее движение.

До войны рабочие представляются Полену как чуждая ему масса, живущая непонятными для него интересами. Обывателям известно, что в городе ведется подпольная работа, но они имеют о ней самое смутное представление. «В квартале, за исключением немногих рабочих, которых держат на примете, все ходят к мессе», — рассказывает Полен. И когда на улице появляется жена рабочего, о которой говорят, что она выступает на митингах, обыватели могут сообщить друг другу только то, что «она не верит в бога».

Забастовка на предприятиях Гозланов также представлена в тенденциозных описаниях Полена и его приятелей, но даже в таком освещении ощущается страх, охвативший общество перед выступлением рабочего класса. «В социалистическом подполье давно что-то назревало и вдруг на заводе вспыхнула демонстрация, прокатившаяся по испуганному городу», — рассказывает Полен. Дальнейшая судьба этой забастовки свидетельствует о слабости французской социалистической партии, не имевшей подлинно революционного ядра. Хозяевам удалось напоить рабочих и отвлечь их внимание до прибытия войск. Но даже враждебные рабочим свидетели этой сцены вынуждены признать, что не все рабочие поддались провокации, что «кое-кто еще держится». Обывателям в романе противостоит образ кузнеца Брисбиля. Вечно пьяный Брисбиль изрыгает проклятия всему буржуазному миру, и это единственная доступная ему форма протеста. Он презирает пресмыкающихся перед силой капитала обывателей, знает истинную цену филантропизму; церковную пропаганду называет он «грязным делом», а викария отравителем. Он понимает и настроения Полена, бедняка, тяготеющего к «приличному обществу». «Ты такой же несчастный голодранец, как и твои товарищи, — говорит он ему, — но буржуазные идеи крепко в тебя въелись». Именно от него, от этого опустившегося пьяницы, Полен впервые слышит призывы к борьбе против империализма, узнает о приближении русской революции.

Несколько необычный облик этого пропагандиста революционных идей на первый взгляд может вызвать обвинение в искажении самого революционного движения. Однако исключительная ситуация, возникающая в романе с появлением Брисбиля, является лишь особой формой раскрытия одного из типических явлений жизни предвоенной Франции — возрастающего влияния социализма на широкие массы. Тот факт, что революционные идеи захватили даже пьяницу Брисбиля, фигуру явно не типичную для революционного пролетариата, свидетельствует о широком распространении социалистической пропаганды

во Франции. Брисбиль вовсе не выдается автором за революционера, в его лице представлена та муть, которая поднимается волной всякого широкого народного движения, но не принимает в нем действительного участия. Анархическая форма протеста Брисбиля — результат влияния неизжитых анархо-синдикалистских течений на рабочее движение Франции, вызывавших дезорганизацию и деморализацию пролетариата.

Поставив перед собой задачу показать рост революционной сознательности трудовых масс, Барбюс уделяет главное внимание одному из важнейших этапов этого процесса — войне 1914—1918 гг. Писатель непосредственно наблюдал обострение социально-политических противоречий в годы войны и сосредоточил свое внимание на раскрытии ее революционизирующего воздействия на общественно-политическую борьбу тех лет.

Разгул шовинистической стихии в предвоенные годы охватил и Вивье, город Симона Полена. Подготовка к войне носит там столь цинично откровенный характер, что в сентябре 1913 года в городе устраиваются торжественные военные маневры, на которые по официальному приглашению приезжают военные корреспонденты и даже австрийский принц. Реваншистское общество «Национального пробуждения» постоянно устраивало «патриотические собрания», газеты были переполнены реваншистскими призывами, фабриканты подбирали «поучительную» литературу для рабочих, священники убеждали народ не протестовать против нищеты и войн и во всем положиться на волю бога.

Чиновник военного министерства развертывает целую программу дальнейших действий правительства по подготовке новых войн: «Наука военной подготовки еще в зачаточном состоянии, — говорит он — Мы принимаем спешные меры, но это организация, рассчитанная на долгий период... В будущем мы начнем обучать их с детства»[1]. Сын местного богача Жозеф Бонеас, возглавляющий «Общество национального пробуждения», также предвидя в будущем эпоху новых войн, рекомендует не ограничивать свой кругозор нынешним конфликтом и учиться военной организации у Германии.

Тема легального дезертирства «окопавшихся» в тылу определяется в романе полярностью интересов народа и господствующих классов. Все те, кто призывал к реваншу, в день мобилизации оказываются зрителями. Жозеф Бонеас стал жандармским офицером, граф д'Оршам—лейтенантом запаса, учитель фехто-

[1] Барбюс А. «Огонь. Ясность», стр. 504.

вания, щеголяя безукоризненным мундиром действующей армии, остался в городе по льготе.

Те главы, которые посвящены изображению войны, содержат в себе ситуации, уже знакомые читателям по роману «Огонь». Война рассматривается Барбюсом как преступление против природы: она отнимает у человека все радости жизни, уродует цветущие поля, превращает юные прекрасные создания в чудовища с вывороченными внутренностями. «Война грязнит поля, как лица и души», — говорит Полен. И все-таки именно ужасы войны заставляют солдата прозреть и помогают ему обнаружить своего самого опасного врага — милитаризм. Шовинистический угар рассеивается на фронте очень быстро. Солдаты начинают сознавать, что раз эта страшная война губит их, она гибельна и для Франции, потому что «Франция — это французы».

Задумываются они и над тем, кому эта война выгодна. «Возьми крупных промышленников, — говорит один солдат Полену,— они, говорят, наживают на этой войне сотни миллионов франков в день»[1]. В процессе развития темы прозрения солдатской массы все чаще начинает появляться образ Термита. Следует помнить о том, что на протяжении всего повествования характеристику Термита дает не автор, а Полен, который и на фронте долго не может избавиться от старых оценок жизни и людей. Как и все обыватели, Полен долго считает Термита браконьером, но, вернувшись с фронта, узнает, что, очевидно, браконьерствовал не он. Нельзя верить Полену и тогда, когда он называет Термита анархистом. Никаких достоверных сведений о принадлежности Термита к анархизму у него нет, он повторяет только то, что говорят обыватели, как известно, всегда причисляющие к анархизму всех, кто выступает против буржуазных порядков. Сам Термит называет себя интернационалистом. Отвечая на вопросы товарищей, он говорит, что пошел на фронт добровольцем для того, чтобы разоблачать поджигателей войны.

Даже тенденциозные описания Полена характеризуют Термита как опытного агитатора: Термит говорит и жестикулирует как на общественном собрании, его карманы всегда полны социалистическими газетами. Он видит искания солдат, их попытки осмыслить причины свох бедствий и настойчиво призывает их сделать это своими силами. «Нужно думать своей головой, а не чужой», — говорит он. С такими же призывами выступал и сам Барбюс в своих публицистических статьях. «Истина в тебе, в твоем разуме, в твоей совести, — писал Барбюс. — Нужно лишь распознать ее, помоги себе сам». И далее: «Поднимись

[1] Барбюс А. «Огонь. Ясность», стр. 396.

своими собственными силами — только своими силами, ты хорошо это усвоил?»[1].

Растущие симпатии солдат к Термиту, у которого они ищут разрешения всех своих сомнений, свидетельствуют о неуклонном тяготении солдат к социализму, о начале революционного брожения на фронте.

На протяжении всего романа история Симона Полена продолжает оставаться в центре повествования. Образ главного героя дается в развитии. Вслед за Жюлем Валлесом Барбюс продолжил новую во французской литературе линию романа о воспитании. Процесс духовного роста главного героя «Ясности» непосредственно связывается с историей воспитания его революционного сознания. Однако известное пренебрежение Валлеса к революционной теории в романе «Жак Вентра» заставило его при создании образа революционера обратить внимание главным образом на «воспитание чувств» своего героя. Приход Вентра в ряды коммунаров вследствие этого воспринимается как закономерный результат с детства назревающей в его сердце ненависти к несправедливым общественным отношениям, порожденной личными несчастьями героя. Барбюс же воплотил в образе Полена синтез революционной мысли и глубоких человеческих чувств, обязательный для литературы социалистического реализма.

Симон Полен — сын рабочего. Мелкий конторщик на фабрике богачей Гозланов, он почти не отличается от общей пролетарской массы ни образом жизни, ни положением в обществе, ни даже внешним обликом. Не случайно его тетка мечтает о том, чтобы для служащих фабрики завели специальные значки, по которым их можно было бы отличить от «простых рабочих».

Развращающее влияние буржуазии, стремившейся путем различных подачек купить верхушечные слои рабочего класса, имеет чрезвычайно большое значение в дореволюционной жизни Симона. Он испытывает завистливое почтение к богачам и презрение к таким же беднякам, как он сам — черта, весьма типичная для различных кругов буржуазии. Однако он сам постоянно ощущает свою неполноценность как член буржуазного общества. Он одинок, у него нет друзей: «С одними я уже не могу дружить, другие со мной еще не хотят дружить».

Рассказывая историю Симона Полена, Барбюс постоянно подчеркивает типичность и самого героя, и окружающей его жизни: «Квартал наш похож и на все города, и на все деревни, и на все, что видишь повсюду. В малом — это образ всех человеческих обществ вселенной, как моя жизнь — образ каждой жизни», рассуждает Полен. Обыватель Полен впитывает в себя

[1] Барбюс А. Речи борца. Москва, 1924 г., стр. 9.

все заблуждения, предрассудки и традиции окружающей его мещанской среды. Он верит всему, что твердит тетушка Жозефина, верит и тому, что внушают ему Крильон, господа Гозланы, Жозеф Бонеас. Он верит в то, что слепую, беспризорную девочку Антуанетту скоро вылечат, верит тому, что Термит браконьер и анархист. Он твердо усвоил, что «богатые нужны», что «войны всегда были и будут», что «есть две породы людей — бунтари и люди приличные». Все те, кому он с детства привык верить, убеждают его в том, что он должен жить такой же жизнью, как все, должен сделаться таким же, как другие. «Берегись быть непохожим на других», — говорит ему тетка. «Я не хочу отличаться от людей, — откровенничает Крильон. — Если я кое-как и свожу концы с концами, так это потому, что я такой же, как другие»... Под влиянием таких уроков Симон безропотно принимает существующий порядок вещей как незыблемый и справедливый. «Я не хотел бы слишком больших перемен, — признается он. — В глубине сердца я хотел бы, чтобы ничто не тронуло ни печки, ни крана, ни коричневого шкафа, ничто не изменило бы условий моего привычного вечернего отдыха»[1].

Это косное, оцепенелое существование, отягощенное грузом привычных представлений и готовых, получаемых от окружающей среды верований, мешает Симону правильно понимать истинный смысл жизни. Он только регистрирует события, происходящие в городке, замечает их внешние стороны, не постигая сущности, не задумываясь над причинами, которые их вызывают. Он посещает шовинистические манифестации, не понимая их цели, радуется подавлению забастовки потому, что все «порядочные люди» боятся рабочего движения, ходит смотреть на военные маневры в сентябре 1913 года как на любопытное зрелище.

С течением времени «благонамеренный» образ жизни Симона Полена и его неизменная лойяльность начинают приносить желанные плоды: Симону назначают солидное жалованье и даже незначительную долю прибылей. Каждый месяц он может откладывать немного денег («как и все») и становится человеком с положением («наконец-то!»).

Но где-то в тайниках его сердца зреет глубокое, неосознанное недовольство. Симон чувствует, что он «никому по-настоящему не нужен», и ему в тридцать пять лет кажется, что жизнь кончена. Сам Симон не связывает гложущее его разочарование с несовершенством социальной жизни. Он по-прежнему благоговеет перед правительством и богачами и в день объявления

[1] Барбюс А. Огонь. Ясность, стр. 315.

войны в порыве патриотического рвения записывается в число добровольцев.

Ужасы войны, свидетелем которых Симон сделался на фронтах, сначала погасили его воодушевление. Все чаще и чаще его охватывает растерянность, у него начинают возникать сомнения, и он жалеет, что рядом с ним нет такого наставника, как реваншист Бонеас.

Постепенно война всецело овладевает им, и он начинает изнемогать от ее тягостных будней. Он изнывает от усталости после томительных переходов, дважды в ночь ходит в наряд, его изводят маршировками и учениями, ему читают приказы о расстреле его товарищей, он постоянно слышит неумолимый голос, внушающий ему волю его хозяев: «Вперед! Так надо!»

Полный переворот в мыслях и чувствах Полена происходит в момент атаки, после того, как он впервые увидел убитого им врага. Брошенный на поле битвы вместе с другими ранеными, среди разноязычных криков и стонов, ржания погибающих лошадей, он впервые начинает постигать истину, которая всегда от него ускользала, оставляя лишь свой призрак. Забыв все уроки ненависти Бонеаса и Маркассена, он смотрит на обнажившееся, посиневшее сердце убитого им человека и задает себе мучительный вопрос: за что он убил его?

Этот эпизод, с которого начинается процесс сознательного прозрения Полена, обнаруживает бесспорное сходство с рассказом Гаршина «Четыре дня».

В 1889 году во Франции был издан сборник рассказов Гаршина «Война», в котором был напечатан и рассказ «Четыре дня». Сборник вызвал большой интерес у французских читателей. Предисловие к нему написал Мопассан. Ромен Роллан отметил появление рассказов Гаршина о войне в своем дневнике, в записи от 16 июня 1889 года[1]. В рассказе «Четыре дня» Гаршин показал прозрение солдата, принимавшего участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Герой рассказа, тяжело раненный во время сражения, в течение четырех дней пролежал рядом с убитым им солдатом противника, раздумывая над смыслом совершившегося. «Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? — спрашивает он самого себя. — Быть может у него, как и у меня, есть старая мать? Чем же он виноват? И чем виноват я, хотя я и убил его? Чем виноват я?»[2].

Эти же вопросы мучат и Полена. «Это он! Это я! — восклицает Полен, глядя на обезображенный его штыком труп. — Он

---

[1] Роллан Р. Из дневников и писем. Иностранная литература 1955 г. № 1, стр. 131.

[2] Гаршин В. М. Сочинения. М.—Л., 1951 г., стр. 21.

не подает голоса из тех вечных бездн, где он был мне братом по немоте и неведению»[1].

Так же, как Гаршин, Барбюс изображает прозрение героя не как молниеносное озарение, а как сложный психологический процесс. И рядовой Иванов, и Полен забыты товарищами после боя на месте сражения, оба видят труп убитого ими человека и перед лицом этого страшного зрелища стараются понять сущность войны, переосмыслить прошлую жизнь, которая проносится перед ними в бредовых видениях. Они вспоминают дом, прощание с родными. «Я слышу голос Марии, она стоит, затем садится за стол... Где я? Где Мария? — бредит Полен.

«Быть может кости не тронуты; меня вылечат. Я увижу родных, мать, Машу...»[2] мечтает изнемогающий от голода и ран Иванов.

Среди хаоса мыслей, вопросов, неясных ощущений особенно настойчиво всплывает в их сознании картина жестокого убийства животного, которое в прошлом не вызывало никаких чувств, но теперь ассоциируется в их восприятии с преступным истреблением живых существ на войне.

Иванов вспоминает раздавленную собачонку, которую равнодушно добил на глазах у любопытной толпы дворник. Полену представляется охота, «олень-детеныш, истекающий кровью на потеху всем».

В обоих произведениях образ убитого неизвестного врага приобретает значение символа самой войны.

Отмеченное сходство сюжетных ситуаций и обстоятельств, возникающих при их последующем развитии, свидетельствует о том, что лучшие образцы предшествующей антивоенной литературы оказывали определенное воздействие на настроения и чувства писателя, но там, где Гаршин, выступавший до распространения марксизма в России, мог противопоставить войне только пацифистский протест против убийства, Барбюс, писатель эпохи Великой Октябрьской Социалистической революции, при разработке антивоенной темы обнажил социальные корни войны. Потрясенный сознанием собственной преступности, осенившим его перед трупом убитого им немца, Полен вспоминает все то, что он слышал о войне от окружающих. «Вперед! Так надо! Не спрашивай», — слышит он команду унтер-офицера Маркассена.

«Война всегда была, значит она всегде будет», — успокоительно кивает ему из прошлого ремесленник Крильон. «Как красиво и как все воинственны во Франции», — шепчет его жена, Мария, любуясь парадом. Но все голоса прошлого заглушаются пророческими словами Термита. Полен вспомина-

---

[1] Барбюс А. Огонь. Ясность. стр. 447.
[2] Гаршин В. М. Сочинения, стр. 23.

ет призывы Термита «думать своей головой», помнить, что пропаганда империалистов направлена на разобщение народов, бороться с настоящими виновниками войн—королями.

Прозрение Полена окончательно завершается после возвращения с фронта. Теперь он страстно обличает союз церкви, капитала и милитаризма и установленный им правопорядок. «Везде и всюду я вижу отсутствие бога, — говорит Полен, который раньше не пропускал ни одной мессы. — Священники и сильные мира всегда тесно связаны... Они устанавливают авторитеты, они утаивают свет». С возмущением смотрит он на надменную маленькую Эвелину, богатейшую наследницу, сравнивая с ней нищую Антуанетту, ее жалкую ровесницу. На их судьбах он, наконец, постигает сущность и причины социальных контрастов, создаваемых властью капитала. Если раньше он считал Жозефа Бонеаса своим учителем, то теперь он отказывается подать руку этому поджигателю войны, озабоченному подготовкой грядущей бойни.

Сделав основной темой романа революционную перестройку сознания масс, Барбюс показал влияние этого процесса на все области жизни. Политическое развитие Полена, которое началось на фронте, определяет и развитие его характера. Полен начинает по-новому относиться к женщине, к чувствам, к семейным обязанностям. Он сознает теперь, что подлинная свобода требует уничтожения всякой эксплуатации человека человеком, в том числе и эксплуатации женщины в семье: «Когда спадут с женщин социальные и политические цепи, свобода человеческая сразу вырастет вдвое», — говорит он.

Новый гуманный взгляд на женщину проявляется в изменении отношения Полена к жене. Он убеждается в том, что Мария способна так же глубоко чувствовать и так же разумно мыслить, как и он. Возвратившись с фронта, он рассказывает Марии о своих новых настроениях и убеждается в том, что его мысли встречают у нее живой отклик, что она «носит в себе какой-то свет, что она что-то понимает».

Вследствие особенностей сюжета Барбюс более подробно, чем в романе «Огонь», останавливается на изображении представителей эксплуататорских классов. Каждый из отрицательных персонажей предстает как типичное порождение определенных социально-исторических условий, но их личные судьбы в романе почти не раскрываются. Очерчивая образы этих персонажей, писатель пользуется преимущественно средствами иронии, гиперболы и гротеска.

Хищничество и паразитизм капитала воплощаются в образе кабатчика Фонтана. У Фонтана бледное жирное лицо, подбородок многоярусный, как живот Будды, рыхлые щеки, урчащий, вечно жующий рот. Настойчиво подчеркиваемые в портрете

средствами гиперболы тучность и обжорство Фонтана являются внешним проявлением его хищничества.

Весьма интересен образ одного из идеологов буржуазии Жозефа Бонеса. Жозеф заводит знакомства среди обывателей, посещает рабочие квартиры, создает шовинистическую организацию, используя каждую возможность для пропаганды войны. Идейный замысел определяет и его портрет. Бледное, испитое лицо Бонеаса, его тонкая шея и руки покрыты отвратительными, никогда не заживающими гнойниками, которых не могут скрыть ни изящное белое кашне, ни расшитый воротник офицерского мундира. Внешний облик Бонеаса, таким образом, соответствует его внутренней сущности представителя разлагающихся классов.

Противопоставляя буржуазному миру пробуждающиеся народные массы, Барбюс широко использовал прием антитезы при группировке образов и описаний отдельных событий. По принципу антитезы даны образы Маркассена и полярно противоположному ему Термита. Яростной ненависти Маркассена ко всем, кто против реванша, противостоит в романе ненависть Термита к поджигателям войны. Маркассен жертвует жизнью для того, чтобы продемонстрировать перед солдатами свою готовность умереть во славу Франции. Но жертва его бесполезна: «Он умер, как идиот», — говорят солдаты. Благородное и сознательное мужество Термита вызывает всеобщее уважение. «Вперед, так надо, не спрашивай», — говорил Маркассен в ответ на все жалобы и вопросы солдат. «Уничтожь войну», — отвечает на те же вопросы Термит, указывая солдатам конкретный путь борьбы за жизнь и свободу.

Противопоставление двух миров ощущается в рассказе о слепой Антуанетте и двенадцатилетней наследнице замка.

Садизм австрийского принца, развлекающегося убийством животных, особенно подчеркивается гуманизмом бедняка Эйдо, выходившего раненую лань. Эти столь часто встречающиеся отдельные противопоставления облика, поступков и чувств людей, принадлежащих к различным социальным кругам, способствуют более глубокому раскрытию общей антитезы народа и эксплуататорских классов.

В обоих романах Барбюса о войне весьма важную роль играет коллективный герой — солдатская масса. Существование Полена в дни войны определяется жизнью всего коллектива. В главах, посвященных войне, повествование ведется от лица всей солдатской массы. Лишь изредка Полен передает свои личные размышления. Барбюс не останавливается в этом романе на детальном описании растущих сомнений солдат. Помимо бесед, которые ведет на фронте Термит, приводится лишь одно рассуждение неизвестного солдата, отражающее общее недо-

вольство войной. В главах, посвященных войне, очень большое место занимает подавление недовольства солдат и те меры, которые применяло начальство для того, чтобы отвлечь солдатскую массу от всех ее сомнений, помешать ей осмыслить свое положение. «Вперед, так надо, не спрашивай!» — эти слова становятся лейтмотивом рассказа о войне, в них заключается особый, скрытый смысл. Они должны парализовать подспудно растущее сопротивление масс, которое прекрасно передается атмосферой зловещего, выжидательного молчания, воцарившегося на фронте. Эти пронзительные, как лай, окрики «Вперед! Вперед!» солдаты слышат во всех случаях своей окопной и боевой жизни. Они слышат их на стоянках, в вагонах, в ходах сообщений, от Маркассена, от капитана, друг от друга.

В последних главах романа наблюдается характерное для стилистической манеры Барбюса сочетание глубокого лиризма и публицистичности. Оно имеет место главным образом в пространных лирических отступлениях, обращенных к «народу всего мира». Симон Полен, от лица которого исходят эти взволнованные обращения, рассказывает о своих прошлых заблуждениях и вдохновенно предсказывает рождение нового мира. Четко и ясно определяя программу борьбы за «Истину Интернационала», он, обращаясь к Народу всего мира, ставит перед ним целый ряд задач, которые ему предстоит решить в будущем: «Ты разоружишь страны, Ты придашь идее родины то социальное значение, которое она должна иметь... Ты не допустишь права собственности государств на колонии... Ты сохранишь существование частной собственности лишь в малых размерах — в форме трудовой собственности живых...»[1].

Разговорные интонации, риторические вопросы, обращения, частые повторения и усиления, характерные для ораторской речи, придают лирическим отступлениям романа большую взволнованность и страстность.

Умение показать развитие характера нового человека, обусловленное сдвигами в его сознании, использование новых художественных средств, к которым прибегает автор с целью максимального воздействия на читателя, свидетельствует о больших творческих завоеваниях писателя, о дальнейшем развитии его реалистического метода. Однако и в этом романе ощущаются трудности, с которыми сталкивался писатель, при попытках претворить идею революционного переустройства мира в образную художественную форму. Желая показать на двух-трех страницах историю человечества, Барбюс по-импрессионистски пред-

---

[1] Барбюс А. «Огонь. Ясность», стр. 512.

ставил ее в виде серии символических картин, появляющихся в бредовых видениях раненного Полена. Классовая борьба в таком освещении предстает в символическом столкновении воды и огня, в сражениях первобытного человека за свой костер, свои глаза и свою грудь.

В статье, посвященной творчеству Барбюса, Жан Фревиль, указывая на значение романа «Ясность» для современности, писал, что Барбюс, выступив в этом романе с героическим протестом против войны, выдвинул одну из существеннейших проблем Франции сегодняшнего дня — пробуждение сознательности у мелкого служащего, мелкого буржуа, который поднимается до точного понимания социальных фактов и становится революционером[1].

Антивоенная тематика во французской литературе после первой мировой войны стала приобретать все более широкое распространение. Этому способствовало своеобразие самой исторической обстановки, складывавшейся в стране в эти годы. Сразу же после окончания войны французские империалисты приняли участие в походе Антанты против Советской России, в 1923 году был оккупирован Рур, 1925 год был отмечен в истории французского империализма колониальными войнами в Марроккo и Сирии.

Растущей агрессии противостояли силы мира. Французская коммунистическая партия, выражая стремление масс, решительно боролась против попыток реакции создать новые очаги пожара. Естественно, что во французской литературе 20-х годов продолжает развиваться традиция антивоенного романа, начатая Барбюсом и в наши дни возрождающаяся в произведениях Арагона и Армана Лану.

Влияние Барбюса на последующую антивоенную литературу объясняется прежде всего тем, что Барбюс связал изображение первой мировой войны с важнейшими социальными сдвигами, происходившими в сознании всей нации.

Почти одновременно с «Ясностью» были опубликованы три значительных антивоенных произведения Ромена Роллена: повесть «Пьер и Люс» (1920), аллегорическая пьеса «Лилюли» (1919) и роман «Клерамбо» (1920). Все три произведения так или иначе все еще были отягощены грузом прежних пацифистских и индивидуалистических настроений, писателя, но в них уже ощущалось начавшееся пробуждение человечества, вызванное войной и Великой Октябрьской революцией.

Аллегорическая сатира «Лилюли», написанная, как считал сам Роллан, в аристофановской манере, поражает разящей

---

[1] Duclos I., Freville I., Henri Barbusse, P. 1946, p. 32.
[2] Гаршин В. М. Сочинения, стр. 23.

силой своих разоблачительных тенденций и ненавистью писателя к милитаристской буржуазии. В дневнике военных лет Роллан писал, что «Лилюли» была рождена его ненавистью к демагогическим формам борьбы империалистического правительства за власть. Разоблачая причины захватнических войн, Роллан обращался к массовому зрителю, к народу, для которого он стремился найти «гибкую и широкую форму,» способную вместить комическое и трагическое начало и бурное движение масс. Народность темы определила форму произведения. Писатель создал весьма своеобразную театрализованную сатиру с характерными для античной комедии аллегоризмом и бурным вторжением в эту аллегорическую фантастику злободневных публицистических обличений. Различные эпизоды пьесы создают остро драматические коллизии, возникавшие и в романах Барбюса, и в его публицистических статьях. Вот два народа, урлюберлоши и галлипулеты, нарушив границы, сливаются в одно существо с тысячью рук и одним любящим сердцем, и вот те же народы, понукаемые Дипломатами, Общественным мнением, Иллюзией-Лилюли, убивают друг друга в общем водовороте тел, как та «единая великая армия человечества», которая в «Огне» «сама истребляет себя». Здесь же мы встречаемся и с образом вероломного и двуличного бога, уже знакомого нам по произведениям Барбюса. Один из героев «Огня», летчик, пролетавший над линией фронта, был потрясен возгласами «С нами бог!», доносившимися до него на французском и немецком языках. В сатире Роллана бог, разгуливая на передовой линии, поочередно переодевается в мундиры обоих воюющих армий. «Господь с нами!» — кричат, завидев его, галлипулеты; «Der alte Gott!» — восклицает через некоторое время караульный урлюберлошей, пропуская переодевшегося в немецкий мундир бога через мост.

Мировоззрение Барбюса в тот период было гораздо более прогрессивным, чем мировоззрение Роллана. Рабочий в «Лилюли», например, на призывы «тучных» проникнуться ненавистью к врагам отвечает, что в сердце его нет ненависти ни к врагам, ни к самим «тучным». Там, где Барбюс видел новые грандиозные перспективы мировой революции, у Роллана победно бушует хаос войны, поглощающий и сражавшиеся народы со всеми их сомнениями, и Полишинеля, в образе которого, по словам писателя, нашел свое воплощение «спасительный смех».

В маленькой повести «Пьер и Люс» Ромен Роллан останавливается на изображении разрушительного начала войны, направленного на уничтожение самой жизни — тема, которая с такой силой раскрывается в романах Барбюса. Символом этого тлетворного, губительного воздействия войны на человечество в повести Роллана является смерть двух чистых, впервые полю-

бивших существ, погибающих во время бомбардировки Парижа.

В отличие от предшествующих писателей-пацифистов Роллан отметил тот перелом, который вызывает война в сознании ее участников. Старший брат Пьера, молодой ученый Филипп, ослепленный в начале войны демагогической пропагандой освободительной миссии Франции, в результате личного участия в сражениях отрешился от всех прежних шовинистических иллюзий и вспоминал о них со стыдом и болью[1].

С глубоким чувством говорит писатель о печальной участи молодых французов, чья юность совпала с войной, чьи чувства были раздавлены ею. Среди эпизодических героев повести оказывается молодой революционер Бернар Сессэ, отличающийся благородным и восприимчивым умом. Вопреки пацифистским установкам автора, он проповедует революционный выход из войны: «Не представляя себе ясно, в чем именно может состоять спасение, он видел его в решительном изменении общественного строя. Он ненавидел войну, но с радостью пожертвовал бы своей жизнью в классовой борьбе»[2].

В романе «Клерамбо» раскрывается трагедия бесплодного пацифистского протеста против войны.

Герой романа, известный поэт Клерамбо, прославлявший силу и справедливость французского оружия, после гибели своего единственного сына, мучительно пережив прежние заблуждения, решает бороться с законом вечной войны. Политические взгляды Клерамбо сумбурны и противоречивы. Сердце его отказывается принять пролетарскую революцию. Ему кажется, что рабочий класс, придя к власти, объявит себя властелином и гордо потребует от интеллигенции рабского повиновения пролетарским вождям[3]. Клерамбо возмущает политический радикализм революционеров, он осуждает программу их борьбы, предполагавшую лишение буржуазии права собраний и свободы слова и печати. Вместе с тем он сочувственно относится к «русской Свободе», порывает с официальными кругами и стойко борется против войны.

Война в романе также изображается как истребление народов. Ее сущность предстает в видении Клерамбо в образе несчастных жертв Войны, уничтожающих друг друга, вместо того, чтобы объединиться[4].

---

[1] Роллан Р. Сочинения. М., 1956 г., т. 7, стр. 298.
[2] Там же, стр. 340.
[3] Роллан Р. Сочинения, Л., 1932 г., т. XI, стр. 217.
[4] Там же, стр. 206.

«Одна половина человечества пожирает другую, — «думает приехавший в отпуск сын Клерамбо, Максим. Подобно героям Барбюса, присматриваясь к толпе полицейских, фабрикантов оружия, расфранченных дам-патронесс, под влиянием уроков войны Максим начинает понимать, что все эти люди — его враги.

Близость к Барбюсу обнаруживается и в высказываниях самого Роллана, противопоставившего прозорливость и правду Барбюса каннибальской поэзии поэтов-тыловиков, воспевавших «святую бойню»[1].

Как указывает сам писатель, он хотел, использовав современный сюжет в духе философских опытов Возрождения, показать переворот в сознании человека, вызванный войной, как историю заблуждения и просветления человеческого ума, стремящегося к правде. Обратившись к такому жанру, Роллан широко использовал публицистические отступления для характеристики настроений общества, разъяснения собственных философских и политических взглядов и размышлений героя. Эта подчеркнутая публицистичность, весьма характерная для французской литературы XX века, в том числе для Барбюса и самого Роллана, в романе «Клерамбо» иногда приводит к неоправданной замене художественного отображения жизненных конфликтов философскими рассуждениями. Между тем, отступления «Огня» и «Ясности» возникали по ходу развития действия и подчеркивали выводы, к которым приводила сама сюжетная ситуация.

С революционным протестом против войны выступили в эти годы и молодые писатели Поль Вайян-Кутюрье и Раймон Лефевр. В послевоенной прозе Поля Вайяна-Кутюрье неизменно затрагивается тот круг идей, который впервые во французской литературе был освещен Барбюсом в обоих его антивоенных романах.

В небольшой повести «В отпуске» (1919 год) Поль Вайян-Кутюрье изображает прозрение участника войны — мотив, столь часто разрабатываемый Барбюсом. На последних страницах повести возвращающиеся на фронт солдаты-отпускники, разглядывая из окна вагона целый город строящихся военных заводов, особенно ясно понимают, что жертвы, приносимые ими на войне, идут лишь на умножение капиталов «четырех или пяти бандитов». Настоящее лицо войны, ничуть не похожее на «усыпляющие сказки больших газет», представлено в серии фронтовых рисунков талантливого художника Фабра: «Здесь лица, искаженные грязью от долгого пребывания в окопах, с которых стерты признаки ума; здесь животная усталость тех,

[1] Роллан Р. Сочинения, т. XI, стр. 94.

кто жив; здесь ужас коленопреклоненных, которых расстреливают... бесконечная грусть искаженных, развороченных пейзажей, убожество отощавших кляч»[1].

Герой повести, рассматривая эти рисунки перед отъездом на фронт, остро ощущает необходимость появления правдивой книги о войне. Эта жажда правдивого и честного искусства проявляется и в «Письмах моим друзьям» (1920 г.). Писатель радостно приветствует зарождение «молодой литературы новых времен», вдохновляемой «вольным дыханием, силой мысли, уходящей всеми корнями в самые гущи масс»[2]. Он убежден в том, что все честные художники, перенесшие испытания войны, всегда будут разоблачать происки милитаризма силами искусства.

В 1919 году Поль Вайян-Кутюрье, вместе с другом своим Раймоном Лефевром, выпустил сборник рассказов «Солдатская война», написанных, как отмечалось французской и русской критикой, под большим влиянием Барбюса. Вслед за Барбюсом авторы книги называют солдат-фронтовиков «пролетариями войны». Все идейные мотивы «Солдатской войны»: противопоставление «пролетариев войны» бездарному и трусливому офицерству, разоблачение комедии суда над мнимыми дезертирами, критика шовинистической пропаганды, призыв к революционному выходу из войны — действительно свидетельствуют о большой близости молодых писателей к Барбюсу. В антивоенных романах Барбюса впервые в мировой литературе правдивое изображение войны сочеталось с марксистским анализом ее исторического значения для жизни всего народа. Именно поэтому Вайян-Кутюрье и Лефевр, обратившись к антивоенной теме, творчески развивают новаторские принципы Барбюса.

В рассказе «За кулисами военного трибунала» Вайян-Кутюрье, прикомандированный во время войны на некоторое время к военному трибуналу в качестве адвоката, нарисовал чрезвычайно типический образ трусливого и бездушного чиновника, который, пользуясь полной безопасностью на фронте, с наслаждением подписывал смертные приговоры солдатам за мнимое дезертирство. Характерен сам облик «господина правительственного комиссара» — это подтянутый, вылощенный офицер, который носит сзади пустую кобуру. По утрам, после спокойного сна, он бреется, пьет шоколад и совершает прогулки в сторону передовой, собирая трофеи, по возвращении обедает у генерала и «готовит дела». На заседаниях трибунала этот рьяный поборник дисциплины закуривает папиросу и требует смертной казни.

---

[1] Вайян-Кутюрье П. Избранное. Л., 1939 г., стр. 143.
[2] Там же, стр. 76.

Бездарность высшего командования, последствия которой столь страшны на фронте, раскрывается в рассказе «Манифестация». По приказу какого-то «Юпитера из главного штаба» на передовой в честь вступления Италии в войну устраивается торжество с пением «Марсельезы» и артиллерийскими залпами, в результате которого бессмысленно тратятся скудные запасы снарядов и гибнет много солдат.

Главным достоинством рассказов является их антиимпериалистическая направленность. Все пролетарии войны тяготятся своим положением солдата империалистической армии и мечтают об окончании войны. Писатели показали, как глухое недовольство солдат перерастает в осмысленный протест против войны, которая, в конце концов, предстает перед ними в своем настоящем значении, как преступление против народов, совершаемое империалистами ради их личных целей («Оскорбление армии», «Дезертир»).

Резкое осуждение войны звучит и в сказке Вайяна-Кутюрье «Жан—без—хлеба» (1921). Герой этой своеобразной фантастической сказки с политическим сюжетом — сын погибшего солдата-бедняка, странствуя с храбрым Зайцем и двумя Куропатками, встречает людей, пославших на смерть его отца. Это раскормленный, как жирная свинья, заводчик; полусонный генерал, похожий на карнавального быка, который сам «никогда не сражается, но заставляет сражаться других»; напоминающий жабу епископ, благословляющий солдат на убой. Этот враждебный народу союз церкви, капитала и военщины, с разоблачением которого выступает Вайян-Кутюрье, неоднократно подвергался углубленной и разносторонней критике в романах Барбюса.

Страшная война, начатая по воле этого союза, во время которой Генрих-бедняк должен сражаться с Иваном-горемыкой, кончается по воле народа. Солдаты воюющих армий отказываются воевать за интересы плутов. Звучат возгласы «Долой войну!», «Да здравствует революция!», слышатся имена Ленина и Либкнехта.

Реалистическая сила изображения фронтовых будней и воздействия войны на сознание масс в романах Барбюса была так велика, а революционное осмысление внутренних причин войны столь справедливо, что в лучших произведениях французской антивоенной литературы последующего периода неизменно ощущается благотворное влияние автора «Огня» и «Ясности».

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОЦЕНКЕ ПРОГРЕССИВНОЙ ПРЕССЫ США

И. К. ЖУРАВЛЕВ

Мировое значение русской и советской литературы, оказавшей значительное воздействие на прогрессивную литературу США так же, как и на другие зарубежные литературы, обусловлено особенностями исторического развития нашей Родины.

На Западе после 1848 года наступает период упадка буржуазного общества. Это была, по выражению В. И. Ленина, «всемирно-историческая эпоха, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»[1]. Эти условия объясняют широкое распространение во второй половине XIX века в ряде европейских стран реакционных философских школок, а также различных антиреалистических течений в литературе, зачастую оказывавших губительное воздействие на творчество писателей Запада.

В России, где капитализм стал интенсивно развиваться лишь после 1861 года, а буржуазия, пресмыкавшаяся перед царизмом, не играла значительной роли в политической жизни страны, передовые общественные течения были более тесно, чем европейские, связаны с борьбой народа, — с крестьянским движением, направленным против крепостного права и помещичьего землевладения, и с нараставшим в последней трети XIX века громадными темпами рабочим движением. Отмечая успехи освободительного движения русского народа, Маркс и Энгельс еще в 1882 году указывали, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. 18, стр. 10.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 601.

Поэтому русское освободительное движение, в отличие от западно-европейского, никогда не вступало в полосу длительного застоя, а развивалось по восходящей линии. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И.Ленин, говоря о трех этапах освободительного движения в России, связанных с передовым дворянством, разночинцами и революционным пролетариатом, которые налагали свою печать на движение, подчеркивает преемственность русских революционных традиций.

Особенности общественно-политического развития России, шедшей быстрыми темпами к революции, получили яркое отражение в литературе. Передовая русская литература, теснее чем на Западе связанная с общественно-политической борьбой, растет и крепнет по мере роста освободительного движения в стране и выхода на политическую арену все более демократических классов.

Во второй половине XIX века русская литература выдвигается на первое место в Европе и Америке. Произведения русских писателей, получившие широкое распространение за рубежом, встречают восторженную оценку в среде деятелей культуры Запада, отмечающих их гуманизм, демократичность, высокую эстетическую ценность.

Игравшая важнейшую роль в освободительном движении в России передовая русская литература по мере своего распространения в зарубежных странах начинает приобретать все большее значение в общественно-политической борьбе против реакции и оказывать воздействие на творчество зарубежных писателей.

Мировое значение Октябрьской социалистической революции сказалось и в благотворном влиянии молодой советской литературы за рубежом. Произведения советских писателей, изображающие народ творцом истории, показывающие действительность в революционном развитии, не могли не влиять на передовую зарубежную литературу. Опираясь на опыт советской литературы, передовые писатели зарубежных стран успешно решают задачу овладения методом социалистического реализма.

В работах зарубежных исследователей (Р. Геттман, Л. Ахнебринк и др.)[1] собрано немало данных, свидетельствующих о глубоком интересе деятелей культуры США к произведениям русской классической литературы. Вместе с тем нельзя пройти мимо того, что литературоведы либерального толка, отмечая популярность русских писателей лишь среди буржуазных читателей, изучая воздействие русской литературы главным образом на буржуазных писателей, создают одностороннее пред-

[1] R. A. Gettman. Turgenev in England and America. Urb. 1941. L. Ahnebrink. The beginnings of Naturalism in American Fiction, Uppsala, 1950.

ставление о том, как принимают русскую литературу в Америке. История американской литературы подтверждает, что настоящими учениками и последователями русских классиков были не буржуазные писатели США, не признававшие социального значения русской литературы, а лучшие представители критического реализма.

В советском литературоведении воздействие русской и советской литературы на культуру зарубежных стран изучено недостаточно, вследствие чего в исследованиях, посвященных творчеству Ф. Достоевского, М. Горького, В. Маяковского, о мировом значении этих писателей часто говорится вообще, без привлечения и анализа конкретных фактов. Статья М. Мендельсона «Сила правды» (Знамя, 1948 г., № 1) и монография Т. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого» являются первыми работами, в которых на значительном фактическом материале раскрывается роль русской литературы в общественной и культурной жизни США.

Настоящая статья основана на материалах передовой американской прессы, что позволяет проследить распространение советской литературы в США, а также изучить восприятие произведений советских писателей не только передовыми деятелями американской культуры, но и представителями трудящихся. Лишь собрав и обобщив эти материалы, можно объединенными усилиями советских и зарубежных исследователей решить вопрос о сложном и многостороннем воздействии советской литературы на передовую культуру и общественную жизнь США.

С творчеством основоположника литературы социалистического реализма А. М. Горького американские читатели знакомятся еще в начале XX века, когда в США появляются первые переводы его произведений. После выхода в свет в 1901 году одновременно в двух переводах повести «Фома Гордеев» М. Горький, наряду с Л. Толстым, становится одним из наиболее популярных в США русских писателей. В период с 1901 по 1910 год в Америке выходит 28 отдельных изданий произведений Л. Толстого и 12 изданий книг М. Горького.

Широкое распространение в Америке начала XX века произведений М. Горького объясняется главным образом тем, что в них получили наиболее полное воплощение особенности нового художественного метода, зарождающегося в мировой литературе.

Примыкавшие в начале XX века к социалистической партии деятели культуры США, стремясь создать образ борца против социальной несправедливости, часто испытывали влияние натурализма. Материалы передовой прессы США свидетельствуют о том, что произведения М. Горького содействовали обращению

американских писателей к социальной тематике, а также преодолению натурализма в изображении жизни трудящихся, характерного для большинства художников, приходящих в литературу в конце прошлого столетия.

Одним из наиболее ранних откликов на произведения М. Горького в Америке является статья Д. Лондона «Фома Гордеев», помещенная в ноябре 1901 года в журнале «Импрешенс». Собственные связи с рабочим движением помогли Д. Лондону первым в США понять и оценить социальное значение творчества М. Горького. «Он поднял голос в защиту отверженных и презираемых, — писал Д. Лондон о Горьком, — он обличает мир торгашества и наживы, протестует против социальной несправедливости, против жестокого насилия над бедными и слабыми, против злодеяний богатых и сильных, совершаемых ими в бешеной погоне за богатством и властью»[1].

Д. Лондон сумел увидеть новое в творческом методе Горького, те черты, которые отделяли его от представителей критического реализма. «Его реализм более действителен, чем реализм Толстого и Тургенева, — писал Д. Лондон. — Его реализм живет и дышит в таком страстном порыве, какого они редко достигают. Мантия с их плеч упала на его молодые плечи, и он обещает носить ее с истинным величием»[2].

Особенно популярным творчество Горького в Америке сделалось после появления романа «Мать», оказавшего громадное революционизирующее воздействие на читателей и на творчество передовых американских писателей. Роман, напечатанный в журнале «Эпльтон Мегезин», а затем в 1907 году дважды изданный отдельно, вызвал множество откликов в Америке. Пресса социалистической партии США в эти годы оценивает Горького как величайшего прогрессивного писателя мира, сумевшего при изображении трудящихся избежать влияния натурализма. В феврале 1908 года журнал «Интернешенел сошелист ревью» отмечал: «Ни один из современных писателей, кроме Горького, не нарисовал так резко темные стороны жизни пролетариата; вместе с тем, ни один из современных писателей не проявляет такую благородную, глубокую веру в пролетариат, такую чистую любовь по отношению к нему»[3].

Октябрьская социалистическая революция, впервые в истории уничтожившая эксплуатацию человека человеком, наложила свой отпечаток на важнейшие стороны общественной жизни зарубежных стран. Одним из проявлений мирового значения Октябрьской социалистической революции является воздейст-

---

1 Д. Лондон. Избранное. Москва, 1951 г., стр. 681.
2 Д. Лондон. Избранное. Москва, 1951 г., стр. 684.
3 International Socialist Review. February, 1908, p. 457.

вие советской литературы на общественную и культурную жизнь США, которое растет по мере ознакомления американцев с произведениями советских писателей и развития общественного движения в стране.

Выступая за литературу нового типа, отличающуюся от литературы прошлого не только по тематике, но и по своему художественному методу, марксистские критики США широко опирались на опыт советской литературы. В передовой американской прессе двадцатых годов подчеркивается выдающаяся роль произведений советских писателей для политического воспитания американских трудящихся и формирования литературы нового типа в Америке. М. Голд писал в 1926 году: «Французская литература внедрила совершенно новый стиль в английскую литературу. Эта революция была революцией не только в политике так же, как и русская революция, чего не хотят признать наши литературоведы. Это была также революция в культуре, оказавшая неизбежное воздействие на литературу. Нынешняя революция рабочих неизбежно окажет влияние на нашу культуру и переделает ее заново. Иначе и не может быть. В Советской России это уже происходит»[1].

Несмотря на заговор молчания вокруг литературы Советской России, организованный буржуазной прессой и издательствами[2], американцы уже в 20-е годы знакомятся с рядом выдающихся произведений советских писателей. Газета «Дейли Уоркер» и журналы «Либерейтор» и «Нью Мэссис», пропагандируя достижения социалистического общества, регулярно печатают произведения советской литературы и рецензии на книги советских писателей, появляющиеся в США. Значительную роль в распространении советской литературы в Америке сыграло созданное в 1925 году издательство «Интернешенел паблишерс», опубликовавшее большинство произведений советских писателей, напечатанных на страницах передовой прессы. В 1930 году издательство выпускает антологию «Голоса Октября», в которой были представлены лучшие образцы советской литературы, а также высказывания В. И. Ленина о культуре и резолюция ЦК ВКП(б) о литературе, принятая в 1925 году.

Пламенным пропагандистом советской литературы в Америке выступил В. Маяковский, в качестве туриста посетивший в 1925 году США. Во время трехмесячного пребывания в Америке Маяковский неоднократно (свыше двадцати раз) вы-

---

[1] New Masses, Oct. 1926, p. 7.

[2] Коммерческие издательства в двадцатые годы, как правило, игнорировали существование советской литературы, делая исключение лишь для М. Горького, чьи произведения пользовались мировой известностью.

ступает перед американскими трудящимися с докладами о советской литературе и с чтением своих произведений.

Многочисленные отклики в печати на приезд Маяковского в США, его выступления перед рабочими, пользовавшиеся большим успехом, свидетельствуют о возросшей популярности советской литературы в Америке, а также о росте и укреплении передового общественного движения в стране.

Американская коммунистическая печать широко освещает пребывание Маяковского в США. 2 октября 1925 года «Дейли Уоркер» посвящает приезду советского поэта в Америку редакционную статью, в которой отмечается народный характер развивающейся в Советском Союзе новой культуры. «Все враги революции объединились в нападках на Советский Союз, — говорится в статье. — Все они утверждают, что революция принесла с собой только разруху. Ничего нового не создается, утверждают они. Но, несмотря на эти утверждения, на наших глазах растет новый мир.

Новое крепнет, а старое гниет не только в области материального прогресса, не также в науке, литературе и поэзии... Новое здесь растет, несмотря на трудности, созданию которых усиленно способствует капиталистический мир. Новое здесь создается для широких масс трудящихся, а не для группки паразитов, как в других странах. Товарищ Маяковский — один из творцов нового. Это певец масс, певец революции. Добро пожаловать в наш город, товарищ Маяковский!»[1].

В январе 1926 года журнал американской компартии «Уоркерс Мансли» печатает стихотворение «Потрясающие факты» (перевод Д. Макца), первое из переведенных на английский язык в США произведений В. Маяковского, положившее начало ознакомлению широких кругов читателей с творчеством советского поэта.

Одним из первых прозаических произведений молодой советской литературы, с которым знакомятся американцы, является повесть Ю. Либединского «Неделя», печатавшаяся ежедневно с 16 февраля по 15 марта 1924 года на страницах начавшей выходить с января этого же года газеты «Дейли Уоркер». Отклики на повесть Ю. Либединского свидетельствуют о том, что уже

[1] Daily Worker, October 2, 1925, p. 6. «Добро пожаловать, тов. Маяковский!» (Заглавие статьи дано на русском языке. Здесь же на русском языке напечатано стихотворение В. Маяковского «Наш марш»).

Материалы «Дейли Уоркер» показывают, что выступления советского поэта перед рабочей аудиторией неизменно пользовались большим успехом. «Полная энтузиазма толпа горячо приветствовала Маяковского», — говорится в заметке «Последнее появление Маяковского в Чикаго», остающейся неизвестной нашим исследователям, об одном из выступлений советского поэта, на котором присутствовало более тысячи человек. (Daily Worker, Oct. 20, 1925, p. 6).

на раннем этапе своего развития советская литература воспринималась американскими читателями как важный фактор в социальном воспитании трудящихся. В статье Ф. Делла, помещенной одновременно в «Дейли Уоркер» и журнале «Либерейтор», отмечается значение повести не только для развития американской литературы, но и для социалистического движения в стране. Несколько преувеличивая художественные достоинства повести, рецензент пишет: «Неделя» — великая повесть и это наша повесть, не только потому, что в ней рассказывается о России, центре наших революционных надежд, но и потому, что она рисует революционное движение, в котором мы сами принимаем, хотя и скромное, участие. Эта повесть — событие в нашей жизни и в нашей литературе. Это, конечно, не первое значительное произведение, в котором правдиво и с силой рисуется дело революции, но это первое произведение, которое показывает не только мечты, борьбу, страдания революционеров, а революционеров, успешно занимающихся работой»[1].

В повести Либединского, «прокладывающей новый путь в литературе», Ф. Делл отмечает черты нового, более высокого по сравнению с критическим реализмом, художественного метода. «Он видит драму революции не сквозь очки Тургенева или Чехова, — пишет рецензент, — он не будет искать «типичных русских» классической литературы, которые несомненно существуют, но не представляют теперь большого значения... Великое искусство прошлого было трагическим, так как с индивидуалистической точки зрения жизнь — трагедия. Но сейчас пришло время, когда на жизнь можно смотреть по-другому, и в революционном искусстве настоящего, которое предвосхищает искусство будущего, на нее необходимо смотреть по-другому. Смерть этих мужчин и женщин в повести Либединского не становится трагедией... Они составляют часть движения, которое победит, даже если в настоящий момент наступает временное поражение; они принадлежат этому движению и в жизни и в смерти, и триумф движения — их триумф. Книга Либединского в этом отношении предвещает новое понимание искусства, так же, как и жизни»[2].

Пропаганда советской литературы в передовой прессе США особенно усиливается в 1929 году, когда американская реакция в поисках выхода из надвигающегося кризиса готовит военные провокации против Советского Союза.

Произведения советских писателей, печатающиеся на страницах «Дейли Уоркер», помогали компартии США бороться за мир против поджигателей войны.

---

[1] Daily Worker, Jan. 25, 1924, p. 2—The Liberator, Jan. 1924, p. 29.
[2] Там же.

В редакционной статье «Дейли Уоркер» от 13 апреля 1929 года прямо указывается на огромную роль советской литературы в освободительной борьбе народов. «Рабочим США трудно представить себе громадное значение и вдохновляющий характер литературы Советского Союза, — говорится в статье. — Против ежедневных потоков ядовитой клеветы, изливающейся в США, растет ежедневный поток правды о революционной борьбе трудящихся в Советском Союзе и во всем мире, выходящий из печати в первой республике рабочих и создаваемый писателями, думающими прежде всего о защите завоеваний большевистской революции и победе мирового пролетариата. В это время «Дейли Уоркер» усиливает борьбу по ознакомлению своих читателей с лучшими произведениями русской литературы»[1].

В 1929 году «Дейли Уоркер» печатает «Цемент» Гладкова, «Ташкент — город хлебный» и «Марья-большевичка» Неверова, «Голубые города» А. Толстого, «Правонарушители» Сейфуллиной и другие произведения советских писателей.

Наибольшим успехом в США пользовался роман А. Гладкова «Цемент», печатавшийся на страницах «Дейли Уоркер» с 1 мая по 19 августа 1929 года.

В начале 1929 года в реакционном журнале «Либерти» появился антисоветский роман «Красный Наполеон», рисующий войну между Советским Союзом и США. В ответ на эту вылазку поджигателей войны газета опубликовала роман А. Гладкова «Цемент». «Правда о русских рабочих и крестьянах на страницах «Дейли Уоркер», — отмечалось в газете, — явится противоядием против капиталистического яда»[2].

Действительно, роман Гладкова, изображающий мирное строительство советского народа, восстановление хозяйства, разрушенного войной, явился лучшим опровержением клеветнических измышлений поджигателей войны. Чрезвычайно показательно, что за то время, когда печатался роман Гладкова, тираж газеты заметно увеличился. Рабочие в письмах в редакцию газеты отмечают значение «Цемента» в борьбе против антисоветских выступлений реакционной прессы США.

Опыт советских писателей, несомненно, помог передовым американским художникам в борьбе за литературу нового типа. Однако пролетарским писателям США в двадцатые годы не удалось создать значительных произведений социалистического реализма, выдержавших испытание временем. Отсутствие в американской литературе двадцатых годов крупных художественных произведений социалистического реализма, наряду с другими причинами, объясняется широко распространенным

[1] Daily Worker, April 13, 1929, p. I.
[2] Daily Worker, April 10, 1929, p. I.

среди пролетарских деятелей культуры сектантским отношением к литературному наследству, а также общей теоретической слабостью марксистской литературной критики США.

Борясь за создание пролетарской литературы, героем которой является человек из народа, ведущий борьбу против капиталистической эксплуатации, марксистская критика США в двадцатые годы стремилась приобщить к художественному творчеству широкие массы трудящихся.

Однако борьбе за народность литературы в двадцатые годы мешало слишком узкое, сектантское понимание некоторыми марксистскими критиками принципа классовости литературы. В самый термин «пролетарская литература» они вкладывали весьма ограниченное содержание, считая, что пролетарским писателем может считаться лишь художник, вышедший из рабочей среды, пишущий только о рабочем классе и читаемый рабочими. «Настоящий пролетарский писатель обязан не только писать о рабочем классе, его читателями должны быть рабочие. Настоящий пролетарский писатель не только обязан отображать жизнь пролетариата, но его произведения должны быть проникнуты духом социального протеста»[1], — утверждал в 1929 году М. Руссак. Упрощенное понимание принципа классовости литературы, свойственное ряду марксистских критиков, проявилось также в нигилистическом отношении к творчеству демократических писателей прошлого и настоящего, не стоящих на позициях революционного пролетариата. Так, выступая за создание пролетарской литературы, М. Голд полагал, что она будет создана на голом месте, и решительно отказывался от освоения лучших традиций передовой культуры. В одном из первых номеров журнала «Нью Мэссис» он провозгласил: «Забудем о прошлом, о Шекспире, Данте, Шелли и даже Б. Шоу. Перед нами девственный путь, который был неизвестен им»[2].

Сектантские взгляды на искусство находят свое выражение и в оценках произведений советских писателей, появившихся на страницах коммунистической прессы США

После Октябрьской социалистической революции передовые деятели американской культуры указывали на непосредственную связь советской литературы с лучшими произведениями русских писателей XIX века. В 1919 году Д. Рид в предисловии к роману «Дым», раскрывая социальное значение произведений И. С. Тургенева, писал: «Громадный интерес, который вызывали книги Тургенева в России, частично объясняется тем, что все они имели дело с политическими проблемами»[3]. Именно поэтому

---

[1] New Masses, Jan 1929, p. 13.
[2] New Masses, June 1926, p. 20.
[3] Turgenev. Smoke. Introduction by J. Reed. New York, 1919, p. X.

по мнению Д. Рида, они и после Октябрьской революции не потеряли своей силы и актуальности. «В России в настоящее время советское правительство, — писал он, — выпустило собрание сочинений Тургенева и люди читают их с тем же чувством восхищения перед мастерством писателя, с той же симпатией к его героям и с тем же интересом, с каким они изучают исторические работы о веке, который навсегда ушел в прошлое»[1].

Однако некоторые критики, отрицая значение классического наследия для развития прогрессивной литературы, нередко на страницах «Дейли Уоркер» и «Нью Мэссис» противопоставляли советскую литературу всей предшествующей ей русской литературе. «Современная советская литература, — писал Х. Стивенс, — полностью порвала с традицией, и ее реализм отражает только отношение писателей (и рабочих) к жизни»[2].

Недооценка литературного наследия, имевшая место на страницах передовой прессы, встречает серьезные возражения среди читателей и деятелей американской культуры. Требуя, чтобы революционные писатели обратились к изучению лучших традиций в литературе прошлого, они опираются на высказывания В. И. Ленина о культурном наследии, а также на опыт советской литературы, высоко оценивающей художественные достижения классиков. Выступая против сектантского отношения М. Голда к культуре прошлого, читатель Д. Нитс в июле 1930 года писал: «Майкл, по-моему, не представляет себе диалектики исторического развития. Он проявляет наивный нигилизм, огульно, бессмысленно восставая против всего, что напоминает о прошлом, о «старой культуре». Это опасная тенденция у революционера»[3].

Сектантские взгляды на литературу и искусство были преодолены в марксистской критике в тридцатые годы, когда под влиянием подъема освободительного движения в стране, а особенно после перехода компартии США к новой тактике объединения передовых общественных сил, с большей остротой встает вопрос о роли демократического литературного наследия в борьбе против реакции и фашизма. Тесно связывая освоение литературного наследия американского народа с проблемой национальных демократических традиций, марксистская критика вскрывает прогрессивное содержание творчества классиков литературы. Изменяется на страницах передовой прессы также

---

1 Там же, стр. XII.

2 Daily Worker, June 6, 1927, p. 6.

3 New Masses, July 1930, p. 23. Полемизируя с М. Голдом, читатель приводит отрывки из резолюции ЦК ВКП(б) от 1925 г., в которой говорится о необходимости борьбы «против легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству».

отношение к современным критическим реалистам, сближающимся в этот период с освободительным движением в стране.

Процессу изживания сектантской ограниченности в марксистской критике США содействует советская литература, которая пользуется в тридцатые годы широкой популярностью в США. Учитывая громадное значение творчества М. Горького в деле революционного воспитания трудящихся, передовая пресса в тридцатые годы проделала большую работу по популяризации в США произведений основоположника советской литературы. «Произведения Горького, — отмечала в 1934 году газета «Дейли Уоркер», — побудили тысячи рабочих вступить в пролетарскую армию борцов. Этот великий писатель является организатором масс»[1].

Большую воспитательную роль играет в эти годы «Мать» М. Горького. Рабочие в письмах в редакцию «Дейли Уоркер» неоднократно называют эту повесть в числе своих любимых произведений. Отмечая роль, которую сыграла в ее жизни «Мать», писательница М. Пейдж вспоминает: «Многие из нас, подобно рабочим сталелитейных заводов Питсбурга, помнят о книге, которая «открыла глаза на мир». Со мной это случилось, когда в библиотеке южного городка я наткнулась на «Мать» Горького, — книгу, которая, вероятно, более всех других пробудила в миллионах чувство протеста и сделала ясной их дальнейшую жизнь»[2].

Изучение творчества М. Горького и советской литературы помогло революционным писателям США преодолеть сектантскую концепцию пролетарской литературы, имевшую хождение в двадцатые годы. Если раньше пролетарским писателем признавался лишь художник, вышедший из пролетарской среды и изображавший в своем творчестве только пролетариат, то в 30-е годы «пролетарским» признается писатель, борющийся за овладение методом социалистического реализма. В июне 1936 года журнал «Нью Мэссис» писал: «Пролетарский писатель должен придерживаться марксистских взглядов, поддерживать борьбу рабочего класса и выражать свои надежды и убеждения при помощи метода, названного «социалистическим реализмом», который отличается от реализма буржуазных писателей тем, что он не только отражает объективную действительность, но и представляет ее в революционном развитии»[3].

В начале тридцатых годов в США наблюдается значительный рост революционной литературы под влиянием все усиливающейся борьбы трудящихся против капиталистического раб-

---

[1] Daily Worker, Jan 6, 1934 p. 9.
[2] Daily Worker, March 20, 1935, p. 9
[3] New Masses, June 30, 1936, p. 8.

ства и обращения к политической жизни широких слоев американского народа. Рабочие, занимающиеся художественным творчеством, объединяются в клубы Джона Рида, созданные в крупнейших городах страны. Произведения молодых писателей, в центре которых стоит человек из народа, способствуют в этот период социальному воспитанию американских трудящихся.

Однако художественная незрелость произведений молодых писателей, вышедших из рабочей среды, в значительной степени ограничивала воспитательное воздействие их творчества; рисуя историю своей жизни или стачечную борьбу, в которой он принимал участие, писатель часто лишь фиксировал события, отказываясь от отбора и типизации явлений действительности. Революционным писателям США в период кризиса не удается создать яркий полнокровный образ американского коммуниста, а также показать роль компартии в общественно-политической борьбе.

Многочисленные отклики на произведения советских писателей, появляющиеся в этот период в США, свидетельствуют, что советская литература помогала молодым революционным писателям вырабатывать художественные принципы изображения людей из народа, выступающих против капиталистического рабства. Вспоминая о воздействии, которое оказывала в тридцатые годы советская литература на молодых писателей, Ф. Боноски писал: «Читая «Тихий Дон» Шолохова, «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, романы Леонова, Катаева, Эренбурга и, конечно, произведения незабываемого Горького, мы испытывали чувство открытия нового мира. Мы столкнулись с новаторской литературой, героями которой были люди новой эры, мы сами. Эти произведения волновали нас до глубины души, мы их жадно поглощали, внимательно изучали и строили наши еще не написанные книги по их образцу»[1].

Среди произведений советской литературы, пользовавшихся наибольшей популярностью в США, Ф. Боноски не случайно первым называет «Тихий Дон». Роман Шолохова, изданный в США в 1934 году, вызвал горячие споры среди передовых деятелей американской культуры. Как показывают отклики на роман, «Тихий Дон» содействовал преодолению в среде молодых писателей ограниченного, сектантского понимания принципа партийности литературы, при котором нарушалась художественная логика развития образов, а герои становились рупорами авторских идей. Роман М. Шолохова, развивающий лучшие традиции русской литературы, также показал молодым писателям, зачастую пренебрежительно относившимся к культуре прошлого, что подлинное новаторство предполагает использо-

[1] Masses and Mainstream. April 1954, p. 47.

вание всех художественных достижений литературы критического реализма. «Молодые писатели, стремящиеся создать революционную литературу, — писал Л. Денен, — должны внимательно прочесть роман Шолохова о знаменитых донских казаках. «Тихий Дон» является еще одним подтверждением того, что можно объективно рисовать великие социальные конфликты и изображать классовую борьбу, не обязательно изобретая новые литературные формы»[1].

На примере произведений советских писателей марксистская критика США показывала, какие творческие возможности таит в себе метод социалистического реализма. Так, раскрывая новаторские черты в романе М. Шолохова «Поднятая целина», проявившиеся в тематике произведения, рисующего простых людей, строящих социализм в деревне, а также в средствах и способах психологического изображения героев, Б. Фильд приходит к выводу, что «этот роман является выдающимся образцом социалистического реализма»[2].

Популярность советской литературы в Америке резко возрастает после нападения фашистской Германии на Советский Союз и создания антигитлеровской коалиции. Стремясь понять причины небывалого в истории героизма советского народа в борьбе с вооруженными до зубов фашистскими захватчиками, широкие слои американского народа обращаются к русской и советской литературе. Идя навстречу пожеланиям читателей, буржуазные издательства начинают регулярно печатать произведения русских и советских писателей.

На страницах передовой прессы США в годы войны публикуются лучшие произведения советской литературы. Так, 22 июля 1942 года газета «Дейли Уоркер» начинает печатать роман В. Катаева «Я сын трудового народа». Роман, рисующий победоносную борьбу трудящихся Украины в 1918 году за изгнание с советской земли немецких захватчиков, звучал весьма актуально в 1942 году, когда значительная часть Советской Украины была занята немецко-фашистскими оккупантами. Широкие отклики в США вызвал роман И. Эренбурга «Падение Парижа», печатавшийся в «Дейли Уоркер» в июле 1943 года. Читатели в письмах в редакцию газеты сообщают, что роман «Падение Парижа» помог им понять антифашистскую сущность второй мировой войны и значение общенародной борьбы против фашизма. Читатель Н. Г. пишет: «Роман Эренбурга помогает понять новости на первой странице (газеты — И. Ж.). Махинации некоторых деятелей нашего государственного департамента становятся ясными, когда знакомишься с макиавелистической

[1] Daily Worker, July 13, 1934, p. 5.
[2] Daily Worker, Nov. 14, 1935, p. 7.

политикой Тесса, одного из «героев» Виши в «Падении Парижа»... «Падение Парижа» — это школа политического воспитания. Прочесть роман — значит яснее понять события следующей недели»[1].

После окончания войны и перехода американских правящих кругов к «твердой» политике по отношению к Советскому Союзу, буржуазные издательства начинают все реже печатать переводы из советской литературы, а реакционная пресса делает все возможное для того, чтобы замолчать или исказить произведения советских писателей. Общая тенденция реакционной печати — объявить книги советских писателей антихудожественными, противопоставить им русскую литературу, не имеющую якобы ничего общего с литературой советской.

Особенно отчетливо эта тенденция проявляется на страницах ведущего литературного журнала американской реакции «Сатерди ревью ов литератур». Клеветнически утверждая, что в советской литературе нет ничего «достойного упоминания»[2], журнал пропагандирует наиболее слабые произведения Достоевского. В том случае, если книга советского писателя получила настолько широкую популярность в США, что ее нельзя замолчать, реакционная критика стремится истолковать ее в реакционном духе.

Так, вышедший в 1945 году большим тиражом роман К. Симонова «Дни и ночи», пользовавшийся громадной популярностью в США, буржуазная пресса в целом оценивала положительно. Однако буржуазные критики единодушно постарались затемнить общественный смысл романа, представив его лишь как историю любовных отношений капитана Сабурова и медсестры. «Это трогательная история любви», — утверждала рецензентка журнала «Нью-Йорк Геральд Трибюн Ревью» Э. Эванс.

В послевоенные годы, выступая против антисоветской политики американских правящих кругов, передовая пресса регулярно печатает статьи о Советском Союзе, а также пропагандирует книги, правдиво рисующие жизнь советских людей. Большое значение в борьбе против «холодной войны» приобретают произведения советской литературы. Так как буржуазные издательства в этот период прекращают печатать произведения советских писателей, издательство «Интернешнел Паблишерс» начинает регулярно выпускать переводы из советской литературы.

---

[1] Daily Worker, September 28, 1943, p. 7.
[2] Saturday Review of Literature, March 4, 1950, p. 18.

Задачи борьбы против империалистической реакции за народную культуру, встающие перед деятелями искусства в США в послевоенные годы, определили как выбор произведений советских писателей, печатающихся в США, так и характер откликов на них. В восприятии советской литературы на страницах передовой прессы США намечаются две, тесно связанных между собой, линии: газеты «Дейли Уоркер» и «Уоркер» в рецензиях на произведения советских писателей раскрывают значение советской литературы в борьбе против разжигания военной истерии, а журналы «Нью Мэссис» и «Мэссис энд Мейнстрим» уделяют преимущественное внимание значению опыта советской литературы для развития передовой эстетической мысли в США.

В рецензиях на произведения советских писателей подчеркивается воспитательное значение советской литературы в США. Так, начиная идеологическую подготовку к новой мировой войне, американская реакционная печать стремилась исказить истинные причины героизма советских людей в Отечественной войне. Передовая печать подчеркивает, что советский патриотизм является одной из основных причин героизма советских людей в борьбе против фашизма. Рецензируя переизданный по просьбе читателей в 1947 году роман Н. Островского «Как закалялась сталь», газета «Дейли Уоркер» отмечает: «Боевая традиция, проявившаяся в героических подвигах русских партизан во время войны, блестяще отображена в романе «Как закалялась сталь»... Этот роман о Советском Союзе вчерашнего дня позволяет читателю лучше понять Советский Союз сегодняшнего дня»[1].

После начала американской агрессии в Корее и активизации в связи с этим деятельности реакции, передовая пресса выявляет значение произведений советских писателей об Отечественной войне в освободительном движении против фашизма в Америке. Рецензируя в 1951 году книгу А. Федорова «Подпольный обком действует», в которой рисуются героические подвиги советских партизан, «Дейли Уоркор» подчеркивает, что это произведение «возрождает веру в способность простых людей, мужчин и женщин, повсюду победить фашистов и поджигателей войны»[2].

В рецензии на роман В. Пановой «Кружилиха», напечатанной в «Уоркер», отмечается, что одной из наиболее характерных особенностей советской литературы является изображение людей в сфере их трудовой деятельности, в отличие от буржуазной литературы, обычно рисующей личную жизнь человека. «Социа-

---

[1] Daily Worker, June 24, 1946, p. 11.
[2] Daily Worker, January 8, 1951, p. 7.

лизм открыл новые горизонты в жизни человека и соответственно в развитии советского романа, — пишет Р. Фридман. — Советский завод не похож на завод в капиталистическом обществе, где трудящийся выполняет нудную работу, а его жизнь начинается лишь после фабричного гудка. Рабочие «Кружилихи» строят социализм — свое будущее и будущее своих детей»[1].

Более детальный анализ художественных особенностей произведений советских писателей мы встречаем на страницах журналов «Нью Мэссис» и «Мэссис энд Мейнстрим». Опираясь на опыт советской литературы, передовые деятели американской культуры выступают за преодоление теоретического отставания марксистской литературной критики в США. Подчеркивая важность изучения специфики искусства деятелями американской культуры, передовая печать США в послевоенные годы впервые публикует литературные статьи М. Горького. Так, отмечая в мае 1946 года в «Дейли Уоркер», что глубина художественного обобщения действительности является одним из важнейших критериев народности писателя, С. Силлен приводит отрывок из статьи М. Горького «О пьесах», в которой раскрываются особенности типизации в драматургических произведениях. «Задача серьезного писателя, — подчеркивал М. Горький в отрывке, который цитирует газета «Дейли Уоркер», — построить пьесу на фигурах художественно убедительных, добиться той «правды искусства», которая глубоко волнует и способна перевоспитать зрителя. Вот, например, У. Черчиль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, как форма его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, только как существо ненавидящее, это будет не весь Черчиль. Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь придатками к основному своему уродству, и мне кажется, что, наверное, эти придатки убогие, комические. Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги»[2]. Знакомя американских читателей с высказыва-

[1] Daily Worker, November 2, 1950, p. 11.

[2] Daily Worker, May 9, 1946, p. 13. Отрывок из статьи Горького «О пьесах», который цитирует С. Силлен, не только показывает специфику драматургического творчества, но и одновременно ярко сатирически рисует образ реакционера, активизировавшего свою деятельность в этот период. Эта цитата из М. Горького дополняет облик Черчиля, — идеолога колониализма врага советского народа, — который показан в статьях, появляющихся в эти дни на страницах «Дейли Уоркер» и, в частности, в статье о Черчиле — вдохновителе колониальных войн, помещенной в этом же номере газеты (Churchill Ordered a «Cheap War» in Southeast Asia. Daily Worker, May 9, 1946, p. 12).

ниями М. Горького о литературе, «Нью Мэссис» помещает в июле 1946 года письмо к Станиславскому, в котором писатель делится мыслями об особенностях художественного творчества, а в ноябре — известную статью «О том, как я учился писать». Выбор статей, появившихся в «Нью Мэссис», и отрывка из статьи «О пьесах», напечатанного в «Дейли Уоркер», а также отклики на них свидетельствуют о том, что наибольший интерес среди американских деятелей культуры вызвала постановка М. Горьким вопроса о соотношении общего и индивидуального в типическом образе. Вопрос этот неоднократно затрагивался марксистской критикой США в 30-е годы, но решался в большинстве случаев упрощенно. Образ в художественном произведении рассматривался критикой зачастую лишь как средство выражения политических взглядов писателя, а типическим персонажем считался тот, в поступках которого наиболее отчетливо проявляются классовые черты.

В статьях М. Горького, печатающихся на страницах передовой прессы США, вопрос о создании типического образа решается более глубоко. В письме к Станиславскому отмечается, что индивидуальные черты людей складываются в представление о типе, затем это представление воплощается художником в типическом образе, являющемся синтезом общего и индивидуального. В статье «О том, как я учился писать» М. Горький также уделяет большое внимание процессу создания типического образа писателем. Подчеркивая, что типическое в художественном произведении всегда проявляется в индивидуальной форме, М. Горький утверждает, что типические образы создаются писателем по законам абстракции и конкретизации. «Абстрагируются» — выделяются — характерные подвиги многих героев, затем эти черты «конкретизируются» — обобщаются в виде одного героя, скажем, Геркулеса или рязанского мужика Ильи Муромца; выделяются черты, наиболее естественные в каждом купце, дворянине, мужике, таким образом, получаем «литературный тип»[1].

Законы абстракции и конкретизации, отмечает М. Горький, помогают художнику также создать типические образцы, в которых запечатлены черты национального характера народа. «Строгое подчинение художника этим законам и помогает ему создавать типы, — пишет М. Горький. — Так Шарль де Костер сделал «Тиля Уленшпигеля» — национальный тип фламандца, Ромэн Роллан — бургундца «Кола Брюньона», Альфонс Додэ — провансальца «Тартарена»[2].

---

[1] М. Горький. О литературе. М., 1955 г., стр. 312 — New Masses. November 12, 1946, p. 12.

[2] Там же, стр. 332. — New Masses, Nov. 19, 1946, p. 18.

Выдвинутое М. Горьким положение об общем и индивидуальном в типическом образе содействовало росту марксистской критики США, зачастую видевшей в художественном произведении одни классовые черты. Углубляя понимание типического, М. Горький под общим в художественном образе понимает не только выражение классовой сущности явления, но и те социальные черты, которые характеризуют как более мелкие социальные группы (купец, дворянин, мужик, извозчик, актер, лавочник), так и психический склад целой нации.

Ознакомление передовых работников культуры с литературными статьями М. Горького, а также с постановлениями ЦК КПСС по идеологическим вопросам[1] позволило марксистской критике США более глубоко поставить некоторые вопросы литературной теории. Так, в мае 1947 года «Нью Мэссис» помещает статью Ч. Гумбольдта «Беседа о проблемах мастерства в рассказе», в которой нашли отражение материалы литературных статей М. Горького, а также высказывания Маркса и Энгельса об искусстве. Выступая против схематизма в творчестве некоторых начинающих писателей, проявляющегося в том, что образы в их произведениях, не насыщенные индивидуальным жизненным содержанием, превращаются в рупоры духа, Ч. Гумбольдт подчеркивает, что такое навязывание читателю политической тенденции мстит за себя, ослабляя воздействие художественного произведения на читателей. Ч. Гумбольдт высказывает также замечания в адрес передовой критики, зачастую не принимающей во внимание специфики литературы при оценке произведений прогрессивных писателей. «Наша критика всегда должна помнить, — пишет он, — что мы обязаны указывать писателям на различия между наукой и искусством, между абстрактным и конкретным, общим и индивидуальным, между схемой и полнокровным изображением действительности. Они не должны чувствовать уверенности в том, что писать можно обо всем, если только знаешь политическую сущность явления. Это плохая политика и в то же время плохое искусство»[2].

---

[1] Вспоминая в 1948 году о воздействии, которое оказали на передовых американских деятелей культуры материалы, связанные с постановлениями ЦК КПСС по идеологическим вопросам, С. Финкельстейн писал: «Дискуссия по вопросам культуры, которая проходила в Советском Союзе, заставила нас о многом подумать. Она подчеркнула, что в мире существует две культуры: одна из них умирает, а другая, тесно связанная с гуманизмом и передовыми общественными силами, движется вперед гигантскими шагами. (The Worker, July 11, 1948, p. 4).

[2] Ch. Humboldt. Shop Talk on Short Stories. New Masses, May 27, 1947.

Обращение к художественной специфике литературы позволило марксистской критике США выработать понятие о художественном методе как совокупности принципов отбора, изображения и оценки явлений действительности писателем.

Учитывая достижения передовой литературы и литературной критики, Коммунистическая партия США выдвигает перед прогрессивными американскими писателями задачу овладения методом социалистического реализма. В успешном решении этой проблемы, подчеркивают руководители компартии США, должно сыграть большую роль творческое усвоение опыта советской культуры и культуры стран народной демократии.

Новые задачи, которые встают перед прогрессивными работниками искусства и литературы США, были сформулированы в докладе В. Джерома на XV съезде американской компартии. «Положение требует от наших работников искусства и литературы, — подчеркивал В. Джером, — создания романов и пьес, стихотворений, картин, музыкальных произведений, народных песен и критических статей, проникнутых духом партийности, являющимся основой социалистического реализма. Выполняя эту задачу, наша партия в дальнейшем должна еще шире показывать нашему народу природу, цели, размах и мировое вдохновляющее значение культуры Советского Союза так же, как и подъем культуры свободных народов нового Китая и европейских стран народной демократии»[1].

Объективные предпосылки развития нового художественного метода в прогрессивной литературе США так же, как и в других зарубежных литературах, возникают еще в период первого этапа общего кризиса капиталистической системы. Подъем революционного движения во всем мире после Октябрьской социалистической революции и возникновение коммунистических партий за рубежом содействуют формированию метода социалистического реализма в творчестве передовых писателей капиталистических стран. В двадцатые годы черты метода социалистического реализма имеют место в творчестве А. Барбюса, И. Бехера и других европейских писателей, рисующих рост простого человека в борьбе за свободу. Книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» ознаменовала начало развития литературы социалистического реализма в Америке.

Однако, в США, где в отличие от разоренных войной стран Европы освободительное движение в двадцатые годы отличается меньшим размахом, а Коммунистическая партия особенно тяжело переживает «детскую болезнь» левизны, социалистический реализм как ведущее течение в прогрессивной литературе фор-

---

[1] V. J. Jerome. Grasp the Weapon of Culture. New York, 1951, p. 24.

мируется позже, в результате роста революционного сознания масс в годы экономического кризиса 1929—1933 гг.

Повесть А. Мальца «Глубинный поток» является одним из лучших произведений тридцатых годов, в котором наиболее ярко воплощены черты метода социалистического реализма, развивающего в прогрессивной литературе США.

Объективный процесс развития метода социалистического реализма в творчестве передовых писателей США, возникающий в ответ на требование жизни отобразить основные противоречия новой всемирно-исторической эпохи, приобретает после окончания второй мировой войны иной характер, перерастая в субъективно-осознанный процесс борьбы американских писателей за овладение новым художественным методом.

Как показывают материалы статьи, одним из наиболее значительных литературных факторов, помогающих передовым деятелям культуры США овладевать методом социалистического реализма, являются произведения советских писателей.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

К ВОПРОСУ О ГЛАСНЫХ ЗВУКАХ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. И. ГАЙДАРОВ

Принято говорить о сравнительно простой системе гласных в дагестанских языках. Однако еще не разрешен ряд вопросов, связанных с вокализмом этих языков. Центральным из них является вопрос о составе гласных звуков.

В предлагаемом сообщении затрагиваются отдельные вопросы системы гласных в лезгинском языке.

П. К. Услар в работе «Кюринский язык» пользуется семью гласными буквами (**а, э, е, і, о, у, ӳ**)[1], которые соответственно обозначают семь гласных звуков. При этом Услар отмечает, что ни гиатусов, ни долгих гласных, ни дифтонгов лезгинский язык не знает[2]. Звук, который Услар обозначал лигатурой э по его мнению, в лезгинском языке имел самостоятельное значение[3].

В своей «Грамматике лезгинского языка» профессор Л. И. Жирков выделяет пять гласных фонем: *и, уь, э, у, а*. Что же касается остальных гласных, то он склонен их считать «комбинаторными вариантами» этих пяти гласных[4]. Однако, параграфом ниже автор отмечает, что в лезгинском языке имеется еще две гласные фонемы — это дифтонги *ва* и *ве*[5].

В школьном учебнике по грамматике лезгинского языка доктор филологических наук М. М. Гаджиев утверждает, что в лез-

---

[1] В современном лезгинском письме гласным Услара соответствуют: *а-а; э-е (э, я); е-е (э); і-и; о-у; у-у; ӳ-уь*

[2] П. К. Услар. Этнография Кавказа, Языкознание, VI, Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 8.

[3] Там же, стр. 9.

[4] Проф. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941.

[5] Там же, стр. 22.

гинском языке наличествует семь гласных звуков, а именно: *а, и, у, о, уь, э, ы*[1].

Прежде чем изложить свою точку зрения о составе лезгинских гласных, сделаем несколько замечаний относительно приведенных здесь утверждений Услара, Жиркова, Гаджиева, которые расходятся не только между собой, но и с фактами лезгинского языка.

Обозначенный Усларом лигатурой *ə* гласный переднего ряда, нижнего подъема ни в современном лезгинском языке, ни в говоре, который был исследован им, самостоятельного значения иметь не мог. Указанный звук в одних случаях выступает как вариант гласного *э*, в других — как вариант звука *а*. Например, *кьэл—кьэд* "соль"; *п ~ л—пэл* 'лоб'; *сеглəth—сеглаth* 'часы' и т. д.[2].

То же самое нужно сказать и в отношении звуков *о* и *у*, так как и эти звуки в исследованном Усларом говоре не противопоставлялись друг другу как самостоятельные. Приводимые Усларом примеры показывают, что он имел дело с произносительными вариантами одних и тех же слов (*мох* и *мух* 'ячмень', *огъри* и *угъри* 'вор' и др.).

Рассматривая утверждение профессора Жиркова о наличии в лезгинском языке пяти гласных фонем, следует отметить, во-первых, что он не указывает, что именно имеется в виду — лезгинский язык вообще или литературный язык. Как бы то ни было, согласиться с указанным утверждением нельзя. Что же касается дифтонгов *ва, ве*, о которых пишет Жирков, то выделение их в качестве самостоятельных гласных фонем понадобилось автору для подкрепления своего тезиса о переходе лабиализации с согласных на гласные и об исчезновении в лезгинском языке лабиализованных согласных как самостоятельных фонем[3].

Мы склонны считать их (дифтонги *ва, ве*) разновидностями, видоизменениями гласных *а* и *э* в позиции после лабиализованного согласного, потому что различия, образуемые ими, не являются самостоятельными, независимыми. Появление так называемых гласных дифтонгов *ва, ве (уа, уэ)* всегда обусловлено наличием в слове лабиализованного согласного, который независимо от соседства с гласным губной артикуляции может встречаться в начале, середине и в абсолютном конце слова, иногда даже после другого согласного звука. Таковы, например, звуковые формы слов: *хъвачh* 'вернись, возвращайся, иди, отправляйся еще раз, повторно', *къвэн* 1-е лицо повелительного наклонения от *атун* 'приходить' (сравните: *хъачh* 'трава' и

---

[1] М. М. Гаджиев, Лезгин чIалан грамматика, I пай, Махачкала, 1955, стр. 3.

[2] Латинское *h* указывает на придыхательность согласного, обозначенного предыдущей буквой.

[3] См. Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, стр. 13—15.

къэн 'нутро', в которых начальный согласный является нелабиализованным); *акъваз* 'стой, подожди, остановись'; *рэкъвэр* 'челюсти' (сравните *а къаз* 'тот гусь' (произносится слитно) и *рэкъэр* 'гребешки, расчески', в которых серединный согласный является нелабиализованным); *накьв* 'земля, почва', *лэгъв* 'ямочка' (сравните: *накь* 'вчера', и *легь* 'камыш', в которых конечный согласный является нелабиализованным). Примером появления лабиализованного согласного в абсолютном конце слова после другого согласного может служить слово *сэркIв* 'бузина'.

Вопрос о том, что следует в лезгинском языке считать самостоятельными фонемами — лабиализованные согласные или же так называемые дифтонги *ва, ве,* — имеет принципиальное научное значение и должен быть предметом специального исследования. Тем не менее мы позволим себе сделать в данном кратком сообщении несколько замечаний относительно доводов, приводимых профессором Л. И. Жирковым, в пользу указанного выше утверждения о появлении в лезгинском литературном языке гласных фонем — дифтонгов *ва, ве* и об исчезновении в связи с этим лабиализованных согласных как самостоятельных фонем.

1. Указывается на малочисленность слов, противопоставляемых друг другу лабиализацией и отсутствием лабиализации конечного согласного. Во-первых, исход слова одна из позиций употребления лабиализованных согласных, а не единственное положение, в котором они встречаются. В других позициях (начало и середина слова) лабиализованные согласные входят в состав значительного количества лезгинских слов. Во-вторых, для фонемы отнюдь не обязательно, чтобы она встречалась во всех без исключения позициях. Так, звук *къ* (увулярный непридыхательный смычный) в лезгинском языке не встречается на исходе слова. Между тем трудно оспаривать фонематическую самостоятельность данного звука в лезгинском языке (*къиб 'лягушка', риб 'шило', чIиб' пядь', тIиб 'сова', акъудун 'вынуть', авудун* 'снять', *агудун* 'приблизить' и т. д.).

2. Отмечаются случаи делабиализации согласных в речи представителей отдельных говоров. Этот факт действительно имеет место в языке. Однако он ни в какой мере не может послужить доказательством ослабления в лезгинском языке системы лабиализованных согласных, и тем более перехода лабиализации с согласных на гласные звуки, так как в говоре, в котором говорят *тIар* вместо *тIвар* 'имя, название', произносят также и *тIин* вместо *тIуьн* 'есть, кушать; пища'. Здесь мы имеем дело с явлением, одинаково распространяющимся как на согласные, так и на гласные звуки.

3. Проф. Л. И. Жирков ссылается на произношение гласного *о* вместо звука *а,* следующего после лабиализованного согласного

ного, а также на ошибки, допускаемые в связи с этим в написаниях подобных слов (*кIол* вместо *кIвал* 'комната, дом'). Следует отметить, во-первых, то, что данное явление связано и с согласным, которым заканчивается слог. Оно наблюдается в том случае, когда в данном слоге за гласными, переходящими в *о*, следует один из согласных *лилиН-: тIол* вместо *тIвал* 'прут, узел'; *къон* вместо *къван* 'камень'; *кьол* вместо *кьвал* 'обрыв' и т. д. В остальных случаях этот переход не наблюдается: *хъварцӀ* домовой'; *тIвар* 'имя, название', *гвачӀ* 'нет, не имеется', *квар* 'большой кувшин' *кӀвак* 'червь' и т. д. Во-вторых, переход гласного *а* после лабиализованного согласного в звук, похожий на русское ударенное *о*, не означает делабиализации предыдущего согласного — он остается лабилизованным.

В данной связи нельзя считать правомерным следующее утверждение проф. Л. И. Жиркова: «Чередования слогов *хва, ху* в различных формах одного слова надо рассматривать не как чередования согласных фонем *хв, х* рядом с гласными фонемами *а, у*, а как чередования дифтонгической фонемы *уа* и простой гласной фонемы *у* с одной согласной *х*»[1].

Приведенное утверждение находится в полном соответствии с графической формой слогов *хва, ху*. Если же брать во внимание их звуковую оболочку, то утверждение это не соответствует действительности — в том и в другом слоге мы имеем лабиализованный согласный *(хв)*, который согласно орфографии в слоге *хва* обозначен буквосочетанием *хв*, а в слоге *ху* одной только буквой *х*. Следовательно, в данных слогах мы имеем не чередование *уа* и *у* рядом с согласным *х*, а чередование гласных *а* и *у* рядом с лабиализованным согласным *(хв)*.

4. Можно указать еще на ряд фактов, свидетельствующих о том, что лабиализованные согласные в лезгинском языке являются самостоятельными фонемами: а) наличие форм *кӀвяй* Исходный I падеж от *кӀуьн* 'вы', квяй? Исх. I падеж от *вучӀ*? 'что?', в которых лабиализованный согласный предшествует не гласным *а* и *э*, а специфическому переднерядному гласному нижнего подъема *аь*, где, следовательно, нельзя говорить вообще о наличии дифтонгов *ва, ве;* б) формы множественного числа слов типа *накьвар* 'земли, почвы', *нукӀвер* 'воробьи', *цӀчуьквер* цветы' и т. д., в которых аффиксами множественности являются не *вар, вер*, как следовало бы считать согласно концепции профессора Жиркова, а окончания *ар, эр*. Появление в данных формах лабиализованного согласного нельзя объяснить наличием в слове лабиализованного гласного *(ю, уь)*, а наоборот, лабиализацию гласного в данных словах необходимо считать следствием соседства гласного с лабиализованным согласным. Сравнение только

[1] Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, стр. 14—15.

что приведенных форм с формами множественного числа следующих слов доказывает сказанное:
гъуд 'кулак' мн. число — *гъутар*
мух 'ячмень' мн. число — *мухар*
кIус 'кусок' мн. число — *кIусар*
муьнуьгъ 'барсук' мн. число — *муьнуьгъар* и т. д.

5. Наконец, укажем, что и сам профессор Л. И. Жирков в ряде случаев прямо или косвенно исходит из факта существования в лезгинском языке лабиализованных согласных фонем.

В этом отношении характерно следующее утверждение автора: «Однако, надо упомянуть, что в случаях вроде: *туькIвена*> тикIвена>ткIвена = 'уладился, устроился', мы лишь в орфографическом письме имеем после гласного буквосочетание с буквой в (кIв), в звуках же здесь имеется один лабиализованный согласный, почему здесь и возможна редукция гласного[1].

Из сказанного следует, что в лезгинском языке нет дифтонгов *ва, ве*, являющихся самостоятельными фонемами[2].

Все гласные, приводимые М. М. Гаджиевым в его учебниках (*а, и, уь, о, э, ы, у,*), встречаются в лезгинском литературном языке. Однако не все они являются разными фонемами. Кроме того, нельзя сказать, что лезгинский литературный язык не знает других гласных вообще, и гласных фонем в частности.

По нашим наблюдениям лезгинский литературный язык в слоге под ударением различает 14 гласных звуков: *а, и, уь, э, о, ы, аа, аь, аН, иН, уН, уьН, эН*. Последние пять гласных являются носовыми, их появление обусловлено позиционным ослаблением сонорного носового *н* в конце слога или слова. Данные звуки, с одной стороны, как правило, не противопоставляются соответствующим сочетаниям *гласный+н* (*кIаН=кIан* 'дно'), с другой стороны, они в ряде случаев не противопоставляются и соответствующим чисторотовым, неносовым, гласным (*зуН—зу* 'я' *чIиН—чIи* 'наш'). Этой неполной дифференциации указанных звуков обязан своим существованием ряд правил лезгинской орфографии[3].

Тем не менее следовало бы поставить вопрос о фонематической самостоятельности указанных гласных в лезгинском литературном языке, так как, наряду с только что отмеченными случаями, когда носовые гласные выступают как орфоэпически допускаемые варианты соответствующих сочетаний *гласный+н* или же соот-

[1] Л. И. Жирков, Грамматика лезгинского языка, стр. 22.

[2] Нам думается, что наличие именно самостоятельных лабиализованных согласных фонем имеет в виду Ю. Д. Дешериев, когда он пишет: «Изучение особенностей звукового состава, например, лезгинского языка показало, что в этом типичном кавказском языке имеется до 70 фонем, многие из которых являются специфическими (смычногортанные, велярные, фарингальные и т. д.). (См. Вопросы языкознания 1957, № 5, стр. 20).

[3] См. М. М. Гаджиев, Лезги чIалан орфографиядин словарь, стр. 21.

ветствующих неносовых гласных, в лезгинском языке встречается немало слов, в которых назализация гласного имеет фонематическое значение: *араН* 'низменность, равнина' — *ара* 'промежуток'; *масаН* 'дорогой'—*маса* 'за цену (продать)' *цеН*—'подол'—*це* 'в воде'; *акуН* 'видеть'—*аку* повелительная форма от того же глагола; *кIуьН* 'вы' — *кIуь* 'ваш'; *саН* (*йисаН*) 'года', — *са* (*йиса*)' в году' и т. д.

В отношении звуков *о* и *ы* следует отметить, что первый из них, хотя и становится все больше лезгинским[1], в настоящее время еще не является фонемой этого языка, звук же *ы*, как известно, не является самостоятельной фонемой и в самом русском языке, из которого он заимствуется лезгинским.

Звуки *аа* (*а* долгое) и *ааь* (*аь* долгое), на наш взгляд, составляют одну самостоятельную гласную фонему лезгинского литературного языка. При этом звук *аа* является основным вариантом, а звук *ааь* его разновидностью. Эти два звука исторически восходят к сочетаниям двух гласных *а+а* и *э+а* и, как правило, встречаются в составе формообразующих аффиксов: *аа* в составе аффиксов имен и глаголов; *ааь* — только в падежных формах. В практическом письме они передаются буквосочетаниями *ай* и *яй*. Оба эти звука характеризуются долготой, при этом звук *аа* имеет соответствующую обыкновенную, недолгую пару — гласный *а*; звук *ааь* подобной пары в литературном лезгинском не имеет. Такой звук встречается в отдельных диалектах лезгинского языка — этот гласный и есть звук, обозначенный Усларом лигатурой э.

Примеры на употребление долгих гласных:

багъда (местн. I покоя от *багъ* 'сад');

багъдаа (исходн. I от того же слова);

НикIэ (местн. I покоя от *никh* 'нива',);

НикIааь (исходн. I от того же слова);

кIелна (прошедш. соверш. от *кIелун* 'читать, учиться');

кIелнаа (прош. несоверш. от того же глагола).

Как показывают примеры, появление в форме исходного I падежа одного из гласных *аа* и *ааь* обусловлено звуковым составом основы слова. *Ааь* выступает в тех случаях, когда в односложной основе наличествует один из переднерядных гласных (*и, э, уь*) или же, если односложная основа, имеющая на исходе сонорный согласный (*л, р, н, м,*), принимает аффикс, начинающийся одним из согласных *ц, цI, ч, чI*. Во всех остальных случаях в форме исходного I падежа выступает гласный *аа*.

[1] Главную роль в этом процессе, на наш взгляд, играют не столько заимствуемые из русского языка слова со звуком о, сколько следующие два фактора: 1) заимствование лезгинами аффикса **ов (-ова)** для образования фамилий от собственных имен; 2) овладение все большим числом носителей этого языка произносительными нормами русского языка.

Следовательно, наличие вариантов *аа* и *ааь* является результатом действия в лезгинском языке закона сингармонизма.

Основной характер варианта *аа* подтверждается тем, что он появляется в многосложных словах, в которых падежные аффиксы, как правило, оказываются вне действия закона гармонии гласных: *Гьемзетhаа* 'исходный I от Гьемзетh 'собствен. имя'; *гуьлуьтhдаа* (исходн. I от *гуьлуьтh* 'носок')[1] и т. д.

Что же касается других пяти гласных *а, и, у, уь, э,* то их наличие и фонематическая самостоятельность в лезгинском языке признается всеми, следовательно, нет необходимости в этом кратком сообщении говорить о них особо.

В заключение представляем классификацию гласных фонем лезгинского литературного языка по обычной схеме — подъем, ряд, участие губ.

а) По подъему в лезгинском языке различаются:
1. Гласные верхнего подъема: *и, уь, у;*
2. Гласный среднего подъема: *э.*
3. Гласные нижнего подъема *а, аа (ааь).*

б) По ряду лезгинские гласные бывают только:
1. Переднего ряда: *и, уь, э, (ааь).*
2. Заднего ряда: *у, а, аа;*

в) По участию губ имеем:
1. Губные (лабиал.): *у, уь.*

Негубные (чистые): *и, э, а, аа (ааь).*

Из указанных трех противопоставлений наибольшее значение имеет второе, т. е. противопоставление гласных переднего и заднего рядов, ибо в лезгинском языке широко распространена так называемая небная гармония гласных.

Данное деление лезгинских гласных фонем можно иллюстрировать таблицей:

Ряд образования / подъем языка	Передний				Задний			
	негубные		губные		негубные		губные	
	норм.	долгие	норм.	долгие	норм.	долгие	норм.	долгие
Верхний	и	—	уь	—	—	—	у	—
Средний	э	—	—	—	—	—	—	—
Нижний		*(ааь)*	—	—	а	*аа*	—	—

[1] В приведенных примерах *а* долгое находится в заударном слоге, на который в лезгинском языке не распространяется закон созвучия гласных (Об этом см. «Ученые записки ДГУ» выпуск I, 1958, стр. 89—93).

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ РУССКОГО БУКВАРЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ШКОЛЫ

Н. Я. СУДАКОВА

Многоязычность Дагестана очень осложняет преподавание русского языка в школах нашей республики. Здесь одни и те же учебники русского языка используются в кумыкских и лакских, аварских и даргинских, лезгинских и табасаранских школах, а также и в тех школах, где обучаются носители бесписьменных языков Дагестана. Авторы учебников должны были в процессе своей работы разрешить очень сложную задачу: создать такие учебники русского языка, которые удовлетворяли бы любую по национальному составу дагестанскую нерусскую школу.

Используемые в настоящее время в Дагестане учебники русского языка, конечно, не лишены недостатков. Учителя и работники органов народного образования часто говорят, что учебники не учитывают специфики родных языков учащихся и что в общих для всего Дагестана учебниках и нельзя учесть этой специфики. В частности, такие заключения делаются в отношении «Букваря русского языка для дагестанской школы» П. В. Виноградовой, В. М. Криштопы и С. М. Омарова, т. е. того букваря, который используется в большинстве нерусских школ Дагестана.

Как результат этого и возникла мысль о необходимости создания букварей русского языка для каждой народности Дагестана в отдельности. В настоящее время Научно-исследовательский институт школ Министерства просвещения ДАССР готовит к изданию пять букварей русского языка —отдельный букварь для каждой из основных народностей Дагестана (исключение составляют табасаранцы: они будут пользоваться тем же букварем, что и лезгины).

Действительно, в букваре, предназначенном для детей одной национальности, легче учесть специфику родного языка уча-

щихся. Однако при более тщательном изучении данного вопроса можно прийти и к другому выводу.

В настоящей статье мы ставим своей задачей, во-первых, определить некоторые принципы построения русского букваря для дагестанской нерусской школы, во-вторых, установить, соблюдены ли они в используемом в настоящее время дагестанскими школами «Букваре русского языка» П. В. Виноградовой, В. М. Криштопы и С. М. Омарова и, в-третьих, ответить на вопрос о том, нужны ли в Дагестане пять букварей русского языка.

*
* *

Что следует иметь в виду, когда говорят об учете специфики родного языка учащихся в преподавании русского языка? Особенности родного языка как таковые? В таком случае для Дагестана надо не пять букварей, а в несколько раз больше, так как языков здесь около тридцати и каждый из них имеет свои специфические особенности. А кроме того существуют диалекты, так резко отличающиеся друг от друга, что носители одного диалекта с трудом понимают речь носителей другого диалекта.

На самом деле важны не эти особенности сами по себе, а трудности усвоения русского языка представителями той или иной народности. Конечно, они связаны со спецификой родного языка, но не в меньшей, а часто и в большей степени они определяются и спецификой русского языка. И поставить знак равенства между спецификой родного языка и трудностями усвоения русского языка нельзя. Например, в табасаранском языке есть такие звуки, каких нет в других языках Дагестана и нет в русском языке. Несомненно, они относятся к числу специфических особенностей данного языка. Но наличие этих особенностей не создает трудностей усвоения русского языка, так как умение произносить какие-то особые, дополнительные звуки ничему не мешает.

Трудности усвоения русского языка возникают только тогда, когда в родном языке отсутствуют какие-либо явления, свойственные русскому языку. Например, наличие такой пары гласных как *ы* и *и* в русском языке и отсутствие ее в аварском языке создает определенную трудность усвоения русской фонетики аварцами. А так как есть явления, свойственные только русскому языку, то можно говорить и о трудностях, которые испытывают все нерусские, изучающие русский язык. Так, в русском языке гласные звуки в безударном положении подвергаются таким изменениям, каким они не подвергаются ни в одном другом языке. Это составляет одну из специфических особенностей русского языка, и вопрос о безударных гласных встанет перед составителями русского букваря для любой народности. И каж-

дый составитель должен будет сначала дать ударные гласные, затем безударные.

Итак, составители русского букваря для нерусских должны учитывать не особенности родного языка учащихся как таковые, а трудности усвоения русского языка представителями данной народности, которые возникают только тогда, когда в родном языке отсутствуют какие-либо явления, свойственные русскому языку.

Далее возникает вопрос, следует ли учитывать трудности усвоения русского языка только носителями литературных языков Дагестана, или и те трудности, которые испытывают носители бесписьменных языков и диалектов? Мы считаем, что правильным будет второе решение вопроса. Ведь в бесписьменных языках и отдельных диалектах могут отсутствовать, например, некоторые звуки, которые есть в литературном языке этой народности и которые (что еще важнее) есть в русском языке. Следовательно, у носителей этих языков и диалектов появляются такие затруднения при усвоении русского языка, каких нет у носителей литературного языка. Например, в литературном аварском языке есть гласные *о* и *у*, *е* и *и*, а в ряде говоров аварского языка есть или только звуки верхнего подъема *у* и *и*, или только звуки среднего подъема *о* и *е*. Значит, для носителей этих говоров представляет определенную трудность усвоение различия *о* и *у*, *и* и *е*. Учащиеся подготовительного класса, приступая к изучению русского языка, не владеют нормами литературного произношения родного языка. В основном они пользуются в своей речевой практике местным диалектом.

Следовательно, составители русского букваря должны учитывать трудности усвоения русского языка не только теми детьми, которые владеют одним из литературных языков Дагестана, но и теми, которые пользуются бесписьменными языками и диалектами.

* *
*

Обучение русской грамоте в нерусской дагестанской школе начинается после обучения грамоте на родном языке. Следовательно, учитель русского языка здесь имеет дело с уже «грамотными» людьми. Это устраняет ряд трудностей, с которыми сталкивается учитель, обучающий тех, кто читать вообще не умеет. Главное, ученики уже умеют сливать буквы в слоги.

Однако в нерусской школе обучение русской грамоте имеет свои специфические трудности, отсутствующие в русской школе. Они определяются тем, что здесь учащиеся, приступая к усвоению русской грамоты, не владеют русским языком. Значит, обучение русской грамоте нерусских детей — это одновременно обу-

чение русскому языку: усвоение русских звуков, усвоение некоторых элементов русской грамматики, усвоение русской лексики. Это в значительной степени должно определять и подход к разрешению основных вопросов работы над русским букварем для нерусских.

В русском букваре, предназначенном для русских школ, буквы изучаются в том порядке, в котором легче осуществляется механизм их слияния в слоги, т. е. процесс чтения.

Если взять в качестве примера букварь АПН, то там буквы и звуки расположены в три этапа соответственно трем степеням трудности их чтения, т. е. слияния их в слоги.

На первом этапе усваиваются гласные *а, у о, ы* и согласные *л, м, н, р, с, ш, то* есть непереднерядные гласные в сочетании с твердыми сонорными и некоторыми фрикативными согласными. Это наиболее легкие для чтения сочетания.

На втором этапе изучаются гласные *и, э,* согласные *х, к, в, п, т, з, д, ж, й* и *ь* как знак мягкости. Здесь дети знакомятся уже и с взрывными согласными, сначала с глухими, а затем и с звонкими. Принципиально новым и наиболее важным фонетическим явлением, с которым сталкиваются дети на этом этапе, оказывается мягкость согласных.

На третьем этапе изучаются так называемые йотированные гласные *е, ё, ю, я* в их обоих значениях, согласные *б, г, ч, ц, щ, ф,* а также разделительные знаки *ь* и *ъ*.

Этот рациональный с точки зрения техники чтения порядок изучения букв не является обязательным для русского букваря, используемого в нерусской школе. Как уже было сказано выше, читать нерусские дети к моменту обучения русской грамоте уже умеют и буквы им уже знакомы, так как и в родном букваре они учили те же буквы. Новыми могут оказаться только некоторые из них, а кроме того иным оказывается звуковое значение ряда букв. В связи с этим процесс усвоения русских букв здесь в значительной степени должен быть процессом усвоения звукового значения этих букв, процессом усвоения русских звуков.

Это положение должны твердо усвоить учителя русского языка в дагестанской нерусской школе. С самого первого урока они должны приучать детей к правильному произношению русских звуков. Дети должны понять, что одни и те же буквы в ряде случаев по-разному читаются в русских книгах и в книгах на родном языке. В раннем возрасте легче добиться того, чтобы дети правильно произносили русские звуки. Если же учитель этому не придаст должного значения, в дальнейшем детей придется переучивать, а это потребует значительно больших усилий.

Следовательно, в русском букваре для дагестанцев буквы и звуки должны изучаться в такой последовательности, при кото-

рой у детей легче вырабатываются навыки правильного чтения и правильного русского произношения.

Какие же русские звуки трудны для дагестанцев?

1. В языках Дагестана не различаются звуки *ы* и *и*. Исключение составляет кумыкский язык, однако условия появления этого звука в русском языке и в кумыкском языке различны, да и по звучанию русский *ы* отличается от кумыкского, так что кумыки смешивают русские звуки *ы* и *и* не реже, чем представители других народностей Дагестана.

2. В языках Дагестана (полностью или по говорам) вместо двух гласных *о* и *у* существует только один (чаще *у*, реже *о*).

3. В лакском языке и некоторых говорах других языков, в частности аварского, не противопоставлены звуки *и* и *е*. Имеется или только звук *и* (лакский язык, некоторые говоры аварского), или только звук *е* (некоторые говоры аварского).

4. Звук *ф* отсутствует во всех языках Дагестана, кроме лезгинского.

5. Звук *щ* в языках Дагестана или отсутствует, или произносится иначе, чем в русском языке.

6. Звук *в* во всех языках Дагестана является губно-губным (исключение составляют отдельные говоры), разница между *б* и *в* меньше, чем в русском языке.

7. Звуки *ж, ш, л* обычно произносятся мягко или полумягко.

8. Мягкость обычно является позиционным изменением согласных.

9. В некоторых говорах ряда языков, в частности аварского и даргинского, не очень четко противопоставляются глухие и звонкие, смычные и фрикативные согласные (это относится и к аффрикатам *ц* и *ч*, которые вследствие этого произносятся менее энергично).

Какой же порядок изучения русских букв и звуков можно рекомендовать для букваря, если учесть перечисленные трудности усвоения русской фонетики дагестанцами?

Начать обучение надо с наиболее легких с точки зрения произношения русских звуков, то есть с тех звуков, которые имеются в родном языке учащихся, затем переходить к звукам, которые отличаются от звуков родного языка.

Гласные звуки и буквы при этом целесообразно изучать в такой последовательности: *а, у, о, э; и ы; е, я, ю, ё*.

Первая группа гласных, подлежащих усвоению, это звуки *а, у, о*. Последовательность должна быть именно такой, потому что *а* и *у* в языках Дагестана обычно ничем существенно не отличаются от русских *а* и *у*, а звук *о* придется отрабатывать в сопоставлении с звуком *у*, так как, как уже было сказано, в ряде дагестанских языков этого звука как самостоятельной фонемы нет и дети произносить его не умеют. Усвоение буквы *э*

не вызывает затруднений, так как в букварный период дети знакомятся только с ее употреблением в начале слова. Поэтому с этой буквой детей можно знакомить и после *о*, и после *ы* — как это удобнее для составителя.

Далее усваиваются гласные *и* и *ы*. При этом трудными являются те случаи употребления *и*, когда она идет после согласного звука и обозначает одновременно и звук *и* и мягкость предшествующего согласного. Мягкость согласных в русском языке имеет более широкое распространение и более важное значение, чем во многих других языках. Вот почему знакомство с звуком и буквой *и* является началом нового этапа в изучении русского языка. Затем надо познакомить учащихся с звуком и буквой *ы*, которого нет в дагестанских языках. Изучение слогов и слов с звуком *ы* надо проводить с применением сопоставления их со слогами и словами с звуком *и*.

Последними из гласных букв должны усваиваться так называемые «йотированные» гласные *е, я, ю, ё* в обоих значениях в такой последовательности, которая указана здесь: в первую очередь усваивается буква *е*, так как перед переднерядным мягкость согласного усваивается легче, чем перед непереднерядными, а затем изучаются *я, ю, ё* (здесь соблюдается та же последовательность, в какой изучались соответствующие гласные после твердых согласных).

Параллельно с усвоением русских гласных звуков дети усваивают и русские согласные. Никаких трудностей не возникает у дагестанцев при усвоении русских сонорных согласных *р, м, н*. С них легче всего начать знакомство с русским консонантизмом.

Согласные *с* и *з*, *д* и *т*, *г*, *к*, и *х* тоже усваиваются сравнительно легко. Только в тех случаях, когда дети в соответствии с особенностями звуковой системы родного языка или говора произносят звонкие приглушенно, а взрывные с придыханием, надо добиться правильного произношения этих звуков. С этой точки зрения целесообразно давать друг за другом парные глухие и звонкие звуки, характеризующиеся аналогичными трудностями для дагестанцев.

Кроме названной выше, можно выделить еще две группы согласных звуков, которые следует дать в букваре компактно. Одна из этих групп — согласные *л, ж, ш*. Все они, как сказано выше, обычно произносятся дагестанцами мягко или полумягко, и надо добиться умения произносить их твердо. Звук *ж* в одних говорах произносится как аффриката *дж*, а в других произносится глуше, чем в русском языке. Поэтому над этим звуком в ряде случаев придется работать дополнительно. К этой группе примыкает и звук *щ*, который должен усваиваться при сопоставлении с *ш*.

И еще одна группа согласных должна быть сохранена в букваре. Это губные согласные *б, п, в, ф*. Их целесообразно дать друг за другом в указанном порядке. Этот порядок будет способствовать отработке взрывных на базе сопоставления их с фрикативными, отработке звонких на базе сопоставления их с глухими, отработке губно-зубных звуков на базе противопоставления их губно-губным. Такое расположение дает возможность изучать сначала те звуки, которые почти не отличаются от звуков родного языка, затем такие, где расхождения довольно значительны, наконец, такие, которых в родном языке нет.

Названные три группы согласных можно изучать не обязательно в том порядке, который указан здесь. Так, губные можно изучать до звуков *л, ж, ш, щ*. Это зависит от тех возможностей, которые дает словарный материал, используемый в букваре. Важно только сохранить единство этих групп.

Аффрикаты *ч* и *ц* удобнее изучать после названных выше групп. Звук и букву *й* удобнее всего дать перед «йотированными» гласными, так как она равнозначна первой части «йотированных» гласных в начале слова и после гласных. Букву *ь* как знак мягкости можно поместить после *и* и *ы*, поскольку для выработки правильного произношения мягких согласных в этом случае помогает ссылка на произношение согласных перед *и*. Но так как мягкое произношение согласных перед *ь* усваивается с большим трудом, чем перед «йотированными» гласными, можно поместить *ь* как знак мягкости и после «йотированных» гласных. Знакомство с разделительными *ь* и *ъ* — заключительный этап обучения русской грамоте.

Предлагаемый порядок изучения русских букв и звуков, на наш взгляд, с достаточной полнотой учитывает трудности усвоения звуковой системы русского языка дагестанцами. В такой последовательности русские звуки могут изучаться в любой по национальному составу дагестанской нерусской школе.

В какой же последовательности знакомит с русскими звуками «Букварь русского языка» П. В. Виноградовой, В. М. Криштопы и С. М. Омарова? В нем принят такой порядок: *а, м, р; ш, ш, н; у, с, п; и; д, о, т; л; э; г; з; к; е; я; в; ч; й; ь; ж; ы; ц; ё; ю; х; ф; щ; ъ* — разделительный; *ь*— разделительный.

На наш взгляд, здесь звук *и* дан слишком рано. Он дается раньше *о*, а следовало бы изучать эти звуки в обратном порядке. Звуки *д* и *т* даются на одной странице: сначала звонкий *д*, затем глухой *т*; а звуки *г* и *к* в этой же последовательности даны на разных страницах, и между ними оказался звук *з*. Звуки *п* и *б*, *с* и *з*, *ш* и *ж* даны в обратной последовательности, (то есть сначала дан глухой, затем звонкий согласный) и далеко друг от друга. Такое разнообразие в расположении этих пар оправдать трудно. Губные согласные даны очень разрозненно:

п — на стр. 36, *б* — на стр. 45, *в* — на стр. 59, *ф* — на стр. 79. Такие разрывы также трудно оправдать. Буква *ь* как знак мягкости разрывает изучение «йотированных» гласных: *е* и *я* изучаются до нее, а *ё* и *ю* — после. Из «йотированных» гласных *ё* изучается раньше *ю*. Последовательность должна быть обратная (ср. последовательность изучения *у* и *о*).

Но не все вопросы обучения чтению и произношению решаются только последовательностью изучения звуков и букв.

Когда в букваре дается трудный для дагестанцев звук, материал на этих страницах должен быть подобран и расположен так, чтобы это способствовало наиболее успешному овладению этим звуком. Один из приемов расположения материала с этой целью — сопоставление слов с неразличаемыми звуками. Им пользуются авторы названного выше букваря. Но этот прием не единственный.

В разных положениях, в сочетании с разными звуками степень трудности произношения одного и того же звука неодинакова. Например, губно-зубной *в* дагестанцы легче всего произносят в начале слова перед нелабиализованными гласными, затем перед лабиализованными; труднее усваивается этот звук не в первом слоге, особенно после лабиализованного гласного. А самым трудным оказывается положение *в* перед *б*. Значит, слова в букваре надо располагать в порядке возрастающей трудности произношения одного и того же звука в разных фонетических условиях. У другого звука легкие и трудные для произношения положения оказываются иными, и с ними тоже надо считаться. В рассматриваемом нами букваре это требование не реализовано.

Известно, что в русском языке звуки произносятся различно в зависимости от положения в слове. С этим необходимо считаться составителям букваря для нерусской школы в еще большей степени, чем составителям букваря для русской школы.

Звуки надо давать прежде всего в сильном положении, а затем уже их позиционные варианты. Надо уточнить вопрос о том, с какими позиционными изменениями звуков дети должны ознакомиться в букварный период. Без некоторых из них обойтись невозможно. Нельзя обойтись, например, без безударных *о* и *е*, без оглушения конечных согласных.

Но если в букваре даются варианты фонем, надо отвести специальные страницы на отработку их произношения. Надо показать, что буква *о* читается как *о* только под ударением, а в остальных случаях произносится приблизительно как *а*, что звонкие согласные в конце слов оглушаются и т. п. Это будет способствовать выработке навыков правильного произношения с самого начала изучения русского языка.

Конечно, всех норм русского литературного произношения в букварный период сообщить нельзя. С остальными нормами учащиеся познакомятся позднее. Так, видимо, уже после обучения грамоте они будут знакомиться с произношением окончания *-ого* у прилагательных, *-тся* и *-ться* у глаголов, с ассимиляцией по звонкости и глухости, с непроизносимыми согласными и др.

В усвоении этого материала не может быть никаких различий между представителями народностей Дагестана, а следовательно, в этом отношении русский букварь для нерусских дагестанских школ должен быть единым.

Как разрешается вопрос о позиционных изменениях звуков в рассматриваемом букваре? Видимо, авторы не придавали ему принципиального значения. На стр. 38, где дана буква *о*, есть и слово *она*, в котором *о* произносится как *а*. На следующей странице слова с ударными и безударными *о* перемешаны. Звонкий согласный на конце слова впервые встречен на стр. 41 (в слове *Саид*), и до стр. 56 этот пример был единственным. На стр. 56 есть еще два случая: *обед* и *берег*. Подобные слова появляются и дальше, но каждое их появление случайно.

* * *

Следующий вопрос, на который обращают внимание составители букварей, это вопрос о последовательности изучения слогов.

В букваре для русской школы последовательность изучения слогов определяется трудностью их чтения. В букваре АПН, например, изучение слогов проводится в такой последовательности:

на первом этапе усваиваются открытые и обратные (то есть закрытые, неприкрытые) слоги;

на втором этапе — трехсложные слова с открытыми слогами, односложные и двусложные слова с закрытыми слогами;

на третьем этапе — четырехсложные и пятисложные слова с открытыми слогами, трехсложные и четырехсложные слова с закрытыми слогами, слова со стечением согласных, слова с разделительными *ъ* и *ь*.

Кроме этих требований, соблюдение которых желательно и в букваре для нерусских, составители русского букваря для дагестанской нерусской школы должны помнить еще о некоторых специфических для дагестанцев трудностях фонетического характера.

Дело в том, что дагестанцы испытывают затруднения не только в произношении отдельных русских звуков, но и в произношении некоторых слогов и их сочетаний. Так, дагестанцу легче произнести слово, в котором все согласные твердые или все согласные мягкие (например, *рама* или *сиди*), чем слово, где

одни согласные произносятся твердо, а другие мягко (например, *лиса* или *дело*). Еще труднее для произношения такие слова, где твердые и мягкие согласные встречаются в одном слоге в односложных словах (например, *соль, бил, конь* и другие) и в многосложных словах (например, *пальцы, борьба, мелко* и другие).

В связи с этим при изучении *и, е, я, ю, ё* после согласных надо сначала дать слова, где все согласные мягкие (*иди; сиди; няня*), затем слова, где одни слоги содержат мягкие согласные, а другие — твердые (*зима, сено*). Далее пойдут односложные слова с закрытыми слогами, где последний согласный твердый (*мел, мех, мял, вел*). В заключение надо дать многосложные слова, содержащие такие закрытые слоги (*вилка, тарелка* и пр.).

В такой же последовательности надо дать слоги с *ь* как знаком мягкости: сначала поместить слова, где все согласные мягкие (*ель, день, учитель, деньги* и др.), затем односложные слова, где есть и твердые и мягкие согласные (*уголь, конь, огонь* и др.) Наконец даются многосложные слова с такими слогами (*мальчик, пальцы, сколько* и др.).

Особое внимание и место в букваре надо уделить слогам со стечением согласных, особенно в начале слова, так как известно, что многие стечения согласных, особенно в начале слова, трудны для дагестанцев. Поэтому такие слоги никак нельзя давать раньше, чем в русской школе, где они не трудны для произношения, трудны лишь с точки зрения техники чтения.

Такой порядок изучения слогов можно рекомендовать для любой дагестанской школы с нерусским составом учащихся.

Как даны различные по строению слоги в рассматриваемом букваре? Слоги с мягкими согласными рядом со слогами с твердыми согласными появляются сразу же, как только вводится звук и: *Шапи, Нури, Миша, Сима, Ниса, Нина*, а слов, где все согласные произносятся мягко, здесь нет. То же наблюдается и на стр. 54, где дан звук *е: лето, дедушка;* там, где дается *я*, сначала помещены слова *котята, утята*, потом *дядя, няня, мясо, ребята, Оля, Коля, Надя*. Ясно, что слова расположены не в той последовательности, о которой была речь выше.

Слоги, включающие и мягкие и твердые согласные, появляются очень рано. На стр. 37 дано слово *рис*, на стр. 39 — слова *сидит* и *стоит;* на стр. 54, где дана буква *е* после мягких согласных, первым оказалось слово *лес*, а третьим — *белка;* в качестве примеров употребления *ё* после мягких согласных даны такие слова: *орел, козел, котел, самолет* и другие. Слова с *ь* на конце слога тоже расположены без учета трудности их произношения. Первым словом с *ь* на конце оказалось слово *конь*, а затем даны более простые с точки зрения произношения слова *ель, пень*. В первом столбике на стр. 63 подобраны такие слова с *ь* на кон-

це, в которых все остальные согласные звуки твердые: *гусь, конь, лось, голубь*. При сравнении слов с *ь* и без *ь* дана пара *ел — ель*. Следовало расположить слова в обратном порядке. На стр. 64 помещены неодносложные слова с *ь* на конце слога. И здесь с самого начала даны трудные случаи: *пальто, письмо*, а слово *деньги*, в котором все согласные мягкие, оказалось между ними. На стр. 77 даны такие случаи употребления буквы *х*: *ухо, муха, орех, хомут*. Наиболее трудным для произношения является слово *орех*. В подобных словах дагестанцы, как правило, смягчают *х*. Следовательно, такие слова как наиболее трудные надо давать в последнюю очередь.

Недостаточно продуман и вопрос о стечениях согласных. Группы согласных в начале слова появляются уже на первых страницах. В шестой урок обучения грамоте входит слово *стоит*, в девятый — *три*, в одиннадцатый — *стол, стул*, далее через девять страниц — слово *ест*, еще дальше — другие группы согласных. На стр. 75, где дана буква *ю* после мягких согласных, слова расположены в таком порядке: *блюдо, утюг, ключ, рюмка*, а потом *Люба, люди*. И здесь не соблюдается принцип расположения слов в порядке возрастающей фонетической трудности.

* *
*

Одним из важных вопросов является вопрос о грамматическом материале в букваре. Составителями букварей для русской школы он не ставится, так как сложных грамматических конструкций в букваре нет, а простыми русские дети практически владеют.

Для нерусской школы этот вопрос имеет большое значение. Учащиеся нерусской школы не только учатся читать, но и овладевают русским языком. Следовательно, в какой-то определенной последовательности их надо знакомить с различными типами словосочетаний в русском языке, с различными грамматическими формами. И эту работу надо начать уже в букваре. Объем грамматического материала, который дети должны усвоить за это время, следует определить в программе. К сожалению, программа по русскому языку для дагестанской нерусской начальной школы (издание 1958 г.) в этом отношении составлена неудачно. Некоторые грамматические явления, с которыми нельзя не знакомить детей уже на первых порах обучения русскому языку, программой не охвачены.

Мы не беремся дать полный перечень форм, практическое усвоение которых должно быть начато уже в букварный период. Однако, без сомнения, в их числе должны оказаться следующее:

1. формы мн. ч. наиболее употребительных существительных;
2. формы косвенных падежей существительных;

3. согласование в роде и числе местоимений, *наш, ваш, мой, твой* и прилагательных в и. п. с существительными;

4. употребление местоимений *он, она, они* и числительных *один, одна, одно;*

5. употребление некоторых наиболее распространенных предлогов *(у, на, в, с)* и союзов *(и, а)*.

Следует с достаточной последовательностью повторять эти наиболее употребительные грамматические формы, противопоставляя друг другу те из них, которые противопоставлены в языке (ед. ч. и мн. ч., согласование с существительными м. р., ж. р., с. р.). Это и будет способствовать их практическому усвоению.

Несомненно, требования по грамматике, а также и по лексике, должны быть одинаковы во всех нерусских школах Дагестана.

Грамматический материал в рассматриваемом букваре вводится с соблюдением некоторой последовательности. Уже в букварный период удачно даны согласование местоимений *наш, наша* с существительными, употребление местоимений *он, она, они,* согласование глаголов прошедшего времени с существительными-подлежащими.

Однако употребление косвенных падежей с предлогами и без предлогов в этой части букваря такой последовательностью не отличается. Значительно лучше этот вопрос разрешается в последующей части букваря, где дано довольно большое количество упражнений грамматического характера.

Лексика анализируемого букваря в основном отобрана хорошо. Некоторые возражения вызывает только использование дагестанских собственных имен. Они в букварях для дагестанской нерусской школы обычно используются очень широко. В данном букваре уже на первых страницах встречены такие из них: Муса, Иса, Шапи, Нури, Патимат, Дада, Ниса, Саид, Али, Булат, Загир, Заур, Зара, Назир, Расул, Абакар и другие. Эти имена учащиеся несомненно будут читать по-своему, т. е. по нормам фонетики родного языка. Тем самым будет поставлен знак равенства между звуковым значением букв для русского и родного языков. Это нанесет существенный ущерб работе по привитию навыков правильного русского произношения. Собственные дагестанские имена можно включать только тогда, когда у детей вырабатываются более или менее прочные навыки правильного чтения русских букв, чего в букварный период они, конечно, не достигнут. При обучении русской грамоте в случае необходимости надо использовать русские имена. Это будет вполне закономерно. Ведь при изучении языка какого-либо народа принято знакомить обучающихся с жизнью и бытом этого народа. Чем больше на уроках русского языка дети будут знакомиться не

только с жизнью своей народности, но и с жизнью республики, с жизнью русского народа, с жизнью всей страны, тем лучше будет усваиваться язык, тем шире будет кругозор ребенка.

ВЫВОДЫ

1. Предварительным условием правильного решения вопроса о русском букваре для дагестанской нерусской школы является выяснение трудностей усвоения русского языка представителями всех народностей Дагестана и носителями диалектов, отличающихся от литературных языков.

2. При составлении русского букваря для дагестанской нерусской школы решающее значение имеет правильное разрешение следующих вопросов:

а) последовательность изучения букв и звуков,
б) последовательность изучения слогов и их сочетаний,
в) грамматика в букваре,
г) лексика в букваре.

3. Недостатки используемого в настоящее время в дагестанских нерусских школах «Букваря русского языка» П. В. Виноградовой, В. М. Криштопы и С. М. Омарова состоят не в том, что этот букварь не учитывает специфики того или иного конкретного языка при решении этих вопросов, а в том, что он недостаточно учитывает трудности усвоения русского языка носителями языков Дагестана в целом.

4. Несмотря на многонациональность Дагестана, можно найти единое решение этих вопросов в букваре для дагестанской нерусской школы с любым национальным составом учащихся.

P. S. Признавая возможность создания единого русского текста букваря для всех тех нерусских школ Дагестана, где обучение идет на родном языке, мы далеки от мысли, что методика обучения русскому языку во всех этих школах будет единой. Но не все вопросы методики даже начального обучения русскому языку разрешаются текстом букваря. В букваре может быть лишь определенный отбор и определенное расположение материала. Все остальное должно быть изложено в специальных методических руководствах для учителя, которых, к сожалению, пока еще нет и которые очень нужны.

Вот в таких руководствах в ряде случаев пойдет речь и о разных приемах обучения в зависимости от национальности учащихся.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

СОВПАДЕНИЕ ФОРМ ИМЕНИТЕЛЬНОГО И ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Статья первая)

Б. И. СКУПСКИЙ

Совпадению форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке исследователи уделяли и продолжают уделять очень много внимания. В каждом общем курсе по исторической грамматике русского языка, не говоря уже о целом ряде других более частных работ по истории русского языка, мы находим больший или меньший раздел, посвященный этому явлению. В итоге по интересующему нас вопросу собран значительный материал и сформулированы очень ценные предположения о сущности совпадения форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода и условиях, в которых оно происходило.

Тем не менее имеются основания думать, что процесс этот изучен еще недостаточно. Свидетельством этого может быть то, что в научной литературе нет единого мнения по основному вопросу — о сущности этого явления. Вплоть до настоящего времени по этому вопросу высказываются различные предположения.

Согласно одному объяснению (оно касается лишь вопроса о происхождении формы именительного падежа множественного числа на *-ы*), совпадение форм им. и вин. мн. у существительных м. р. явилось следствием влияния существительных ж. р., окан-

чивающихся в им. мн. на *-ы* (М. Колосов[1], К. Мейер[2], отчасти П. Я. Черных[3] и акад. Л. А. Булаховский[4]).

Согласно другому объяснению, совпадение форм им. и вин. мн. у существительных м. р. явилось следствием особого процесса — обобщения форм этих двух падежей. Так, в частности, объясняли это явление акад. А. И. Соболевский[5], акад. А. А. Шахматов[6], акад. С. П. Обнорский[7] и многие другие исследователи. В настоящее время эта точка зрения является общепринятой, традиционной[8].

В подтверждение каждого из этих двух объяснений, особенно второго, приводится много доказательств. Доказательства эти, не лишенные в общем некоторых оснований, при ближайшем рассмотрении оказываются недостаточно убедительными.

Так, обе эти точки зрения оставляют открытым вопрос о непосредственных причинах, обусловивших процессы, следствием которых явилось совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода. В связи с этим остается неясным, почему это явление имело место именно в определенный период истории русского языка, (главным образом, в XIII—XIV вв.), а не раньше или позже. В этом отношении особенно сомнительным представляется второе объяснение, согласно которому совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке было обусловлено тем, что еще в общеславянском языке формы этих падежей совпадали у опре-

---

[1] Срв. М. Колосов. История звуков и форм русского языка с XI и XVI столетие. Варшава, 1872, стр. 109, 110, 139.

[2] Karl H. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache. Bonn, 1923, стр. 118.

[3] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1952, стр. 153.

[4] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Том II. Изд-во «Радянська школа», 1952, стр. 127, 137, 138.

[5] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Из. 4. М., стр. 193—195. (Везде ниже ссылки на это издание).

[6] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века. Спб., 1886, стр. 202; он же. Исследование о двинских грамотах XV в. — Исследования по русскому языку, т. 2, в. 3, спб. 1903, стр. 106; он же. Курс истории русского языка, ч. 3, 1910/11 (литогр.), стр. 345 и др.

[7] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., Изд.-во АН СССР, 1931, стр. 99; он же. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 44, 153, 154 и др.

[8] В последнее время многие авторы общих курсов (П. Я. Черных, Л. А. Булаховский и особенно П. С. Кузнецов) все больше склоняются к мысли, что совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода произошло вследствие целого комплекса различных процессов—унификации типов склонений, объединения твердого и мягкого вариантов, обобщения основы и др. Как увидим ниже, такое мнение подтверждается фактами.

деленных типов склонений в двойственном, а также в единственном и множественном числах. Ибо вряд ли могла быть прямая связь между явлениями и процессами, разделенными огромным промежутком времени, измеряемом столетиями.

Кроме того, если исходить из второго объяснения, то совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода представляется явлением вообще непонятным. Как известно, грамматический строй языка в процессе своего изменения «совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила...»[1]. В этом отношении совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных м. р. вряд ли может быть рассмотрено как один из примеров совершенствования грамматического строя, так как оно привело к утрате формальных средств различения весьма существенных для языка грамматических категорий — субъекта и объекта действия. Одним из свидетельств того, что неразличение форм именительного и винительного падежей множественного числа затрудняло различение субъекта и объекта действия, может быть развитие категории одушевленности во множественном числе, начавшееся непосредственно вслед за совпадением форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода.

Выходит, таким образом, что существующие в научной литературе объяснения того, что представляло собою совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода и какие были его причины, еще нельзя признать совершенно бесспорными, что явление это еще не изучено в достаточной степени.

Мы делаем попытку объяснить сущность и причины этого явления, увязав его с другими процессами, происходившими в древнерусском языке.

Известно, что в древнерусском языке имели место следующие процессы, общим итогом которых явилось упрощение системы именного склонения: объединение разных типов склонений, объединение форм твердого и мягкого вариантов склонений на *-а-* и на *-о-*, обобщение основы в твердом варианте склонений на *-а-* и на *-о-*.

Интересно поэтому поставить вопрос: в какой связи находилось совпадение форм им. и вин. мн. у существительных м. р. с перечисленными процессами? Не было ли совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 25.

существительных мужского рода в той или иной мере прямым следствием действия этих процессов?

Наблюдениями над показаниями древнерусских памятников установлено, что совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода в разных вариантах (разновидностях) этого склонения происходило не одновременно и в разных условиях. В настоящей статье делается попытка осветить это явление только в мягком варианте склонения существительных мужского рода.

История этого явления представляется в следующем виде.

Древнерусский язык унаследовал от общеславянского различие форм именительного и винительного падежей множественного числа существительных, принадлежавших ранее к мягкому варианту основ на *-о-* мужского рода. Именительный падеж множественного числа этих существительных выражался в древнерусском языке окончанием *-и*, винительный падеж множественного числа окончанием -Е («ять»)[1]. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в этом разряде существительных выразилось в замене старой формы винительного падежа множественного числа на Е формой на *и*, тождественной именительному падежу множественного числа. При этом одновременно с развитием винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте основ на *-о-* мужского рода происходил аналогичный процесс и у существительных на *-тель*, *-арь*, которые еще в доисторическую эпоху имели в винительном падеже множественного числа окончание -Е. В связи с этим ниже речь будет идти о мягком варианте склонения существительных мужского рода как о едином целом.

1. Хронология процесса

Памятники XI—XII вв. не представляют нам совершенно бесспорных примеров винительного падежа множественного числа на *-и*. Единственный пример, обнаруженный в памятниках этого периода «великыя ц(е)ркве обычаі избираемъ (Монастырский устав XII в., 184) не является вполне достоверным, потому что он может быть понят и как винительный падеж единственного числа.

Древнейший достоверный пример формы на *-и* сообщает акад. А. И. Соболевский: *събравъ князи* и люди» — Милятино евангелие 1115 г., 144, об.[2]. Следующий по времени пример пред-

[1] По техническим причинам буква Е здесь и ниже употребляется вместо древнерусской буквы «ять».

[2] Лекции по истории русского языка, изд. 4, стр. 195.

ставлен Житием Нифонта 1219 г.: «ноудимъ іс(оус)омъ с нимъ побарати сА[1] — *князи* бо имамъ владоуща нами» — 296.

Грамоты 1 половины XIII века представляют всего один пример винительного падежа, притом в своей старой форме: «Про свое *моуже*» (где *е=Е*) — Смоленская грамота 1230 г.

Следующие по времени примеры винительного падежа на *-и* свидетельствуются уже только памятниками II-й половины XIII в.: «и тъй пророкы и законодавци Аггелы наменуеть» — Кормчая ок. 1282 г., 115, и «въ боголюбивые *моужи*» — Псалтырь 1296 г., Послесловие; «а дроузии съ зада *оброучи* и мониста носАще» — Слово о богаче и о Лазаре XIII в. Акад. А. И. Соболевский сообщает еще следующие примеры из неопубликованных памятников 2-й половины XIII века: «*празнолюбци* приведоша ми» — Пролог 1262 г., 14; «держаще *ножи* и *меци*» — там же, 35 об; «три епископы *старци* привлекъ» — Рязанская кормчая 1284 г., 388 об: «подвигни *черноризци* и черноризцЕ» — Псалтырь 1296 г. 74 об 2).

Во всех известных грамотах 2-й половины XIII века винительный падеж множественного числа от этой категории существительных мужского рода встретился всего в нескольких случаях, притом большей частью в своей старой форме на *-е* (*-Е*): «и про *купче* новгородьские» Новг. гр. № 3 (1270); «Както немчи послали свое *коне*» — Р-ЛАХLIX, конец XIII в., «то ты, княжо, тые *коне* обизрелъ» — там же. И только в Уставе великого князя Владимира о церковных судах по списку XIII в. встретилась один раз форма на-и: «а се церковнии соуди *мертвеци* сволочать» — ДАИ 1 № 1.

Первая часть 1-й Новгородской летописи относится подавляющим большинством исследователей к XIII веку, точнее к его 2-й половине. Здесь мы находим много примеров винительного падежа множественного числа от существительного мягкого варианта основ на *-о-* м. р., притом не только с окончанием *-Е*, но и с окончанием *-и*. Формы на *-Е* и на -и распределены в 1 части памятника очень неравномерно.

Первая половина этой части, которая определялась Лавровским как первый почерк[2], представляет всего два случая вин. мн. на -и: «почаста копити *вои*»—7 (1135)[3] и «позва..... вячшеи *мужи* по сынъ» — 25 (1199).

В подавляющем же большинстве случаев здесь употребляется старая форма вин. мн. на *-Е* (или на *-е* = *-Е*): «и нача *вое*

[1] Здесь и ниже буква А по техническим причинам употребляется вместо старославянской буквы «юс малый».

[2] Срв. его же. О языке северных русских летописей спб, 1852, стр. 156.

[3] Здесь и ниже первое число означает страницу указанной летописи по изданию 1841 года, а цифры в скобках означают год, под которым обнаружен пример.

свое дЕлити» — 1 (1016); «Идоша... на *половьцЕ*» — 3 (1103); «Избиша *ПоловьчЕ* на Дунаи»—3 (1106); «Иде Святопълкъ... на *ПоловьцЕ*» — 7 (1135); «Новгородьци призваша *ПльсковичЕ*» — 7 (1136); «зваша *НовгородцЕ* на Кыевъ» — 8 (1130); «Епископъ и *купцЕ*... не пущаху изъ Руси» — 9 (1142); «Ростиславъ.... позва *НовгородцЕ* на порядъ огнищане, гридь, *купце*»[1]— 14 (1166); «избивъше *стороже*» — 16 (1174); «Яропълка..... оковав и *НовотържьцЕ* всЕ» — 18 (1181); «въ то же лЕто рубоша *НовгородцЕ* Варязи на ГътЕхъ, *НЕмьцЕ* въ Хоружьку» — 20 (1188); «посла въ *ПоловьцЕ*» — 23 (1195) и др., всего 19 примеров.

Во второй половине 1-й части, определяемой П. Лавровским как второй почерк[2], преобладает вин. мн. на *-и: «и манастыри* пограбиша» — 29 (1204); «а *Новгорди* пусти» — 30 (1206); «съзва.... вси *мужи*» — 33 (1215); «изъищю мужи *Новгородстіи*» — там же; «поимав старшЕишие *мужи*... а *Новотържци* вси» — 34(1216); «пусти *мужи* мои *Новгородьци* и *Новотържци*» — там же; «Константинъ же одари честью *князи* и *Новгородьци*» — 35(1316); «А по *НЕмци* послаша» — 35(1217); начаста сЕчи прежи *князи*» — 36(1218); «Послаша владыку..... и старЕишеи *мужи*» — 38(1222); «дары принесе многы, *кони* и вельблуды» — 40(1224); *на сторожи* — там же; *«князи* имьше»— 41 (1224); «Новгородци же *сторожи* поставиша»—там же; «поимя.... *мужи* Новгородьскыя» — 41(1225); *«по новогорци* послаша» — 42(1225); «Пльсковичи же тогда подъвьгли[3]. *НЕмци*... и Лотыголу» — 43(1225); «хотя ковати вяцьшее *мужи*» — 43 (1226); «поя съ собою *мужи*» — 47 (1230); изъима *Пльсковици*» — 48(1231); «Иде... на Немци» — 49(1234); на *сторожи*— 49(1234); «убиша..., 4 *мужи* и *цьренци* 4 убиша» — там же. Всего форма на -и засвидетельствована во 2-й половине 1-й части памятника в 28 случаях.

Форма же на *-Е (-е)* встретилась всего 11 раз: «пустити на *кораблЕ*» — 28(1304); «*ЧерньчЕ* же... облупиша» — 29(1204); «почя звати *«НовгородьчЕ*» — 32(1214); «пожали на *НовгородцЕ*» — 33(1215); *«НовгородцЕ* созвали на поле» — там же; «товарЕ ихь раздая и *конЕ*» — там же; «придохомъ... на ..... *ПоловчЕ*» — 40(124); *«вое* пристраивати» — 40(1224); «поилъ есмь *конЕ* — 41(1224); «съзва..... *НовгородцЕ* — 42(1225); «поимя.... *НовгородцЕ*» — 45(1230). Всего в первой 1-й Новгородской летописи обнаружено форм вин. мн. на *-и* 31 и на *-Е* (-е)—30.

---

[1] Здесь возможен и именит. мн., срв. **огнищане.**
[2] О языке северных русских летописей, стр. 156.
[3] В другом списке **плевели.**

Мы видим, таким образом, что живые древнерусские формы вин. мн. на -Е (-е) и *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода употребляются в 1-й части 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку в общей сумме почти в равных количествах. Но при этом очень важно учитывать, что во второй половине первой части этого памятника формы на *-и* значительно преобладают над формами на *-Е (-е)*. Если к тому же принять во внимание, что в письменных памятниках, особенно таких, как летописи, бóльшая или меньшая часть старых форм может быть употреблена по традиции, а не в соответствии с живыми особенностями языка, то можно будет предположить, что в языке писца, составлявшего 1-ю часть летописи, или, по крайней мере, ее 2-ю половину, форма на *-Е* могла уже отсутствовать. Принимая по внимание господствующее в литературе мнение, согласно которому 1-я часть летописи была написана во второй половине XIII века, можно предположить, что замена формы на -Е формой на *-и* в основном заканчивается в живом древнерусском языке примерно во 2-й половине XIII века, вероятнее всего, в конце XIII, но не позднее начала XIV вв.

2-я часть этого памятника (30—40 гг. XIV в.) уже не знает ни одного случая вин. мн. на *-Е*. Здесь употребляется везде только форма на *-и:* «поимя съ собою *Новгородци*» — 50(1234); «избиша ...*мужи*»—51(1238); «поруби *Новгородци*»—52(1238); «поимаша... вси *кони*» — 53(1240); «Поиде князь.. на *нЕмци*» — там же; князь Олександръ... изъима *нЕмци*»—там же; «а *НЕмци* приведе» — там же; «отъяша.... *кони*» — 54(1245); «даи намъ сторожи» — 15 (1251); съвокупи..... *вои*—58 (1265); отъятъ от нас *мужи* добрые—50 (1268); пригониша *сторожи*»—62 (1270); «позва *Новгородци*» — 72(1318); «постигъся *въ черньци*» — 72(1322); «князь.... моливъ *новгородци*» — там же; «*торговци*... изсЕче» — 74(1329).

К первой половине XIV века относится всего 2 грамоты, в которых имеется винительный падеж множественного числа от существительных мужского рода с основой на мягкий согласный. При этом первая из них, новгородская грамота 1304—1305 гг., представляет еще вин. мн. на *-Е*: «за *нЕмцЕ* загонилъ» — Новг. гр. № 11. Но уже вторая грамота, духовная Ивана Калиты, дошедшая до нас в двух экземплярах, употребляет только форму на -и: «далъ есмь., Темну, *Галичичи*»[1]. — ДДГ № 1а и ДГГ № 1б; «А се даю с(ы)ну своему *Ростовци*»[1] — там же.

С этих пор древнерусские грамоты употребляют уже только форму на *-и*. В грамотах XVI века, по свидетельству проф. Б. Унбегауна, тоже употребляется только форма на *-и*. Лишь в

[1] Названия населенных пунктов.

одном случае ему встретилась форма на -Е: «и нынЕ намь опять *конЕ* седлати» — ДОСП, II, 93(1536)[1]. Правда, памятники книжной письменности еще довольно часто употребляют винительный падеж множественного числа на *-Е*. В Лаврентьевской летописи 1377, например, соотношение форм на *-и* с формами на *-Е* = 168:122. Вряд ли, однако, это может свидетельствовать о том, что в 1377 г. форма на *-Е* была еще известна живому языку. Больше оснований полагать, что употребление формы на *-Е* в Лаврентьевской летописи явилось следствием стремления писцов сохранять орфографию источников. Об этом красноречиво свидетельствует, между прочим, полное отсутствие формы на *-Е* в последней части памятника, повествующей о событиях после 1240 года.

На основании показаний памятников можно заключить, что совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в мягком варианте склонения существительных мужского рода началось в древнерусском языке не позднее начала XIII и полностью закончилось в конце XIII или начале XIV вв.

2. Происхождение формы винительного падежа множественного числа на -и в мягком варианте склонения существительных мужского рода

Развитие формы винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода объясняется в литературе не только как следствие влияния винительного падежа[2].

Значительное число ученых связывает установление винительного падежа на *-и* с влиянием твердого варианта склонения существительных мужского[3] рода и влиянием склонения на -i мужского рода[4].

---

[1] B. Unbegaun. Да langue russe au XVI-e siecle (1500—1550). Paris, 1935, стр. 144.

[2] Например, А. И. Соболевский. Исследования в области русской грамматики. А. Соболевского. Варшава, 1881, стр. 10—11 («Отд. оттиск из Русского филологического вестника», т. IV); он же. Лекции по истории русского языка, стр. 195; М. Ф. Парахина. Именное склонение в Синодальном списке I Новгородской летописи. Канд. диссертация. Киев, 1950, стр. 165—166. Отчасти также акад. И. В. Ягич. Критические заметки, стр. 110.

[3] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV в., стр. 189; он же. Исследование о двинских грамотах XV в., стр. 104; он же. Курс истории русского языка, ч. 3, стр. 498. Н. П. Некрасов. Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Спб. 1897, стр. 103 (отд. оттиск из «Сборника ОРЯС Имп. АН», т. IV, № 4); С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946 г., стр. 18, 40, 93, 152, и др.

[4] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. Спб., 1889, стр. 110; Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 282.

Общие замечания относительно предположения, согласно которому совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа произошло вследствие объединения форм этих падежей, были высказаны выше. Посмотрим теперь, в какой связи находилось развитие винительного падежа множественного числа на *-и* с объединением форм твердого и мягкого вариантов склонения на *-а-* и на *-о-* и с влиянием основ на *-i-*.

Объединение форм твердого и мягкого вариантов склонений на -а- и на -о- и развитие формы винительного падежа множ. числа на -у существит. муж. рода.

Если не считать тех случаев, когда под влиянием предшествующих мягких согласных не происходило совпадение гласных с другими гласными, то различия между твердым и мягким вариантами склонений на *-а-* и на *-о-* в общеславянском языке в старшую пору древнерусского языка сводились к следующему:

1. Окончаниям *-ъ, -ы, -омь, -омъ, -ою* в твердых вариантах соответствовали окончания *-ь, -и, -емь, -емъ, -ею* в мягких[1].

2. В родительном падеже единственного числа, именительном и винительном падежах множественного числа склонения на *-а* и в винительном падеже множественного числа склонения существительных мужского рода окончанию *-ы* в твердых вариантах соответствовало *-Е* в мягких; в дательном и местном падежах единственного числа склонения на *-а-* и местном падеже единственного и множественного чисел склонения на *-о-* окончаниям *-Е, -Ехъ* в твердых вариантах соответствовали *-и, -ихъ* в мягких.

Однако старые фонетические законы со временем перестали действовать, а с указанными различиями твердых и мягких вариантов не связывались различия грамматических значений этих форм. Поэтому в древнерусском языке происходит утрата различий между формами твердых и мягких вариантов, следствием чего является установление одинаковых окончаний для каждого из этих вариантов.

Различие между окончанием *-ъ* в твердых и *-ь* в мягких вариантах исчезло в связи с утратой редуцированных. Одним из частных случаев этого процесса явилась утрата конечных *-ъ* и *-ь*, в частности и окончаний *-ъ* и *-ь*. Как известно, этот процесс закончился в древнерусском языке во 2-й половине XIII века[2].

---

[1] Отмеченное отношение между окончаниями *-ы* в твердом и *-и* в мягком вариантах имело место только в творительном мн. склонения на *-о-*; во всех остальных случаях оконч. *-ы* в твердом варианте соответствовал *-Е* в мягком.

[2] Срв. А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 2, Спб. 1909/10 (литогр.), стр. 82; он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка, Спб, 1915, §§ 352, 353, стр. 217—218.

Различия между окончаниями *-ы* и *-и* тоже исчезли фонетически. Это произошло вследствие тех изменений, которым подверглись гласные *у (ы)* и і *(и)* в древнерусском языке. Как известно, эти гласные, являясь прежде разными фонемами, после падения редуцированных объединились в одну фонему, так что в современном русском языке гласный у (ы), как это не без основания утверждается рядом ученых, является не особой фонемой, а вариантом фонемы і *(и)*[1].

Замена е на о в окончаниях *-емь, -емъ, -ею* могла явиться или следствием объединения форм твердого и мягкого вариантов склонений на *-а-* и на *-о-*, или следствием фонетического изменения ударяемого *е* в *о*.

Больше, по-видимому, оснований объяснять это явление в первую очередь как объединение форм твердого и мягкого вариантов. В пользу этого говорит следующее.

Во-первых, замена *е* на *о* произошла не только в окончании *-емъ*, т. е. в положении перед твердым согласным, но и в окончаниях *-ею*, *-емь*, т. е. в положении перед мягким согласным. При этом замена *е* на *о* в указанных окончаниях произошла не только под ударением, но и в неударяемом положении.

Во-вторых, показательно, что в тех остальных современных говорах, где *е* перед твердым согласным не изменился в *о*, в окончаниях (и в суффиксах) имен наблюдается обычно *о* после мягкого согласного, что не без основания объясняется как следствие аналогии[2].

Хронологию замены *е* на *о* в окончаниях установить довольно трудно, т. к. на письме не было особого знака для передачи о после мягкого согласного. Замена *-емь, -ею, -емъ, -ою, -омъ*, в живом языке могла произойти значительно раньше, чем это начало отражаться в письменных памятниках. Древнейшие слу-

---

[1] Подробнее об этом см. Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки у и і.—«Вестник Московского университета», 1947, № 1, стр. 41—57; также: И. А. Бодуэн де Куртене. Введение в языковедение, изд. 4, 1911(12) литогр), §§ 60, 78 и 80, стр. 82, 83, 103 и 107; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 46—47.

[2] Срв., например, А. А. Шахматов. Курс истории русского языка ч. 2, стр. 168; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. 1, стр. 42—43; он же. Очерки диалектологии рязанской мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2, М.—Л., 1949, стр. 142, он же. Исследования в области русской диалектологии, ч. 2, стр. 141—142, А. Н. Гвоздев. Говор западной части Вадского района Пензенской области — «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева. Вып. 5, Кафедра языковедения». Куйбышев, 1942, стр. 95.

чаи этой замены (объясняемые акад. А. И. Соболевским фонетически) свидетельствуются памятниками XII века[1].

Все остальные расхождения между формами твердых и мягких вариантов устранились в процессе объединения форм твердых и мягких вариантов склонений на *-а-* и на *-о-*.

Древнейшим памятником, в котором отразился этот процесс, является Изборник Святослава 1073 г.: *милостынЕ* (дат. ед.)—86 и б(о)жественЕемъ *писание*» — 240 об.[2].

Другие памятники XI—XII вв. тоже представляют немало самых разнообразных примеров объединения форм твердых и мягких вариантов.

Формы родительного падежа единственного числа на *-и* мягком варианте склонения на *-а-* в древнерусских памятниках: варигы *д(уши)*—Пандект Антирха XI в., 168; также: с(вя)тоЕ м(у)ч(е)н(и)цЕ *еуфимии* — Архаительское ев. 1092 года, 169[3]; *из отроковичи* — Минеи 1095—97 гг. 045; «*Софии* с(вя)щенные лЕторасли» там же, 0192[4]; *надежи*—Ефремовская кормчая XII в., 109; *слоужьбьници* — там же, 773; *мьнишици* — там же, 741[5] «страсти м(у)ч(е)ница *фотинии* самаряниня» — Мстиславово евангелие ок. 1117 г., 194[6]; «пророка *Захари*»—Стихирарь 1157 г., 7; святые Мария *егиоптяни*» — там же, 133 об; «святыя *Марии*» — там же, 156 об; «пророка *Захарии*» — Стихирарь XII в., 8; «святые *Ефросинии*» — там же, 24 об.; «Зиновия и *Зиновии*» — там же, 43; «нЕколику *братии*» — Житие Феодосия Печерского по списку XII—XIII вв., 177; *от соудии* — там же, 86 (дважды)[8], и некоторые другие.

Именительный и винительный падежи множественного числа на *-и: розбойници* (им) — Ефремовская корчмая XII в., 104; *слоужьбьници* (им.)—там же, 790[9]; *пожни* (вин.)—грамота 1192 или 1211 гг.; *мышьци* (им. мн.)—слово св. Ипполита, стр. 30.

Дательный и местный падежи единственного числа на *-Е* этих же существительных: «святЕи *м(уче)н(и)цЕ* — Минея 1095,

---

[1] См. А. П. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 59.

[2] А. Розенфельд. Язык Святославова Изборника 1073 г. — «Русский филологический вестник», т. 41, стр. 185 и 186.

[3] Е. Ф. Карский. Архангельское Евангелие 1092 г. — Русский филологический вестник», т. 69, (1913), стр. 474.

[4] М. Корнеева. Язык служебной Минеи 1095 г. — «Русский филологический вестник», т. 75, (1916), стр. 126.

[5] С. П. Обнорский О языке Ефремовской корчмей XII века. Отд. оттиск из «Исследований по русскому языку», т. 3, вып. 1. Спб., 1912, стр. 85.

[6] Е. Ф. Карский. Особенности языка и письма Мстиславова Евангелия.— «Русский филологический вестник», т. 34, (1895), стр. 184.

[7] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 181.

[8] А. М. Лукьяненко. О языке Нестерова жития преподобного Феодосия Печерского. — «Русский филологический вестник», т. 58, (1907 г.), стр. 53.

[9] С. П. Обнорский. О языке Ефремовский Корчмей XII в., стр. 68.

023, «в ветъсЕ *обежЕ*» — там же, 093; к ширынЕ[1] — там же, запись[2]; «вь пустынЕ Минея 1096 г.; 51; *вл(а)д(ычи)цЕ* — там же, 58 и 60[3], *въ влосяницЕ* — Пантелеймоново евангелие XII в., 102; в *тьмницЕ* — там же, 146, об.[4].

Древнейший случай местного падежа единственного числа на *-е* (= *-Е*) в мягком варианте склонения на -о-, обнаруженный в Изборнике Святослава 1073 года, отмечен выше (см. стр. 273); другим достоверным[5] примером является при *Анатолие* — Триодь Моисея-Киевлянина (XII — нач. XIII вв.), 14[6].

Приведенные данные свидетельствуют, что в XI в. в древнерусском языке начался процесс объединения форм твердых и мягких вариантов основ на *-о-* и на *-а-*. В течение XI—XII вв. этот процесс распространился на все те случаи, где между формами твердого и мягкого вариантов имелись различия, не исчезнувшие фонетически. Если принять во внимание, что от этого периода до нас дошло сравнительно немного памятников, притом в своей основной массе памятников переводных, написанных книжным (церковнославянским) языком, в которых живые древнерусские явления отражались сравнительно очень редко, то можно считать, что в XII в. процесс объединения форм твердых и мягких вариантов протекал уже очень интенсивно.

Памятники XIII в. представляют нам дальнейшее увеличение количества примеров этого процесса: «от тое *земли*» — Гр. кас. до снош. № 11(1264); «с(вя)тои *софии*»—Новг. гр. № 3, дважды (1270), и др.[7].

Следует заметить, что объединение форм твердых и мягких вариантов интенсивнее проходило в родительном падеже единственного числа и именительном-винительном падежах множественного числа склонения на *-а-*, где формы на *-Е* заменялись формами на *-и*, и медленее в местном и дательном падежах единственного числа склонения на *-а-* и в местном падеже един-

---

[1] При им. ед. **ширыни**. срв. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб, изд. ОРЯС Имп. АН, 1912, стр. 1591 и 1592.

[2] М. Корнеева. Язык служебной Минеи 1095 г., стр. 126.

[3] В. Л. Комарович. Язык служебной Октябрьской Минеи 1096 г. Известия ОРЯС АН СССР, 1925 г., т. 30, стр. 40.

[4] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 181.

[5] Пример из Минеи 1095 г. «вь ч(е)л(о)в(Е)чЕ образЕ» не является вполне достоверным (См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 179; М. Корнеева. Язык служебной Минеи 1095 г., стр. 126).

[6] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка стр. 126).

[7] См. многочисленные примеры этого явления в Лекциях по истории русского языка А. И. Соболевского, стр. 181—182; также Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Л., Изд. АН СССР, 1930 г., стр. 15 и др.

ственного и множественного чисел склонения на *-а-*, где формы на *-и* заменялись формами на *-Е*. Так, во второй части 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку родительный падеж единственного числа и именительный-винительный падежи множественного числа склонения на *-а-* (мягкий вариант) представлен только формой на *-и* (всего 16 случаев). Все московские грамоты XIV века, начиная с духовной Ивана Калиты ок. 1339 г., тоже употребляют в этих падежах только форму на *-и*. В этих же памятниках дательный и местный падежи единственного числа склонения на *-а* и местный падеж единственного и множественного числа склонения существительных мужского рода представлен старой формой на *-и* еще довольно часто, не реже, чем формой на *-Е*. В значительной части это можно объяснить влиянием церковнославянской орфографии. Но, по-видимому, в какой-то степени это отражает и живые особенности языка XIV в.

На основании показаний памятников можно заключить, что развитие формы родительного падежа единственного числа и именительного-винительного падежей множественного числа на *и* в мягком варианте склонения на -а-, закончилось в живом языке не позднее, чем к 30—40 гг. XIV в.,[1] т. е., по всей вероятности, где-то в конце XIII — нач. XIV вв.[1].

Сравнение процесса развития формы винительного падежа множественного числа на -и в мягком варианте склонения существительных мужского рода с объединением форм твердых и мягких вариантов склонений на *-а-* и на *-о-* показывает, что между этими двумя процессами имеется очень много общего. Развитие формы винительного падежа множественного числа на -и в мягком варианте склонения существительных мужского рода могло происходить так же точно под влиянием формы на *-ы* в твердом варианте этого же типа склонения, как и во всех прочих упомянутых выше случаях объединения форм твердых и мягких вариантов новые формы в мягких вариантах развивались под влиянием аналогичных форм в твердых. При этом развитие винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода внешне напоминает один из частных случаев объединения форм твердых и мягких вариантов склонения на *-а-* и на *-о-*, именно— развитие родительного падежа единственного числа и именительного—винительного падежей множественного числа на *-и* в мягком варианте склонений на *-а-* и в одном и в другом случае

[1] По говорам, правда, сохранились старые формы мягких вариантов напр. в родительном, дательном, местном падежах единственного числа склонения на -а и, по-видимому, в местном падеже единственного числа склонения существительных мужского рода, которые позднее в свою очередь оказали влияние на формы твердых вариантов.

формы на *-и* развивались на месте старых форм на *-Е* в соответствии с формами на *-ы* в твердых вариантах. При этом, как свидетельствуют памятники, развитие винительного множественного на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода завершилось в древнерусском языке одновременно с развитием родительного падежа единственного числа и именительного—винительного падежей множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения на *-а-*, а именно в конце XIII — нач. XIV в. Все это может служить достаточным свидетельством того, что развитие винительного падежа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода представляло по своему существу частный случай более общего процесса — объединения форм твердого и мягкого вариантов склонения на *-а-* и на *-о-*.

Правда, начало развития винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода явно не совпадает с началом процесса объединения форм твердых и мягких вариантов склонения на *-а-* и на *-о-*: винительный множественного на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода начинает развиваться только с начала XIII в., в то время как объединение форм твердого и мягкого вариантов склонений на *-а-* и на *-о-* началось еще в XI в., причем этот процесс интенсивно развивался во всех случаях, где имелись прежде различия в формах твердых и мягких вариантов (но только кроме винительного падежа множественного числа существительных мужского рода), не исчезнувшие фонетически. Но такое отставание развития винительного падежа множественного числа в мягком варианте склонения существительных мужского рода не является для нас чем-то неожиданным. Замена винительного падежа на *-Е* формой на *-и* неизбежно должна была повлечь за собою совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа в этой категории существительных, что в свою очередь должно было привести к затруднениям в различении объекта и субъекта действия. Вполне естественно поэтому, что начало развития именительного падежа множественного числа в мягком варианте склонения существительных мужского рода могло значительно отстать от начала общего процесса объединения форм твердых и мягких вариантов склонения на *-а-* и на *-о-* и проявиться лишь в период наиболее интенсивного развития этого процесса. Такое относительно по́здней появление винительного падежа множественного числа на *и-* в мягком варианте склонения существительных мужского рода, таким образом, нисколько не противоречит тому, что развитие этой формы явилось частным случаем объединения форм твердых и мягких вариантов склонений на *-а-* и на *-о-*.

Посмотрим теперь, насколько оправдано предположение о связи развития винительного падежа множественного числа на -и в мягком варианте склонения существительных мужского рода с влиянием склонения на -i.

Вопрос о влиянии склонения на -i-.

Возможность влияния старых основ на -i- на мягкий вариант склонения существительных мужского рода представляется вполне вероятной потому, что, как известно, древние основы на -i- мужского рода, как особый тип склонения, исчезли в русском языке. При этом существительные, принадлежавшие ранее к основам на -i- мужского рода, как правило, перешли в склонение по типу основ на *-о-* мужского рода (мягкий вариант). В отдельных случаях старые основы на -i- мужского рода сохранили свое окончание и в свою очередь повлияли на основы на *-о-* мужского рода. Так, древние формы родительного, винительного и отчасти творительного падежей множественного числа склонения на -i- мужского рода сохранились и до настоящего времени. Древняя форма родительного падежа множественного числа на *-ии* склонения на -i- послужила образцом для мягкого склонения существительных мужского рода, например: *кънязии* — Еванг. 1270 г.; *безъ стихарии* — Кормчая 1282; *мужии* — Хр. Георгия Амартола XIV в., 143 об.; *мечии* — там же, 146; *князии* — Лавр. летоп. 1377 г., 265, 347, 418, 419, 440; *мужии*—там же, 14, Паремейник 1378, 9, 166, 106 и т. д.[1]. В современном русском литературном языке и говорах мягкий вариант склонения существительных мужского рода в родительном падеже множественного числа, как правило, образует форму на *-ей*, которая восходит к общеславянской форме на *-ии* старых основ на -i- мужского рода[2].

Приведенные данные свидетельствуют о полной правдоподобности предположения, согласно которому винительный множественного на *-и* развивался — помимо влияния твердого варианта склонения существительных мужского рода на мягкий— также и в связи с влиянием склонения на -i- мужского рода.

К сказанному следует добавить только, что развитие форм винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода было связано, по-видимому, с влиянием основ на -i- не только мужского, но и женского рода, так как исторически основы на -i- и мужского и женского рода представляют собою по существу один и тот же тип склонения.

---

[1] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 176.

[2] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, стр. 192 и след.

Оценивая значение склонения -i- для развития винительного падежа множественного числа на *-и* в мягком варианте склонения существительных мужского рода, следует также учитывать, что совпадение форм именительного и винительного падежей в склонении на -i- мужского рода произошло значительно раньше, чем в мягком варианте склонения существительных мужского рода. Это, а также то, что формы именительного и винительного падежей были тождественными в ряде случаев и у других типов склонений, могло в определенной степени облегчать замену формы на *-Е* формой на -и в винительном падеже множественного числа мягкого варианта склонения существительных мужского рода, одним из следствий которого должно было быть совпадение форм именительного и винительного падежей, хотя у нас и нет достаточных оснований считать, что совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у этих существительных по своему существу представляло собой объединение форм этих падежей.

*
* *

К сожалению, сущность процессов, следствием которых явилось совпадение форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода, имевших место в древнерусском языке, полностью еще не раскрыта, так как мы не касались твердой разновидности (мы надеемся это сделать в одном из ближайших выпусков). Однако и приведенный материал достаточен, на наш взгляд, для некоторых частичных заключений.

Нам кажется, приведенные факты в достаточной степени свидетельствуют о том, что совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода (мягкий вариант) произошло вследствии одновременного действия различных по своему характеру процессов: влияния твердой разновидности и влияния древних основ на -i-. При таком объяснении не только имеется полное соответствие с фактами, но и становится совершенно ясным, почему развилась категория одушевленности: с тождеством форм им. и вин. падежей множественного числа, возникшим вследствие совпадения этих форм, связаны были определенные неудобства, особенно если в роли прямого дополнения употреблялись одушевленные имена существительные. С развитием же категории одушевленности неудобство это утратилось.

* * *

Настоящая статья была уже в наборе, когда вышла в свет капитальная работа проф. П. С. Кузнецова «Очерки исторической морфологии русского языка», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959. Интересующее нас явление освещено в этом исследовании весьма обстоятельно и рассматривается в связи с другими морфологическими процессами. Отсылаем читателей к указанной работе.

Объяснение некоторых сокращений

ДАИ 1 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том. 1. Спб., 1846.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Дв. гр. — *А. А. Шахматов.* Исследование о двинских грамотах XV в. Части I и II. В кн.; «Исследования по русскому языку», т. 2, вып. 3. Изд. ОРЯС Имп. АН Спб., 1903. См. *Ч. II. Издание 115 грамот XV века,* стр. 1—157.

Новг. гр. — *А. А. Шахматов.* Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века. В кн.: Исследования по русскому языку», т. 1, вып. 2. Спб., изд. ОРЯС «Имп. АН, 1885—1895. См. *Приложение.*

РЛА — *К. Е. Напьерский.* Русско-ливонские акты, собранные К. Напьерским. Спб., 1868.

Гр. кас. до снош.—*К. Г. Напьерский.* Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках. Спб., 1857.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV. вып. 1-й

К ВОПРОСУ О ВОКАЛИЗМЕ МОСКОВСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ В XVIII ВЕКЕ

Р. И. ЛИХТМАН

Как известно, XVIII век — это важная эпоха в развитии национального русского языка. Именно в эту эпоху начинают создаваться нормы единого национального языка, и в создании этих норм активное участие принимают ученые и писатели XVIII века. При этом они опираются непосредственно на современный им живой разговорный язык Москвы, на «просторечие Москвы, с стихийной силой подействовавшее на книжную речь образованных москвичей прошлого века»[1]. На огромную роль московского просторечия[2] как образца в складывании норм национального языка неоднократно указывали русские ученые и писатели. Ломоносов образцом для произношения считает «московское наречие», которое «не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается»[3]. Ср. замечания Сумарокова о «прекрасном произношении московском»[4]. Такое же отношение к московскому просторечию как образцу наблюдается и позднее у деятелей русской культуры. Ср. известное высказывание Пушкина: «Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»[5].

---

1 Е. Будде. Несколько заметок из истории русского языка. ЖМНПр., 1898, № 3.

2 В настоящей статье термин «просторечие» применительно к XVIII веку употребляется как синоним термину «разговорный язык», т. е. для обозначения живой, не скованной нормами книжного и делового языка, обиходной речи коренных москвичей.

3 М. В. Ломоносов. Российская грамматика, 1755 г., стр. 52.

4 А. П. Сумароков. Наставление ученикам, соч., т. X, 1787 г., стр. 42.

5 См. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 1938, стр. 41.

Т. о., естественно, вопрос о том, что же представляло собой московское просторечие в XVIII веке, т. е. именно тогда, когда на его основе начинают создаваться нормы национального языка, представляет несомненный интерес, т. к. является неотъемлемой частью истории современного литературного языка. Когда сформировались произносительные и морфологические нормы современного литературного языка? Были ли они нормами живого языка в XVIII веке — в эпоху складывания национального русского языка?

К сожалению, мы не располагаем значительным количеством рукописей той эпохи, написанных москвичами, а печатные издания, как правило, вносят поправки, не сохраняют орфографических особенностей рукописи, т. е. не дают возможности решать вопрос о произношении автора, а также и о некоторых грамматических особенностях его речи. Поэтому особую ценность представляют те памятники, которые хорошо отражают живой язык автора.

Одним из таких памятников XVIII века, отражающих характерные черты московского просторечия того времени, является произведение мемуарного характера, написанное москвичкой, — «Записки Натальи Долгорукой». Этот памятник, одно из изданий которого[1] в общем хорошо сохраняет орфографию рукописи (о сохранении орфографических особенностей рукописи в издании говорит издатель), представляет прекрасный материал для исследования московского просторечия той эпохи, в частности, для описания его фонетических особенностей.

В настоящей статье на материале «Записок Натальи Долгорукой» рассматриваются некоторые вопросы вокализма московского просторечия первой половины — середины XVIII века.

Несколько замечаний о характере памятника. Ценность «Записок» как источника для лингвистического исследования устной речи заключается в том, что автор не претендует на литературность изложения, что «Записки» предназначались не для печати, а для сына и невестки, которым Наталья Долгорукая, тогда монахиня, хотела оставить на память рассказ о своей «бедственной жизни». Вот как она сама пишет об этом (кстати, отрывок, приводимый ниже, хорошо показывает манеру изложения, письма автора):

«Как скоро вы отъ меня поехали, осталась я во уединени, пришлю на меня уныние, и такъ отягощена была галава моя безпакоиними мыслями, казалось, что уже отъ тои тягости къ земле клянюсь. Не знала, чемъ бы те безпакоиние мысли разбить.

[1] Своеручныя записки Натальи Борисовны Долгорукой. 1913 г.

Пришло мне на паметь, что вы всегда меня просили, чтобы по себе оставила на паметь журналъ, что мне случилось въ жизни моеи достоино памети и какимъ средствомъ я жизнь проводила... Хатя я не могу много писать, но ваше прошение меня убеждаитъ, сколько можна буду старатца, чтобъ привести на паметь все то, что случилось жизни моей». И дальше: «Я такъ вам пишу, бутто я съ вами гаварю».

Конечно, любой письменный памятник не может фотографически отражать живую речь: какая-то доля литературности ему будет обязательно присуща. Поэтому, естественно, мы не можем поставить знак равенства между языком «Записок» и обиходной речью самого автора. И все же «Записки» хорошо отражают речь автора, отличаясь от многих мемуарных памятников того периода, в частности, от известного «Жизнеописания» Болотова.

Хорошо отражая орфографическую пестроту и неупорядоченность орфографии XVIII века, «Записки» изобилуют орфографическими ошибками, отступлениями от традиционного письма, на которое принято было опираться в эпоху, когда не сложились еще твердые нормы правописания. Отступления эти — чаще всего фонетического характера. При этом, если естественным и обычным в памятниках, где автор отступает от традиционного письма, является смешение букв под влиянием произношения (напр., отражение аканья обычно проявляется не только в замене буквы *О* на *А* в безударном положении, но и в обратной замене *А* на *О*), то для «Записок» очень характерно именно фонетическое письмо. В огромном большинстве случаев нарушение традиционного письма заключается не в беспорядочной замене одной буквы другой; автор использует ту букву, которая прямо отражает соответствующий звук. Примеры же косвенного указания на произношение по количеству своему незначительны. Так, например, в памятнике очень много случаев замены буквы *О* буквой *А* в безударном слоге: *ана* 11[1], *са мною* 16, *снасить* 28, *пралдаютъ* 18, *госпади* 17, *акошкамъ* (тв. п.) 20, *сонца* (им. п.) 21 и т. п. при одном только случае обратной замены: плаколи 21. Автор почти последовательно заменяет букву *«ять»* буквой *Е* при отсутствии обратной замены: *поехали* 11, *свете* 11, *едятъ* 48, *ездютъ* 48 и много других. Для отражения звука *О* под ударением после парных мягких и непарных согласных автор отходит от традиции, по которой в таких случаях следовало писать букву *Е*, и пользуется либо буквой О (после шипящих): *чорное* 43, *шолъ* 42, *харашо* 38, *тяжолие* 30; либо разными графическими приемами, не узаконенными в ту эпоху сочетаниями: *іо* (*трехнѣотъ* 46), *іео* (*бѣіеотъ* 47), *ео* (*маеоръ* 22), *еіо* (*пожмеіотъ* 35) —при

---

[1] Цифра при слове здесь и дальше означает страницу.

сохранении в других подобных случаях традиционного *Е*[1]. Любопытно, что автор «Записок» не употребляет буквы *О* после парных мягких согласных — в «Записках» нет случаев написания типа *пожмот*, в то время как в других памятниках наблюдаются именно такие написания, ср. в письмах Петра I: *наперотъ, нуломъ*[2]. Тот графический прием, который употребляла Н. Долгорукая, конечно, точнее отражает произношение, чем буква *О*. Такое же прямое отражение произношения мы находим в большинстве случаев и в употреблении согласных букв: *глупь* («глубь») 40, *умехчилось* 43, *опчемъ* 29; в приставках, которые по традиции писались с буквой З, наблюдаем написание наряду с З и *С*: *обеспаметавала* 21, *рассуждение* 15, 19, *исправитца* 25 и др.; ср. замену других букв: *нихто* 12, *щастия* 26; пропуск буквы: *персни* 16, *серце* 43 и др. (при очень немногочисленных случаях косвенного отражения произношения, т. е. употребления буквы, прямо не отражающей произносимый звук: *мошно* 27, т. е. можно, *небезисвесни* 12).

Подобных примеров, подтверждающих преобладание фонетических написаний, можно было бы привести много. Такой характер письма дает нам основания при решении ряда фонетических вопросов доверять написаниям в «Записках» и в некоторых случаях делать выводы на основании этих написаний. Фонетический характер письма автора будет приниматься во внимание и при решении вопросов, рассматриваемых в данной статье.

* *
*

Наличие аканья у москвичей в XVIII веке не подлежит сомнению. Установлено, что аканье было свойственно московскому просторечию уже в XVII веке; оно отражается в письмах Алексея Михайловича. Широко отражено аканье также в письмах и бумагах Петра I[3]. Многочисленны указания на акающее произношение москвичей и в трудах филологов XVIII века, предостерегавших от отражения этого явления на письме, которое Сумароков называл «женским правописанием»[4].

---

[1] Известно, что во 2-й половине XVIII в. не было особого знака для «тонкого О». Ломоносов, хотя и указывал на употребление в практике сочетания **ІО**, тем не менее в своей грамматике не включал в азбуку это сочетание. Сумароков предлагал для изображения «тонкого О» два сочетания— ЇО: майор и ЬО: Альона (Сумароков, Примечание о правописании, 44).

[2] К. В. Горшкова. Из истории московского говора к. XVII—нач. XVIII века (на материале писем и бумаг Петра I), кандидатская диссертация.

[3] См. К. В. Горшкова, указ. соч., 57. См. также В. Богородицкий, Диалектологические заметки. Московское наречие 200 лет назад. Типолитография Казанского Университета, 1902 год, стр. 34.

[4] См. А. П .Сумароков. О правописании, соч., т. VI, 1778 г., М., стр. 1103, 1102; Ломоносов, Грамматика, стр. 52; В. К. Тредиаковский, Разговор об ортографии, соч., т. III, 1849 г., стр. 207.

«Записки» Натальи Долгорукой, современницы Сумарокова, тоже являются образцом подобного «женского правописания», прекрасно отражая аканье как характерную черту произношения автора-москвички.

Аканье отражается в огромном количестве примеров, где мы находим букву *А* на месте этимологического *О* в самых разных положениях и морфемах — в предударных слогах (и в первом, и в более удаленных от ударенного слога) и в заударных (и в закрытых, и в открытых), в предлогах и в префиксах, корнях, суффиксах и окончаниях: *прашло* 22, *паехали* 27, *дашолъ* 23, *па той* 25, *па карманамъ* 28, *асетръ* 39, *аднаво* 19, *сваими* 39, *Госпади* 17, *надабна* 17, *лодак* 47 и мн. др.

Правда, процент написаний с *А* вместо *О* неодинаков для разных морфем. Так, в предлогах и приставках буква *О* заменяется на *А* значительно реже, чем в корнях. С другой стороны, количество написаний с *А* в заударных слогах меньше, чем в предударных. Можно ли эту закономерность объяснить разным произношением разных безударных слогов? По-видимому, нет. Не следует забывать, что заударные слоги чаще всего представляют собой определенные морфемы — суффиксы и окончания, т. е. такие элементы слова, зрительный образ которых мог прочно запечатлеться в памяти автора в силу своей повторяемости в разных словах. Не случайно и то, что и в предлогах и в приставках очень часто правильно употребляется *О*. При этом интересно отметить, что больше или даже постоянно буква *О* употребляется в тех морфемах, которые по звучанию своему не совпадают с морфемами с этимологическим *А*, т. е. в таких морфемах, написание которых не может смешиваться с написанием других морфем и зрительный образ которых поэтому легче может запечатлеться в памяти грамотного человека. Это относится, например, к приставкам *ОТ-*, *ОБ-*, которые в подавляющем большинстве слов написаны с *О* (нет приставок *АТ-*, *АБ-*), то же можно сказать о приставках (и предлогах) *ДО-*, *ПО-*, *ВО-*, *ПОД-*, о союзе *ЧТО*. То же можно сказать и о заударных слогах, в которых написания неодинаковы в разных морфемах. Напр., больше случаев написания *А* вместо *О* на конце слова (*акошка* 21 — им. пад., *места* 31, *ета все прошно* 16, *прativна была ета эхо слышить* 15 и др.); это может быть объяснено тем, что в русском языке часто пишется *А* в окончании: во многих существительных женского рода, местоимениях, глаголах в форме прошедшего времени женского рода, и правописание этих слов может поддерживать фонетическое написание *А* вместо этимологического *О* в окончаниях среднего рода. В других же заударных морфемах как правило не может быть зрительной аналогии, поэтому в суффиксах *-ОВ-*, *-ОВА-*, *ОСТЬ*, окончаниях *-ОЙ*, *-ОМУ* почти последовательно употребляется буква *О*.

Т. о., мы можем говорить об аканье автора, т. е. о смешении после твердых согласных этимологических О и А во всех безударных слогах и во всех морфемах.

Однако вопрос о качестве аканья, т. е. о качестве гласного в разных безударных слогах, о том, каково соотношение предударных — заударных слогов, а также I предударного — других предударных, решить очень трудно. Этот вопрос в литературе не решен до сих пор, и это вполне естественно, т. к. и другие источники, дающие нам свидетельства об аканье в XVII—XVIII веках, являются письменными, а не звучащими памятниками, а свидетельства грамматик XVIII века говорят об аканье в отличие от традиционного письма и от северно-великорусского произношения, но не о качестве его. Впрочем, в литературе имеют место некоторые попытки на основании отдельных косвенных указаний решить этот вопрос. Так, К. В. Горшкова в отношении заударных слогов на основании некоторых примеров делает вывод о совпадении заударных *А, О, Ы* в звуке, близком к *Ы*. Богородицкий также считает, что А. заударное, может быть, уже «сближается с неударенным *Ы*, если придавать фонетическое значение таким написаниям: *приписаваю, сказавал...*, т. е. если видеть в этом обозначении отражение не просто лишь графической ассимиляции гласных в двух соседних слогах[1]. Б. В. Томашевский на основании анализа рифм типа *алым — покрывалом* допускает, что в XVIII веке было возможно произношение падежного окончания *-ЫМ* как *-ОМ*[2].

В «Записках» Натальи Долгорукой мы находим четыре примера, которые также могут косвенно указывать на произношение редуцированного звука; в этих примерах наблюдается замена буквы *Ы* буквой *А*: *на особливахъ квартерахъ стояли* 34, *брилиантавами сергами* 15, *богатами дарами* 15, *откладавали* 25. Впрочем, в этих словах появление буквы *А* в прилагательных могло быть под влиянием *А* в окончаниях стоящих рядом существительных, а в глаголе — в результате межслоговой графической ассимиляции. Незначительное количество примеров и самый характер их не позволяют и по «Запискам» с достоверностью решать вопрос о качестве звука, которому в современном московском и литературном произношении соответствует редуцированный звук заднего ряда.

Несколько слов еще об одном явлении, отраженном в памятнике. Известно, что аканье в живом языке противопоставлялось в XVIII в. произношению по буквам, оканью в книжном языке. Можно думать, что определенный круг слов, книжных по про-

---

[1] В. Богородицкий, указ. соч., стр. 3.

[2] Б. В. Томашевский, К истории русской рифмы. Оттиск из «Трудов отдела новой русской литературы», т. 1, 1948 год, М.—Л.

исхождению, мог произноситься образованными людьми с безударным *О*. Во всяком случае, такое произношение можно предполагать у Долгорукой. На это указывает следующее обстоятельство.

При наблюдении над написанием корней выясняется определенная закономерность. В одних словах, как правило, этимологическое *О* отражено в букве *О*, в других — на месте этимологического *О* пишется буква *А* последовательно или наряду с *О*. Орфография в основном связана в таких случаях с лексикой. Подбор слов, пишущихся с *А*, в противоположность словам, пишущимся с *О*, не случаен. Букву *А* и беспорядочное употребление *О* и *А* мы находим в словах, не являющихся принадлежностью только книжного стиля, а также в явно разговорной лексике: *вадою* 33, *вади*[1] 31, но *вода* 29; *прасить* 35, но *просили* 11, *прошу* 33; *на дваре* 28, 34, но *двора* 22; *дароги* 31, *дароге* 33, *дарогу* 28, *дарогою* 29, но *дорогу* 29, 33; *хатя* 25, но *хотя* 13, 18, 23; *хателъ* 24, *хатятъ* 33, 34, *хателa* 35, но *хотела* 27, *хочу* 28; *радному* 27, *радние* 26, *радних* 25, *радни* 29, но *родная* 25; *каторои* 22, 27, 25, 32, 35, *каторая* 32, *каторые* 22, 24, 33, *каторыхъ* 15, но *которие* 25, *которимъ* 22, *которои* 12; *лашедямъ* 30, *на лошади* 22, но *лошедеи* 29, *лошедямъ* 30, 33 и др.; с *А написаны* слова: *вазить* 23, *вдави* 26, *гатовились* 23, *гатовая* 20, *далой* 32, *дражу* 32, *злабна* 22, *каму* 24, *камандовал* 22, *палки* 22, *пароки* 24, *пара* 22, *сирату* 26, *гаварить* 31, 32, 35, *гаварю* 14, *угавари* 27, *гаварилъ* 23, *гаваря* 20, *угаварить* 18, *пагаварить* 35, *патаму* 29, 30, 32, *залатою* 29, *залачоные* 16 и др.

Напротив, среди примеров, написанных с *О*, мы находим много слов, являющихся принадлежностью книжного стиля речи, например: *умножаитца* 34, *творецъ* 21, *торжественное* 21, *господня* 17, *гонение* 17, *доднесь* 25, *колеблетца* 17, *союз* 15, *почтены* 12, *изобилни* 12, *правосудие* 30, *челобитние* 24, *умилосердилъ* 25, *умилосердилса* 34, *милосердие* 21, *великодушно* 21, *любопитство* 11, *благородны* 11, *благосклонна* 14, *добродетели* 49; ср. написание с *О* таких приставочных слов: *сокровище* 21, *совокупились* 17, *сострадателная* 17, *возставить* 16, *возверзилъ* 49, *восшествие* 21, *востала* 17, *воспитана* 12, *подвергнуть* 19, *препроводихъ* 49, (ср. в приставках *ПРО-*, *СО-*, *ПОД-* в других словах возможна буква *А*: *прападают* 18, *праважаютъ* 27, *правадить* 25, *праважаю* 27, *праважали* 25, *сабратца* 35, *падбыла* 27, т. е. «подбила»). Все эти слова ни разу не встретились с буквой *А*. По-видимому, трудно объяснить это тем, что у автора прочно запечатлелся зрительный облик приве-

[1] Т. е. «воды». Особенностью орфографии памятника является употребление во многих словах **и** вместо **ы**, черта, очевидно, чисто графическая, не отражающая каких-либо особенностей произношения.

денных слов, которые могли быть усвоены автором по книгам, т. к. ведь и другие слова, в которых наблюдается безразличное употребление *О* и *А* или употребление только буквы *А*, часто автору встречались в книгах, и их графический облик тоже мог быть прочно усвоен. Последовательное употребление буквы *О* в приведенных книжных словах скорее можно объяснить тем, что орфография здесь отражает произношение высокого стиля, то есть что эти слова так и произносились автором с безударным *О*—так же, как автор неоднократно слышал их во время церковного чтения или чтения в другой обстановке. Это тем более вероятно, что часть этих слов употреблена в контексте, написанном в приподнятом тоне, отчасти прямо в церковных текстах. Интересно отметить, что в отрывке на стр. 45, очень близком к молитве, нет ни одного случая написания А в предударных слогах; мало таких написаний в отрывке на стр. 49, где в патетическом тоне Н. Долгорукая превозносит добродетели своего мужа.

* *
*

Особый интерес представляет вопрос о произношении звука, обозначаемого буквой «ять», в московском просторечии в XVIII веке. Известно, что в XVI—XVII вв. предполагается совпадение в языке москвичей этимологических *Е* и *ѣ*[1] в безударном положении и различение их в ударенных слогах; именно такая картина отражается, например, в Уложении 1649 года[2].

К. В. Горшкова отмечает сохранение в письмах и бумагах Петра в большинстве случаев этимологического *ѣ* и делает вывод: «Итак, анализ употребления буквы *ѣ* в памятнике показывает, что буква *ѣ* обозначала особый гласный звук, противопоставленный всем остальным в положении под ударением перед твердым согласным. В положении перед мягким согласным он совпадал с гласным звуком *Е*...» (в *Е* закрытом)[3].

Т. о., очевидно, на рубеже XVII—XVIII вв. в обычном живом произношении в положении под ударением еще сохранялось различение этимологических *ѣ* и *Е* (во всяком случае, перед твердым согласным).

Обратимся к грамматикам и другим работам XVIII века, описывающим следующий период развития московского просторечия. Их указания относительно произношения *ѣ* не очень определенны и ясны.

---

[1] По техническим причинам буква «ять» в статье заменяется буквой ѣ.
[2] См. П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 1952 г., стр. 113.
[3] К. В. Горшкова, указ. соч., стр. 49.

Так, у Ломоносова читаем: «Притом примечать должно, что буквы *Е* и *Ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует в *Е* дебелости, в *Ѣ* тонкости»[1]. В другом месте Ломоносов также отмечает, что *Е* и *Ѣ* трудно различаются и требуют «твердого учения грамоте и прилежного книг чтения»[2]. Ломоносов возражает против попыток отмены буквы *Ѣ* на том основании, что *Ѣ* и *Е* могут различать слова (здесь имеется в виду, по-видимому, чисто орфографическое отличие) и добавляет: «малороссияны даже в наречии своем различают *Е* и *Ѣ*»[3]. У Тредиаковского находим противоречивое замечание относительно того, что *Е* и *Ѣ* не имеют «разности в голосе», но букву выбрасывать из алфавита нельзя, чтобы не повредить «чистоте выговора, потому что *Ѣ* соответствует латинскому [*ie*]»[4]. Барсов ставит «*Е* в число полуотверстых гласных как одногласный с ятем по причине малоразнствующего сих букв произношения чистого, например, в словах *Ѣхать, подъѢздъ, въ питьѢ, о здоровьѢ и един, объемлю, питье, здоровье*... Но в растворенном произношении, т. е. после согласных сии буквы одна от другой различествуют, особливо в порядочном чтении, а у малороссиян и в просторечии, т. ч. написанные сии буквами сходные в прочем слова не для глаз только различаются, но и для слуха выговариваются разно...»[5].

Очень ценны по этому вопросу замечания Сумарокова, коренного москвича. Но и у него мы находим некоторое противоречие между замечанием о том, что «*Ѣ* всегда несколько в *И* вшибается»[6] и другим его не менее известным высказыванием: «Мне труднее многих было научиться отличать *Ѣ* от *Е*»[7]. По-видимому, «*Ѣ* вшибается в *И*» в высоком слоге, судя по второму замечанию Сумарокова. К этим высказываниям можно еще прибавить замечание Шлецера из его Российской грамматики: «В обыкновенном говоре по звуку *Ѣ* мало отличается от *Е*, если оба они стоят после согласных; от того случается, что часто в орфографии сомневаются, писать ли слово с *Е* или с *Ѣ*; потому что один слух не может определить их достаточно верно»[8].

Из всех этих высказываний вполне определенного вывода о качестве *Ѣ* в XVIII веке сделать нельзя. Ср. замечание В. В. Виноградова: «Ломоносов в своей грамматике уже почти отка-

---

[1] М. В. Ломоносов, Грамматика, стр. 49.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 54.
[4] См. В. В. Виноградов, указ., соч., стр. 103.
[5] А. А. Барсов. Российская грамматика, рукопись, стр. 13—14.
[6] А. П. Сумароков. Наставление ученикам, соч., т. X, стр. 49.
[7] Там же, стр. 42.
[8] См. К. В. Горшкова, диссертация, стр. 53.

зывается различать *ѣ* и *Е* в просторечии»[1]. Ср. однако у Брандта: «Что ж до *ѣ—я*, то можно допустить, что для москвичей XVII—XVIII века он еще отличался от *Е*, когда имел на себе ударение: за это говорит орфография московских грамот и показания Сумарокова и Тредьяковского..., так что слова «бредъ» и«слѣдъ» не представляли чистой рифмы, а разнились...»[2].

Однако «Записки» Натальи Долгорукой дают основания утверждать, что в послепетровскую эпоху *Е* и *ѣ* в живом произношении уже не различались. Об этом говорит несомненно интересная орфографическая особенность памятника: почти полный отказ автора от буквы *ѣ*, которая считается обязательной всеми грамматистами и широко употребляется в практике XVIII века, хотя и смешивается с *Е*.

Буква *ѣ* употреблена в «Записках» всего лишь в двух примерах: *малолѣтна* 13 и *гдѣ* 31.

Во всех остальных примерах с этимологическим *ѣ* буква *ѣ* не употребляется, а заменяется почти последовательно буквой *Е: ехать* II, *чемъ* (тв. п.) II, *темъ* 15, 23, 29, *техъ* 22, *утешить* II, *утеха* 12, *утешки* 14, *встретила* 13, *пределамъ* 12, *девушекъ* 14, *девка* 29, *невесту* 14, *нету* 16, *нетъ* 42, *летъ* 15, *свету* 16, *гневу* 19, *тело* 20, *недели* 39, *месицовъ* 49, *терпеть* 13, 44, *розумела* 15, *желели* 20, *усидеть* 21, *гледеть* 23, *смотреть* 34, *балеть* 39, *скрипеть* 43, *велелъ* 24, *смели* 29, 44, *хатели* 29, *скарея* 31, *мне* 12, *дворе* 14, *руке* 39, *все* 12, *всехъ* 18.

Наконец, дважды встречается замена *ѣ* буквой *И: везди* 34 и *гледить* 22 (ср. другие глаголы, где последовательно в суффиксе основы глагола пишется *Е*).

Конечно, *И* в этих словах может появиться в результате описки. Написание *гледить*, впрочем, может отражать и произношение морфологического происхождения, т. е. наличие в языке автора форм на *-ИТЬ* из старого *-ѣТЬ* по аналогии с глаголами на *-ИТЬ: ходить, бродить* и т. п. (ср. впрочем, выше — этот же глагол в другом месте и другие подобные глаголы написаны с буквой *Е*). Такое явление вообще известно русским говорам[3]. Ср. в «Записках» другие примеры, где мы предполагаем изменение суффикса основы инфинитива в результате грамматической аналогии: *увидить, слышить* (см. об этом ниже). Ср. в «Записках» же: *кричелъ* 16 — здесь возможно влияние глаголов на *-ЕТЬ* — подобное явление имеет место в ряде русских говоров, где воздействию глаголов с другой основой подвергаются не все глаголы данного типа, а только некоторые

---

[1] В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 103.

[2] Р. Ф. Брандт. Петровская реформа азбуки, М., 1910, стр. 7.

[3] См. С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 14—16. Один из примеров здесь — **абгледить** — форма жиздринская).

или даже только форма прошедшего времени с *Е* при инфинитиве на *А*: *кричать, пищать,* но *кричал; кричать, дышать, держать, держал, но кричел, дышел* и т. д.[1].

Возможно, особое произношение имели и слова *ГДЕ, ВЕЗДЕ* (написаны с *h* и *И*), т. к. известно, что отдельные слова могут звучать с особым звуком на месте старого *h* при обычном совпадении *h* с *Е* во всех других словах. (Впрочем, обычно такими словами являются *есть* и *нет;* наречные же слова указанного типа среди таких исключений не отмечаются).

Во всяком случае, как бы ни объяснять эти исключения, они не могут опровергнуть вывод, который вытекает из наблюдения над всем материалом памятника: *h* и *Е* в ударном положении совпадают. (О совпадении безударного *h* с *Е* см. ниже, след. раздел).

* *
*

Вопрос о безударном вокализме после мягких согласных в XVIII в. в литературе не описан. Несомненно, что в XVIII веке уже имеет место совпадение этимологических *А, Е* и *ѣ* в безударном положении после мягких, а также отвердевших согласных. На это в литературе есть указания. Выше говорилось о совпадении *ѣ* и *Е* в безударном положении уже в XVI—XVII веках. Что касается совпадения *А* и *Е*, то в конце XVII — начале XVIII века оно во всяком случае уже наблюдается в Москве. К. В. Горшкова на основании смешения букв *Я* и *Е* в письмах Петра делает вывод о еканье в его произношении[2]. Вывод о совпадении гласных неверхнего подъема в произношении москвичей можно сделать и из отдельных указаний филологов XVIII века, (см. о них подробнее ниже).

В «Записках» Натальи Долгорукой материал говорит о неразличении этимологических *А, Е* и *ѣ*. Однако, судя по материалу памятника, не так просто решить вопрос о качестве звука, в котором эти этимологические гласные совпадают. Рассмотрим отражение этих звуков в нашем памятнике в разных положениях и морфемах.

1. Этимологические *Е, ѣ, А* в предударных слогах

В подавляющем большинстве примеров на месте этимологических *Е, h* и *А* в разных морфемах пишется буква *Е:* на месте *Е — меня* 11, 13 (2 р.), 19, *себе* 11, 13, 14, 23, *великую* 18, *пе-*

---

[1] См. Диалектологический атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы, карты № 24 и 25.

[2] К. В. Горшкова, указ. соч., 79, 86. Ср. В. Богородицкий, указ. соч., стр. 3.

чалних 17, *печали* 13; *женихъ* 14, 18, 19, 20 (2р.), 22, *привести* 11, *терпеть* 13, *теснота* 16, *безсовесному* 19, *не знала* 11; *моего* 41, 37 (2), 26, 12, 11, *моево* 31, 16, 27, 13, 24, 26 и много других; на месте *Ѣ* — *грехи* 18, *слезами* 13, *утешение* 19, *бегутъ* 34 (2р.), *поместить* 15, *определила* 26, 38, 41, *предвиделъ* 45, *предлинная* 21, *чрезвычайние* 48 и другие; на месте *А* — *поднелась* 40, *паднелась* 47, *притенула* 40, *притенуло* 48, *воденой* 41, *леденне* 48, *присегали* 20, *взгленулъ* 21, *гледить* 22, *погледить* 21, *девяносто* 30, *тежолие* 30, *премую* 31, *объевил* 35, *объевили* 34, *умехчилось* 43, *гледеть* 23, *тежело* 29 (2р.), 28, 19, *чесами* 16, *чесу* 18, *начелись* 15, *желелъ* 36, *желели* 20, *желеютъ* 18, *лошедямъ* 33 (2р.), 30, 31, 42, *лошедеи* 29 и др. Подобных примеров в памятнике много. Очевидно, что они указывают на еканье в предударных слогах — особенно достоверны примеры с этимологическим *А*, отраженным буквой *Е*.

Правда, в «Записках» есть случаи правильного (с этимологической точки зрения) написания буквы *Я: князья* 23, *изъяснить* 17 (ср. выше *изъеснить*), *взглянула* 33 (ср. выше *взгленулъ, гледеть, гледить, погледить*); два раза в слове *святой: приобшался святыхъ таинъ* 49, *святое писание* 50; последовательно в слове *пять* (в разных его формах и производном от него): *пяти* 13, 41, 46, *пятнадцать* 15, *отягощена* 11, а также последовательно в предлоге **для**: *для свету* 16, *для милава* 28, *для мужа* 29, *для корму* 42 и т. д. *А* после шипящих сохраняется в примерах: *часовъ* 16 (ср. выше *чесовыхъ, чесу*), *жалка* 26, *шатать* 39, и всегда в производных от слова **счастье**: *щастливой* 12, *щасливу* 12, *щастливица* 14, *нещасливомъ* 19, *несщасливаи* 25, *сщасливои* 13, *щадили* 23, *частямъ* 16.

Разумеется, эти примеры не могут опровергнуть вывода о еканье в предударном положении в произношении автора «Записок». В большинстве случаев мы наблюдаем здесь следование традиционному письму (в ряде примеров сохранению буквы *Я, А* могла способствовать связь со словом или формой, где в той же морфеме *А* находится под ударением: князья — князь, пяти—пять, частямъ—часть).

Действительно отражающим какое-то особое произношение предударного звука может быть написание лишь двух слов: *святой* и *для*. Слово *святой* употреблено в «Записках» оба раза в особом контексте: «святых тайн» и «святое писание», и, может быть, в силу особенностей произношения высокого стиля («произношения по буквам») это слово и произносилось с предударным А. (Ср. выше аналогичное предположение относительно возможного оканья в книжных словах). К сожалению, примеров, подобных слову «святой» и в таком контексте, в каком употреблено это слово, больше в «Записках» нет, поэтому мы не можем установить определенную закономерность в отражении

этимологического А в подобных словах так же, как это было сделано в отношении *О*. Особняком стоит и правописание предлога **для**. Может быть, в последовательно правильном написании его можно усматривать привычное для глаза написание часто употребляющегося предлога (ср. такое же положение с правописанием и других предлогов — с *О* после твердых согласных). Но можно предположить и другое: предлог **для** мог произноситься и с ударением на *А*, или с *А* безударным, но не редуцированным качественно. Ср. в современном просторечии **для** может произноситься и с ударением (побочным): [*дл'а н' и вó*].

Действительное противоречие выводу о еканье в предударных слогах можно усматривать в нескольких примерах, где на месте *Е (h)* написана буква И: два раза в корне — *оситра* 39, *восимьсотъ* 29 (впрочем, может быть, это пример на *И* в заударном слоге?); три раза в префиксе *ПРЕ-*: *привеликои* 24, 31, *привеликая* 16 (ср., впрочем, выше: *превеликой, прешироκая, пребезмерно*); два раза в отрицательной частице: *ни слышно было* 18, *ни исходилъ отъ нево просящеи* 49; и в частице **ведь** (встретившейся только один раз): *вить надобна бы о томъ подумать* 26.

Впрочем, известно, что частица *ведь* может звучать с *И* при отсутствии других случаев совпадения *Е* и *И* в звуке *И*. Ср. Кошутич указывает именно на такое положение в произношении москвичей[1].

Почти все остальные примеры приходятся на две морфемы; *ПРЕ-*, *НЕ-*, что, очевидно, не случайно и может свидетельствовать об особом, не екающем произношении этих именно морфем в отличие от других (см. об этом ниже в связи с рассмотрением заударных морфем).

Следует отметить, что в словах с этимологическим *И* в предударных слогах мы не находим замены буквы *И* буквой *Е*, что тоже указывает на различение *Е—И* в предударном положении. Правда, слово **спихнуть** в памятнике написано с *Е*: *спехнетъ* 41, однако этот пример недостоверен, так как в русском языке (в говорах) этот глагол известен с гласным *Е* (и в ударенном положении); ср. в словаре В. И. Даля: *спихивать, спихать,... спихнуть...* или *спехивать* и *спехнуть*[2].

II. Этимологические *Е*, ~~*Ъ*~~ и *А* в заударных слогах

В заударном слоге резко отличаются друг от друга написания корней и разных аффиксов.

---

[1] Рад. Кошутич. Граматика русског језика, Петроград, 1919 г., стр. 55.
[2] Вл. Даль. Толковый словарь, М., 1935, т. IV, стр. 298.

1. Написания в корне

Буква *Е* пишется в конечном и неконечном слоге, закрытом и открытом, в положении перед твердым согласным и перед мягким: на месте этимологического *Е* — *замертво* 47, *неправедно* 49, *вынесъ* 22, 48, *очень* 18 и др.; на месте этимологического *Ъ* — *выехали* 26, 41, *нинешнее* 12, 16; на месте этимологического *А* — *тысечу* 49, *тисечи* 35, *тысечу* 29, *тысечъ* 17, *отнели* 18, *месецъ* 25, *памети* 11, *обеспаметевала* 21, *паметна* 31, *паметь* 11 (3р.), 17, (ср. впрочем, в других примерах сохраняется *Я: памяти* 20, *память* 46); после шипящих: *ужесъ* 34 и последовательно в разных формах слова **лошадь**: *лошедь* 32 (5 р.), 41, *лошеди* (мн. ч. и р. ед.), 30 (2р.), 41 (наряду с сохранением *А* в сложных числительных: *двенатцать* 17, *тритцать* 28, *пятнадцать* 15).

На фоне всех этих примеров с *Е* появляется несколько слов с заударным И: *ордини* («ордены») 20, *четыриста* 29, *месица* 29, *месица* 42, 31 (ср. выше *месецъ*).

Таким образом, в заударном положении в корнях картина аналогична той, какую мы наблюдали в предударных слогах: большинство примеров написано с *Е*, что позволяет сделать вывод о еканье и в заударном положении в корнях. Несколько примеров, впрочем, и здесь противоречат этому общему выводу. Из них, пожалуй, исключить следует *четыриста*, так как *И* может свидетельствовать о наличии в составе этого слова старой формы ж. р. числительного *четыри*, которая известна ряду говоров, различающих безударные *Е* и *И*.

2. Написания в аффиксах

Можно отметить три группы аффиксов по их правописанию: в одних аффиксах последовательно употребляется буква Е, в других — *И*, последовательно или наряду с *Е*, в третьих — буква *Я* (*А* после шипящих) последовательно или наряду с *Е*.

1) Буква *Е* употребляется последовательно в следующих аффиксах: на месте *Е*—в суффиксах: *-ЕН-* (*бедствена* 11, *боленъ* 18, 25, *косенъ* 18, *бледенъ* 21), *-ТЕЛЬ* (*приятели* 12, *старателя* 50, *жители* 48, *добродетели* 49), *-ЕР-* (*дочери* 12, *матери* 12, 13 (3 р.),*-ЕЦ* (*сострадалецъ* 47, 40, *живописецъ* 30), *-ЕК* в форме родительного падежа мн. числа (*девушекъ* 14, *старушекъ* 18); в окончаниях: *-ЕИ* (им.-в. ед. ч. м. р., пр. п. ед. ж. р. прилагательных и р. п. мн. ч. сущ.: *просящеи* 49, *въ нонишней векъ* 14, *последней разъ* 38, *по крайней мере* 43, *вдовствующей матери* 13, *по болшей части* 11, *государеи* 18), -ТЕ (2л. мн. ч. глагола: *знаите* 12, *можите* 16, *увидите* 14, *натерпитесь* 43, *избавте* 33 и др.), *-Е* (в звательной форме: *Боже* 25, 20, 21, 22, 26, 18 и

др., *Исусе Христе* 45), а также на конце некоторых служебных слов: *также* 38, *же* 42, 43, 47 и др.; на месте *А* — в суф. в слове *смешена* 49; на месте *Ъ* — в некоторых окончаниях и суффиксах наречий (из старых окончаний): *обе* 41, *вместе* 25, *кроме* 12, 23, 33, 36.

2) В других же аффиксах мы находим далеко не такое последовательное употребление буквы *Е:* в них может появляться буква *И* наряду с *Е* (на месте этимологического *Е* и *Ъ*) и наряду с *Е* и *Я* (на месте этимологического *А*). Это явление наблюдается в следующих морфемах: в уменьшительном суффиксе *-ЕНЬК-* — все примеры с этим суффиксом в памятнике написаны с *И: малинкие* 29, 36, 42, 46, *малинкая* 31, *малинкую* 32, *малинки* 42, 46; *малинкои* 48, *малинкомъ* 46, *беднинкую* 26; в суффиксе причастия *-ЕН-* наряду с *устроеное* 26, *поставлени* 46 *препоручено* 45, *упущено* 16 находим один раз: *обезпакоина* 42; в окончании глаголов I спряжения в подавляющем большинстве примеров имеет место написание *-ИТ, -ИШЬ, -ИМ, -ИТЕ* вместо *-ЕТ, -ЕШЬ, -ЕМ, -ЕТЕ: будитъ* 33, 34, 35, 43 и много других, *поможитъ* 36, *можитъ* 44, 17, 36 и др., *не хочитъ* 20, 38, *скажитъ* 24 (2р.), *паедитъ* 25, *не едитъ* 25, *плачитъ* 21; *станитъ* 43, *не знаитъ* 30 (2р.) и много других с *-ИТЪ; поѣребаимъ* 21, *паедимъ* 29, *приедимъ* 30, *не знаимъ* 30, *едимъ* 29, *не можимъ* 25; *възедишь* («взъедешь») 41; в суффиксе *-ЕК* в одном слове: *перелесачикъ* 31 (больше слов с этим суффиксом в памятнике нет); в окончании дательного, предложного падежей существительных I и 2 склонения — в нескольких примерах: *в страхи* 3, *на ветри* 39, *рощи* (дательный падеж) 40, *на етои недели* 33, *въ евтои дароги* 42 (ср. в другом месте: *въ евтой дороге* 42) — наряду с написанием *Е* в огромном большинстве примеров: *в народе* 18, *в комнате* 22, *въ доме* 34 и многих других; в суффиксах основы инфинитива — на месте этимологического *Ъ: видила* 22, *увидилъ* 21, *видили* 31 (ср. с *Е: видела* 22, *увидела* 34, 43, *увидели* 34, *обидели* 24); *видить* 15, 21, 28 (инфинитив этого глагола только в таком варианте и выступает); на месте этимологического *А: слишить* 15, (ср. *слишать* 36); *надеилась* 30 (ср. в слове *чаяние* и производных—постоянно Я: 27, 17, 33, 40, 50); в суффиксе сравнительной степени (односложном): *свиши* 17, *поменши* 31, *зарани* 14, при *Е* в других примерах: *дале* 30, 35, *боле* 16, *болше* 13, 25, 34, 35, 38, 44, 45, *выше* 22 и др.

Таким образом, если в корнях, как правило, мы находим букву *Е* не только на месте *Е* и *Ъ*, но и на месте *А*, случаи же написания *И* единичны, то в ряде аффиксов на месте разных гласных *(Е, Ъ* и *А)* наблюдается написание буквы *И*. Ср. и выше было отмечено написание морфем *ПРЕ-* и *НЕ-*, отличное от написания других морфем в предударных слогах. Конечно, такое написание может быть вызвано только одной причиной: произношением в

этих морфемах звука, близкого к *И*. Это подтверждается тем, что и на месте буквы *И* в некоторых категориях мы находим букву *Е* при последовательном сохранении *И* во всех других случаях: в суффиксе глагола — *раскаевалась* 19, *утаевать* 36 при *уговариваю* 27; в окончаниях существительных — *принцеса крове* 20, *въ церкве* 26 при *въ церкви* 49.

Любопытно, что и в других рукописях XVIII века смешение букв *Е* и *И* или замена буквы *Е* буквой *И* наблюдается как раз в тех же аффиксах, что и в «Записках». Так, у Петра I К. В. Горшкова отмечает незначительное количество случаев смешения *Е* и *И*, но в числе этих примеров — написания в окончаниях и суффиксах глаголов: *пишите* (изъявительное наклонение) — 2 раза; *видетъ*[1]. Ср. указание Богородицкого о том, что у Петра внутри слова *Е* обычно встречается правильно, но «заслуживает внимания написание *сышышишь*, представляющее случай с *И* в слабом неударяемом положении. Таким образом, неударяемое *Е* в данном положении если еще не совпало с *И*, то приближалось к *И*; ср. еще написание с опискою: *положижешь* («положишь»), где встречаем рядом написание того и другого гласного»[2]. Характерно, что, предостерегая от орфографических ошибок, отстаивая «словопроизводный принцип», Барсов отмечает такие ошибки в написании, как *чесы, честей, начелъ* и рядом: *дѣлаится, можитъ, строетъ...*[3]. Ср. указание Тредиаковского: «Литера (*і*) никогда у нас не меняется на (*Е*), но (*Е*) на (*і*), как *чітатъ* (имеется в виду «выговор»—Р. Л.), скажітъ вместо чітаетъ, скажетъ»[4] и в др. месте: «коренные (*Е*) неударяемые меняются часто в простонародном выговоре на (*і*)... *сказываітъ, повелѣваітъ приказываітъ*»[5].

Р. Кошутич указывает, что при несовпадении в старомосковском произношении *И* и *Е* личные глагольные окончания совпадают[6].

Есть свидетельства произношения И и в других морфемах, кроме глагольных окончаний. Барсов отмечает встречающееся написание *малинькой*, ср. у Ломоносова среди случаев смешения на письме *Е* и *И*: «в умалительных *малинькой* вместо *маленькой*, *хорошинькой* вместо *хорошенькой*»[7]. В грамматике Барсова (уже не в качестве примеров ошибочного написания, а в самом авторском тексте) находим такие примеры сущ. с суф. *-ИК*, где «*И* выключается из кончающихся на ИК умалительных: *«височикъ*,

---

[1] К. В. Горшкова, указ., соч., стр. 85.
[2] В. Богородицкий, указ. соч., стр. 4.
[3] См. А. Б. Шапиро, Русское правописание, стр. 178.
[4] В. П. Тредиаковский. Разговор об ортографии, стр. 231.
[5] Там же, стр. 274.
[6] См. Р. Кошутич, указ., соч., стр. 299—304.
[7] М. В. Ломоносов, указ., соч., стр. 54.

височка, барашикъ, барашка, пенечикъ, пенечка, платочикъ, чулочикъ... и пр.»[1]. Правда, в другом месте, говоря об «уменьшительных суффиксах», Барсов указывает на суффикс *-ЕК* и приводит пример: *камешекъ*, но рядом опять: *щелчок — щелчочикъ*[2]. Любопытны также среди ошибок в автографе Грибоедова случаи написания *И* вместо *Е* в суффиксе *ЕК*: *отдушничикъ, игольничикъ, дружочикъ, разочикъ, подарочикъ*. Этими примерами, да еще написаниями *И* в суффиксе *-ЕНЬК- (Боринька, новиньких, плохинький, тонинький)* почти исчерпываются у Грибоедова примеры написания *И* вместе *Е*[3].

Б. В. Томашевский считает рифмы типа *воин — спокоен* точными уже для поэтов XVIII века. Ср. Барсов в числе ошибок приводит написание *достоенъ*[4].

В грамматике Лудольфа приводится ряд примеров, где в суффиксе сравнительной степени пишется *И: старши, моложи, коротчи, виши, болши, менши*[5].

Бросается в глаза то обстоятельство, что написание буквы *И* вместо *Е* и в некоторых случаях *Е* вместо *И* как у Натальи Долгорукой, так и в других рукописях XVIII — начала XIX веков наблюдается, как правило, в таких морфемах, параллельно с которыми существуют другие, часто очень близкие по значению морфемы, отличающиеся от данных лишь одним звуком — о именно *Е* или *И*: рядом с глагольными окончаниями I спряжения *-ЕШЬ, -ЕТ, -ЕМ, -ЕТЕ* существуют в языке окончания II спряжения *-ИШЬ, -ИТ, -ИМ- ИТЕ;* наряду с суффиксом *-ЕК* — суффикс *-ИК*; наряду с окончанием существительного *Е* (дат. падеж, предложный) существует окончание *И* (у существительных третьего склонения); наряду с приставкой *ПРЕ-* — приставка *ПРИ-*, с частицей *НЕ* — частица *НИ*; наряду с суффиксом *-ИВА-* — суффикс *-ЕВА-*.

Можно предположить, что замена букв именно в этих морфемах не случайна: что, вызванная произношением в них звука среднего между *Е* и *И* или очень близкого к *И*, она поддерживается наличием аналогичных аффиксов с другой буквой. И все это обстоятельство может несколько затруднять решение важного вопроса: можно ли считать, что иканье имело место лишь в отдельных морфемах, таких, где оно могло возникнуть под влиянием других морфем, по аналогии с ними, в других же случаях, то есть в корнях и в других морфемах имело место еканье — или иканье было во всех морфемах, но на письме оно ярче

---

[1] А. А. Барсов, указ., соч., стр. 115.
[2] Там же, стр. 165.
[3] См. Р. Кошутич, указ. соч., стр. 299—301, сноска.
[4] А. А. Барсов, указ. соч., стр. 88.
[5] Г. В. Лудольф. Русская грамматика, Оксфорд, 1696 г. Переиздание 1937 г., стр. 123, 133.

всего отражается там, где возможна именно орфографическая аналогия?

Второе предположение, судя по материалу «Записок», вряд ли имеет основания. Если бы иканье было вообще характерной чертой безударного вокализма в речи автора, то можно было бы еще объяснить сохранение буквы *Е*, например, в окончании *-ТЕ*, суффиксе *-ТЕЛЬ*, суффиксе *-ЕЦ* и некоторых других морфемах, орфографический облик которых мог запечатлеться в памяти автора и в которых, значит, буква *Е* может не отражать истинного произношения (ср. аналогичное предположение мы делали выше в разделе об аканье). Но в таком случае невозможно объяснить очень много примеров, где в корнях пишется буква *Е* не только на месте этимологического *Е*, но и на месте *А*, что при фонетической манере письма, конечно, очень показательно. Если бы во всех морфемах на месте этимологических *Е* и *А* звучало бы *И* или звук, близкий к *И*, то совершенно закономерным было бы большое количество примеров с буквой *И* и на месте *Е*, и на месте *А*. Сохранение же буквы *Е* на месте этимологического *Е* и особенно употребление *Е* вместо *А* свидетельствует о еканье в речи автора, охватывающем, впрочем, не все морфемы.

Такой вывод подтверждается и некоторыми другими фактами. Анализ орфографии Петра I привел К. В. Горшкову к выводу о еканье у москвичей петровской эпохи. Что касается более позднего времени, то свидетельств в литературе мы находим очень немного, но они тем не менее важны. Так, Тредиаковский указывает, что «некоторые *(А)* неударяемые произносятся в простом выговоре за (Е)... Пример *часы* за *чесы*»[1]. «Некоторые» потому, что произношение *Е* отмечается не во всех морфемах, например, в другом месте Тредьяковский говорит о том, что «Иногда буква *(Я)* и неударяемая, а выговаривается прямо, не переменяясь в *(Е)*, как например, *добрая*, а не *добрае*...»[2]. (См. об этом ниже). Здесь уже прямое указание на екающее произношение, а не косвенное указание на произношение через орфографию, хотя и мимо таких свидетельств грамматик XVIII в. проходить нельзя (ср. напр. в грамматике Барсова конца XVIII века приводятся примеры замены буквы *А* на *Е*, среди примеров, вызванных соответствующим произношением[3]. Если обратиться к еще более поздней эпохе, к XIX веку, то и здесь можно найти указания на еканье. Кошутич отмечает, что в произношении москвичей XIX — начала XX веков в 1 предударном слоге *Е (h)* и *А* звучали как *Е*, которое было несколько слабее, чем

---

[1] В. К. Тредиаковский, указ. соч., стр. 273.
[2] Там же, стр. 232.
[3] А. А. Барсов, указ. соч., стр. 86.

ударенное. В остальных же слогах эти звуки произносятся как редуцированный звук, который является средним между *Е* и *И*[1].

Еканье является характерной чертой некоторых современных подмосковных говоров. С. С. Высотский отмечает еканье как характерную черту Юго-Западного Подмосковья[2]. Ср. карту в Диалектологическом атласе, где вокруг Москвы на очень небольшой территории отмечено иканье и несколько подальше — еканье[3].

Все эти данные дают основания сделать вывод о том, что в середине XVIII века московскому просторечию было свойственно еканье. Можно считать неосновательным вывод К. В. Горшковой о том, что в то время, как для эпохи Петра характерно еканье, для более поздней эпохи характерно иканье. «Более поздние памятники (ср. Своеручные записки кн. Долгорукой, грамматика Барсова) указывают на «иканье» как на более типичную особенность московского произношения»[4]. На самом деле, очевидно, иканье имело место в рассматриваемую эпоху, но в определенных морфемах. По-видимому, эту эпоху можно считать определенным этапом на пути к московскому иканью. Переход от еканья к иканью совершался, очевидно, сначала в ряде морфем, где действовала аналогия, влияние соответствующей морфемы со звуком *И*, близкой по звучанию, и, вероятно, в первую очередь совпадение происходило в морфемах, близких и по значению. Так начинают совпадать разные окончания дательного, предложного падежей *Е—И*; совпадают в звучании и глагольные окончания 2 разных спряжений (ср. такое же совпадение в 3-м лице мн. числа во многих говорах и в старом московском произношении, совсем уже не являющееся фонетическим); изменяется суффикс основы инфинитива под влиянием другого суффикса основы инфинитива (*видить, слышить* как *водить, ладить, сушить, душить*); суффикс *-ЕК* под влиянием такого же по значению суффикса *-ИК*; суффикс *-ЕВА-* под влиянием суффикса *-ИВА-*. Затем, можно предположить, что подобное неразличение проникает и в другие морфемы, изменение которых труднее объяснить влиянием соответствующего аффикса или ввиду значительного различия в значении (приставки *ПРЕ-—ПРИ-*, частицы *НЕ—НИ*) или ввиду того, что вообще нет соответствующих им аффиксов (появление *И* в сравнительной степени непосредственным влиянием другого аффикса объяснить невозможно).

Явление грамматической аналогии в ряде указанных морфем вообще хорошо известно в языке. Ср. выше говорилось об изме-

---

[1] Р. Кошутич, указ. соч., стр. XII, 34—36.

[2] С. С. Высотский. Говоры Юго-Западного Подмосковья. Диссертация, стр. 50.

[3] Диалектологический атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы, карта № 3.

[4] К. В. Горшкова, указ. соч., стр. 191.

нении суффикса основы инфинитива глагола под ударением. Хорошо известно широкое распространение взаимодействия глагольных окончаний разных спряжений. Кстати, в некоторых средневеликорусских говорах (Юго-Восток Московской области и северная часть Рязанской области) произношение *Е* на месте *И*, отмеченное в конечном закрытом слоге, чаще всего «встречается в личных формах глаголов второго спряжения и в образованиях на *-ИК (дом'ек, сноп'ек* и т. д.)»[1].

Следует заметить, что совпадение звуков в некоторых положениях (морфемах) может привести к смешению соответствующих букв на письме не только в этих положениях (морфемах), где смешение букв прямо отражает произношение, но и в других. Поэтому единичные примеры с *И* в корне как в предударном, так и в заударном слоге можно объяснить как результат совпадения звуков *Е, А, И* в некоторых морфемах.

3) Наконец, существует еще одна группа аффиксов, где произношение не подчиняется общим закономерностям произношения безударных звуков. Речь идет о морфемах, в которых можно предполагать произношение звука типа А. В «Записках» Н. Долгорукой в этих морфемах наблюдается либо употребление буквы *Я* наряду с буквой *Е*, либо последовательное сохранение буквы *Я*.

Последовательно с *Я* (*А* после шипящих) написаны следующие аффиксы: окончание *-АЯ, -ЯЯ* в форме им. п. ед. ч. ж. р. прилагательных: *каторая* 13, *небесная* 15, *привеликая* 16, *грозная* 17, *первая* 13 и др.; окончание *-А, -Я* кратких прилагательных и местоимений: *Господня* (сила) 17, *Божия* 41, 44, *наша* 45; возвратная частица: *радился* 37, *испужался* 37, 42, *боялся* 40, *съжалился* 26, *раздвигатца* 57, *родитца* 49; окончание *-Я* существительных в форме им. ед. ч. ж. р. и ср. р., род. п. муж. р., им. п. мн. ч.: *милостиня* 49, *имя* 47, *время* 17, *товарища* 47, *учителя и старателя* 50, *мужа и отца* 50, *ружья* 33(2р.), *братья* 12.

Колебания в написаниях на месте этимологического *А* наблюдаются в окончаниях существительных мн. ч. не на конце слова: *злополучиях* 19, *церемониях*ъ 16, *случаях*ъ 13, но: *в напастех*ъ 36, *о родителех*ъ 12; *мыслями* 11, но *мыслеми* 36.

В вышеприведенных примерах речь шла о морфемах с этимологическим *А*. Однако, буква *Я* появляется и на месте этимологического *Е* в следующих морфемах: в окончании прилагательных и местоимений ср. р. им.-в. п. един. ч. наряду с написанием *Е (злое время* 37, *природное милосердие* 21, *варавское место* 33, *перло жемчужное* 39 и много других), наблюдается несколько случаев с *Я* или *А (хто можетъ знать предбудущея* 17, *тогдашная время* 14, 3, *платья черная в чемъ* 29, *последняя*

[1] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949 г., стр. 121.

щастия 26; еще больше примеров замены буквы *Е* на *Я (А)* в окончании имен существительных ср. р. в форме им.-в. п. ед. ч.: наряду с написаниями *горе терпеть* 44, *позорище* 34, 22, *сердце умехчилось* 43 и др. находим *у меня серца атарветъ* 41; *положилъ мне въ серца...* 46, *серцо оторвалось* 46, *серцо мое* 14 (здесь *О* — в результате смешения *О* с *А*), *платья черная* 29, *сонца не светила* 25 (ср. и глагол с А на конце); в двусложном суффиксе сравнительной степени: *званчее* 39, *ташнее* 25, *апаснее* 17, но в других примерах *-ЕЯ: скорея* 27, 31, 32, *ташнея, милея* 49 (2 раза).

Почти во всех этих морфемах мы предполагаем не традиционное написание или смешение букв, не основанное на произношении, а произношение звука непереднего ряда, и делаем мы это на основании данных московского произношения более поздней, отчасти современной нам поры (указаний на произношение этих морфем в XVIII веке в литературе почти нет[1]). Действительно, и в возвратной частице, и в окончаниях им. п. ед. ч. ж. р. существительных, местоимений и прилагательных, других падежей существительных с этимологическим *А* в современном литературном произношении наблюдается изменение *А* в звук Ъ, а не *Ь*[2]. В частности, как норма в старомосковском произношении, отмечается Ъ и в окончании пр. пад.: а-брат'jъх, в-лист'jъх,...[3]. Ср. в «Записках» в этом окончании колебание в написании (*Е—Я*), что может быть результатом смешения букв, а не отражением произношения звука переднего ряда.

Произношение редуцированного звука заднего ряда вместо ожидаемого звука переднего ряда на месте старого *Е* в формах им.-в. п. ср. р. сущ., прилагат. и в форме сравнительной степени уже не является обязательной нормой современного литературного произношения, но хорошо известно старому московскому произношению. Так, Кошутич отмечает как старомосковское литературное произношение: *пол'ъ, учи́л'и'щъ* (форма им. падежа) и указывает, что в этих словах происходит совпадение форм им. и род. пад. ед. ч.; произношение *быстрее, сильнее* транскрибируется с конечным *Ъ*[4]. В соответствии со своими наблюдениями над произношением старшего поколения москвичей Кошутич считает точными такие рифмы у поэтов XIX века: *мгновенье—разрушенья, для развлеченья — ученье, творенья — терпенье* и т. п. (таких рифм много приводится из Жуковского, Пушкина, из Грибоедова, Лермонтова, Тютчева, Фета, Некрасова и др.).

---

1 У В. К. Тредьяковского находим: «Иногда буква (Я) и неударяемая, а выговаривается прямо, не переменяясь в (Е), как, например, добрая, а не добрае, явная, а не явнае и в прочих» (см. об этом выше).

2 См. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, § 16.

3 См. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 118—119.

4 Р. Кошутич, указ. соч., стр. 113—118.

Таким образом, ясно, что во всех перечисленных морфемах, где в «Записках« появляется буква *Я* (*А*), действительно произносился звук типа *А*, может быть, редуцированный звук. Однако есть в наших памятниках написания с *Я*, которые нельзя считать фонетическими. Так, нельзя считать достоверным один пример с *Я* в окончании мн. числа прилагательного: *знающия домъ нашъ блажили день рождения моего* 12, несмотря на то, что окончание *-ЫjА, -ИjА* было известно московскому произношению[1].

В «Записках» очень много примеров прилагательных в форме имен. мн. ч., и почти все они написаны с *Е* на конце. Можно думать, что написание *знающия* является традиционным написанием этой формы прилагательного. Так же точно нельзя считать отражающим произношение написание с *А* вместо *Е* окончания род. пад. ед. ч. м. (ср. в двух прилагательных (причастиях): *идущаго* 21, *въпредбудущаго* 13 наряду с *-ЕВА* в других примерах, хотя в этих окончаниях в современном произношении возможно произношение Ъ наряду с Ь: [с'ӣн'ъвъ] и [с'ӣн'ьвъ]; [гар'ач'ъвъ] и [гар'ачьвъ]. Написание *-аго* (*ага*) можно скорее считать традиционным, тем более, что сами слова эти книжные; ср. написание в них *Г* при букве *В* в других словах.

В нашем памятнике очень мало примеров пр. пад. ед. ч. муж. р., прилагат. (с окончанием *-ЕМ*), тв. пад. ед. ч. сущ. м. р. и ж. р. (с окончанием *-ЕМ, -ЕЮ)*, т. е. морфем, которые в старомосковском произношении могли звучать с Ъ, поэтому делать выводы о их произношении в XVIII веке невозможно.

4) В заключение следует отметить еще одну орфографическую особенность «Записок». Она заключается в том, что ряд сочетаний двух гласных на конце слова в заударном положении не сохраняется. Это — сочетания гласных с интервокальным j. Часто вместо них пишется одна буква: сочетание *ИИ* находим только один раз — *церемонии* 20, все остальные многочисленные примеры написаны с одним *И—стихи* 21 («стихии»), о *рождени* 16, *въ гварди* 14, из *галантери* 28, *всякие приключени* 12[2] и т. п.; сочетание *ЕЕ* в одном примере представлено одной буквой *Е: паследне место* 30 (больше подобных форм нет); сочетание *ИЕ* при обычном сохранении обеих букв два раза написано с одной буквой: *малинки* 42, *таки* 17, сюда же относится *Божи* (*о милости Божи похвалюсь* 17) — с утратой и конечного j; два раза сочетание *ИЯ* без *Я; сверх (паче) чаяни моево* 27, 17, (при обычном написании с *ИЯ* и в нескольких примерах — с *ИЕ*); и в одном случае — даже сочетание *ИЮ* передается одной буквой: *моему бедному состояни* 38.

---

[1] См. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, § 75.

[2] В языке автора можно предполагать формы множ. числа сущ. ср. р. на -И (-Ы).

Трудно с уверенностью утверждать, какое фонетическое явление отражается в таких написаниях. Конечно, по поводу некоторых слов можно было бы сказать, что они в речи автора выступают не с суффиксом *-И*, а с *-j* и что на письме отражается гласный, но не отражается *j* (например, *о рожденьи — о рождении*). Но среди примеров, о которых говорилось, есть много таких, которые с суф. *j* неизвестны: ср. выше *стихи*, *в гварди*, ср. также *партии* (*написано парти*) и т. п. — все они имеют в своем составе *И*.

Можно думать, что в заударном положении (в подавляющем большинстве случаев указанные сочетания гласных находятся целиком не под ударением) *j*, ослабляясь, выпадает, и последний гласный сильно редуцируется, уподобляясь предшествующему *И*; может быть, происходит стяжение двух гласных. Это может происходить даже с конечным *А*: ср. в сочетании *ИЯ* не только пропуск *Я*, но и ряд примеров с заменой *Я* на *Е*, чего в другом положении с *Я* не происходит (см. выше).

Впрочем, есть примеры, которым доверять нельзя: вряд ли в сочетании *ИЮ* может ассимилироваться или отпасть конечное *У*.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА

М. С. ШЕРШНЕВА

Исследование словообразовательной и грамматической специфики глагола вообще и отдельных его продуктивных классов в частности является актуальным вопросом современного языкознания. И если описанию глагольного словообразования посвящено несколько диссертаций и статей, то в освещении специфики грамматической структуры каждого из глагольных классов еще сделано очень мало.

Глаголы второго продуктивного класса со значением «становиться (стать), казаться, быть таким, как названо производящим именем» не представляют большого лексического пласта в современном языке; их в Толковом словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова записано всего 438 слов, в словаре С. И. Ожегова — 395. Все эти глаголы образованы от основ имен существительных и прилагательных с помощью суффикса *-е-*, который в небольшом количестве слов выступает в варианте *-ене-*. В зависимости от характера глагольной основы, ее лексического значения одни словообразовательные модели оказываются продуктивными, другие — непродуктивными. Однако среди последних нет неживых образований для современного языка. Продуктивность глаголов второго класса на *-еть* подтверждается большим потоком новообразований, главным образом, от основ имен прилагательных суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами.

По своей грамматической структуре глаголы второго продуктивного класса отличаются целым рядом особенностей от других классов: 1. все они непереходные, даже после присоединения к ним приставок (кроме глаголов: греть, жалеть, иметь, одолеть): болеть—заболеть, переболеть, поболеть, выболеть и др.; 2. только одна треть этих глаголов имеет простую форму, не осложненную приставкой; 3. классный показатель глаголов второго про-

дуктивного класса при изменении по временам и лицам не теряется и, таким образом, втягивается в систему словоизменения; 4. не создают глаголов многократного действия (типа хаживал); 5. в выражении других грамматических категорий: вида, залога, лица эти отличия значительны, и поэтому на них остановимся особо.

О ВИДОВЫХ ФОРМАХ

Рассмотрение особенностей образования форм вида в глаголах второго продуктивного класса строится на следующих исходных положениях:

1. в основу определения категории вида положены соотносительные понятия длительности — недлительности, нерезультативности — результативности процесса[1];

2. в вопросе: являются ли глаголы разных видов разными словами или же представляют формы одного и того же глагола—придерживаемся мнения академика В. Виноградова и др.: совершенный и несовершенный виды при лексической тождественности — формы одного и того же глагола. Отрицание этой точки зрения проф. П. С. Кузнецовым и др., отрицание наличия видовых пар в языке основано на недостаточном учете особенностей взаимоотношений лексики и грамматики. В лексике от одной и той же основы глагола при словопроизводстве образуются слова, находящиеся на разных ступенях близости по отношению к основному глаголу, в грамматике же глагольные образования от одной и той же основы соединяются в коррелятивные видовые пары[2].

Наличие видовой пары в языке доказывается рядом фактов: 1. глаголами, которые в одном слове содержат формы для обоих видов (велеть, женить(ся), казнить, крестить, родить)[3]; 2. большим количеством корреляций, имеющих единообразное морфологическое выражение[4]; 3. тесной связью их с определенными другими грамматическими категориями[5].

Образование соотносительных видовых пар в русском языке происходит в процессе формообразования в основном двумя путями: суффиксацией и префиксацией.

В глаголах второго продуктивного класса префиксация является единственным способом образования совершенного вида

---

[1] Руководствуемся статьей И. П. Мучника «О значении видов русских глаголов», ж. «Русский язык в школе», 1946, № 5—6.

[2] В. Виноградов. «Русский язык», 1947, стр. 499.

[3] В. Виноградов. «Русский язык», 1947, стр. 499.

[4] Там же, стр. 498.

[5] И. П. Мучник. «О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в русском языке», ж. «Вопросы языкознания», 1956, № 6.

В них в отличие от других классов глаголов нет форм совершенного вида без приставок, как нет и форм несовершенного с приставкой.

Функции приставок в глагольных образованиях совершенного вида бывают различными. Это зависит не только от значения самой приставки, но и от значения и словообразовательного характера глагольной основы, на что неоднократно указывали в своих трудах языковеды прошлого века.

Приставки глаголов второго продуктивного класса по функционированию в языке можно разделить на четыре группы: 1. словообразовательные, 2. находящиеся на грани между словообразовательными и формообразовательными, 3. стилистические, 4. формообразовательные.

1. Словообразовательные приставки не теряют своего лексического значения, а, присоединяясь к глагольной основе, изменяют лексическое значение слова в его конкретном проявлении. В глаголах второго продуктивного класса в такой роли выступает 18 приставок: *за-, от-, пере-, про-, под(о)-, вз-, об-, о-, раз-, с(о)-, при-, на-, вы-, у-, до-, пре-, из-, обез-* (завладеть, взгреть, выздороветь, дозреть, подледенеть, переболеть, подогреть, проржаветь, преодолеть, присмиреть, разопреть, расслабеть, угреть, отогреть, издыряветь, сгустеть (обл), наглазеться, обогреть, огреть и др.).

Глаголы, образуемые этими приставками, в одних случаях имеют к себе корреляции по виду, созданные второй ступенью образования, в других остаются несоотносительными.

II. На грани между словообразовательными и формообразовательными находятся приставки, которые в глаголах совершенного вида не теряют своего более или менее абстрагированного лексического значения временных и количественных пределов действия.

Такие глаголы не имеют к себе корреляций по виду и рассматриваются как частное значение совершенного вида или его внутривидовые оттенки. По грамматическому значению приставки в несоотносительных совершенных глаголах, вслед за Г. Ульяновым и Ф. Фортунатовым, делят на инхоативные, детерминативные, ингрессивные, финитивные, специально результативные.

1. Самыми продуктивными в языке и в глаголах второго продуктивного класса оказываются глаголы с приставками *инхоативного значения*, т. е. обозначающие начало действия (состояния) в его длительности. Эти глаголы обычно образуются с помощью приставки *за-*, которая не полностью грамматикализуется. В слове она выделяется легко. Во многих глагольных основах в приставке *за-* представлены в тесном взаимодействии два значения: начала и конца действия. Но большей

частью разграничить эти значения на начало и конец не представляется возможным.

В глаголах второго продуктивного класса сравнительно много несоотносительных совершенных глаголов с приставкой *за-*: заалеть, зазеленеть, зажелтеть, зачернеть, засинеть, зарозоветь, закраснеть, заголубеть, затемнеть, забагроветь, завечереть (безл.), завшиветь, (прост.), зажиреть (обл.), закаменеть (обл.), закоренеть (книж.), запестреть, запотеть (разг.), запаршиветь (прост.), запьянеть (прост.), зардеть (кн.), заробеть (обл.), засветлеть, засереть, застареть, затлеть, затяжелеть (простор.), заплешиветь (простор.), заугрюметь (простор.), зашелудиветь (простор.), затупеть.

Но не во всех случаях значение *за-* вносит один и тот же смысл в глагол; в зависимости от значения глагольной основы приставка выступает то выразителем начала, то конца действия.

К инхоативным следует отнести: 1. Глаголы второго продуктивного класса: зарозоветь, засинеть, зачернеть и т. п., где приставка *за-* выражает начало действия, иначе: зарозоветь — начать розоветь, засинеть — начать синеть и т. д. Эти слова при употреблении в любом контексте не могут выражать абсолютного начала процесса, так как практически перед нами предстает процесс в состоянии после начала, в его продолжении, который часто ближе к концу, чем к началу (*Засырело* здорово, а ваш парень гонит да гонит комбайн. Павленко, Степное солнце).

2. Глаголы со значением: появляться, показаться (о предметах). (Седой *забелел* над болотом туман. А. К. Толстой; В прозрачном холоде *заголубели* долы. Есенин, Избранное, 56). Такое значение приставки в живой речи чаще употребляется для выражения начала действия.

2. Детерминативное значение несоотносительных совершенных глаголов представляет собой временное ограничение длительности действия, сокращение его продолжительности.

Такой внутривидовой оттенок действия грамматически создается приставкой *по-*, если она присоединяется к глаголам, которые по смыслу допускают ограничение во времени (побегать, полетать, поплавать). Особенно легко такие значения развиваются в глаголах движения.

В глаголах второго продуктивного класса таких случаев немного: поболеть, попотеть (в переносном значении: над задачей), поглазеть (прост.), помелеть, похмелеть, погреть, попреть.

3. Несоотносительные финитивные глаголы обозначают конец действия после определенной длительности его проявления.

Самой продуктивной формой передачи значения финитивности является приставка *от-*. Употребляются такие глаголы без-

дополнения, что является показателем их безотносительности к объекту.

Финитивные глаголы всегда несоотносительны по виду, это объясняется тем, что само финитивное значение не является чисто грамматическим по своей природе, а вносит некоторые модификации в лексическое значение, чем только приближается к соотносительности.

В глаголах второго продуктивного класса финитивных глаголов, образованных посредством приставки *от-*, почти нет. Есть только несколько слов областных типа *отвечереть, отжидеть, отжиреть, отсереть, отхилеть, отхиреть, отболеть, отпотеть, отопреть.*

Но к рассматриваемому оттенку совершенных глаголов из продуктивных второго класса примыкает ряд образований с *за-*, где приставка в речевом употреблении воспринимается носителем конца действия. Это глаголы типа: *заробеть, запотеть, захиреть* и т. п. Ср.: Егоров *заробел* и ссутулился. Гладков, т. 1; ...ночь была холодной, и стекла *запотели.* Федин, Необыкновенное лето, 31. С годами чувство к Марине *застарело,* надежно укоренилось. М. Шолохов. Подн. целина, гл. 5.

В приведенных случаях приставка *за-* имеет значение конца действия, значение финитивности.

4. Глаголов с ингрессивным оттенком значения, т. е. обозначающим действие, завершенное или достигшее результата в момент его возникновения, в разряде второго продуктивного класса нет. Объясняется это специфическим значением глагольной основы данного класса.

5. Специально результативное значение отличается от общего результативного тем, что оно не только указывает на результат, но определяет и самый результат, имечно по отношению к степени развития явления в различных отношениях, т. е. обозначает в данном явлении момент достижения им известной степени развития в том или ином отношении, например: набрать, искусать, замучить, поджарить и др. (в соотношении с брать, кусать и т. д.[1]). Такое значение может передаваться приставками *из-, на-, пере-, раз-.*

Специально результативное значение приставок определяется в глаголах, имеющих в языке видовую корреляцию (набрать — набирать). Нам кажется, что такое значение приставок отнесено сюда ошибочно. Поэтому в несоотносительных совершенных глаголах второго продуктивного класса их не рассматриваем.

Таким образом, из целого ряда внутривидовых оттенков несоотносительных совершенных глаголов русского языка самыми

---

[1] Отчет о деятельности отделения русск. языка и словесности АН за 1910 год, составл. акад. Н. А. Котляревским. О Фортунатове, стр. 16—18.

распространенными в глаголах второго продуктивного класса являются инхоативные, детерминативные и финитивные.

III. Среди глаголов второго продуктивного класса заслуживают внимания ряды образований типа: хмелеть, охмелеть, похмелеть, захмелеть; неметь, онеметь, занеметь; черстветь, почерстветь, зачерстветь; робеть, оробеть, заробеть, обробеть. В каждом из этих рядов к бесприставочному глаголу имеется несколько синонимических коррелянтов совершенного вида, отличающихся друг от друга только стилистически. Так, в Толковом словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова в качестве видовой пары к глаголу *хмелеть* указано *охмелеть*, а образования *похмелеть* и *захмелеть* подаются как стилистические варианты глагола *охмелеть:* первый как разговорный, второй как просторечный.

Подобных фактов можно назвать значительный ряд (приводим его по Словарю под ред. проф. Д. Ушакова):

Соотносительные по виду глаголы	Глаголы со стилистическим оттенком
1. беднеть—обеднеть	забеднеть (прост.)
2. грубеть—огрубеть	загрубеть (разг.)
3. деревенеть—одеревенеть	задеревенеть (разг.)
4. дешеветь—подешеветь	вздешеветь (прост.)
5. здороветь—поздороветь	оздороветь (прост.)
6. каменеть—окаменеть	закаменеть (обл.)
7. круглеть—покруглеть	округлеть (прост.)
8. леденеть—оледенеть	заледенеть (разг.)
9. неметь—онеметь	занеметь (прост.)
10. мертветь—омертветь	замертветь (прост.)
11. паршиветь—опаршиветь	запаршиветь (прост.)
12. плешиветь—оплешиветь	заплешиветь (прост.)
13. простеть—попростеть	опростеть (обл.)
14. пьянеть—опьянеть	запьянеть (прост.)
15. робеть—оробеть	заробеть (обл.)
16. сереть—посереть	засереть (разг.)
17. стареть—постареть	застареть (разг.)
18. сыреть—отсыреть	насыреть (разг.)
19. слабеть—ослабеть	послабеть (разг.)
20. смелеть—осмелеть	посмелеть (разг.)
21. холодеть—похолодеть	захолодеть (прост.)
22. чернеть—почернеть	зачернеть (разг.)
23. черстветь—почерстветь	зачерстветь (прост.)

Такие ряды, как дешеветь—подешеветь||вздешеветь, беднеть—обеднеть||забеднеть, сыреть—отсыреть||насыреть представляют собою своеобразные грамматико-стилистические корреляции.

В отличие от *подешеветь*, которое отличается от *дешеветь* только грамматически, *вздешеветь* отличается от *дешеветь* и грамматически и стилистически, а от *подешеветь* только стилистически. Поэтому некоторые приставки выделяются выполняемыми ими стилистическими функциями. В такой роли в глаголах второго продуктивного класса чаще выступает приставка *за-*, другие приставки: *по-, пере-, под-* в этих функциях встречаются реже.

IV. Приставки, которые полностью грамматикализуются, выполняют формообразовательную функцию. В глаголах второго продуктивного класса в этой роли обычно выступают приставки *о-, по-, за-*, а в остальных случаях и другие (повеселеть—веселеть, опьянеть—пьянеть, закоченеть—коченеть, рассвирепеть—свирепеть, иструхляветь—трухляветь).

Вместе с тем заметим, что приставочные корреляции значительно уступают суффиксальным по степени абстрагированности, что объясняется целым рядом причин:

1. При суффиксальном образовании видовой корреляции получается глагол несовершенного вида, отличающийся от своей пары только грамматически, чего почти никогда не происходит при префиксации даже тогда, когда приставка выражает формальные признаки. Часто, хотя и в едва уловимой степени, лексическое значение приставки чувствуется.

2. Если глагол многозначен, суффиксальным способом создается одна форма для нескольких значений, чего не происходит при префиксации. Обычно к каждому значению многозначного глагола образуется совершенный вид разными приставками, которые в других случаях не создают видового соотношения.

Каждому глаголу русского языка присуща категория вида, но не каждый глагол обладает двумя соотносительными видовыми формами. В системе русского глагола выделяется большая группа слов, которые имеют и форму совершенного и несовершенного вида, но есть и такие, которые имеют одну какую-нибудь форму. Число последних, как указывается в статье И. П. Мучника[1], составляет 31%, чем опровергается широко распространенное мнение, будто несоотносительных глаголов в русском языке очень мало, или даже «ничтожное число».

Глаголы второго продуктивного класса на *-еть* по отношению к виду можно разделить на пять групп: 1) Глаголы, которые имеют видовые корреляции. 2) Глаголы, которые имеют только форму совершенного вида. 3) Глаголы, которые имеют только форму несовершенного вида. 4) Глаголы, которые к одному из своих значений имеют видовую пару, а к другому или

---

[1] См. журнал «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 93.

другим не имеют ее. 5) Глаголы, сочетающие в одной форме различные видовые значения.

Рассмотрим каждую из них в отдельности.

ГЛАГОЛЫ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ВИДОВУЮ КОРРЕЛЯЦИЮ

Глаголы второго продуктивного класса отличаются от всех других тем, что большая часть из них создает видовую корреляцию с помощью префиксации; суффиксация здесь представлена небольшим количеством примеров. Многоступенчатое образование видов им не присуще.

В образовании видовых корреляций здесь выступает небольшое количество приставок: *о-, по-, за-, раз-, на-, от-, у-, с-*. Наиболее продуктивными и часто употребляемыми являются приставки *о-, по-, за-*. Остальные участвуют в единичных образованиях. Соединение различных приставок с отыменными глагольными основами дает различные результаты. Одни из них, не теряя реального значения, формируют новые слова, другие же, теряя свое лексическое значение и превращаясь в грамматический префикс, создают только форму совершенного вида.

Последнее особенно относится к приставкам *о-* и *по-*, которые чаще других выступают в такой роли (глупеть—поглупеть; беднеть—обеднеть).

Продуктивность и употребительность приставок *о-* и *по-* для выражения совершенного вида отчетливо выясняется как при анализе глаголов, которые давно существуют, так и при рассмотрении различных новообразований (влажнеть—повлажнеть, трезветь—отрезветь, взрослеть—повзрослеть. Толька *скучнел* по мере того, как поезд приближался к Кружилихе. В. Панова, Кружилиха, т. 4. Но товарищи слушали плохо и тогда опять *поскучнел* Куликов. Б. Горбатов, Алексей Куликов, боец).

В продуктивных глаголах второго класса приставки *о-* и *по-* по активности использования количественно находятся в равном положении (и тех и других образований около двухсот). Случаев же, когда к одному и тому же глаголу несовершенного вида может присоединяться и приставка *о-* и приставка *по-* для выражения совершенного вида, всего восемь:

хмелеть — охмелеть, похмелеть,
холодеть — охолодеть, похолодеть,
тяжелеть — отяжелеть, потяжелеть,
соловеть — осоловеть, посоловеть,
слабеть — ослабеть, послабеть,

сиротеть — осиротеть, посиротеть,
лысеть — облысеть, полысеть,
мертветь — омертветь, помертветь.

Небольшое количество таких примеров объясняется тем, что приставка *по-* во многих случаях, образуя форму совершенного вида, не полностью грамматикализуется. Она часто привносит еще определенный лексический оттенок — уменьшительно — ограничительный (значение «слегка», «некоторое время»): погрубеть, подобреть, победнеть, позвереть и др.

В русском языке в целом приставка *за-*, реже, чем *о-* и *по-*, выступает в роли видового префикса, но в глаголах второго продуктивного класса такие случаи часты. Известны примеры, когда видовая корреляция создается только приставкой *за-*, потерявшей свое лексическое значение: костенеть—закостенеть, индеветь—заиндеветь, коснеть—закоснеть, ржаветь—заржаветь, травенеть—затравенеть, шершаветь—зашершаветь.

Есть случаи, где приставка *за-* создает форму совершенного вида только к одному из значений глагола: густеть (становиться насыщенной, густой) — загустеть, неметь (терять чувствительность) — занеметь, потеть (покрываться влажным налетом) — запотеть, черстветь (становиться черствым) — зачерстветь.

Есть глаголы, где приставка *за-* создает параллельную форму совершенного вида к глаголам, имеющим видовую пару с другой приставкой: коченеть—окоченеть, закоченеть; вшиветь—обовшиветь, завшиветь; шелудиветь—ошелудиветь, зашелудиветь; хмелеть—охмелеть, захмелеть; твердеть—отвердеть, затвердеть. Наконец, есть примеры, в которых глагол с приставкой *за-* еще не выступает в видовой корреляции, но находится на пути к такому употреблению: грубеть—огрубеть; загрубеть; леденеть—оледенеть; заледенеть; пьянеть—опьянеть; запьянеть; паршиветь—опаршиветь; запаршиветь; червиветь—очервиветь; зачервиветь; хиреть, захиреть; хилеть, захилеть; неметь—онеметь; занеметь.

1. Руки его (Раскольникова) были ужасно слабы, ...все более *немели* и деревенели. Достоевский, Прест. и наказ., ч. I, гл. 7. Вид отступающих войск уже не затрагивал ее чувств: в сердце угасла надежда, и оно *онемело*. Н. Бирюков, Чайка. Давит, аж рука *занемела*. Шолохов, Тихий Дон, т. 1.

2. Когда сына его из-за Евгении засудили, он и *захирел*. Н. Емельянова. Четыре весны.

Другие приставки в соотносительных по виду глаголах выступают редко, например: приставка *раз-* встречается только в глаголах: богатеть—разбогатеть, добреть—раздобреть, жиреть—разжиреть, свирепеть—рассвирепеть, рыхлеть—разрыхлеть (у

В. Маяковского: размозолеть); приставка *вз-* в глаголах: треть—взопреть; потеть—вспотеть; приставка *от-:* сыреть—отсыреть, потеть (в 1 зн.) — отпотеть; приставка *у-:* стареть (в значении: становиться устарелым) — устареть, треть—упреть; приставка *с-:* темнеть—стемнеть, греть—согреть, треть—сопреть; приставка *на-:* греть—нагреть.

Сопоставление указаний видовой корреляции глаголов второго продуктивного класса по словарям русского языка: издания Академии наук 1847 года, под редакцией проф. Д. Ушакова, С. И. Ожегова—показало, что толкования в этом вопросе в большинстве случаев совпадают. Те же случаи, в которых есть расхождения, должны быть оценены с точки зрения употребления их в живой речи.

Так глаголы хиреть, хилеть, хмелеть, тяжелеть, твердеть, тупеть, робеть, пустеть, греть в Словаре под. ред. проф. Д. Ушакова даны без видовых соотношений, а в словаре С. И. Ожегова — как соотносительные.

Причина расхождения, как видно, в разных взглядах составителей на образование видового соотношения. Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова очень осторожно подходит к префиксальным образованиям, и там, где в слове еще чувствуется лексический оттенок приставки, такой глагол признается несоотносительным. Словарь С. Ожегова свободнее подходит к установлению видовой корреляции, поэтому в этой роли здесь встречаются даже областные слова (вечереть—завечереть) и такие приставочные образования, в которых в приставке явно ощущается тот или иной лексический оттенок (густеть—погустеть). Рассмотрим несколько слов подробнее.

Глагол *ХИРЕТЬ* означает: «становиться хилым, слабым, болезненным». Соединяется он с приставками *по-* (похиреть) и *за-* (захиреть). В приставке *по-* ярко выражается оттенок небольшой продолжительности во времени, что не дает глаголу *похиреть* вступить в видовое соотношение с *хиреть*. Приставка *за-* обычно выражает два противоположных значения: начала и конца действия. И поэтому не случайно в словаре Академии наук 1847 года глагол *захиреть* толкуется как «начать хиреть». В современном языке этот глагол с приставкой *за-* во всех случаях употребляется в одном значении — конца действия. Например: «(Савельич), бодрый еще и здоровый, *захирел* ни с того ни с сего да, поболев недели три, богу душу и отдал», Печер., «В лесах». Отсюда делаем вывод, что глагол *захирел* в современном употреблении выступает видовым коррелянтом к *хиреть*.

Глагол *ТЯЖЕЛЕТЬ* имеет в языке целый ряд приставочных образований: *отяжелеть, потяжелеть, затяжелеть,* но не во всех словарях они фиксируются. Так, в Словаре С. Ожегова нет *затяжелеть,* в Словаре под ред. Д. Ушакова нет *потяжелеть*. Сло-

варь С. Ожегова показывает видовое соотношение между глаголами *тяжелеть—отяжелеть, потяжелеть*. Словарь под ред. Д. Ушакова *тяжелеть* и *отяжелеть* дает без соотношений.

Нам кажется, что мнение С. Ожегова о соотносительности *тяжелеть—отяжелеть* вполне правомерно, так как сопоставление словарных статей Словаря под ред. Д. Ушакова и речевая практика дают нам основание для этого. В образовании *потяжелеть* приставка не лишена временного значения. В глаголе *затяжелеть* приставка *ЗА-* меняет лексическое значение глагола и вносит просторечный оттенок.

Глагол *ТУПЕТЬ* многозначен, в языке есть два приставочных образования к нему: *отупеть* и *затупеть*. Словарь под ред. Д. Ушакова все эти слова рассматривает как несоотносительные по виду. Словарь С. Ожегова находит, что глагол *тупеть* в значении «становиться тупым, поглупеть» входит в видовую корреляцию с *ОТУПЕТЬ*, который означает: «стать умственно невосприимчивым, тупым». Различает эти глаголы только грамматический вид, таким образом, это видовая пара. Но следует отметить, что к другим значениям глагола *тупеть* нет видовых пар. Имеющееся в языке образование *затупеть* не записано ни в словаре Д. Н. Ушакова, ни в словаре С. Ожегова.

Словарь современного русского литературного языка издания Академии наук 1948 года толкует его так: «Сделаться тупым; притупиться. «*Затупеет* у тебя тесак, хоть ты им на скрипке играй», Погосек, Солдат. заметки. Перен. Лишиться острого восприятия; стать мало восприимчивым, нечувствительным. «Думаю.... побывать в Москве, Фет и Соловьев зовут, и я очень уже *затупел* от однообразия и возни с книгами», Страхов. Письмо Л. Н. Толстому, 18 марта 1884». Сравнивая эту словарную статью с толкованием глагола *тупеть* в словаре под ред. Д. Ушакова, можно сделать вывод, что глагол *затупеть* способен выступить видовой парой к нескольким значениям глагола *тупеть*, и к тому, которое имеет соотносительность с *отупеть*. Таким образом, очевидно, следует глаголы *тупеть—отупеть* считать видовой парой, глагол же *затупеть* в двух значениях приближающимся к этому.

Глагол *ПУСТЕТЬ* означает «становиться пустым, пустынным». Глагол *опустеть* в *ТСУ*[1] объясняется как «стать пустым, освободившись от содержимого» («Лес обнажился, поля опустели», Некр.) и «стать безлюдным, пустынным» («Москва опустела»— А. Н. Толстой). Таким образом, по значению эти слова совпадают, различает их только вид, который выражается видовым префиксом *О-*. На этом основании необходимо согласиться с *СО*,

[1] В дальнейшем пользуемся сокращениями: ТСУ—Толковый словарь под ред. Ушакова, СО—словарь С. Ожегова. САН—словарь Академии наук.

который дает глаголы *пустеть—опустеть*, как соотносительные по виду, и не согласиться с *ТСУ*, где эти глаголы даются как несоотносительные.

Пустеть сочетается с приставкой *за-*. Глагол *запустеть* означает прийти в состояние упадка, заброшенности; опустеть, обезлюдеть. «Предполагалось, что тотчас по освобождении крестьян русская земля немедленно запустеет, что... торговля упразднится», Салт., Письмо о провинц. Таким образом, он по значению не может считаться соотносительным по виду глаголом к *пустеть*.

Глагол *РОБЕТЬ* в литературном языке не имеет приставочных образований. В просторечье есть форма *обробеть* и в разговорном *оробеть*. Оба эти глагола в речевой практике выступают как видовые соотносительные формы. Составители ТСУ рассматривают их как несоотносительные. Вероятно, потому, что они выносят эти глаголы за пределы литературной лексики. В САН 1847 года к *робеть* соотносительным по виду отмечен наряду с другими формами глагол *сробеть*. Здесь приставка *С-* является носителем не только грамматического значения, а и лексического, означая неожиданность действия во времени. Живая практика литературного языка дает основание считать *робеть—оробеть* видовой парой.

Глагол *ТВЕРДЕТЬ* имеет ряд приставочных образований: затвердеть, отвердеть, потвердеть. «Лед твердеет, уж ходят за реку». Даль. В ТСУ все эти слова между собой не связываются видовой корреляцией.

Возможно, это сделано из-за того, что глаголы *затвердеть, отвердеть* имеют видовую корреляцию, образованную с помощью суффикса *-ва- (затвердеть—затвердевать; отвердеть—отвердевать)*. Но сравнение толкований значения глагола *твердеть* и *отвердеть* в ТСУ дает основание считать их одинаковыми по значению, но различающимися по виду. *Твердеть* объясняется как «становиться твердым», *отвердеть* — «стать твердым, жестким». Таким образом, приставка *о-* полностью грамматикализовалась и образовала видовую пару путем префиксации. В словарях таких помет нет, но об этом следует говорить. Получилась видовая цепь:*твердеть—отвердеть; отвердеть—отвердевать*. Глагол *потвердеть* в видовое соотношение вступить не может, так как значение приставки ощутимо.

Глагол *ГРЕТЬ* многозначен. По ТСУ он имеет три значения. В первых двух значениях глагол *греть* употреблен как непереходный, в третьем — делать теплым — нагревать — как переходный. Ни к одному из значений словарь не указывает соотносительных по виду пар. Однако если сопоставить толкование третьего значения глагола *греть* с первым *согреть*, то обнаружим, что они по значению не расходятся. Ведь *согреть*, по ТСУ, это «1. Кого-что. Грея, сделать теплым. Согреть руки у печи».

То же самое и с глаголом *нагреть* к этому значению. Таким образом, СО имел основание указать на видовую соотносительность глагола *греть* в одном значении. Но так как глаголы *нагреть* и *согреть* в языке имеют видовую корреляцию, образованную путем суффиксации, то глагол *греть* в одном из своих значений образует видовую цепь:

$$\text{греть} < \begin{matrix} \text{нагреть} — \text{нагревать} \\ \text{согреть} — \text{согревать}. \end{matrix}$$

Интересно отметить стремление составителей словарей подобрать к глаголу *вечереть* видовую пару. В САН 1847 г. был дан глагол *обвечереть*. Но приставка *об-* здесь не лишена лексической значимости, что лишает этот глагол видовой соотносительности. СО указывает к этому глаголу видовую пару *завечереть*, что также не отражает видового соотношения, так как приставка *за-* здесь не полностью грамматикализовалась, напр. 1. Скажи Аксинье, чтоб, как завечереет, вышла к ветряку. Шол., Тих. Дон, 2. Завечерело, и ночь надвигалась хмурая, без звезд, но еще не стемнело совсем. Бобор., Вас. Теркин. В первом примере выражается начало, а во втором конец действия. Таким образом, и этот глагол не выступает в качестве подлинного видового коррелянта. Как видно, отмеченная несоотносительность глаголов *вечереть, завечереть* в ТСУ пока отражает объективное соотношение слов.

В словарях русского языка к некоторым глаголам 2 продуктивного класса подобрано разное количество соотносительных по виду слов. Проследим по таблице (см. таблицу на стр. 316).

Сравнение показывает, что

1. В ТСУ к указанным глаголам дается только один соотносительный глагол. Почти на такой же точке зрения находится САН 1847 года. Зато в СО к каждому глаголу дается два соотносительных слова.

2. Из двух соотносительных форм по СО форма совершенного вида в восьми случаях из 12 выступает с приставкой *за-*. Это дает основание сделать вывод, что составитель словаря приставку *за-* в гораздо большем количестве случаев считает грамматикализованной. В ТСУ глаголы загрубеть, зазеленеть, заледенеть, занеметь, запьянеть, запаршиветь, зачервиветь, зашелудиветь даются без соотношений.

В подборе видовой соотносительности к глаголам светлеть, круглеть, густеть следует согласиться с мнением СО, который указывает пару к каждому из значений слова с учетом употребления его в живой речи, чем отступает от ТСУ.

Однако нельзя согласиться с коррелянтом к лысеть—полысеть, так как значение приставки «несколько облысеть» чувствуется.

Разнобой в подборе соотносительных глаголов по виду в ТСУ и СО может быть проиллюстрирован и другими примерами.

1. В ТСУ есть глаголы несовершенного вида, которые значатся как несоотносительные, а в СО они имеют видовое соотношение в приставочном образовании. Таких глаголов с префиксами в ТСУ нет.

Студенеть — застуденеть,
смуглеть — посмуглеть,
травенеть — затравенеть,
шершаветь — зашершаветь,

Глагол	САН 1847	ТСУ	СО
грубеть	загрубеть огрубеть погрубеть	огрубеть	огрубеть загрубеть
густеть	загустеть, сгустеть	загустеть	погустеть загустеть
зеленеть	зазеленеть позеленеть	позеленеть	позеленеть, зазеленеть
леденеть	оледенеть	оледенеть	оледенеть, заледенеть
лысеть	облысеть	облысеть	облысеть, полысеть
неметь	занеметь онеметь	онеметь	онеметь занеметь
пьянеть	опьянеть	опьянеть	опьянеть, запьянеть
паршиветь	опаршиветь	опаршиветь	опаршиветь, запаршиветь
светлеть	—	посветлеть	посветлеть, просветлеть,
червиветь	очервиветь	очервиветь	очервиветь, зачервиветь
шелудиветь	ошелудиветь	ошелудиветь	ошелудиветь зашелудиветь
круглеть	покруглеть	покруглеть	покруглеть округлеть
вшиветь	—	обовшиветь овшиветь	обовшиветь завшиветь

холоднеть — похолоднеть,
хаметь — охаметь,
влажнеть — повлажнеть,
лиловеть — полиловеть.

2. Видовая соотносительность показана в обоих словарях, но разными приставочными образованиями:

	в ТСУ	в СО
свирепеть	освирепеть	рассвирепеть
рыхлеть	разрыхлеть	порыхлеть
черстветь 1 зн.	почерстветь	зачерстветь
2 зн.	зачерстветь	очерстветь

3. В ТСУ есть глаголы совершенного вида без соотношений подурнеть, повеселеть, оподлеть. В СО к ним есть формы несовершенного вида: дурнеть, веселеть, подлеть, чего нет в ТСУ. Вообще же глагол подлеть впервые внесен в Словарь С. Ожегова.

4. Впервые внесены в ТСУ глаголы одревеснеть (спец.), ороговеть (спец.), очертеть, появившиеся в языке в форме совершенного вида. В СО нет слов одревеснеть, очертеть.

5. В ТСУ глагол трухляветь дается в видовой корреляции с иструхляветь, отрухляветь. СО никаких форм совершенного вида не отмечает, дает этот глагол как несоотносительный по виду.

6. В ТСУ постылеть—опостылеть представляют видовую пару, в СО постылеть не записано, опостылеть дается без соотношений.

В ТСУ осоветь—советь формы совершенного и несовершенного вида одного и того же глагола, в СО осоветь дается без соотношений, советь в словаре отсутствует.

7. Наконец, можно отметить непоследовательность в пометах о соотносительности по виду в ТСУ. К глаголам: новеть, мелеть, жиреть не указана видовая пара, а к глаголам: поноветь, обмелеть, разжиреть даются соотносительные слова по виду: новеть, мелеть, жиреть.

Развитие видовой соотносительности интересно проследить на отдельных группах глаголов. Данные словарей убеждают в том, что и здесь все подвержено изменениям. Сравнивая указания САН 1847 года и словарей двадцатого века, можно увидеть, что 1. Глаголы, ранее не имевшие к себе соотношений по виду, в современной языковой практике их получили, например:

в САН 1847 г. даны без соотношений	в ТСУ с соотношением
багроветь	багроветь—побагроветь
белеть	белеть—побелеть
бледнеть	бледнеть—побледнеть
буреть	буреть—побуреть
вшиветь	вшиветь—обовшиветь
голубеть	голубеть—поголубеть
крупнеть	крупнеть—покрупнеть
лиловеть	лиловеть—полиловеть и др.

2. Некоторые глаголы, одинаковые по значению, но разные по виду, в САН 1847 года значились как несоотносительные, в современных словарях они представляют видовую пару: теплеть—потеплеть, светлеть—посветлеть.

3. Встречаются и такие приставочные образования, которые раньше выступали в видовой паре, а теперь либо вышли из употребления, либо на смену им в речевой практике выработались другие приставочные образования. Например: в САН 1847 г. в видовой паре выступали глаголы совершенного вида: обогатеть, обеременеть, огустеть, огуняветь, обвечереть, отводянеть, отжидеть, обубожеть, поматереть, выматереть и т. п. Таких образований, особенно с приставкой о- теперь нет. Они либо заменены другими образованиями (вместо обогатеть используют разбогатеть, вместо огустеть — загустеть, погустеть), либо живут в русском языке в форме несовершенного вида (гуняветь (областное слово), вечереть, водянеть и т. п.).

Таким образом, сравнение показало:

1. В определении видовой соотносительности мнения составителей словарей в основном совпадают, но есть целый ряд случаев, когда их указания расходятся между собой.

2. Основные расхождения связаны с чрезвычайной сложностью и изменчивостью семантики и функции приставок *за-* и *по-*, что должно особенно привлечь к себе внимание исследователей.

3. Видовое соотношение глаголов подвержено изменениям: видовая пара в своем развитии может менять свое конкретное выражение: вместо богатеть—обогатеть возникает богатеть—разбогатеть, вместо стареть—остареть—стареть—постареть; вместо тучнеть—утучнеть—тучнеть—потучнеть; могут появляться новые видовые соотношения у глаголов, у которых их ранее не было: багроветь—побагроветь, трезветь—отрезветь, веселеть—повеселеть. Наконец, могут удерживаться в языке только отдель-

ные слова из видовой пары: употребляются убожеть, гуняветь, типунеть (не употребляются: обубожеть, огуняветь, отипунеть).

4. В некоторых случаях непоследовательность в отражении видовой соотносительности объясняется техническим недосмотром составителей (как, примерно, в пункте 7).

* *
*

Образование видовой корреляции от приставочных глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-ва-* в глаголах второго продуктивного класса охватывает небольшое число слов, из которых основную массу составляют «первообразные», непроизводные глаголы типа греть (нагреть—нагревать, перегреть—перегревать, подогреть—подогревать и др.). Подобными образованиями охвачено всего несколько приставочных глаголов, которые не имеют при себе соотносительных слов без приставок (околеть—околевать, обалдеть—обалдевать, обомлеть—обомлевать и др.).

Образование видовых соотношений с помощью суффикса -ива- в глаголах второго продуктивного класса встречается редко (переболеть—перебаливать, выздороветь—выздоравливать), а указание академической «Грамматики русского языка» о том, что это наиболее продуктивный способ в создании видовой корреляции в русском языке, к ним почти не относится.

В лингвистической литературе указано, что глаголы, составляющие видовую пару посредством присоединения префикса к бесприставочному глаголу, дальше в своих образованиях не идут. В академической «Грамматике русского языка» об этом сказано так: «Приставочные глаголы совершенного вида, образованные от бесприставочных несовершенного вида, могут не отличаться от них своим лексическим значением, а только выражать значение совершенного вида. В таких случаях оба глагола составляют видовую пару, соотносительны друг с другом, *и видовое образование на этом обычно останавливается* (подчеркнуто нами — М. Ш.), например делать—сделать, дряхлеть—одряхлеть, играть—сыграть, писать—написать, сеять—посеять, уметь—суметь»[1].

Если с этой позиции проанализировать глаголы второго продуктивного класса, то оказывается, что здесь есть ряд примеров, опровергающих такое суждение. Например: глагол преть в одном из своих значений: «медленно поспевать на жару, на огне» вступает в видовую корреляцию с упреть, к которому есть в языке вторичное видовое образование — упревать. Так обра-

[1] Изд. 1952, стр. 431, § 693.

зуется видовая цепь: преть—упреть—упревать, которая противоречит изложенному выше положению.

Таких примеров можно назвать еще несколько:

сыреть — отсыреть — отсыревать;
хладеть — охладеть — охладевать;
потеть — запотеть — запотевать;
твердеть < отвердеть — отвердевать, затвердеть — затвердевать;
слабеть — ослабеть — ослабевать;
скудеть —оскудеть — оскудевать;
костенеть < окостенеть — окостеневать; закостенеть — закостеневать;
коснеть — закоснеть — закосневать;
рдеть — зардеть — зардевать;
неметь — онеметь —онемевать;
стареть < устареть — устаревать; (стареть в значении: становиться устарелым) застареть — застаревать;
греть — нагреть — нагревать.

Думается, что этот список с развитием языка будет расширяться, так как потенциально от многих глаголов можно образовать, а в устной речи от некоторых уже образуются вторичные формы несовершенного вида:

грубеть—огрубеть—огрубевать,
солодеть — осолодеть — осолодевать,
тупеть — отупеть — отупевать,
каменеть — окаменеть — окаменевать и т. п.

ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА, КОТОРЫЕ УПОТРЕБЛЯЮТСЯ ТОЛЬКО В СОВЕРШЕННОМ ВИДЕ,

в современном литературном языке много, около двухсот. По способу образования их можно разделить на две большие группы:

1. Приставочные глаголы, при которых нет вовсе параллельных бесприставочных:

полюднеть (прост.), пригожеть, (обл.), обомшеть, замшеть, одревеснеть (спец.), осопливеть (прост.), очертеть (прост.),

осточертеть, (разг.), оторопеть (разг.), ороговеть (спец.), закоренеть, укоренеть, издыряветь (прост.), продыряветь (разг.), уцелеть, присмиреть, затраветь, остеклеть, одряблеть (прост.), опаскудеть (прост.) и около ста образований с приставкой обез—типа: обезлюдеть, обезлошадеть, обезводеть.

2. Приставочные глаголы, при которых имеются параллельные бесприставочные, но они с ними несоотносительны по виду: выболеть, изболеть, наболеть, поболеть, проболеть, заболеть, выпотеть, отпотеть, попотеть, припотеть, перепотеть, заалеть, зажелтеть, затяжелеть, зажиреть, отжиреть, закраснеть, зазеленеть, заголубеть, замертветь, запестреть, запустеть, зарозоветь, забелеть, засветлеть, просветлеть, засереть, засинеть, зарябеть, затемнеть, затлеть, зачернеть, заиметь, насыреть, подсыреть, понаториеть, поднаториеть, попреть, оздороветь, поржаветь, перержаветь, оторжаветь, перечерстветь, погреть, погрубеть, подледенеть, поледенеть, подплесневеть, помелеть, понаглеть, протрезветь, прояснеть, прояснéть, просветлеть, перестареть, поустареть, растолстеть, совладеть, сожалеть, суметь, возыметь.

Все эти глаголы не образуют формы несовершенного вида путем суффиксации. Наличие такого большого количества слов совершенного вида, не имеющих соотносительных форм по виду, можно объяснить целым рядом причин:

1. Расхождением в значении приставочных и бесприставочных форм: овладеть и совладеть (обл.), пустеть и запустеть, тяжелеть и затяжелеть (обл.), чернеть и зачернеть.

2. Заимствованием форм литературным языком из диалектов, где они имеют либо только форму совершенного, либо обе формы вида, но более употребительной является форма совершенного вида. Ср.: опаскудеть, осопливеть (прост. вульг.), очугунеть, пригожеть, оторопеть, заробеть, опростеть, одряблеть, перетонеть.

3. Развивающимся переносным употреблением, что укрепляет форму совершенного вида: переболеть (за спортсменов, шахматистов), наболеть (наболевший вопрос), изболеть (душой), протрезветь, зажиреть и др.

4. Особым лексическим значением глаголов, где приставки внесли значение: полного охвата действием, лишения или освобождения от чего-нибудь и др. Ср.: очертеть, осточертеть, уцелеть, присмиреть (от смирный), ороговеть, затраветь, остеклеть, одревеснеть, опостылеть, остолбенеть, обездолеть, обезлюдеть, обезволеть и др. образования с обез-.

5. Отсутствием в современном языке форм бесприставочных глаголов к словам: замшеть, обомшеть, переколеть, поколеть, обалдеть, полоднеть, оторопеть, укоренеть, издыряветь, продыряветь, уцелеть.

6. В ряде случаев специальным результативным значением в сочетании с приставкой и аффиксом- ся:

раскраснеться
уразуметься
разболеться
раздобреться
завиднеться
засветлеться
засинеться
затемнеться
зачернеться
наглазеться
разжиреться
стемнеться
заглазеться
забелеться
зажелтеться
запестреться
закраснеться
зардеться
изболеться
вызвездеться.

ГЛАГОЛОВ ВТОРОГО ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ТОЛЬКО ФОРМУ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА,

в современном русском языке только 70 (в это число входят и образования от прилагательных со значением цвета с аффиксом -ся (типа чернеться).

Все они бесприставочные для современного языка. По образованию видовых форм их можно легко разделить на две части: 1. глаголы, которые в современном языке не имеют никаких параллельных образований совершенного вида, и 2. глаголы, при которых образуются формы совершенного вида, но «невидовые», как их назвал А. М. Пешковский[1], т. е. несоотносительные по виду. К первой относятся глаголы: багрянеть, благоговеть, ветренеть, виднеться, довлеть, гуняветь, жаднеть, саднеть, сапатеть, строптиветь, юнеть, рогатеть, сытеть, спесиветь, кислеть, пламенеть, убожеть, угрюметь, вожделеть, хохлатеть, цынготеть, штилеть, юродеть, сожалеть, ведренеть.

Ко второй: болеть, глазеть, говеть, разуметь, разуметься, рдеть, рдеться, сквернеть, волосатеть, спеть, уметь, тлеть, млеть, иметь, матереть, пестреть, мерзеть, вдоветь, новеть, ведренеть,

---

[1] А. Пешковский. «Русский синтаксис в научном освещении», 1938 г., стр. 123.

грязнеть, дюжеть, желтеться, чернеться, белеться, сереться, краснеться и подобные.

В первую группу входят:

1. Устаревшие слова, выходящие из употребления, и слова книжные: вожделеть (кн.), довлеть (ц- сл., книж., уст.), убожеть (уст.), благоговеть (высок.), пламенеть (кн.), юнеть (кн.).

2. Слова из диалектов, которые не дали в литературном языке других образований: юродеть, рогатеть, гуняветь, трухлеть, ветренеть, саднеть, сапатеть.

3. Слова просторечные: цынготеть, кислеть, сытеть, спесиветь.

4. Слова разговорные: жаднеть, хохлатеть, строптиветь, угрюметь.

Вторая группа этих глаголов значительно бо́льшая по количеству и разнообразнее по своему качеству. Она охватывает около пятидесяти глаголов, в основном отыменных (от прилагательных и существительных); к ним примыкают и «первообразные» глаголы типа: греть, тлеть; сюда же относятся глаголы, обозначающие «каким виднеться по цвету» (типа желтеться, краснеться). По стилистической окраске слова этой группы не отличаются от первой.

ГЛАГОЛОВ, КОТОРЫЕ НЕ ИМЕЮТ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ К ОДНОМУ ИЛИ НЕСКОЛЬКИМ СВОИМ ЗНАЧЕНИЯМ,

во втором продуктивном классе сравнительно немного. Объясняется это, возможно, тем, что вообще многозначных слов среди них немного. Отсутствие видовой корреляции обычно встречается к одному из значений; только в глаголах болеть, греть, обмелеть — к нескольким. Не имеют видовых соотношений:

1. Глаголы со значением «виднеться в определенном цвете» (с-ся и без-ся). Ср: *Чернеется* никнущий лес в убранстве из листьев увялых. А. Блок, Стихи. Перед тобой *синеют* без границы моря, поля и горы, и леса. А. Блок, т.. 1.

2. Глаголы, обозначающие состояние или становление. *Краснеть* в значении: стыдиться. Мне за тебя приходится краснеть. *Тускнеть* (при переносном употреблении). Содержание спора все больше тускнеет. Салтыков-Щедрин. *Жалеть* в значении: любить (обл.). Вот тебе приемыш, *жалей* да жалуй. К. Федин, Первые радости. *Потеть* (в переносном употреблении: трудиться над чем-нибудь долго и упорно (прост.). Чтоб даром не потели мы по одному, по два — колхозами, артелями объединись, братва. (Маяковский, Урожайный марш): *Хорошеть* (становиться лучше, прекраснее, величественнее (высок.) Москва *хорошеет* с каждым днем.

ГЛАГОЛОВ, СОЧЕТАЮЩИХ В ОДНОЙ ФОРМЕ РАЗЛИЧНЫЕ ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ.

среди продуктивных глаголов на *-еть* только один: *уметь*. Вид его определяется по контексту. Приведем примеры: 1. «*Умел* судить о том, как государство богатеет», Пушкин. 2. «Был в душе тряпкой и не *умел* отказываться», Чехов. В обоих случаях глагол *уметь* имеет значение: быть (или не быть) в состоянии что-то делать. Сочетается он с глаголами несовершенного вида: *судить* и *отказываться*. 3. «*Умел* ошибиться, умей и поправиться», пословица. 4. «Какою ворожбой *умел* к ней в сердце влезть!» Грибоедов.

Здесь *умел* имеет значение *смог*, выражает действие с его результатом. Сочетается глагол со словами совершенного вида: *ошибиться, влезть*.

Таким образом, в первых двух примерах глагол *уметь* употреблен в несовершенном виде, в последующих — в совершенном.

Интересно отметить и то, что такое совмещение в одной форме двух грамматических значений возможно здесь только в форме прошедшего времени.

ВЫВОДЫ

Глаголы второго продуктивного класса по образованию видовых корреляций неодинаковы, среди них имеющие видовое соотношение составляют 52%, не имеющие его — 48%. Глаголов, которые употребляются только в совершенном виде, — 32%, только в несовершенном — 16%.

Основным способом образования видовой корреляции в глаголах второго продуктивного класса является префиксация, в которой участвуют приставки *о-, по-, за-*. Многоступенчатое образование видов им почти не присуще.

Отмечается наметившееся развитие суффиксального образования вида после префиксального с грамматикализованным префиксом.

В глаголах второго продуктивного класса возможно выделение особой функции приставки — стилистической.

Дагестанский государственный университет им. В. И. Ленина
Историко-филологический факультет

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ том IV, вып. 1-й

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЕМИНАР ПО МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ДАГЕСТАНСКОЙ НЕРУССКОЙ ШКОЛЕ

О. Я. ПРИК

1.

ВВЕДЕНИЕ

В «Законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» указано на необходимость «улучшить подготовку учителей в педагогических институтах и университетах». Дальнейшее развитие университетского образования в стране должно идти по линии сближения обучения в вузе с производственной практикой.

В целях углубления профессиональной подготовки будущих учителей в период их обучения в педагогических институтах и университетах необходимо осуществить ряд мероприятий. В первую очередь, следует улучшить общепедагогическую и методическую подготовку, а также постановку педагогической практики студентов в школах.

Настоящая статья является первой из предполагаемого цикла статей, задуманного нами и посвященного проблемам организации педагогической практики и улучшения методической подготовки учителей русского языка для дагестанских нерусских школ.

Учителя русского языка должны научить школьников-дагестанцев самостоятельно читать, выражать на русском языке свои мысли, привить им знание основ русской грамматики, воспитывать любовь к русской литературе и русскому языку, который стал для всех граждан СССР вторым родным языком.

Успех работы учителя в осуществлении этих задач во многом зависит не только от его теоретической и практической подготовки по русскому языку, но и от педагогического мастерства,

от той методической подготовки, которую будущий учитель получает в вузе.

Методическая подготовка специалистов в вузах с педагогическим уклоном может быть осуществлена не только в курсе методики, на который отводится недостаточное количество часов.

Большое значение в расширении методического кругозора студентов могут иметь спецсеминары по методике, которые учебными планами не предусмотрены.

Однако подобные спецсеминары в некоторых педагогических институтах проводятся (например, в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, в Елецком педагогическом институте и в др.) и по заключениям методистов «вооружают студентов умением решать труднейшие вопросы курса русского языка в практике работы школы» (Е. А. Баринова)[1], «углубляют специальную подготовку учителей» (И. А. Фигуровский)[2].

Опыт постановки спецсеминара по методике русского языка в *национальном педвузе* автором данной статьи освещен на страницах журнала «Русский язык в национальной школе»[3].

В данной работе ставится цель на основе обобщения нашего опыта помочь преподавателям национальных вузов с педагогическим уклоном в проведении спецсеминаров по методике русского языка, в организации самостоятельной работы студентов в спецсеминарах.

В связи с этим в первой части статьи описываются задачи и значение спецсеминара, указывается распределение времени и некоторые особенности организации работы в данном спецсеминаре.

Вторая часть статьи содержит методические указания к темам студенческих докладов в спецсеминаре: намечаются основные проблемы докладов, их примерные планы и обязательная литература по всем вопросам спецсеминара.

В 1955/56 учебном году мы впервые в практике Дагпединститута (ныне университета) провели на русско-дагестанском отделении историко-филологического факультета[4] спецсеминар по методике преподавания русского языка в дагестанской нерусской школе для студентов кумыкской группы. В 1956/57 учебном году подобный спецсеминар был проведен в смешанной группе, со студентами кумыками и аварцами совместно.

Это способствовало расширению лингвистического кругозора студентов, помогло им осознать особенности грамматического

---

1 «Русский язык в школе», № 4, 1954 г., стр. 86.

2 «Русский язык в школе», № 4, 1956 г., стр. 94.

3 «Русский язык в национальной школе», № 2, 1958 г., стр. 88.

4 Русско-дагестанское отделение ДГУ готовит преподавателей русского языка для различных школ Дагестанской АССР: аварской, кумыкской, лезгинской, даргинской и др.

строя не только русского и своего родного языка, но и второго дагестанского языка, что необходимо преподавателям русского языка в дагестанской школе со смешанным составом учащихся[1].

Спецсеминар проводился по теме:

«Методика преподавания русского имени существительного в дагестанской нерусской школе (V класс)»

Выбор данной темы обусловлен тем, что правильное разрешение вопросов методики преподавания имени существительного важно для преподавания многих других тем не только в морфологии, но и в синтаксисе. К тому же студенты во время педагогической практики сами давали уроки по имени существительному, и эта тема представляла для них известный интерес.

Задачи спецсеминара по методике состоят в том, чтобы:

1. Улучшить методическую подготовку студентов, лучше подготовить их по одному из вопросов частной методики преподавания русского языка в нерусской школе.

2. Более детально проанализировать материал программы и учебников по теме «Имя существительное», установить имеющиеся между ними расхождения в объеме и последовательности изложения материала и дать будущим учителям конкретные указания к работе по учебнику.

3. Изучить методическую литературу и опыт учителей по данному вопросу.

4. Научить студентов использовать сопоставления с родным языком при обучении русскому языку нерусских детей.

5. Составить методические разработки по теме «Имя существительное» для 5 класса нерусской школы.

Значение спецсеминара по методике преподавания русского языка в дагестанской нерусской школе заключается, с нашей точки зрения, в том, что он проводится не только в чисто методическом плане, но и в теоретическом.

В Дагпединституте, в противоположность другим национальным педвузам, не читался курс сопоставительной грамматики русского и родных языков. С вопросами сопоставительной грамматики студенты знакомились частично в курсах родного языка, методики и в спецсеминаре по методике русского языка. Это давало им возможность лучше осмыслить тему спецсеминара в грамматическом плане, установить особенности грамматического строя русского языка по сравнению с родным языком учащихся, понять причины многих ошибок учащихся и найти пути их предупреждения и исправления.

Спецсеминар проводился на IV курсе, после того, как студенты прослушали теоретический курс методики преподавания русского языка в нерусской школе, выполнили ряд самостоя-

тельных работ на практических и лабораторных занятиях, ознакомились с опытом работы лучших учителей и сами прошли две педагогические практики. Это давало возможность студентам при подготовке докладов в спецсеминаре, помимо использования методической литературы по данному вопросу, учесть и опыт передовых учителей в построении уроков русского языка и свой, хотя и небольшой, педагогический опыт.

План спецсеминара

1. Вводная беседа о задачах спецсеминара и об организации работы. Распределение тем докладов и содокладов и указание литературы . . . . . 2 часа.
2. Доклад на тему: «Преемственность в работе над темой «Имя существительное» в 3-х, 4-х и в 5-х классах . . . . . 2 часа.
3. Доклад на тему: «Изучение значений имен существительных в 5 классе» . . . . . 1 час.
4. Доклад на тему: «Изучение собственных и нарицательных существительных» . . . . . 1 час.
5. Доклад на тему: «Изучение одушевленных и неодушевленных существительных» . . . . . 2 часа.
6. Доклад на тему: «Изучение рода имен существительных». Содоклад: «Приёмы определения рода» 4 часа.
7. Доклад на тему: «Изучение суффиксов имен существительных» . . . . . 2 часа.
8. Доклад на тему: «Изучение множественного числа имен существительных» . . . . . 2 часа.
9. Доклад на тему: «Изучение склонения имен существительных» . . . . . 2 часа.
10. Доклад на тему: «Изучение значений именительного падежа и родительного падежа без предлогов» 2 часа.
11. Доклад на тему: «Изучение винительного, дательного и творительного падежей без предлогов». . 2 часа.
12. Доклад на тему: «Изучение значений винительного и предложного падежей с предлогами». . . 2 часа.
13. Доклад на тему: «Изучение значений родительного и творительного падежей с предлогами». . 2 часа.
Содоклад: «Приемы определения падежей при грамматическом разборе» . . . . 2 часа.
14. Доклад на тему: «Выработка навыков правописания падежных окончаний имен существительных» 2 часа.
Анализ текстов диктантов, упражнений, наглядных пособий, составленных к данной теме . 2 часа.
15. Доклад на тему: «Словарная работа в связи с изучением имени существительного» . . . . . 2 часа.

16. Доклад на тему: «Развитие речи учащихся в связи с изучением имени существительного» . . . 2 часа.
17. Доклад на тему: «Изучение имени существительного в 8 классе» . . . . . 2 часа.
18. Заключительное занятие . . . . . 2 часа.

Всего 40 часов.

Тематика докладов составлена в соответствии с программой по русскому языку для 5 класса дагестанской нерусской школы, т. е. последовательно разбираются основные вопросы методики преподавания всех грамматических категорий имени существительного. Кроме того, поставлены отдельные доклады по орфографии, словарной работе и развитию речи в связи с изучением имени существительного, а также доклады, освещающие преемственность в изучении данной темы в 5 и в 8 классах.

Как строится доклад студента в спецсеминаре? В каждом докладе разбирается примерно следующий круг вопросов: сопоставление данной грамматической категории в русском и родном языке; трудности, которые возникают в усвоении нерусскими учащимися данной грамматической категории; типичные ошибки учащихся-дагестанцев; что известно учащимся по данной теме из начальной школы; способы объяснения материала по теме и виды работ для его закрепления в связи с развитием речи; наглядные пособия, которые могут быть использованы на уроках по данной теме.

Такой подход к разрешению вопросов по каждой теме в лингвистическом (теоретическом) и в методическом плане поднимает доклады на уровень методических разработок, и они, безусловно, не являются повторением того, чем студенты занимались ранее, на практических и лабораторных занятиях по методике. На практических занятиях по методике студент составляет конспекты отдельных уроков (разных типов, по разным темам школьной программы), но не дает развернутых обоснований используемых на данном этапе обучения методических приёмов и видов работ, что он должен сделать при методической разработке какой-либо темы в спецсеминаре. Подготовка доклада в спецсеминаре заставляет студента глубже вникнуть в суть разбираемого вопроса, иногда предложить внести даже некоторые изменения и дополнения в действующие программы и учебники.

Работа в спецсеминаре помогает студентам осмыслить данную тему в целом, будит их методическую мысль, учит творчески подходить к разрешению вопросов методики преподавания русского языка нерусским, что чрезвычайно важно для успешной работы учителя. Таким образом, спецсеминар по методике является завершением методической подготовки студентов, состав-

ляет важное звено в углублении профессиональной направленности обучения в педагогическом институте и в университете, готовящем учителей русского языка для средней школы.

Организация работы

Особенность организации работы в данном спецсеминаре, в отличие от спецсеминаров по другим предметам, заключается в том, что подготовка студентов к докладам ведется в двух планах: в плане теоретическом (изучение научной и методической литературы) и в плане практическом (изучение опыта преподавания данной темы в национальной школе).

В связи с этим темы докладов распределяются между студентами до выезда их в районы на вторую педагогическую практику с тем, чтобы они могли там провести необходимые наблюдения и сбор материала в школе.

Для того, чтобы обеспечить активное участие всех студентов в обсуждении докладов по всем темам, а не просто пассивное заслушивание их, в организации семинара нами предусмотрено следующее: всем студентам, помимо подготовки своего доклада, поручается к каждому занятию проанализировать соответствующие параграфы школьного учебника и прочитать методическую литературу, указанную преподавателем.

Некоторые студенты, помимо основной темы доклада (если он невелик по объему), получают дополнительные задания по подбору упражнений или текстов диктантов к докладам своих товарищей. Например, студент, который готовил доклад на тему «Изучение значений имен существительных» (в начале семинара), получил дополнительное задание подобрать два текста для обучающих диктантов на правописание падежных окончаний имен существительных I склонения (таким образом, он включается в работу и в конце семинара).

Семинар проводится 1 раз в неделю. Каждый доклад предварительно проверяется преподавателем и лишь после внесения студентами необходимых дополнений или исправлений заслушивается и обсуждается на занятии в присутствии всей группы.

Каждый студент имеет *специальную тетрадь*, в которой ведет рабочие записи: отмечает достоинства и недостатки заслушиваемого на занятии доклада, записывает возникшие у него вопросы, удачно составленные докладчиками наглядные пособия. Преподаватель ведет учет высказываний студентов, обобщает их выступления, отмечает достоинства и недостатки доклада. Так как мы работаем с нерусскими студентами, особое внимание приходится обращать на речь докладчика и выступающих, исправлять ошибки в построении предложений и в произношении. В конце каждого занятия, после обсуждения доклада, под ру-

ководством преподавателя *формулируется вывод:* на какие вопросы по данной теме необходимо обратить особое внимание, как организовать работу по данной теме, какие расхождения имеются между учебником и программой, какие упражнения необходимо провести дополнительно к тем, которые имеются в учебнике. Выводы эти коротко записывают все студенты в свои тетради.

На наш взгляд, такая форма работы в спецсеминаре полезна тем, что у студентов на руках остаются подробные методические указания к работе по данной теме. Эти записи, безусловно, помогут им лучше подготовиться и провести уроки по имени существительному в первый год их самостоятельной работы в сельских школах, где они, зачастую, не могут получить квалифицированной методической помощи.

Литература, общая ко всему семинару

При подготовке к работе в спецсеминаре все его участники должны ознакомиться со следующей литературой, общей ко всем темам:

1. «Программа по русскому языку для нерусских начальных школ Дагестанской АССР», Махачкала, 1958 г.
2. «Программа по русскому языку и литературному чтению для 5—7 классов дагестанской нерусской школы», Махачкала, 1958 г.
3. «Программа по русскому языку для I—V классов дагестанской нерусской школы (проект), Махачкала, 1959 г.
4. «Программа по русскому языку для 8—10 классов дагестанской нерусской школы», Махачкала, 1958 г.
5. Криштопа В. М., Карбаненко П. И. «Учебник русского языка», часть 1, для 5—6 классов дагестанской школы, Махачкала, 1958 г.
6. О. Я. Прик. «Методика преподавания имени существительного в V классе кумыкской школы», Махачкала, 1955 г.
7. Е. А. Баринова. «Изучение имени существительного в V классе», Ленинград, 1954 г.
8. Карбаненко П. «Справочник по русской грамматике с параллелями из дагестанских языков», Махачкала, 1954 г.

Методические указания к темам докладов

1. Преемственность в работе над темой «Имя существительное» в 3-х, 4-х и в 5-х классах.

Первый доклад является установочным. Он содержит материал о преемственности, необходимый для разрешения всех последующих вопросов спецсеминара. В докладе необходимо раскрыть значение принципа преемственности в обучении рус-

скому языку нерусских учащихся. Доклад этот посвящается анализу программ и учебников русского языка для 3-х, 4-х, 5-х классов дегестанской школы, сопоставлению их по разделу «Имя существительное» с целью установить, какие знания и навыки по имени существительному должны получить учащиеся в начальной школе, на что учитель должен опереться, проводя уроки по данной теме в 5 классе, какие вопросы программы 5 класса являются новыми. Материал этот желательно оформить в виде сопоставительной таблицы.

Так как учитель русского языка в национальной школе должен хорошо знать и программу по родному языку, докладчику следует выяснить, что известно учащимся об имени существительном в родном языке, какие знания по родному языку можно привлечь для сопоставления, чтобы нерусские школьники лучше поняли грамматические особенности русских имен существительных и научились бы пользоваться ими в самостоятельной речи.

Автор доклада не должен ограничиваться лишь анализом программ. Необходимо показать различие в методике работы по русскому языку в начальной школе по сравнению с 5 классом, показать преемственность в приемах преподавания русского языка, их усложнение в 5 классе.

Следует наметить пути осуществления преемственности: взаимопосещение уроков русского языка учителями 3-х, 4-х, 5-х классов, обмен опытом, совместные методические совещания и т. д. Желательно осветить опыт в осуществлении преемственности при работе над темой «Имя существительное» учителями той школы, где докладчик вел наблюдение.

План доклада:

1. Значение принципа преемственности в обучении русскому языку нерусских учащихся.
2. Анализ программ и учебников русского языка для 3, 4, 5 классов по разделу «Имя существительное».
3. Преемственность в методике работы над темой «Имя существительное» в начальной школе и в 5 классе.
4. Пути осуществления преемственности в обучении (на материале опыта дагестанской нерусской школы).

Литература:

1. П. В. Виноградова, В. М. Криштопа, С. М. Омаров. «Учебник русского языка для дагестанской начальной школы», книга третья, Махачкала, 1955 г.

Авторы те же. «Учебник русского языка для дагестанской начальной школы», книга четвертая, Махачкала, 1955 г.

2. Криштопа В. М. «Изучение форм согласования в роде на уроках русского языка в начальной нерусской школе», Махачкала, 1951 г.

3. Т. И. Уголькова. «Типичные ошибки в устном изложении учащихся и методы их преодоления». Сб. «В помощь учителю дагестанской нерусской школы», вып. 6. Махачкала, 1956 год.

4. Б. И. Наумов. «Преемственность в работе по русскому языку в начальной школе и в 5 классе», журнал «Русский язык в школе», № 3, 1952 г.

5. «Неотложные задачи преподавания русского языка в средней школе», журнал «Русский язык в школе», № 4, 1955 г.

6. Редозубов С. П. и Рождественский Н. С. «О преподавании грамматики и обучении орфографии в начальной школе», Москва, 1952 г.

2. Изучение значений имен существительных в 5 классе

При изучении данной темы в нерусской школе учащиеся должны усвоить определение имени существительного как части речи, научиться выделять имена существительные при грамматическом разборе.

Одной из задач работы над темой «Значение имен существительных» является обогащение словарного запаса учащихся.

В связи с этим можно предложить следующий *план доклада:*

1. Задачи изучения русского имени существительного в 5 классе национальной школы.

2. Приемы повторения сведений об имени существительном, известных учащимся из курса начальной школы и грамматики родного языка.

3. Различие в объеме сведений, сообщаемых по данной теме в 5 классе русской школы и в 5 классе дагестанской нерусской школы.

4. Виды упражнений для расширения словарного запаса учащихся в области имен существительных (составить тексты упражнений по подбору синонимов и антонимов).

5. Наглядное пособие для классификации имен существительных по значению.

Литература:

1. И. П. Иванов. «Словарная работа на уроках русского языка в 5 классе», Москва, 1954 г.

2. «Очерки по методике преподавания русского языка в азербайджанской школе» (пособие для учителей 5—7 классов), Баку, 1954 г.

3. С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. «Учебник русского языка», часть 1, для 5—6 классов средних школ, Москва, 1958 г.

3. Изучение собственных и нарицательных существительных

Так как понятие о собственных и нарицательных существительных известно учащимся из родного языка, они без особых затруднений отличают собственные имена существительные от нарицательных при грамматическом разборе. Однако в письменных работах учащихся часто встречаются ошибки в правописании заглавных букв в собственных именах существительных.

Задача учителя при работе над данной темой заключается в привитии школьникам навыков правописания собственных имен существительных.

С данной темой связывается обучение учащихся письму следующих видов деловых бумаг: доверенности, расписки, автобиографии, адреса на почтовой корреспонденции. Необходимо также научить образовывать отчества людей в русском языке, по образцу которых образуются отчества и в родных языках учащихся.

Разработке методических приемов объяснения этого материала и видов практических работ по орфографии и посвящается данный доклад в спецсеминаре.

В нем желательно осветить *следующие вопросы:*

1. Типичные ошибки учащихся в написании собственных имен существительных.

2. Методические приемы объяснения правил правописания собственных имен существительных; использование при этом сопоставлений с родным языком и наглядных пособий.

3. Использование орфографического разбора (привести текст с собственными существительными для упражнения в орфографическом разборе).

4. Образцы деловых бумаг и самостоятельное составление подобных документов учащимися.

5. Виды письменных работ активного типа для самостоятельного написания собственных имен существительных (заполнение таблицы собственных имен существительных, письменные ответы на вопросы, обучающие диктанты, составление рассказов с использованием собственных имен существительных; контрольный диктант для проверки усвоения данной темы). Привести тексты для проведения различных видов письменных работ.

Литература:

1. «Правила русской орфографии и пунктации», Москва, 1956 г.

2. С. С. Филиппов. «Обучение русской орфографии в мордовской школе», Москва, 1957 г.

3. А. Ф. Черных. «Изучение деловых бумаг в школе», журнал «Русский язык в школе», № 6, 1955 г.

4. О. Я. Прик. «Работа по привитию навыков правописания собственных имен существительных при обучении дагестанцев русскому языку», «Ученые записки Даггосуниверситета», вып. 1, Махачкала, 1957 г.

4. Изучение одушевленных и неодушевленных имен существительных

В кумыкском и в дагестанских горских языках имена существительные не делятся на одушевленные и неодушевленные, как в русском языке. В родном языке учащихся дагестанских школ вопрос «кто?» задается только к названиям людей, а к названиям животных и неодушевленных предметов задается вопрос «что?».

Нерусские учащиеся, в родном языке которых имена существительные одушевленные и неодушевленные грамматически не различаются, с трудом усваивают данные группы русских существительных. Неумение отличать одушевленные существительные от неодушевленных приводит к ошибкам в их склонении и в постановке к ним вопросов «кто?» и «что?».

В докладе необходимо осветить *следующие вопросы:*

1. Различие в постановке вопросов «кто?» и «что?» в русском и в родном языке учащихся.

2. Трудности, возникающие в связи с этим для нерусских учащихся, их типичные ошибки в употреблении вопросов «кто?» и «что?» (привести примеры ошибок в устной и письменной речи учащихся).

3. Специфика работы по данной теме в нерусской школе в отличие от русской школы.

4. Приемы объяснения различий в постановке вопросов «кто?» и «что?» в родном и в русском языке (привести образцы сопоставительной таблицы или схемы, по которой ведется объяснение).

5. Виды упражнений и виды словарной работы для привития навыков различения одушевленных и неодушевленных существительных.

Литература:

1. «Методические разработки по русскому языку для 5—7 классов средней школы», ред. С. Г. Бархударов, Москва, 1956 год.

2. С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, «Учебник русского языка», часть 1, Москва, 1958 год.

3. Некрасова А. Д. «Урок на тему: «Одушевленные и неоду-

шевленные существительные», журнал «Русский язык в школе», № 5, 1953 г.

4. «Очерки по методике преподавания русского языка в азербайджанской школе» (пособие для учителей 5—7 классов), Баку, 1954 г.

5. Изучение рода имен существительных

Одну из наибольших трудностей в овладении русским языком составляет для учащихся дагестанских школ категория грамматического рода, отсутствующая в их родном языке.

В кумыкском языке род не различается, поэтому отсутствует и согласование слов в роде. Различие в естественном поле людей и некоторых животных выражается по-кумыкски несколькими способами: лексически (*ата*—отец, *ана*—мать), синтактически (*колхозчу*—колхозник, *колхозчу-къатын*—колхозница), морфологически — в фамилиях и отчествах людей и в заимствованных из русского языка словах, обозначающих профессию (*Алиев—Алиева, учитель—учительница*).

В аварском языке имена существительные делятся на 3 класса, имеющие свои морфологические показатели: мужской, куда входят названия мужчин, женский—названия женщин и средний — названия животных и всех неодушевленных предметов. Но распределение существительных по этим классам в аварском языке не совпадает с распределением их по родам в русском языке. Особенно затрудняются учащиеся в определении рода неодушевленных существительных, т. к. они, не различаясь по естественному полу, относятся к тому или иному грамматическому роду. Нерусские учащиеся часто ошибочно отождествляют род неодушевленных существительных с естественным полом того лица, которому принадлежит данный предмет. Так, мальчики обо всех своих вещах говорят «мой»: *мой* шапка, *мой* пальто, *мой* ручка; девочки в большинстве случаев употребляют притяжательное местоимение «моя»: *моя* словарь, *моя* место.

Так как основной целью преподавания русского языка в нерусской школе является привитие учащимся практических навыков русской речи, работа над родом имен существительных не может ограничиться определением рода. Умение определить род существительного — не самоцель, оно нужно для правильного склонения существительного и для согласования с ним других слов в предложении. Поэтому необходимо постоянно прививать учащимся навыки согласования слов в роде.

В докладе, посвященном изучению категории грамматического рода имен существительных, должны быть освещены *следующие вопросы:*

1. Трудности в усвоении рода имен существительных, возникающие вследствие различий в грамматическом строе русского и родного языка учащихся.

2. Типичные ошибки учащихся дагестанских школ в определении рода имен существительных при грамматическом разборе и ошибки на согласование слов в роде при самостоятельном построении предложений по-русски.

3. Методические приемы и последовательность в изложении материала о роде имен существительных. Использование при этом сопоставлений с родным языком и знаний, полученных учащимися в начальной школе.

4. Выработка навыков согласования слов в роде.

Рассматривая вопрос об усвоении учащимися окончаний русских имен существительных, основное внимание следует уделить именам существительным, оканчивающимся на мягкий согласный.

К докладу должны быть составлены образцы наглядных пособий, упражнения в грамматическом разборе и согласовании слов в роде, творческие работы по развитию речи учащихся.

6. Приемы определения рода имен существительных (содоклад)

Цель данного содоклада — вооружить будущих учителей знанием приемов определения рода русских имен существительных.

В нерусской школе основным критерием для определения рода одушевленных существительных является их значение, а неодушевленных существительных — их окончание в начальной форме (в именительном падеже единственного числа).

Трудности вызывает определение рода имен существительных с основой на мягкий согласный.

Необходимо помнить, что приемы определения рода, выработанные школьной практикой для русских, не всегда являются эффективными в национальной школе.

Так, например, приемы замены существительного личным местоимением 3-го лица единственного числа и подстановки к существительному притяжательного местоимения оказываются в национальной школе нецелесообразными, ибо нерусский ученик правильно употребит родовую форму личного или притяжательного местоимения лишь при условии, если он будет знать род того существительного, с которым эти местоимения должны быть согласованы.

В национальной школе используются специфические приемы определения рода имен существительных с основой на мягкий согласный. Например, по справочным таблицам, по словообра-

зовательным суффиксам, по конечным согласным основы, по уменьшительным суффиксам и по окончанию в родительном падеже. Причем приемы определения рода по уменьшительным суффиксам и по окончанию в родительном падеже единственного числа могут применяться ограниченно, лишь по отношению к некоторым словам, которые школьники хорошо усвоили практически в этих формах.

Все приемы определения рода имен существительных следует рассмотреть с точки зрения целесообразности их использования в национальной школе, а также дать образцы справочных таблиц и упражнений в грамматическом разборе.

Литература:

1. Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева. «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе», Москва, 1952 г.

2. Бамматов З. З. «К методике преподавания русского и кумыкского языков в дагестанской школе», Махачкала, 1952 г.

3. Малашкина А. А. «Как я провожу изучение рода имен существительных в 5 классе кумыкской школы», сборник «В помощь учителю русского языка нерусской дагестанской школы», выпуск 4, Махачкала, 1954 г.

4. Яблонко Б. П. «Категория рода в русской грамматике и методика ее преподавания», сборник «В помощь учителю русского языка в нерусской школе», Баку, июнь 1948 г.

5. Ф. Н. Терегулов. «Изучение грамматической категории рода русского языка в 1—4 и 5—6 классах башкирской школы», сборник «Опыт работы передовых учителей нерусских школ РСФСР», выпуск 4, Москва, 1954 г.

6. А. Арсирий. «Усвоение категории рода на уроках русского языка в национальной школе», журнал «Русский язык в национальной школе», № 6, 1957 г.

7. Изучение суффиксов имен существительных

В 5 классе дагестанской нерусской школы изучаются лишь основные суффиксы имен существительных и их правописание. При изучении суффиксов имен существительных необходимо повторить тему «Состав слова», приучить школьников выделять морфемы путем сопоставления родственных слов.

С усвоением значений основных суффиксов должна сочетаться работа над усвоением их правописания, а также словарная работа, обогащение лексического запаса у учащихся. При этом необходимо соблюдать следующие методические требования: не

поручать учащимся 5 класса нерусских школ самостоятельно образовывать новые слова; вся работа по словообразованию должна вестись под руководством учителя по заранее подобранным образцам или упражнениям в учебнике.

В докладе на данную тему следует указать:

1. Приемы работы по образованию имен существительных с помощью суффиксов (особое внимание уделить уменьшительно-ласкательным суффиксам).

2. Виды упражнений и письменных работ для привития навыков правописания суффиксов имен существительных.

3. Приемы определения рода имен существительных по их суффиксам.

Литература:

1. Н. Н. Прокопович и Н. С. Поспелов. «Изучение русского языка в средней школе», морфология (материалы для учителя с краткими методическими указаниями), Москва, 1954 г.

2. Л. А. Виноградова. «Изучение морфологии в 5 классе», Ленинград, 1955 г.

3. С. С. Филиппов. «Обучение русской орфографии в мордовской школе», Москва, 1957 г.

4. Э. Мирочник. «Изучение суффиксов имен существительных в 5 классе узбекской школы», журнал «Русский язык в школе», № 3, 1954 г.

8. Изучение множественного числа имен существительных

С грамматической категорией числа имен существительных учащиеся знакомы по курсу начальной школы. Однако в образовании форм множественного числа учащиеся 5-х классов допускают много ошибок, обусловленных многообразием способов образования множественного числа, изменениями звукового состава корня, подвижностью ударения в русских именах существительных. Трудность для нерусских учащихся представляют и имена существительные, употребляемые только в единственном или только во множественном числе.

В докладе на данную тему необходимо:

1. Сопоставить способы образования множественного числа имен существительных в русском и в родном языке учащихся.

2. Описать типичные ошибки в образовании и употреблении множественного числа имен существительных, установить их причины.

3. Разработать методику преподавания темы «Множественное число имен существительных»: последовательность и приемы изложения и закрепления материала, работа над

ударением в формах множественного числа, словарная работа с существительными, употребляемыми только в одном числе, упражнения для выработки навыков согласования слов в числе.

Литература:

1. О. Я. Прик. «Преподавание темы: «Множественное число имен существительных в 5 классе кумыкской школы», журнал «Русский язык в школе», № 1, 1956 г.

2. Н. Н. Прокопович и Н. С. Поспелов. «Изучение русского языка в средней школе», Москва, 1954 г.

9. Изучение склонения имен существительных.

Учащиеся национальных школ при склонении русских имен существительных допускают много ошибок, обусловленных расхождением в системе склонения в родном и в русском языке и сложностью склонения существительных в последнем.

В кумыкском языке имеется единый тип склонения: система падежных аффиксов едина для всех имен, существительные в единственном и во множественном числе склоняются одинаково, различаются лишь фонетические варианты аффиксов в соответствии с законом сингармонизма гласных.

В аварском языке «по особенностям образования падежных форм в единственном числе различается 3 типа склонения существительных: 1. Склонение существительных среднего рода (т. е. названий животных и неодушевленных предметов) и женского рода. 2. Склонение существительных мужского рода. 3. Склонение некоторых существительных среднего рода и некоторых имен, лиц и названий народов — т. н. архаическое склонение. Во множественном числе все существительные склоняются по одному типу»[1].

В русском языке различается 3 типа склонения, определяемые грамматическим родом и системой падежных окончаний в единственном числе; во множественном числе различия между типами склонения стираются. Русское склонение сложно ввиду наличия омонимичных окончаний в разных падежах и в разных типах склонения, а также ввиду разноместности и подвижности ударения, которое при склонении имен существительных может быть постоянным на основе или на окончании или переходным с окончания на основу и, наоборот, с основы на окончание.

Программа дагестанской нерусской школы не предусматривает знакомства учащихся 5 класса с названием трех типов склонения русских имен существительных. Однако практика школ

---

[1] П. Карбаненко. «Справочник по русской грамматике», Махачкала, 1954 г., стр. 70.

показывает, что дробное изучение многих образцов склонения не способствует систематизации знаний учащихся, поэтому многие учителя дагестанских школ считают целесообразным знакомить учащихся с группировкой имен существительных при склонении на три типа не только в 8 классе, но и в 5 классе, как это делается в ряде национальных школ (азербайджанских, туркменских и других). В новом учебнике В. М. Криштопа и П. И. Карбаненко называются типы склонения: первое, второе и третье.

Задача докладчика при работе над данной темой в спецсеминаре состоит в том, чтобы, установив трудности в усвоении склонения русских имен существительных учащимися национальных школ и определив, на какие знания и навыки, полученные в начальной школе, учитель может опереться, разработать методику изучения склонения в 5 классе.

При этом надо осветить *следующие вопросы:*

1. Типичные ошибки учащихся дагестанских школ в склонении русских имен существительных и их причины.

2. Анализ материала о склонении имен существительных в программе и в учебнике для 5 класса дагестанских нерусских школ.

3. Группировка имен существительных при склонении на 3 типа (обосновать ее целесообразность, составить таблицу и упражнения для тренировки учащихся в определении типа склонения существительных).

4. Методические приемы объяснения и закрепления материала о склонении имен существительных в единственном и во множественном числе (основное внимание уделить особенностям склонения одушевленных и неодушевленных имен существительных).

5. Работа над ударением при склонении имен существительных (составить справочные списки существительных, сгруппировав их по характеру ударения при склонении).

6. Виды и тексты упражнений по данной теме.

Литература:

1. «Грамматика русского языка», ред. В. В. Виноградов, том 1, издание АН СССР, 1953 г.

2. «Очерки по методике преподавания русского языка в азербайджанской школе» (пособие для учителей 5—7 классов), Баку, 1954 г.

3. А. А. Балухин, Л. Г. Векилова, А. И. Усейнова. «Уроки русского языка в 5—7 классах азербайджанской школы», Баку, 1957 г.

4. М. А. Пузанова. «Изучение склонения существительных в 5 классе», сборник «В помощь учителю национальной школы», выпуск II, Москва, 1951 г.

10. Выработка навыков правописания падежных окончаний имен существительных

В письменных работах учащихся встречается большое количество ошибок на правописание падежных окончаний имен существительных, обусловленных смешением типов склонения, неумением определить падеж имени существительного в тексте, наличием безударных падежных окончаний, произношение которых расходится с их написанием.

Работа по привитию навыков правописания падежных окончаний имен существительных ведется на всем протяжении обучения русскому языку. В 5 классе эта работа связывается с изучением склонения имен существительных. При этом основное внимание следует уделить правописанию безударных окончаний, сопоставлению окончаний существительных с основой на твердый и мягкий согласный, правописанию падежных окончаний после шипящих, правописанию разделительного мягкого знака в падежных окончаниях *(семья—семьи, семьей, братья—братьев, площадь—площадью* и т. д.).

С методической точки зрения важно не только указать приемы объяснения того или иного правила правописания, но и разработать образцы упражнений и тексты обучающих письменных работ для закрепления данного орфографического навыка.

Доклад может быть составлен *по следующему плану:*

1. Трудности в правописании падежных окончаний русских имен существительных.

2. Типичные ошибки учащихся нерусских школ в правописании падежных окончаний русских имен существительных.

3. Система работы по привитию навыков правописания падежных окончаний имен существительных I, II и III склонения.

4. Работа над правописанием падежных окончаний во множественном числе.

Литература:

1. Филиппов С. С. «Обучение русской орфографии в мордовской школе», Москва, 1957 г.

2. Виноградова Л. А. «Изучение морфологии в 5 классе», Ленинград, 1955 г.

3. Ушаков М. В. «Изучение трудных случаев орфографии в 5 классе», Москва, 1951 г.

4. Прик О. Я., Ковтун Г. В. «Работа по орфографии в 5—7 классах дагестанской школы», сборник «Материалы II научно-методической конференции бывших выпускников ДГПИ», Махачкала, 1957 г.

11. Изучение значений падежей имен существительных без предлогов

Трудности в усвоении значений падежей и в их употреблении нерусскими учащимися обусловлены расхождением в значениях и в употреблении падежных форм, а также несоответствием глагольного управления в родном и в русском языках.

Ошибки в употреблении падежных форм русских имен существительных часто возникают под влиянием привычного для учащихся употребления падежей в родном языке. Например, по аналогии с кумыкским языком дети говорят: *У меня нет газета. В шкафу лежит пять тетрадь и три книга* (при отрицании и при числительном ставят существительное в именительном падеже, вместо родительного).

При работе над темой «Значения падежей имен существительных» в нерусской школе необходимо учитывать сходство и расхождение в значениях падежей в русском и родном языке.

Знание значений падежей имен существительных необходимо нерусским школьникам для определения падежей при грамматическом разборе, для правильного написания падежных окончаний, и, самое главное, для правильного построения предложений по-русски, ибо в нерусской школе изучение грамматики должно быть тесно связано с развитием речи учащихся.

Поэтому в двух докладах, посвященных изучению значений падежей без предлогов необходимо уделить серьезное внимание не только вопросам методики объяснения значений каждого падежа, но и видам работ по привитию учащимся умения употреблять различные падежи имен существительных в своей устной и письменной речи. Причем, объясняя значение какого-либо падежа, целесообразно начинать с тех значений, которые имеют соответствие в родном языке учащихся, а затем переходить к значениям, не свойственным данному падежу в родном языке.

План доклада:

1. Основные значения рассматриваемых в данном докладе падежей русских имен существительных в сопоставлении со значениями падежей в родном языке учащихся.

2. Типичные ошибки учащихся в определении падежей при грамматическом разборе и в самостоятельном употреблении падежных форм. Причины этих ошибок.

3. Последовательность и методические приемы раскрытия основных значений каждого падежа. Образцы наглядных пособий, применяемых при работе над данной темой. Использование сопоставлений с родным языком и переводов.

4. Наиболее эффективные упражнения в построении предложений с употреблением разных падежей имен существительных. Желательно разработать один—два примерных урока объяснения значений какого-либо падежа (по выбору докладчика).

Литература:

1. Бамматов З. З. «К методике преподавания русского и кумыкского языков в дагестанской школе», Махачкала, 1952 г.

2. Матийченко А. С. «Грамматика русского языка», часть 1, учебник для 8—9 классов нерусских школ, Москва, 1955 г.

3. Л. Л. Линховоин. «Изучение падежей русского языка в бурят-монгольской школе», сборник «Из опыта преподавания русского языка в национальной школе», Москва, 1957 г.

4. Е. Н. Соколова. «Очерки по методике фонетики и грамматики русского языка в туркменской школе», Туркмен-учпедгиз, Ашхабад, 1956 г.

12. Изучение значений падежей с предлогами

Усвоение русских предлогов и употребление их с определенными падежами представляет большие затруднения для нерусских учащихся, обусловленные различием в грамматическом строе русских и дагестанских языков: в русском языке предлоги служат для связи слов в предложении, дополняют и уточняют значения падежей; в кумыкском и в дагестанских горских языках предлоги отсутствуют. Значения русских предложных конструкций выражаются в этих языках падежными аффиксами или сочетанием существительного с послелогами или служебными именами. Учащиеся допускают много ошибок в употреблении предлогов, в правильной постановке требуемого падежа после предлога, смешивают предлоги с приставками, неверно пишут и произносят предлоги.

Описывая методику работы по теме «Употребление падежей с предлогами» докладчик должен:

1. Установить причины ошибок учащихся в употреблении падежей с предлогами и привести классификацию типичных ошибок.

2. Наметить систему изучения падежей с предлогами в 5 классе, указать, в какой последовательности целесообразно объяснять значения падежей с предлогами, как научить детей отличать предлоги от приставок, какие сопоставления с родным языком при этом применить в каждом отдельном случае, какие приемы работы использовать для усвоения учащимися каждого падежа с предлогами.

3. Привести образцы грамматических таблиц, схем для повышения сознательности в усвоении теоретических сведений о предлогах и образцы упражнений, творческих работ и картин для развития речи нерусских учащихся в связи с изучением русских предложных конструкций.

Литература:

1. Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков, Н. З. Бакеева. «Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе», Москва, 1952 г.

2. Пузанова М. А. «Изучение склонения существительных в 5 классе кабардинской школы» (раздел «Употребление падежей с предлогами»), сборник «В помощь учителю национальной школы», выпуск 2, Москва, 1951 г.

3. Пенс М. М. «Учет некоторых особенностей даргинского языка в обучении русскому языку», сборник «В помощь учителю русского языка и литературы дагестанской нерусской школы», выпуск 6, Махачкала, 1956 г.

4. Малакшинов П. И. «Очерки по методике преподавания морфологии русского языка в бурят-монгольских школах», Улан-Удэ, 1951 г.

5. Б. Есаджанян. «Изучение в армянской школе предлогов и предложных конструкций родительного падежа», журнал «Русский язык в национальной школе», № 6, 1957 г.

13. Приемы определения падежей имен существительных (содоклад)

Целью данного содоклада является обобщение применяемых в школьной практике и описанных в методической литературе приемов определения падежей имен существительных с точки зрения целесообразности их использования в национальной школе. Особое внимание надо обратить на приемы, служащие для различения падежей-омонимов, в определении которых учащиеся допускают много ошибок.

При грамматическом разборе следует приучать школьников к правильной постановке вопросов к именам существительным не изолированно, а от управляющего слова в предложении.

В правильном разрешении этих вопросов докладчику поможет изучение опыта национальной школы и критическое использование следующей методической *литературы:*

1. Зарецкий А. И. «Как при разборе определять падежи существительных», журнал «Русский язык в школе», № 5, 1948 г.

2. Зыкин В. Н. «О применении вопросов при изучении падежей», журнал «Русский язык в школе», № 2, 1954 г.

3. Палей И. Р. «О применении «вопросов» в школьном преподавании грамматики», журнал «Русский язык в школе», № 5, 1956 г.

4. Соколова Е. Н. «Очерки по методике фонетики и грамматики русского языка в туркменской школе», Ашхабад, 1956 г.

14. Словарная работа в связи с изучением имени существительного в 5 классе

Чтобы научиться самостоятельно пользоваться книгой, говорить и писать по-русски, учащиеся национальных школ должны, помимо усвоения грамматики, овладеть «строительным материалом» русского языка — его словарным составом.

Одной из задач обучения русскому языку в школах национальных республик и областей является обогащение словарного запаса учащихся. Перед учителем встает ряд трудностей в осуществлении этой важной задачи. Программа указывает количество слов, подлежащих усвоению в каждом классе, но не определяет качественный состав словаря. Словари—минимумы для 5—7 классов дагестанских школ пока еще не составлены, поэтому учитель сам должен определить тот круг новых слов, которые необходимо ввести в активный словарь учащихся в связи с изучением программного материала по грамматике.

Учащиеся должны усвоить значение, произношение и правописание русских слов, а также научиться употреблять их самостоятельно. Поэтому словарная работа тесно связана в процессе обучения русскому языку с работой по грамматике, по орфографии и развитию речи. Серьезное внимание следует уделить работе над произношением, особенно тех звуков, которые отсутствуют в родном языке учащихся данной национальности.

В докладе на спецсеминаре по методике русского языка в национальной школе необходимо осветить следующие вопросы словарной работы:

1. Значение словарной работы на уроках русского языка в нерусской школе.

2. Связь словарной работы с изучением грамматики, орфографии и с развитием речи учащихся.

3. Характеристика словарного материала по теме «Имя существительное» в учебнике грамматики русского языка для 5 класса школ данной национальной республики.

4. Содержание и формы словарной работы при изучении отдельных разделов темы «Имя существительное», например, по разделу «Значение имен существительных», «Род имен существительных», «Единственное и множественное число», «Суффиксы имен существительных» и др.

5. Приемы объяснения и закрепления новых слов, рекомендуемые в национальной школе.

6. Образцы наглядных пособий, используемые в процессе словарной работы: тематические списки слов, классификация существительных по значению, списки существительных, употребляемых только в одном числе и т. д.

Литература:

1. Иванов П. П. «Словарная работа на уроках русского языка в 5 классе», глава «Имя существительное», Москва, 1954 г.

2. Чистяков В. М. «Упражнения по развитию русской речи учащихся 5—7 классов нерусских школ», пособие для учителей русского языка, часть II, Москва, 1957 г.

3. Мальцева К. В. и Лебедев А. М. «Словарная работа в национальной школе», Москва, 1954 г.

4. «Очерки по методике преподавания русского языка в азербайджанской школе», раздел «Словарная работа», Баку, 1954 г.

5. Баснева А. Т. «Содержание и методика работы по русскому языку в 5 классе осетинской школы», сборник «Родной и русский языки в школах Северного Кавказа», Москва, 1955 г.

6. Татаренко В. А. «Словарная работа на уроках русского языка и литературного чтения в 5—7 классах нерусской школы в практике моей работы», сборник «В помощь учителю русского языка нерусской дагестанской школы», выпуск 2, Махачкала, 1950 г.

7. Виноградова П. В. «Учет речевых ошибок учащихся и работа по привитию навыка правильного произношения в нерусской дагестанской школе», сборник «В помощь учителю русского языка нерусской дагестанской школы», выпуск 2, Махачкала, 1950 г.

15. Развитие речи учащихся в связи с изучением имени существительного

Основная цель обучения русскому языку в национальных школах — всемерно развивать устную и письменную речь учащихся, научить их практически пользоваться своим вторым родным языком, т. к. язык есть «важнейшее средство человеческого общения».

В работе по развитию речи намечается 2 задачи:

1. Обогащение словарного запаса учащихся (усвоение значений русских слов, их произношения и правописания).

2. Работа над предложением (правильное изменение слов и соединение слов в предложения) и связной речью (ответы на вопросы, изложение, сочинение, составление докладов, деловых бумаг и т. д.).

При выполнении данного доклада следует проанализировать программные требования по развитию речи по классам и установить, какие виды работ целесообразно проводить для привития нерусским учащимся практических навыков употребления русских имен существительных.

Следует указать ошибки учащихся данной национальности в устной и письменной речи в употреблении имен существительных: ошибки лексического и грамматического характера; наметить пути преодоления типичных ошибок.

Докладчик должен привести примерные разработки по развитию речи по какому-либо одному разделу темы «Имя существительное», например, «Род имен существительных», «Значение падежей имен существительных»: описать методику работы, примерные тексты, образцы картин, вопросы для изложения по ним и т. д.

Литература:

1. Добромыслов В. А. «Развитие речи в связи с изучением грамматики», Москва, 1954 г.

2. Баринова Е. А., Виноградова Л. А., Дегтяревская Н. Н. «Воспитание культуры речи», Ленинград, 1955 г.

3. Чистяков В. М. «Развитие русской речи учащихся национальных школ». Лекция для учителей, Москва, 1956 г.

4. Пушкарева М. П. «Сочинение по картинке как средство развития речи учащихся», сборник «В помощь учителю русского языка в нерусской дагестанской школе», выпуск 4, Махачкала, 1954 г.

5. Дымникова Л. Н. «Мой опыт работы по развитию речи учащихся в 5 классе», сборник «В помощь учителю русского языка нерусской дагестанской школы», выпуск 4, Махачкала, 1954 г.

6. Погорельская Л. Г. «Как я работаю над развитием устной речи учащихся», сборник «Опыт дагестанской школы», выпуск 1, Махачкала, 1941 г.

16. Изучение имени существительного в 8 классе

Изучение имени существительного в национальной школе не заканчивается в 5 классе. Повторение данной части речи необходимо при изучении глагола в 5—6 классе, при изучении имени прилагательного, числительного, местоимения в 6 классе, главных и второстепенных членов предложения в 7 классе. Кроме того, имя существительное как часть речи вновь изучается в систематическом курсе грамматики в 8 классе национальных школ. Работа над темой «Имя существительное» в 8 классе строится

по принципу преемственности, более расширенно и углубленно, на более сложном лексическом материале.

Задача докладчика состоит в следующем:

1. Сопоставив программы по русскому языку для 5 и 8 классов, установить, какие новые грамматические сведения и практические навыки по имени существительному получают учащиеся в 8 классе нерусской школы.

2. Спланировать повторение и объяснение нового материала по теме «Имя существительное» в 8 классе (составить тематический план работы учителя по данной теме).

3. Наметить методические приемы работы по новым разделам данной темы в 8 классе, например по разделам «Словообразование имен существительных», «Несклоняемые имена существительные», а также указать методику повторения и углубления материала по разделам, изучавшимся в 5 классе, например, «Род имен существительных», «Одушевленные и неодушевленные имена существительные» и др.

4. Дать разработку 1—2 примерных уроков в 8 классе дагестанской нерусской школы по теме «Имя существительное» (по выбору докладчика).

Литература:

1. Текучев А. В. «О преподавании русского языка в 8, 9, 10 классах нерусской школы», Москва, 1950 г.

2. Виноградова П. В. «Русский язык в старших классах», сборник «Кумухская средняя школа» (из опыта работы), Махачкала, 1951 г.

3. З. Фокина. «Проведение словарной работы в старших классах», журнал «Русский язык в национальной школе», № 1, 1958 г.

4. Попова Е. Д. «Словарная работа на уроках русского языка в 8—10 классах нерусской школы в практике моей работы», сборник «В помощь преподавателю русского языка дагестанской школы», Махачкала, 1951 г.

5. Ионова И. Л. «Опыт моей работы по развитию речи учащихся в старших классах нерусских школ», сборник «В помощь учителю русского языка нерусской дагестанской школы», Махачкала, 1950 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Студенты проявляли большой интерес к спецсеминару, лучшие доклады были включены в план работы студенческого научного кружка при кафедре русского языка и заслушаны студентами не только четвертого, но и младших курсов.

Занятия в спецсеминаре по методике преподавания русского языка в национальной школе улучшают методическую подготовку будущих учителей и прививают им опыт исследовательской работы в области методики — в этом их несомненная польза.

Учитывая вышеизложенное, мы считаем целесообразным проведение подобных спецсеминаров во всех нерусских вузах с педагогическим уклоном.

Поэтому позволим себе предложить включить спецсеминары по методике преподавания русского языка в учебные планы вузов, готовящих педагогические кадры для средних школ национальных республик и областей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джавадов Г. А. Пути поднятия колхозного производства до уровня общенародного производства 3
Батырмурзаев М. Т. О диалектике содержания и формы . . 26
Гайдаров М. Г. Диалектический материализм об объективном характере необходимости в природе и обществе 46
Алиев А. И. Из исторического прошлого даргинцев 71
Бабаев А. М. Патриотизм трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) 89
Летифов А. Л. Коренизация аппарата и вовлечение кадров в промышленность в первые годы Советской власти в Дагестане 120
Омаров Б. Ш. Борьба колхозников Дагестана за подъем общественного животноводства в годы третьей пятилетки 139
Симонов С. С. Студенческое движение в Киевском университете в период революционной ситуации 1859—1861 гг. 158
Фарбер Б. С. Горький и Кавказ 190
Мелик-Саркисова Н. В. Роман А. Барбюса „Ясность" и антивоенная тема во французской литературе двадцатых годов . 205
Журавлев И. К. Советская литература в оценке прогрессивной прессы США 224
Гайдаров Р. И. К вопросу о гласных звуках в лезгинском языке 244
Судакова Н. Я. О некоторых принципах построения русского букваря дагестанской школы 254
Скупский Б. И. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке 264
Лихтман Р. И. К вопросу о вокализме Московского просторечия в XVIII веке 281
Шершнева М. С. Особенности грамматической структуры глаголов второго продуктивного класса 304
Прик О. Я. Специальный семинар по методике преподавания русского языка в дагестанской нерусской школе 326

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ IV

Редактор *А. Абилов*

Техн. редактор *В. Науменко* Корректор *М. Хехнева*

Сдано в набор 8/VI 1959 г. Подписано в печать 22/II 1960 г.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 11,0. Печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 21,25. СО 2354.
Заказ 403. Тираж 1500. Цена 12 руб. 75 коп. Переплет 1 руб.

Дагестанское книжное издательство Министерства культуры ДАССР
Махачкала, ул. Маркова, 55.

Типография «Красный Восток» Министерства культуры Азербайджанской ССР.
Баку, ул. Азиз Асланова, 80.

13 руб. 75 коп.